

Надежда Трубникова, Данила Филимонов

ДЕВУШКА И ЗМЕЙ

Лекарские повести

Под редакцией Ильи Оказова

В мире, где есть чудеса и чародеи, жители всё равно болеют. А значит, нужны больницы и врачи. И даже в век электричества и пара, когда на подмогу чуду приходит наука, дело по-прежнему в основном зависит от людей. А ещё от орков, мохноногов и других — ведь свои школы врачевания есть у разных племён.

Повести из жизни лекарей Первой городской лечебницы города Ларбара.

Мастер Харрунга, лекарь из Приозёрья	2
Часть первая. Пиши, пиши.....	2
Часть вторая. Какая же это любовь?	27
Часть третья. Всплывает	49
Часть четвертая. Из породы обреченных	75
Письма Тагайчи Ягукко	102
Девушка и Змей	110
Богу скучно.....	110
Отцу уже шестьдесят	126
Не нужно	148
Общность лекарской судьбы.....	166
Это она	184
Всё сие могло быть.....	207
Ранний снег.....	234
Я всё устроил	262
Год скоро кончится	293

Мастер Харрунга, лекарь из Приозёрья

Весна-зима 1118 года Объединения

Часть первая. Пиши, пиши...

До чего же дождливой выдалась весна! Пока добрался до дома — сухой нитки не осталось. Тамми тут же крик подняла: опять без зонта, сейчас весь пол загадишь, сырость разведешь! Ну что поделать, зонты я всегда забываю там, где положу, могла бы уж и привыкнуть за столько лет... Нет, дорогая, ужинать не буду, надо еще поработать... Только чаю... Хорошо-хорошо, сам заварю... Семеро, да угомонишься ты, наконец!.. Дверь в комнате хлопнула. Ушла. На кухню, с соседками потрепаться. Вот и славно, может, хоть с мыслями соберусь.

Итак, с отчетом тянуть более нельзя. Эх, и угораздило же кого-то из моих новых коллег связаться с этим сбродом. Не станем уточнять, Харрунга, кого, с кем и когда угораздило связаться. Давай-давай, делай, что тебе говорят. По словам господина сотника, сведения стали посту-пать где-то с Новогодья. Кто-то из сотрудников лечебницы тесно связан с тайным обществом... Не важно, назовем его просто Обществом...

«Вы здесь недавно, мастер Харрунга. Не мне вас учить, но попробуйте для начала изложить свое мнение о тех, с кем работаете. Вы ведь Ларбарский университет заканчивали, наверняка встретите старых знакомых. Словом, все, что сможете узнать! Особенное

внимание обратите на лиц с учеными (то бишь с врачебными) разрядами хирургических отделений.»

Обаятельнейший человек. Посмотришь — ни за что не скажешь, что в Службе Безопасности работает.

На запрос господина сотника от 12 числа месяца Безвидного 1118-го года считаю нужным сообщить нижеследующее.

Ларбарская университетская лечебница рассчитана на 330 человек, состоит из четырёх основных зданий и ряда вспомогательных строений. Имеет 12 отделений, из них: два общих хирургических отделения (1-е и 2-е х/о) по 25 койко-мест, одно хирургическое отделение (3-е х/о) для больных с повреждениями головы, костей скелета и мягких тканей — на 30 мест, одно отделение для недужных с нагноительными заболеваниями на 35 мест (4-е х/о). Все хирургические отделения расположены в 1-м здании, трехэтажном, с пристроенным двухэтажным крылом. В этом здании, наряду с вышеперечисленными, имеется также отделение для тяжелых больных (ОТБ) — 15 коек и три операционных зала.

2-е здание также насчитывает три этажа и одноэтажную пристройку, где находится приемно-диагностическое отделение. Этажи основного здания отведены под отделения внутренних болезней — по 30 коек каждое.

3-е здание имеет два этажа, на первом располагается отделение женских болезней и родовспоможения, на втором — детское отделение (каждое по 30 коек). Кроме того, на первом этаже имеется малая операционная и четыре родильных зала.

4-е здание — также двухэтажное, отведено для заразных больных — по 25 коек на каждом этаже.

Помимо этого, при лечебнице находятся кухня (отдельное одноэтажное здание), помещение для мертвых тел с обширным ледником в подвале и ряд хозяйственных построек, среди которых следует выделить склад с прачечной, аптеку, каретный сарай с конюшней и ремонтную мастерскую.

Так и представляю себе, как начальник мой читает и хмурится, недовольно закусывая ус. Чего это Харрунге вздумалось так подробно излагать общедоступные сведения? Нет уж, позвольте, господин мой сотник, служебная записка должна быть составлена по всем правилам. Однако себе-то я могу признаться: все это крючкотворство имеет целью лишь одно — оттянуть подальше необходимость перейти к главному. А ведь придется, Харрунга, как ни крути...

Тамми, как бы невнимательна она ни была ко мне, давно уже заметила или, может, бабьим своим чутьем поняла, насколько ее супруг сам себе временами бывает противен. Потому я и в зеркало стараюсь не глядеть лишней раз — ничего хорошего оно мне не покажет. А ведь скажи мне о таком кто-нибудь пятнадцать лет назад, когда я только в Университет приехал поступать, — ни в жизнь бы не поверил. Это я-то, покинувший, наконец, свое захолустье, из-под родительской опеки вырвавшийся и тотчас заделавшийся первым на

потоке балагуром и выдумщиком?! Да что вы, люди добрые! Да-а, выдумщик-забавник, с забав-то все и началось...

Было это на третьем году учебы. Новомесячье Премудрой — чудесный праздник для всех школяров. И не по соображениям старинной набожности, а потому, что нашему брату лишь бы повод был собратиться, а тут — зима на носу, скоро снег выпадет, и так хорошо посидеть у теплой печки, в доброй компании байки потравить, водочкой угоститься. Водочкой — не водочкой, а спирт у нас в тот вечер был. Я его на практике из лечебницы стянул — не все же им инструменты обрабатывать, пусть не пользе, так веселью послужит. И не то чтобы мы тогда сильно упились, просто Мулли всегда так смеялся — не смеялся, а хрюкал. Тут-то в мою дурную голову мысль и пришла. «Давайте, — говорю, — учредим тайное Свинское Общество. Чтобы стать его членом, нужно залезть на стол, рассказать что-нибудь похабное, выпить стопку и три раза громко хрюкнуть.» И всех делов. Тут же вырезал из плотной бумаги дюжину свиных рож (ух, я на них дома в детстве насмотрелся!), подстелил на стол газетку (не так же лезть, мы ж люди приличные!), поведал что-то на ходу сочиненное и захрюкал. Следом за мной и остальные потянулись. Так вот сидели мы и хрюкали, и веселились, как стадо тех самых свиней. Клянусь, ничего более не было!..

Через три дня, когда школяра Харрунгу вызвали в Службу Безопасности, я так же клялся. Нет-нет, ничего более. Никаких целей наше «Общество» не ставило, программ не разрабатывало... Что? Поругание Королевской Власти?.. Да помилуйте, ничего подобного!.. Да, газетка наша, на ней мы, прошу прощения, и хрюкали... Нет, вообще-то не читал... Обращение Государя нашего Короля Батанги?.. Не знаю, не разворачивали мы ее... Даже в мыслях ничего такого не было... Послушайте, но это же была всего лишь шутка. Глупая, согласен, но безобидная. Это, в конце концов, смешно!.. Не очень?.. Ну, возможно... Как?.. ЗА ЧТО?.. Нет-нет, погодите, да поймите же вы, наконец... Я?.. А что, я?.. Полтора года на курсы химии хожу?.. Знаю... Зачем?.. Да так... Я... То есть... Ну, в общем, девушка мне одна нравится... Всего на три года меня старше... Она их и ведет... Нет-нет, это не она... Ей зачем? Да откуда ж я знаю!... Я — просто... Да и замужем она, мастерша Лэри... Нет, ничего не было. Просто нравится... А разве... разве это возможно доказать?.. Да, вернемся... Спирт?.. Да... Да... Да, горит... Нет!.. Нет, я же говорил, мы не ставили никаких задач!.. Я не знаю, как вам это объяснить... Исключить?! Но... Но я же ничего... Что?.. Исправить?.. Да, конечно... Конечно-конечно... Но ведь... Нет-нет, вы правы... Я понял. Спасибо!.. Постараюсь... Да... Да, все, что вспомню... Только... только они ведь тоже не виноваты!.. Да... Разберетесь... Извините... Обязательно... И это тоже?.. Да... Когда? Послезавтра?.. Хорошо...

И ведь написал, Харрунга, написал. Про всё и про всех. Знал же, что если кто-то из доброй компании тебя сдал — значит, им и так все участники известны, а потому, коли буду юлить, скрывать что-то — прости-прощай Университет славного города Ларбара, возвращайся-ка ты, парень, в свое Приозерье и дальше поросням хвосты

крутить, как отец твой, и дед, и прадед. Думал: один раз, ладно, авось обойдется. Да ведь таких трусов, как я, разве в покое оставят? Дальше — больше. Так что делай, Харрунга, что приказано, пиши и не рыпайся. Целее будешь.

Помимо возглавляющего Хирургию профессора Мумлачи, в каждом из хирургических отделений трудятся по три дневных врача и по двое сменных, приходящих только на дежурства. Дневные ординаторы также обязаны дежурить, хотя и реже (в среднем около трех-четырех ночей в месяц). Кроме того, каждодневно в отделении находится по два фельдшера, по одной сестре и одной постоянной сиделке. На дежурство в каждом отделении остается одна сестра и один фельдшер. По Хирургии дежурят три хирурга и один врач из отделения для тяжелобольных.

Таким образом, в Хирургии насчитывается 26 врачей, 20 сотрудников со средним лекарским разрядом (фельдшеры), 20 — с младшим (сестры), 15 сиделок (не считая приходящих, в том числе Красных Сестер из храма Пардви), трое сторожей, четверо истопников.

Ну как, господин сотник, интересно? Голову себе еще не сломали в этих подсчетах? Ничего. Читайте-читайте, раз просили. За последних три года в Марбунгу я в таких вот отчетиках поднаторел. А было еще почти пять лет Мичира. Да, пожалуй, за одно мне все же следует поблагодарить наше Охранное Отделение: после окончания Университета на Озеро я так и не вернулся. Как там ОО с моей сельскохозяйственной гильдией, которая меня сюда учиться отправила, договаривалось — про то я даже знать не хочу, а только послали меня в Мичир. Там я свою Ратамми и встретил. И ведь что интересно: нравились мне всегда девушки маленькие, тихие, такие, что слова лишнего не скажут, зато, если посмотрят, взор свой степенный на тебе остановят, так уж держись, всю неделю потом вспоминать будешь. Такие, как мастерша Лэри была. Эх, вот бы встретить ее сейчас, у нее уж, поди, дети давно в школу ходят... Размечтался, соглядатай умбловый. У самого сыну восьмой год пошел. Неужели столько лет миновало? Кажется, недавно только в комнатке нашей от пеленок сохнувших ступить было некуда. А вот уже — бегают мальчишка в темно-красной куртке Первой народной школы, первый год уже позади. Подрастет, а там!.. Страшно, Харрунга? Страшно. И не того я боюсь, что годы идут, а вот повзрослеет мой Байалли, ума-разума наберется, что, если про отца правду узнает? Какими глазами на него смотреть тогда?

Ну вот, топот ног в коридоре, крики: «Газы! Чаморровка! Берегись!». Узнаю яллин голосок. С соседскими ребятишками играет. Да, по всему Объединению играют дети в «Освобождение Чаморры». И мы с братьями играли, и отцы-деды наши, сыновья вот теперь... И еще сотню лет играть будут. Потому что для мальчишек нет ничего интереснее войны. И нет пока никакого дела до Охранного Отделения, ведь родному Отечеству иначе послужить можно, красиво. У тебя же, Харрунга, красиво не получилось...

Итак, Хирургия.

Четвертый лекарский разряд имеет лишь профессор Яборро Мумлачи. Происхождения благородного, 51 год. Один из четырех сопредседателей Ларбарской университетской лечебницы, возглавляет хирургическую кафедру Университета, председательствует во Врачебной коллегии, Исполин, член издательского совета «Вестника здравоохранения».

Женат, имеет сына, 25-ти лет, в настоящее время проходящего стажировку в Первой лечебнице. Какие-либо соображения относительно столь уважаемого господина считаю неуместными; готов поручиться, что к рассматриваемому делу он никакого отношения не имеет.

Яборро Мумлачи. «Мумик», как называют его те мои коллеги, кому не застит глаза блеск славы и величия столь известной личности. Справедливости ради, управленец и хозяйственник из него вышел очень даже приличный. Но случись мне захворать по-серьезному — под нож к нему не лягу под страхом газовой атаки.

Зачем что-то писать про Мумлачи. Всегда на виду. Кто последние пятнадцать лет учился в Ларбарском университете, прекрасно знают господина Яборро. И я скорее поверю в то, что он будет униженно просить прощения у мохноножки Вики, нашей сиделки, чем свяжется с какими-то сомнительными ребятами... Так, следующие.

Третий лекарский разряд присвоен четырем докторам нашей лечебницы.

Талгано Баланчи, 53 года. В настоящее время работает дневным ординатором 3-го хирургического отделения. Происходит из городской семьи среднего достатка. Женат, имеет двоих сыновей, 28-и и 23-х лет.

И опять домыслы твои, Харрунга, неуместны. Мастер Баланчи — ответственный за безопасность нашей лечебницы. Супруга и старший сын служат в Охранном Отделении. Вот будет забавно, если кому-нибудь из них однажды придется эти мои записи читать. Заодно и сравнят с рассказами родственника.

А в общем вполне неплохой мужик. И табак у него всегда хороший. Сдержан, но в компании может и повеселиться, и выпить — умеренно, не теряя собственного достоинства. С Исполином держится ровно, почтительно, но без излишнего подобоострастия. Тут тоже сомневаться не приходится, это — не он...

Чаори Кайран, 48 лет, орочьего племени, дневной ординатор 2-го хирургического отделения. Заканчивал Университет в Чаморре. В Ларбаре — 12 лет.

Женат, два сына, 21-го и 12-ти лет, и дочь — 6-ти лет.

Ведет частный прием на дому, в чем супруга его, имея средний лекарский разряд, ему помогает.

Честолюбив, резок, умен, непредсказуем. Мастер сильный, но в работе зачастую идет на неоправданный риск. Отношения с коллегами более или менее приемлемые.

Да уж, приемлемые. Забыл, Харрунга, как он на тебя орал, когда после его операции больной зонд из желудка выдернул? Верно,

забыл. Потому что месяц спустя, когда и я, и Тамми, и Байалли свалились с лихорадкой, Кайран единственный из сослуживцев зашел к нам проведать. Принес домашний пирог, супругой его приготовленный, меда, водки, на полыни настоящей. Мы ее тогда же и выпили. Точнее, я выпил. Сам Чаори не пьет. Никогда, ни при каких обстоятельствах. Он так сразу и сказал.

Нет, уважать Кайрана есть за что. А вот подружиться с ним я бы не смог. Никогда не знаешь, чего в следующее мгновение ждать. А что касается работы — хирург он блестящий. Вот только делает все не ради больного, а ради себя, будто собственное мастерство проверяет. Да пожалуй, и в остальном так же. Мог ли мастер Кайран с целью все той же проверки в какую-нибудь крамолу влезть? А что, возможно. С него станется.

К общественным вопросам равнодушен. В связях с подозрительными личностями замечен не был; но, учитывая обширный круг лиц, бывающих у него на приеме, мастера Кайрана не стоит сбрасывать со счета.

А ведь ты не простил, Харрунга. Ни крика, ни доброго его участия. И неизвестно еще, что больше тебя задело... Вот и отомстил. Пускай-ка господин сотник подойдет к мастеру Кайрану на прием парочку своих ребят... Что? Потеплело на душе? Нет? Ну так пиши дальше, гнусная твоя морда. Вон еще народу-то сколько...

Таюрре Лидалаи, 47 лет. Состоит в одном отделении с мастером Баланчи, родом из Гайанди. В Ларбаре около пятнадцати лет. Женат, детей сейчас нет. Супруга — мастер по обустройству садов. Снимают половину дома на окраине Ларбара с садом, где занимаются разведением цветов.

Тихий и неприметный наш мастер Лидалаи. Все называют его почему-то по имени — Таюрре, хотя давно уже не мальчик. Впрочем, выглядит он довольно юно. Может, это цветы на него так действуют? В рабочем кабинете у мастера Таюрре на столе — целая теплица. Честное слово, по-моему, в день он работает исключительно из-за того, чтобы иметь возможность за ними ухаживать. «Нельзя мне в дежуранты уходить, — пожаловался он как-то, — совсем захиреют без меня. Кто их тут польет вовремя, в тень переставит?»

В обращении с коллегами мягок, даже застенчив. Последнее я бы приписал как вежливости, так и известной доле робости.

Признаться, не перестаю удивляться, как это мастер Лидалаи отважился уехать из родных мест и переселиться в Ларбар. Справедливости ради, кажется, это — единственный его решительный поступок. Второй поступок, не менее решительный, произошел на моих глазах, когда Таюрре попросил мастера Баланчи курить в окно, потому что принесенный им новый росток хифены плохо переносит дым. Пусть даже очень хорошего табака. Баланчи так удивился, что немедленно потушил трубку, и с тех пор курить ходит либо к нам (наше отделение по соседству), либо на второй этаж к мастерше Магго.

А все же смеяться над мастером Таюрре — жестоко. Мохноножка Вики, редкой осведомленности девушка, однажды поведала мне, что Лидалаи перебрались в Ларбар после смерти единственной дочери. Болезни крови, как известно, не лечат, а они уж к кому только не обращались, даже, кажется, к народным целителям и жрецам. Да уж, чтобы разрядный лекарь в храм подался, это в полном отчаянии надо быть! Потому, видать, и сложно им было в Гайанди оставаться.

С руководством в противоречия никогда не вступает, предпочитая соглашаться во всем; в работе тщателен, избегает излишней поспешности и суеты. В каких-либо подозрительных связях замечен не был.

А вот с цветами своими он разговаривает, и гораздо охотнее, чем с людьми. Просит у главной сестры спирт — листики протирает, чтобы, не дай Семеро, зараза какая к ним не пристала.

Оперирует хорошо, но даже перед больными будто испытывает вечную неловкость. То ли за белые свои косицы, то ли за раскосые глаза. Представить его распространяющим листовки? Укрывающим у себя на дому заговорщиков? Ага, в домашней теплице, замаскированных под дерево юкави! Это даже смешно. Нет, живи спокойно, мастер Таюрре, расти себе пурпурные домбеи и лиловые тагаринды. Ни тайного осведомителя Харрунгу, ни Охранное отделение скромная твоя особа не заинтересует.

Лингарраи Чангаданг, 40 лет, дневной ординатор 1-го хирургического отделения. Происходит из старинного боярского арандийского рода. Заканчивал Университет в Кэраэнге. Военную службу нес где-то в морской пехоте. Переехал на Чегур около десяти лет назад. Работал сначала в Камбурране; в Первой ларбарской лечебнице пятый год.

Неприятная личность. Вежливость, доведенная до крайности, обусловлена, в отличие от мастера Баланчи или Таюрре, заносчивостью и чувством собственного превосходства.

Действительно, грубого слова я от него ни разу не слышал, но если уж этому Змию что-то не по нутру, со всею своею выдержкой так приложит, похлеще Кайрана или Камато. Вежливость — она ведь тоже такая штука, иногда задевает не меньше грубости.

Женат. Супруга преподает древние языки в закрытом учебном заведении в Аранде. Сын, 20 лет, учится в военном училище где-то в Марранге. С родственниками, насколько мне известно, мастер Чангаданг поддерживает отношения сугубо казенные.

То бишь какие-то деньги регулярно отчисляет, но вот облагодетельствовать личным присутствием не стремится. Видимо, это тоже есть любовь... Впрочем, возможно, что другие отношения ему просто недоступны.

Вышла там какая-то неприятная история с его супругой. Бенг Ягондарра не то чтобы трепач, но до него или до его многочисленных родичей некие слушки доходили. Как-то супружница

чангадангова не так себя повела во время второй беременности или сразу после нее, только с ребеночком новорожденным какая-то беда приключилась. Бенг делает большие глаза: «Вы же понимаете, Тава: Змиев род...». Не очень я понимаю. Это что же, дитя в яйце, что ли, родилось, или как? Якобы спешно прибыв в отчий дом с места службы, молодой тогда лекарь Лингарраи вдрызг разругался с родственниками жены. В общем, большой вышел скандал. А может, и не так все было, я Ягондарру не расспрашивал. Но с супругою Чангаданг разъехался, хотя и не развелся, а лет через пять после того случая вынужден был податься сюда. Оно и понятно, в бывшем Царстве лекарь без жены — это ж полное неприличие.

К коллегам, как и к себе, требователен. К лени, бездарности, халтуре и глупости нетерпим. Скрывать последнее нужным не считает. Хирург — исключительный: можно сказать, дар божий. Но возведенная в степень обета тщательность делает его несносным. И хотя во внутрибольничных сварах участия не принимает, очевидно, полагая себя выше этого, я бы назвал мастера Чангаданга человеком неуживчивым.

Хоть убей, не располагает он к себе. И заведомо не стремится что-либо для этого сделать. Одна только мастерша Магго и может с ним ладить. Поразительного дарования женщина, и притом — ничего личного, обычное дружеское участие...

В открытые столкновения с начальством не вступает, но находится в явном противостоянии.

Значит это, что Исполину нашему он еще не высказал в глаза, какое тот умблоо. Но то, что рано или поздно скажет, можешь, Харрунга, не сомневаться. Не так давно, полтора месяца тому, на утреннем совещании, докладывая об операциях за ночь Чангаданг, и бровью не поведя, сообщил, что выполнил совсем еще редкую переднюю резекцию вместо обычного стомирования. Мумлачи немедленно завелся; зачем, и почему не вызвали его (есть у нас такое правило — на сложные случаи отправлять к профессору домой дежурную карету). «Опухоль была удалима, и для этого случая я не счел свою подготовку недостаточной. И Врачебная коллегия, которой Вы, господин Мумлачи, оказываете честь своим присутствием, считает так же, приняв подтверждение моего разряда не далее как два года назад». Мумлачи заткнулся, но запомнил.

Помимо основной службы мастер Чангаданг подрабатывает в Четвертой городской лечебнице (улица Водорослевая, д. 7) в качестве сменного дежуранта. Причина тому мне неизвестна, но уверен, что не ради дополнительного заработка.

И вот тут бы тебе, Харрунга, и отметить: а проверьте-ка эти его связи, господин сотник, — если бы не одно обстоятельство. За мастером Чангадангом наблюдение давно ведется. По каким-то его восточным делам. Без тебя бдят. Ну и ладно...

С третьим разрядом покончили, переходим ко второму.

Талдин Курриби, 43 года, дежурный ординатор 1-го х/о. Сначала был приписан ко 2-му отделению, но поменялся с благородным Амби по явному желанию последнего. Из простонародья. Заканчивал Ларбарский Университет. Разведен. Бывшая супруга работает на Ларбарской железной дороге. С нею проживает их общая дочь, 19 лет (учится в Университете), и сын — 12 лет, учащийся Второй народной школы. Курриби с детьми видится часто.

Все-таки старина Талдин скучает по детям. Потому и собирает вокруг себя молодежь. Не только на работе, но и в свободное время подле него частенько крутятся и Минайчи, и Баргачи, и даже Чамианг-младший.

Явный дар вожака. Его жизнелюбие и задор заражают окружающих. Староста больничной сбой по «Топтыгину». Шумный, несколько грубоватый, но не резкий. Слишком добродушен, чтобы всерьез на что-то обижаться либо с кем-то враждовать.

Раньше возле лечебницы, позади каретного сарая был небольшой лужок. Курриби приспособил его под игровое поле. Раза три в полмесяца можно видеть, как мастер Курриби с молодняком, где есть и школяры-стажеры, и фельдшера, дружно гоняет в «Топтыгина». Кстати, любимое развлечение наших девчонок, Только завидят, как Талдин, Минайчи. Дангман и прочие, скинув балахоны и надев что-нибудь попроще, подхватив набивной бурдюк из прочной кожи, выдвигаются за сарайчик — непременно соберутся поболеть. Бывает там и мастер Камато, да мне и самому доводилось с увлечением перебрасываться тем самым бурдюком, чего уж там!..

Курриби я помню еще со школярских времен. Он здесь тогда уже работал. Правда, здорово закладывал. Оттого и с супругой, видимо, разошелся. Сейчас у него тоже иногда случается, но уж не так, как раньше. То ли сам справился, то ли — спасибо Минайчи.

Одно время изрядно выпивал, в последние годы сумел побороть в себе столь пагубное пристрастие. С руководством отношения неплохие, до серьезных распрей дело ни разу не доходило, хотя под горячую руку может и нашуметь. Лекарь — хороший, грамотный. С людьми сходится легко. Азартен.

Что азартен, это точно. Попробуйте-ка поставить в одну смену мастера Курриби и Чамианга-младшего — полдежурства проиграют в «Четыре храма», арандийские шашки, или, если не найдут компании — в «Воеводу». Игры такого рода на работе, мягко говоря, не приветствуются, но кто среди ночи проверит! Желающих стучать на Курриби находится немного — любят его в нашей лечебнице...

И все же. Человек с ярко выраженными задатками вожака, но и сам легко увлекающийся, он вполне мог найти себе заманчивое поприще в каком-либо тайном и неблагонадежном сообществе. И не потому ли с выпивкой завязал, что новое дело для себя выискал? Так что, как бы ни было тебе, Харрунга, противно — пиши:

Возможно, является искомой личностью. Нуждается в тщательной проверке...

Как это я не заметил, когда Тамми вернулась? Ничего мне не сказала, молча села за дзиррийскую махинку, мерно застучала педаль, завертелись колесики. Раньше я любил смотреть, как она шьет. Особенно пока она Ялли носила. Мирно так на душе становилось. Тогда, в Мичире, мы были хорошей парой, нас так и звали: Тава и Тамми, будто в детском каком-то стишке... Не нравится ей в Ларбаре. Может, потому все у нас и разладилось. Или есть у нее кто? Вот только откуда? Тамми — надомница, берет заказы в мастерской, раз в полмесяца сдает работу. Негде ей особо знакомиться. С кем-то из соседей? Тоже — вряд ли. Слишком уж заметно было бы, добрые граждане не преминули бы сообщить. Или всё же во мне дело? Замокнулся в себе мастер Харрунга, погряз в болоте собственных мыслей, а еще работа, дежурства. Надо будет сводить их куда-нибудь. Хоть в зверинец. Вот Ялли порадуется! Точно, в ближайшие же праздники и сходим. Тамми что-нибудь куплю, любит она подарки, как была девчонкой — так и осталась; только вот браниться выучилась по-бабьи. Совсем иной раз спасу нет!

Райачи Арнери, 33 года, дневной ординатор 1-го хирургического отделения. Благородный господин. Проживает в собственном доме, в старом городе. Женат, двое сыновей, 7-и и 5-и лет. До рождения второго ребенка жена мастера Арнери преподавала танцы в Коронной школе им. Государыни Вонгэти. Благородный Арнери, несмотря на высокий рост, неплохой наездник, но основной его страстью является морская рыбная ловля, для чего и держит собственное парусное судно.

На этой же основе весьма близко сошелся с благородным господином Городди. Пожалуй, было бы правильным отметить, что основное занятие мастера Арнери — это рыбалка, а медицина — скорее, увлечение.

Хирург средней руки. Звезд с неба не хватает, но разряду своему соответствует.

Выдержан, спокоен, миролюбив. Ссор старается избегать. Связь с каким-либо сомнительным обществом, на мой взгляд, едва ли возможна.

Действительно, окажись это каким-нибудь «Сообществом ларбарских рыболовов», мастер Арнери был бы их с потрохами. Но крамола, подозрительные печатные издания? Нет, невероятно.

Алила Магго, 42 года, дневной ординатор 2 х/о. Женщина необычайной трудоспособности и доброжелательности. Лекарская карьера началась для нее двадцать семь лет назад. Прошла весь путь от сиделки до врача. Проживает вместе с дочерью на казенной квартире в Ларбаре, у матери с отцом домик в ближайших окрестностях города.

Немного отыщется в нашей лечебнице тех, кто скажет что-нибудь дурное про мастершу Алилу. Впрягшись в свой воз, она тянет его упорно и добросовестно, ухитряясь при этом оставаться жизнерадостной и по-своему мудрой. Даже зануда Чангаданг сдерживает

при ней свое ехидство. Как-то мастер Кайран на утреннем заседании позволил себе резко выразиться на ее счет, так Камато ему чуть рыло не начистил, исключительно из дружеских чувств, а вы что подумали? И начистил бы, если бы сама Магго не вмешалась.

Верно, Алилу стараются не обижать, в жизни ей и так досталось. Мужа, насколько мне известно, никогда не было. В лечебнице с уверенностью утверждают, что сын ее и дочка — от одного бывшего здешнего доктора, мастера Навачи. Работал он ранее в 3-й хирургии, а восемь лет назад зачем-то понесло его в Пардвену, дикарей пользоваться. Там и умер от тропической лихорадки. Достоверно я этого не знаю, не застал. А четыре года назад обрушилось на мастершу Магго новое несчастье. Сын, ему тогда было лет семнадцать, погиб в порту, при разгрузке судна, где он тогда работал, махина какая-то обрушилась.

Оставшаяся дочь — весь смысл ее существования, Сама хлебнувшая разного, мастерша Магго всячески старается избавить девочку от повторения собственной судьбы. Устроила ее в хорошую школу, нанимает частных преподавателей для поступления в Университет. (Только, упаси Семеро, не на лекаря, — любит повторять она).

Отношения с коллегами теплые. Никогда не отказывает в помощи, касается то работы или других дел. Средний больничный состав и недужные очень к ней прислушиваются. Вероятной личностью являться не может, так как никогда не поставит под угрозу благополучие дочери.

У мастерши Алилы и без того забот полон рот, какие уж там, к Хёкку, Общества.

Гляди-ка, дождь за окном перестал. Может, хоть завтра погожий денек выдастся?.. Чай мой совсем остыл. Заварить, что ли новый, или — ну его. Вообще, я б сейчас с большим удовольствием пивка глотнул, да идти неохота. Лавка у нас на соседней улице, тащиться туда в мокром плаще! Нет уж, пусть будет чай. Да и Тамми это, небось, не понравится.

Ингаибенг Ягондарра, 32 года, дневной ординатор 2-го хирургического отделения. Родители — бывшие бояре из Деатаны. Учился в Кэраэнге, в поисках лучшей доли перебрался в Ларбар около восьми лет назад со всей семьей.

Ну, положим, все-таки не со всей. Раз примерно в месяц к нему еще какие-то родственнички наведываются, и все у Ягондарры останавливаются. Бенг, бедняга, совсем извелся, но нельзя же отказать сестре мужа двоюродной тетки. При том, что дома у него, как я представляю, сушеному кэрибонго упасть негде. Жена, трое детишек, младший брат-школяр и отец жены.

Проживает в арандийской общине. Сыну — 8 лет, девочкам-двойняшкам — по 4, супруга на последнем месяце беременности.

Парень довольно издерганный, но не злобный. В работе — безотказен.

На дежурствах Бенг, похоже, отдыхает. В змейские шашки играет бесподобно. Мастер Курриби, уж на что в этом деле дока, а ни разу у него не выиграл.

Разговорчив. Охотно рассказывает как о себе, так и о других, но, в отличие от благородного Городди, только если спросят. Специалист неплохой, сказывается змейская выучка. Третий лекарский обязательно получит, и не ради честолюбия, не из-за прибавки к жалованию, а потому что считает: коли можешь совершенствоваться, то просто обязан это делать. С руководством ладит, почтителен.

К тайным обществам едва ли причастен. Единственная возможность в этом случае — если там состоит кто-нибудь из его родственников. Последнее желательно выяснить...

О, ну вот, началось! Вечернюю тишину разрезали протяжные ноющие звуки, далекие от чистоты. Соседушка наш, больничный сторож Ча вернулся, видать, хватил по дороге стопку-другую; будет теперь часа полтора сынишку своего обучать игре на гармонике. Раза два в неделю это с ним случается, после дежурств — на горе всем соседям и дворовому псу Тяпке. Через полчаса подобных упражнений, от которых даже у меня зубы сводить начинает, собачья душа не выдерживает. Тяпка вылезает из своей конуры, задирает вислоухую морду к окну на втором этаже и начинает выть. Когда-нибудь, в один из таких вечеров, скорее всего зимой, я повешусь. Или прибью соседа Чу с его гармоникой. Или завербуюсь добровольцем на Унгаринъин. В крайнем случае — напьюсь до умбловой горячки. Последнее, кстати, можно не откладывать до зимы...

Вахардо Амби, 36 лет — дежурный ординатор 2-го хирургического отделения. Благородный господин из старинного степного рода. В юности о карьере врачавателя и не помышлял. Начинал службу в коннице. Состоял в одной из тех частей, которые принимали участие в оказании добровольной помощи Пардвене четырнадцать лет назад, где и получил серьезную контузию, не позволившую в дальнейшем продолжить военную службу.

Да, все было хорошо у конного сотника Вахардо. Служба, без которой себя не мыслил, успех у дам, воинская удача. И вдруг судьбу, как тарелку, перевернуло вверх дном. Противник применил воздействия особого порядка, то есть чародейство, лошадь взбесилась. И даже рука столь опытного наездника, как Амби, не смогла ее удержать. Вследствие падения — сложная травма позвоночника. Полгода на больничной койке, и с верховой ездой покончено навсегда. В 23 года жизнь еще не завершена. Надо искать себе новое дело, потому что сидеть дома Амби не мог. Одним Семерым известно, по каким причинам он выбрал врачевание. Приехал в Ларбар, поступил в Университет, блестяще его окончил. Бывший сотник привык быть впереди, легкой службы не искал, затем и стал хирургом, хотя многие отговаривали, тяжело, мол, много времени на ногах. Напрасно. С тех пор — в операционной ли, обходя ли больных — мастер Амби всегда в бою.

Выдержан, по-военному собран. Упрям в достижении желаемого. Молчалив. Пользуется уважением коллег.

Пожалуй, только с Айхади у него не сложилось. Казалось бы, чего делить двум степнякам — но нет, обоими будто некая древняя неприязнь двигала. Того гляди один другого на поединок вызовет. Первым это заметил Курриби, и не долго думая, предложил Вахардо перейти на его место, во 2-е отделение. Амби, не желая обострять положение, согласился. Дежурства у нас составляет старшая фельдшерица из 1-й хирургии, утверждает их лично профессор Мумлачи. Не скажу, чтобы бригады подбирались лучшим образом, но Амби и Айхади вместе не ставят никогда.

Не женат. Детей нет. Имеет длительную связь с сестрой Дамалли из приемного покоя. Не представляю, могла ли его увлечь подрывная деятельность, но отрицать это полностью не возьмусь из-за определенной скрытности мастера Амби.

Нет, это свыше моих сил. Теперь Ча запел. Возможно, обладай он слухом, это не было бы столь чудовищно... Не волнуйся, Тамми, я всего лишь попрошу его петь потише. Нет-нет, никаких скандалов... Обещаю... БАМ-БАМ-БАМ... Мастер Ча?.. Да, добрый. Хотя без дождя было бы лучше... Я бы хотел попросить вас... Что?.. Сердечно рад за вас... Нет! Нет, спасибо, на самом деле... Простите, как?.. Уважаю?.. Да, но... Спасибо... Ну хорошо-хорошо, но только одну... Завтра тяжелый день....У вас тоже? Что, покойничек может встать?.. Мда-а, ну и работка у вас... Ух, благодарствуйте!.. Да, способный мальчик. Я рад, что Ялли с ним дружен... Право, мне неловко... Спасибо. Хватит!.. За мальчишек?.. С удовольствием!.. Уф-ф, ядреная, зараза!.. Не беспокойтесь, я уж так, по-простому... О-о, чудесный засол... Супруга готовит? Великолепно!.. Что? Моя?.. Верно, Ча, вы уж позвольте вас так, по-соседски? Да, Тамми — золото!.. За нее?.. Никогда бы себе не простил... Только половинку!.. Почему не мужик?.. Нет, просто хотел еще поработать... Ваше здоровье... Ах да, ну и Тамми тоже... Э-эх! Аж до слез... Что? Спеть?! Я, знаете ли, не в голосе... Тут вы правы, Ча, главное — душа... Нет, давайте все же не будем... Еще по одной? Вместо пения?.. Семеро на помощь, золото мое пришло!.. С-сидим. Р-разговариваем... Все хорошо... Да, но совсем чуть-чуть... Тамми, радость моя... Тамми?.. Ну зачем ты так?.. ТАММИ!.. Все... Все... Извините, мастер Ча... Пойдем!.. Да пойдем же, я говорю!.. Нет, раньше ты меня в могилу сведешь!.. Перестань!.. Не стыдно — при ребенке?! Все в порядке, Ялли, мы не ссоримся... Это ты маме своей скажи!.. Нет!.. Когда управлюсь, тогда и лягу! Сделай милость — оставь меня в покое, наконец!..

Эх, было бы из-за чего скандалы устраивать! Нет, мастер Амби правильно делает, что не женится. Да, вернемся к нашим подпольщикам. Кто там у меня на очереди?

Рангаи Чамианг, 33 года. Дневной ординатор 3-го хирургического отделения. Арандиец. Родился и учился в Ларбаре. Из семьи

потомственных лекарей. Отец — известный в прошлом хирург не только в нашем городе.

Тем, кто имеет хоть малейшее отношение к медицине, имя профессора Нираирри Чамианга должно быть хорошо знакомо. Я помню их обоих. Старичка-профессора, преподававшего у нас на отделении, и его старшего сына, учившегося двумя годами раньше меня. Работы Нираирри по ведению больных с переломами голени обошли весь мир, встречаются сейчас в каждом хирургическом пособии, не только в Объединенном Королевстве. Милый, обходительный старик в зеленом лекарском балахоне, чем-то неуловимо похожий на аиста со своим длинным носом и привычкой смотреть сверху вниз из-за высокого роста. Жаль его, доживает последние дни. Опухоль протоков. Говорят, весь желтый сейчас, как тыква. Вел частный прием до последнего, но теперь уже даже с постели не встает.

Имеет скорее математический склад ума. Необыкновенно увлечен травматологией и всем, что с ней граничит. Осваивает основы работы лучевых приборов, разбирается в производстве лекарственных средств. В последний год допущен к работе Главного дежурного по Хирургии.

Да, Рангаи сейчас усиленно двигают вперед, предлагают работу преподавателя в Университете, и не из-за отцовских заслуг: сам всего добился, да и с начальством отношения наилучшие. В спорах он неизменно на стороне Исполина, даже если в душе с ним не согласен.

Женат, две дочери, 11 и 6 лет. На работе послушен. Необдуманных поступков или высказываний не допускает.

Ему бы, Рангаи, побольше легкомыслия. А то только и позволяет себе, что изредка поучаствовать в гребных заездах, да вот еще зазнобу себе завел из детского отделения, мастершу Варради. Хорошая девушка, недавно к нам пришла. Не замужем, а могла бы...

Готоло Городди, 35 лет. Дежурный ординатор 3-го х/о. Благородный господин из Мичира. Женат, сыну 12 лет, дочери — 5. Дружен с господином Арнери, не менее его увлечен рыболовством.

Склонен к самолюбованию, но при этом обидчив. Разговорчив. К несчастью! Если не сказать — болтлив. В сочетании с откровенной глупостью и самовлюбленностью это очень утомляет. Не приведи Семеро попасть с ним на дежурство. Изведет разговорами, и добро бы хоть о деле. Нет, будешь, как дурак, слушать о тонкостях охоты на окуня, или о том, какой он, Готоло, молодец.

Как его Арнери выдерживает — для меня загадка. Та еще парочка — долговязый неторопливый Арнери и маленький живчик Городди...

Недовольство начальством может выразить лишь за глаза. В лицо не прекословит никогда. Сомнительные связи едва ли возможны, так как это, в первую очередь, не послужит вящей славе господина Городди в его собственных глазах.

Вот, Тварин тебя побери, чернила закончились. И вообще, не хватит ли на сегодня? Вон, Тамми с Ялли уже спят. А хороша она, когда спит, — и впрямь ребенок, руку под щеку подложила и посапывает тоненько-тоненько. А как давеча кричала, перед соседями прямо неудобно!.. Плюнуть на все, что ли, да спать завалиться?.. Нет, добыю уж сегодня, чтобы завтра настроение не поганить.

Эх, Харрунга, кого ты обманываешь? Ну, допишешь ты свое сочинение, снесешь господину сотнику, так что — полегчает? Нет, еще гадостней станет.

Пулли Чилл, 132 года. Мохноног. (Да кто бы мог подумать, с таким-то прозвищем!). Дневной ординатор 4-го хирургического отделения. Проживает в собственном домике в Мохноножской Слободке. Женат, пятеро детей: сын, две дочери и еще два младших сына. Кажется, именно в такой последовательности.

Необыкновенно приветлив, добродушен, несколько суетлив. Всегда готов выслушать всё и всех. При этом деловит и хозяйствен. Пожалуй, немного жадноват.

Что верно, то верно. За советом к мастеру Чиллу пойдет любой, а вот за деньгами — лучше не стоит. Но это касается денег. А коли нужно что достать — пожалуйста. В столике у него, по-моему, хранятся самые удивительные вещи; от статей по садоводству (для мастера Лидалаи), до каких-то особых рыболовных крючков (привет благородному Городди), и неизменной коробочки с леденцами. Ими он угощает всех, особенно девчонок-сестричек.

Разводит собак, в том числе и на продажу. Проявляет невероятную заботу о родственниках. В одном лишь нашем корпусе работают две его дочери (фельдшерицы из 1-й и 2-й хирургии) и троюродная племянница — девушка Вики, сиделка и нянька.

Добросовестен. Любит порядок.

Кажется, ничто так не огорчает мастера Чилла, как головотяпство и нарушение правил. К несчастью, строгим он быть не умеет. Покричит, пошумит, посетует, да тут же и простит. Ругается очень смешно: краснея и всплескивая ручками.

Хирург неплохой, но побаивается ответственности. Необходимость принимать крупные решения для него тягостна. Предпочитает следовать указаниям руководства. Из-за того же чувства самосохранения едва ли свяжется с неблагонадежными лицами.

Да, риск — не для мастера Чилла. Хотя... Или он не Чилл?.. Шепчутся же вполголоса наши санитары о каких-то его мелких денежных грешках в далекой молодости. Ну, да им-то откуда знать, они ж все вместе столько не прожили, чтобы те, послевоенные времена застать.

Лаверчи Камато, 41 год, дежурный ординатор 4-го х/о. Из простонародья. Родители его до сих пор живут где-то на западном побережье. Учился в Ларбаре, после этого около шести лет был

судовым лекарем, потом еще четыре года занимался врачеванием в Умбине. В Первой ларбарской лечебнице не более трех лет.

Опыт имеет немалый, теоретические же познания явно отстают, потому в работе более полагается на наитие. Любит порисоваться, но до Городди ему в этом плане далеко. Грубоват. Задирист.

Поединки — это для благородных господ. Мастер Камато, если что — и так может по харе двинуть, не считаясь с чинами и происхождением. Что-то в нем до сих пор осталось от бравого морячка.

Женат. Супруга — старший мастер в пекарне. Три дочери: 15-и, 13-и и 3-х лет. Обожает семью, что не мешает ему быть невероятно любвеобильным. Слаб, как говорится, до женского пола.

Высокий, светло-русый красавец. Такие обычно нравятся бабам. Мастер Камато свои порывы также не сдерживает. Но о подругах никогда не треплется, не хвастается достижениями. И еще: ни одну из своих многочисленных любовниц он не бросает. Ну, то есть, любовь начинается и заканчивается, а дружба остается. И если уж у какой из его барышень неприятности или денежные затруднения — Лаверчи в кровь разобьется, но поможет. Может, за это его и любят. Порядочный по-своему мужик.

Азартен. Недальновиден. Склонен к неожиданным выходкам. С начальством невыдержан. Не дурак выпить. На мой взгляд, вполне может быть одним из вероятных пособников заговорщиков.

С него, пожалуй, станется удариться в крамолу... И все же, как бы тебе хотелось, Харрунга, чтобы это был не мастер Камато. Есть в его открытости своеобразная притягательность.

Ну вот, осталась лишь молодежь, с первым лекарским. Успею, наверное, сегодня закончить...

Дангман Чамианг, 27 лет. Дежурный ординатор 3-го хирургического отделения. Младший сын профессора Нираирри Чамианга, брат Рангаи. Не женат.

Редкостный обормот и гуляка. Жизнь для него — лишь череда забав и веселых приключений. Серьезно относится только к удовольствиям.

Шалопай и сачок. Если где-нибудь нужно выполнить нечто срочное, трудоемкое — не поручайте это Дангману. Будьте спокойны — ни за что не сделает. Действительно, зачем торопиться, вдруг, отпадет необходимость, Столп Земной рухнет или наступит Великая Зима, или передовое подразделение Летучих Исполинов захватит город? Иногда это забавляет, иногда — раздражает.

Поигрывает на бегах, в игорных домах, но не ради наживы, а для остроты ощущений. Захоти Дангман — вышел бы из него неплохой лекарь, но дело портит вечное ребячество и поразительное легкомыслие. Выдвинуться не стремится. Встречается одновременно с несколькими подругами, в том числе с лаборанткой Яганди из приемно-диагностического отделения. Серьезных чувств не питает ни к одной.

Свою очередь выходить «в день» охотно уступил брату, нимало о том не жалея.

Если и связан с тайным обществом, то, скорее, из шалости, а не по зрелому убеждению.

А все же сам он ни с кем не враждует. На холодные колкости Чангаданга или резкости Кайрана не обижается, а лишь пожимает плечами: «Мол, что поделать, я — таков!». В осведомленности по поводу того, где, как и с кем погулять, Дангман не знает себе равных. Чего уж греха таить, ты, Харрунга, тоже, бывало, таскался с ним по значным местам, и с целями отнюдь не познавательными. И находил эти походы весьма даже приятственными, ибо на выпивку, девочек и друзей Чамианг-младший денег не жалеет, тем более отцовских денег. Сейчас, с болезнью старого профессора, Дангман слегка остепенился, чаще бывает дома, у постели батюшки. Но готов спорить на что угодно — это ненадолго. Да и дружку его закадычному, Таморо, нынче не до забав — жена только что родила, не больно-то погуляешь...

Нурачи Таморо, 27 лет. Дежурный ординатор 2-го хирургического отделения. Родом из Приозерного края, с восточного берега Гуна-Гуллы. Учился в Ларбаре. Женат вторым браком. В первом — сын восьми лет, оставшийся с матерью. Вторая супруга — дочь главы нашей Терапии. В этом браке — сын двух с половиной месяцев.

Да, наш Нурачи никогда и ничего не делает просто так. В первый раз он женился, еще будучи школяром Университета, но ближе к концу учебы смекнул, что едва ли ему удастся зацепиться здесь без хорошего покровительства. А возвращаться домой Таморо ох как не хотелось, и в этом я своего землячка понимаю. Не совсем, правда, земляк, я-то из тримакканских краев. За время стажировки очень кстати выяснилось, что у мастера Ходакку единственная дочь засиделась в девках. Не скажу, что красавица, да и постарше Нурачи на несколько лет, но это его не смутило. Кавалер он блистательный, многих благородных господ за пояс заткнет. Мог ли мастер Ходакку допустить, чтобы дочка его в нашу Приозерную глушь уехала? Делать нечего, пристроил зятя к себе в Лечебницу. И, справедливости ради, об этом никто не жалеет...

Станет со временем отличным мастером. К зиме собирается сдавать на второй лекарский разряд. Обладает деловой хваткой. Умен. Не прост. Обаятелен.

Да уж, обаятелен. Удивительное дело, буквально под носом у тестя умудрился переспать почти с половиной сестер Лечебницы, а мастер Ходакку так ничего и не ведает. Или знает, но молчит, не желая смущать любящее сердце дочери.

Таморо приветлив со всеми, но все же не друг никому. Разве что с Дангманом и Чабиром приятельствует, потому как погулять и покутить тоже любит. Но денег понапрасну не тратит. Бережлив.

С начальством, что вполне понятно, отношения прекрасные, хотя Таморо случается и отстаивать свою точку зрения перед господином Мумлачи.

В дом профессора он также вхож. Сынок профессорский, Робирчи, от него в восторге. А вот госпожа Мумлачи, кажется, Нурачи недолюбливает. Но это по слухам.

В отличие от Чамианга-младшего, Таморо — не тот человек, который опрометчиво свяжется с неблагонадежными лицами. Всего, что нынче он имеет, Нурачи добивался сам, своим умом и умением, а не получил, скажем, от отца, как Дангман. Так что положение свое Таморо ценит, и рисковать не станет.

Одним словом, на первый взгляд — славный парень, а разобраться, так жук и котяра. Любопытно, и что это наши бабы в нем находят. Разве что морда смазливая...

А вот интересно, чего это вдруг Ча про Тамми мою заговорил? И сама она — и четверти часа не прошло — прибежала. Будто бы за мной, а на самом деле? Нет, что-то здесь не так. Жена у него каждый день на работе, а у Чи служба сменная, бывает, что сутками дома сидит. Тамми, стало быть, тоже... Надо будет как-нибудь из лечебницы пораньше улизнуть, да и нагряться... М-да-а... На Рогатое дело потянуло, женушка? Что ж, Ча — мужик видный, крепкий, иных в сторожа и не берут. Но, видят Семеро, узнаю — в морду дам. Мы, между прочим, тоже не гоблины... Нет, но Ратамми-то хороша! Вот тебе, Харрунга, за всю заботу!..

Чабир Чанчибар, 28 лет. Дневной ординатор 4-го х/о. Орк. Родители преподают в Университете, на отделении Естественных наук. Супруга — фельдшер из 2-й хирургии. Своих детей нет, у жены — дочь от первого брака, шести лет.

Нередко — третий в обычных гулянках Чамианга и Таморо. Участие в них Чанчибара, как правило, предполагает, что в этот раз ребята пустятся во все тяжкие, ибо Чабир не знает меры ни в чем — ни в работе, ни в отдыхе, отличаясь при этом удивительной стойкостью. Обычная картина: возвращаясь с вечеринки, оба чуть не висят на маленьком Чанчибаре, а тот лишь слегка пошатывается, хотя кутили на равных.

Работать с ним тоже несладко, любит его работа, да и он платит ей взаимностью. Верная примета: если дежурит Чабир — всю ночь глаз не сомкнешь.

Неглуп. Упрям. Начитан. Уверен в себе. Несдержан. Остро переживает нарекания по своему поводу. Самолюбие несколько чрезмерно.

«Несколько» — это еще мягко сказано. Один из наших фельдшеров, Чаргу, сказал про Чабира, получив от него очередной нагоняй: «Сам мастер Чанчибар занимает в пространстве места не так уж много, но от его притязаний тесно всем, кто находится рядом». Тут Чаргу попал в яблочко. Даже не пробуйте спорить с мастером Чанчибаром, если он уверен в своей правоте — переубедить его невозможно.

Увлечен музыкой. Очень прилично играет на орочьем гудке, неплохо поет.

Однажды, повздорив с профессором Мумлачи, обмолвился, что уйдет из медицины и будет жить, развлекая народ игрой. Тут же, на спор, взялся доказать, что дело это не менее прибыльное, чем избранная им работа. Тем вечером, случайно прогуливаясь по Приморскому бульвару, две наших медсестры были весьма удивлены, увидев там прилично одетого молодого орка, за скромное подавание исполняющего на заказ прохожих песни в сопровождении превосходного старинного саза. Подойдя поближе, они узнали в музыканте мастера Чанчибара. То-то слухи потом ходили!

Мастер Чанчибар — орк одаренный. Если не подведет его излишняя горячность, станет со временем хирургом весьма высокого уровня. Но именно в силу оной несдержанности считаю его одним из наиболее вероятных соучастников крамолы. Советую господину сотнику обратить на него самое пристальное внимание...

И какая только мерзость сгоряча в голову лезет! Что я тут про Тамми сам себе напридумывал — вспомнить противно. Она и Ча! Это ж бред! Тамми таких вот выпивох на дух не переносит — слишком они ей родного батюшку напоминают, Семерыми да примется. Вон как спит безмятежно, не может человек так спать, если хоть какую вину за собой знает. А ты, Харрунга, не потому до такого додумался, что жене своей не веришь, а потому что неволью хочешь ее принизить, хоть как-то на один с собой уровень поставить. Сам — подлец, и в других то же видеть желаешь. Вот и ищешь во всем дерьмо, а не найдешь — так уж и придумать готов... Еще один должок с господина сотника и всей его братии...

Байда Айхади, 27 лет. Дневной ординатор 1-го х/о. Благородный господин. Степняк. Женат, сын и дочь, трех и одного года соответственно. Супруга — наездница, до рождения первого ребенка дважды приходила первой на большом заезде в честь Дня Объединения.

Сам Айхади участвует в скачках и по сей день, но с госпожой Лакорри тягаться не может. Умная, по всему видать, женщина, благородная Айхади, если нашла в себе силы и мудрость под предлогом рождения детишек перестать уязвлять мужа своим превосходством.

Благородный Байда — человек настроения. Серое уныние сменяется у него приступами безудержного рвения. Работает исправно. Исполнителен. Возможно, за это весьма ценим профессором Мумлачи, чьим учеником Байда еще не так давно являлся.

Приязнь господина Яборро очень даже ощутима. В ссоре между Амби и Айхади он — негласно, разумеется, — принял сторону последнего, и поэтому именно благородному Вахардо пришлось переходить из 1-й хирургии во 2-ю. На мой взгляд, перевестись должен был Байда, он все же помоложе будет, да и уровнем пока послабее...

Обстоятельства, в которых благородный Айхади сошелся бы с людьми сомнительными, я себе представить могу. Но в этом случае

вполне допускаю, что единожды поддавшись слабости и влипнув в дело неблагоприятное, он жаждет порвать с сообщниками; однако силы для добровольного признания едва ли в себе найдет. Не исключено, что любую помощь в таком вопросе воспримет с признательностью...

Возможно, господину сотнику следует поближе познакомиться с этим человеком... Как, благородный Байда, мою шкуру примерить не желаете? А вдруг подойдет? То-то мило бы получилось! Не одному же Харрунге на друзей да знакомых доносы писать!..

Кадатта Минайчи, 26 лет. Дежурный ординатор 1-го хирургического отделения. После гибели отца остался сиротой, воспитывался у тетки в Умбине. Так как отец был войсковым лекарем, Кадатта на льготном основании смог поступить в Ларбарский Университет и вполне успешно окончил его два года назад.

Очень самостоятельный молодой человек. Общительный, открытый, доброжелательный. Ближе прочих сошелся с мастером Курриби, видимо, нуждаясь в обществе не только наставника, но и старшего друга. Более того, дружба эта имела благотворные последствия и для самого Курриби, сумевшего после стольких лет обуздать некоторые свои дурные привычки. Многие утверждают, что именно стараниями Минайчи.

Правда, как рассказала мне все та же Вики (да благословят Семеро и Пестрый Змей, а также Справедливый Барр и Милосердная Пардви, и кто там еще есть, эту девушку! Просто кладезь Премудрости), интерес Минайчи к мастеру Курриби не совсем уж бескорыстен. То есть Кадатта вполне искренен в своей приязни к бывшему наставнику, но не исключено, что здесь в основе лежит куда более нежное чувство к дочери мастера Талдина. Поистине, прекрасна рыжеволосая Полирри, будущий знаток железнодорожного дела. И стройностью стана, и легким нравом, и дюжиной дюжин огненных Тваринов, пляшущих в веселых глазах. Ты, Харрунга, лишь однажды видел ее, а так до сих пор позабыть и не можешь. Что же взять с бедняги Минайчи! И сам бы Курриби был не против такого союза, но девица вполне недвусмысленно сказала: нет, мол, не по сердцу ей папин подопечный. Злые языки утверждают, что капризная красавица на мужчин не смотрит и вовсе, а видят ее все больше в обществе подругек по учебе, и будто бы подруг тех отличает некоторая жесткость повадок... Вот и торчит парень у Курриби день-деньской, в надежде хоть словечком перемолвиться с любезной его сердцу барышней, если вдруг той вздумается батюшку навестить.

В работе, как и во всем, прилежен и добросовестен. Отношения с коллегами добрые. У молодого человека счастливая способность располагать к себе людей. Круг его общения довольно разнообразен, в число приятелей вполне могут входить и интересующие нас личности...

Элдери Никони, 25 лет. Дневной ординатор 4-го хирургического отделения. В университетской Лечебнице около года. Сын старшины Гильдии Провизоров города Ларбара, уважаемого Чадалли Никони.

К несчастью Элдери, батюшка его мечтал видеть сына лекарем. Потому Никони-младшему выбирать не пришлось. Его воля — стал бы юноша живописцем. Но перечить отцу не осмелился и к постижению лекарской науки приложил все усилия. Он вообще мальчик старательный.

Замкнут. Застенчив. Даже робок. Неразговорчив. Многим бросается в глаза его своеобразная отрешенность от насущных дел.

Добряк Чилл всячески старается разговорить юного коллегу, но даже ему это редко удается. Зато однажды на утреннем собрании я заметил, как Никони что-то старательно чертит в своей папке. Скопил глаза — и на тебе! Невероятно удачный портрет мастерши Виндвелли, она как раз отчитывалась. Воображение Элдери нарядило ее в старинное платье, какие носили лет двести тому назад, с туго стянутым поясом, высоким воротом и пышными юбками, а из волос соорудило и вовсе нечто невероятное. Но сходство поразительное. Потом, наблюдая за ним, я обратил внимание: Никони часто вот так внезапно замирает и начинает рисовать, быстро, с оглядкой, чтобы никто не увидел. Должно быть, у него скопилось уже целое собрание портретов коллег, медсестер, больных и посетителей. С тех пор, общаясь с ним, я не могу отделаться от мысли: когда он вот так внезапно поднимает глаза и цепко окидывает тебя взглядом — не иначе старается запомнить каждую морщинку, складку, оттенок. Будто снимки делает. Жаль только, рисунков своих Элдери никому не показывает. Стесняется.

Может ли такой затворник сойтись с заговорщиками? А кто знает, во что выливается скрытое недовольство у подобных молчунов. Пожалуй что и мог бы...

В настоящее время я не вижу возможности отрицать его связи с подпольщиками. Однако высказанное предположение нуждается в более тщательной проработке...

Почему я вспомнил о Виндвелли. Признаться, тогда меня это задело, хотя, скорее всего, Элдери не имеет к ней никакого отношения. Во всяком случае, я думаю, много меньшее, чем некоторые другие мои сослуживцы. А с другой стороны: ну кто она мне? Случайная и, к слову сказать, нечастая подруга. И опять же, не только мне... Пора бы уж перестать обольщаться по поводу собственной неотразимости. Ладно, до нашего отделения я еще дойду. Остался последний.

Видани Баргачи, 26 лет. Дежурный ординатор 4-го хирургического отделения. Родители преподают во 2-й Ларбарской Народной школе. Женат, супруга учится в Университете на отделении Естественных Наук, будущий химик. Человек, по общему понятию, одержимый. Главная страсть всей жизни — изобретательство. Чем он только не занимается: усовершенствованием систем для промывания гнойных полостей, подборкой новых смесей для стерилизации инструментов, поиском улучшенных составов для переливаний и прочее, и прочее...

Уже больше года носится с замыслом создания новых противовоспалительных препаратов. Якобы, средства, добываемые из подземной плесени, можно получить и химическим путем. А то до него все мировая фармацевтика до этого бы не додумалась, если б, и правда, такое было возможно. Вот вопрос: женился он на своей супруге по сердечной страсти — или чтобы иметь доступ в химическую лабораторию? То есть нет, тут-то, как раз и получается, что по самому страстному велению сердца.

Имеет множество знакомых среди химиков, провизоров, механиков. Любопытелен. Не стесняется задавать самые невероятные вопросы в любом месте и в любое время. Профессор это всячески одобряет.

Хотя, как мне кажется, Баргачи и его уже донял своим неумным любопытством. Каких-либо значимых успехов ни в науке, ни в практике Видани пока не добился. Видимо, не следует так разбрасываться. В лечебнице его мало кто принимает всерьез. Кайран — так тот просто откровенно рявкает, Чангаданг, как то ему свойственно, посоветовал юноше перестать жертвовать научным служением за счет никому ненужных хирургических упражнений. К чести Баргачи, он и не думает обижаться; говорит, что время их рассудит...

Возможно, ряд тайных обществ такой человек смог бы заинтересовать. А увлекся бы он их предложениями — вопрос открытый. Впрочем, предоставь кто бы то ни было Баргачи лабораторию и возможность заниматься тем, что ему в данный час интересно, — и он пойдет на все...

Батюшки, время-то — давно полночь. Завтра опять буду выглядеть, будто с похмелья. Бурые мешки под покрасневшими глазами, воистину, вид пугающий. Ну да ничего. Небось, недужным, находящимся на моем попечении, будет не до разглядывания личности обихаживающего их мастера Харрунги. В отделении для тяжелых больных за внешний вид можно не опасаться. Крайне тяжелых у нас сейчас шестеро. Ожог, опухоль кишки со стомой, оперированный желчный перитонит, язва с рецидивом кровотечения, падение с высоты (трепанация) и проникающее ножевое (оперирован дважды, второй раз — лично профессором Мумлачи, но, похоже, снова несостоятельность). Трепанация и ножевое — на мой взгляд, не жильцы. Уйдут со дня на день. Перитонит — тетка крепкая, вытянет, тем более, Чангаданг оперировал. Остальные — сказать сложно. Сегодня дежурит Рахдон, до утра дотянет всех (ему и не такие чудеса по плечу), если, конечно, несостоятельность не возьмут еще ночью. Правда, профессор лично распорядился — не брать. Но нынче главным по корпусу все тот же Чангаданг, если сочтет нужным — непременно соперничает, никаких Исполинов не дожидаясь. А там уж — все в руках Семерых. Ох, не иначе завтра опять на утреннем сборе сцепятся... А дел с утра — выше крыши, только мне их разборки и слушать.

Ну вот, добрался я, наконец, и до родного отделения. Осталось совсем немного.

Отделение для тяжелых больных (ОТБ) рассчитано на пятнадцать коек, располагает пятью лекарями, тремя фельдшерами и четырьмя сестрами. Всем докторам присвоен второй лекарский разряд. «В день» работают двое, трое остальных — сменные дежуранты.

Маято Тагуду, 50 лет. Дневной ординатор ОТБ. Супруга преподает музыку в частной школе. Детей нет. Человек с врожденным чувством прекрасного, обладает отменным вкусом.

Это проявляется во всем — в изысканно подстриженной бородке, безупречном дорогом сюртуке, в котором он является на работу — в любое время года, даже в жару, во всегда блестяще начищенных ботинках (будто не по той же грязи, что и все, шлепает). И при этом неизменная цепочка золотых часов, выглядывающая из кармана, и золотой портсигар с исключительно хорошим табаком.

Воспитан. Выдержан. Обходителен. Красив. Являет собой редчайший пример супружеской верности. В любовных связях на работе или где-либо еще ни разу не замечен.

Тут даже Вики разводит ручонками. Уж как бы его ни соблазнили наши легкомысленные красотки — ни-ни. Попытки эти заранее обречены на провал.

Собирает редкие вина и прочие спиртные напитки, но сам не злоупотребляет. Исключительно в торжественных случаях. Ценитель тонких кушаний.

Принимать пищу наспех, из больничной посуды? Семеро на помощь, для мастера Тагуду это почти святотатство.

С коллегами отношения ровные. Сомнительных знакомств не приемлет. Начальством уважаем и ценим.

Еще бы им не ценить мастера Тагуду. Миррами предупредила меня в первый же месяц знакомства: «Маято — мужик неплохой, но при нем — никаких слабостей. Мумику стуканет. И исключительно из добрых побуждений и с любезной улыбкой. Ты и не поймешь, кто тебя засветил. Имей в виду!». Намекала ли она, наученная горьким опытом, чтобы я о наших с ней отношениях не трепался, или правда пыталась от чего-то уберечь? Так я до сих пор и не понял. Эх, Мирра, знала бы ты, кому говоришь. «Мумику стуканет» — это ж еще не худшее...

Данчари Рахдон, 33 года и Чахбар Чура, 30 лет. Сменные ординаторы ОТБ. Надеюсь, господин сотник простит мне то, что я допускаю подобное объединение. Сделано это не из желания сократить объем моего отчета, а из соображений связности рассказа, ибо этих моих коллег невозможно представить поодиночке. Оба орки. Учились в Чаморре. В Ларбаре чуть более четырех лет.

Да, кто же этого не знает в Объединенном Королевстве. Подобно тому как арандийская школа врачевания славится своими хирургами, Чаморрский Университет является сильнейшим по части подготовки лекарей по моей отрасли — терапии критических

состояний. Между прочим, не то прадед, не то прапрадед Чахбара был главным войсковым врачом в Чаморрскую войну... С той стороны.

Живут в одном доме, в казенном общежитии от Лечебницы. Подобная дружба весьма ощутимо сказывается на их трудоспособности. Порознь каждый выглядит несколько потерянно, зато вдвоем способны свернуть горы. Однако, ошибочно было бы предполагать, что привязанность их носит некий странный характер.

Чахбар и Данчари скорее друзья-соперники. Каждый стремится сделать что-либо лучше другого. Они даже за одной девушкой ухаживают — медсестрой Рабани из третьей хирургии. И за два года такого состязания умудрились ни разу не поссориться. Что же касается девицы Рабани, похоже, ей льстит подобное внимание, тем более что, являясь на подобные томные прогулки вдвоем, ни один из ее кавалеров в присутствии другого не позволяет себе перейти границы приличия.

Если один из них каким-либо образом связан с неблагонадежным обществом, второй непременно должен об этом, по меньшей мере, знать, если уж не состоять в ней же. Учитывая прошлое предков Чуры, такое вполне возможно.

Да что я, в самом деле. Можно подумать, ОО неизвестно, из какой семьи мастер Чура. И без тебя, Харрунга, за ним уж наверное приглядывают. Ну, да мое дело маленькое...

Миррами Виндвелли, 31 год. Сменный ординатор ОТБ. Не замужем. Училась в Ларбаре.

Вот интересно, Мирра училась на два года позже меня, но я ее не помню. Совсем. А мог бы запомнить — женщина она яркая. О родителях своих никогда ничего не рассказывала, по крайней мере, мне. Дед держал мясную лавку в городе. Заложив аренду, оплатил внучке первые годы учебы, потом еще кое-чего поднакопил, да и сама она работать начала рано. До дня, когда Мирра получила свой первый лекарский разряд, дед не дожил несколько месяцев. Умер внезапно: лег спать, и не проснулся, будто праведник...

Нрава легкого, открытого. Любит шумные компании. Несколько взбалмошна. Неосмотрительна в знакомствах. С коллегами отношения теплые...

Слишком уж теплые. Кто из наших у нее только дома не перебывал... Маленькая комнатка в казенном доме от лекарской гильдии. Одной-то ей — куда больше? Пятеро соседей по кухне. На окошке занавески, расшитые птичками — розовыми, голубыми, желтыми. Шерстяное пушистое одеяло на широкой кровати. Рядом — низенький столик с желтой потертой скатертью. Шкаф, откуда всегда торчит пола белого или ярко-красного платья. Кресло-качалка в углу, стоит в него сесть, и оно начинает поскрипывать разохшимся деревом, словно баюкает. У входа — тумбочка с резной музыкальной шкатулкой. И пустое пространство посреди комнаты. «Здесь я танцую, — пояснила Мирра еще в самый первый раз. — Я в детстве

танцовщицей хотела стать...». И только совсем под утро, когда уже начало светать, я заметил у нее длинный белый шрам на левом бедре. Увидев, что я смотрю, недовольно повернулась на другой бок, тихо ответила: «Это еще в школе. На Новогодние дотанцевалась. И вот... Как ты думаешь, Тава, может, мне наколку сделать? Ну, там змея какого, или цветок, чтоб не так заметно было... А то, наверное, не нравится...». За четыре месяца нашего знакомства никакой наколки она так и не сделала, но каждый раз стесняется, левой стороной старается ко мне не поворачиваться. Будто бы мне не все равно.

Добрая она девка, хотя и бестолковая. Это все от неустроенности. Был бы свой мужик, постоянный, не то что я — раз-другой забреду. Чтоб было кому щей наварить, рубаху постирать или заштопать, глядишь — дурь бы и выветрилась. Только где там! Раз уж она к тридцати своим годам не поняла, что те мужики из нашей лечебницы, что с ней койку делят, на ней не женятся. Ни семейные, ни свободные. Дура она, в сущности, со всеми своими умопомрачительными прическами и яркими платьями... Не будь Ялли, Тамми, я б, глядишь, и женился, а так...

Лекарка из неё средняя. До Рахдона и Чуры не дотягивает. Крамолой, тайными обществами не интересуется...

Вот и все. На сегодня. Господин сотник просил меня обратить особое внимание на коллег с высшими лекарскими разрядами. Сестры, фельдшера, сиделки могут и обождать. Что ж, господин сотник, вот вам подробный список. Ищите. Ищите, возможно, кто-нибудь из описываемых мною коллег и окажется интересующим вас смутьяном. Впрочем, нет. Список этот не полон еще без одного лица. Итак:

Ваттава Харрунга, 32 года. Сменный ординатор ОТБ. Родом из Приозерного Края. Учился в Ларбаре. С 1106 года — осведомитель Службы Безопасности. По окончании Университета работал в Мичире, в лечебнице для сотрудников Охранного отделения, потом — в Марбунгу. В конце 1117 года переведен в Ларбар, в Университетскую Лечебницу. Женат, имеет сына семи лет. Супруга — швея-надомница, приписана к швейной мастерской № 9.

Давно ли вы проверяли своих сотрудников, господин сотник? Или в мастере Харрунге нельзя уже усомниться? Зачем же сомневаться, разве не он, Ваттава Харрунга, помог в расследовании дела о «внезапном» смертельном недуге, постигшем господина Биаррийского представителя в 1112-м году? Разве не он Ваттава, лично пользовал вашего племянника там, в Марбунгу, два года назад, когда тот обкурился дурманными травами, а вы всеми силами стремились избежать огласки? Потому, переводясь в Ларбар, вы и взяли его, Харрунга, с собой, как человека безусловно верного и надежного.

И только одно ускользнуло пока от всевидящего взгляда господина сотника. Что этот самый Харрунга горячо и искренне ненавидит вас всюю своею жалкой душонкой. И именно поэтому два

месяца назад, когда Ларбарское охранное отделение сбилось с ног, разыскивая бежавшего при облаве и подраненного заговорщика, мастер Ваттава, волею судьбы вышедший на этого человека, вспомнил, что с детства мечтал служить не вам, не Судии Праведному, а Целительнице Гаядари. И нашел в себе смелость исполнить свой долг так, как только он его понимает... Ищите же, господин сотник. Когда-нибудь, я знаю, мы встретимся с вами при других обстоятельствах, и тогда я отвечу за все. Но это стоит того, чтобы хоть на миг почувствовать себя свободным...

Часть вторая. Какая же это любовь?

«Сядь, Мирра, не суетись, не бегай с кастрюлями, не буду я есть. Совсем. Да не голоден я. Как? Ну, разве что в этом смысле. Сама сказала, вот и садись теперь.» А ведь верно сказала, кажется, затем и хожу. За тем самым. И нечего мне в таком разе вид делать, что все у нас с тобой серьезно. И ты не притворяйся тогда, что меня ждала. Именно меня. Картошечку жарила, плюшки пекла — для кого? Авось забредет кто? Ну вот, забрел, а ты и рада...

Зря ты, Харрунга, вредничаешь, дома-то тебя, поди, не так встречают. Хотя внешне все вроде так же. Только тарелка по столу звякает раздраженно, чай в стакане сердито плещется — недовольны, как и хозяйка. Все, допрыгался, мастер Тава, скоро с посудой, а не с женой говорить начнет.

Давай, Мирр, лучше с тобой поговорим. А все равно, про что. Ты когда дежуришь? Послезавтра, я знаю, заранее все высчитал, чтобы сегодня придти. Ну, на работе увидишь тогда, какое чудо у нас лежит. Девчонка одна, в канале топиться надумала, с моста сиганула, да городской увидал. Отчего, спрашиваешь? Отчего же еще, как не от несчастной любви. Дурища молодая, нашла повод... Скажешь тоже! Глупости это все... Нет, я считаю, что и вовсе не надо. Топиться ей, понимаешь, не страшно, а уколов боится...

Когда-то, почти пятнадцать лет назад, когда мне было столько же, сколько ей сейчас, я вообще ничего не боялся: ни врачей, ни Охранки, ни незнакомого большого города, в который приехал. Тогда была осень, казавшаяся мне краше любой весны, комната в общежитии с двумя соседями представлялась роскошнее богатого дворца, а всякая проходящая мимо девица мнилась если уж не королевой, то хотя бы княжной, но при этом — непременно моей.

Мы готовились к вступительным испытаниям, а по вечерам шли в «Баранки», где совсем не задорого можно было взять каши со шкварками, квашеной капусты и графин водки на троих. И Латти нас уверял, что он обязательно поступит, а лет через пятнадцать — вот увидите — его изберут в Исполны за заслуги перед отечественной кардиологией. Предлагал запомнить этот день и даже вытащил ножик, намереваясь запечатлеть дату на столешнице, но половой

вовремя заметил. В общем, так и не вырезал. А вскоре и сам уехал назад домой, потому что провалил последнее испытание. И второй наш сосед — не помню, как его звали, — тоже уехал. А я вот остался.

И сегодня снова был в «Баранках» вместе с Талдином Курриби. Дурацкая вчерашняя история все никак не дает ему покоя. Муки совести пополам с похмельем — тяжкое наказание. «Да нет, о чем говорить-то, мастер, всяко бывает... Конечно, во всем виноват пожар, Арнери бы просто так не отпросился... Пожарной дружине непременно требовался лично он как домовладелец... Чтоб потом никто придраться не смог, если что пропадет или попрут... Да и вы бы не выпили, кабы знали, что благородный Райачи не на месте... И все дела уже переделаны... Я тоже не ожидал, что больная закровит... По закону подлости, когда Арнери уже ушел, а вы уже... ну, короче, не могли... Сильно ли кровила? Да не то слово! На операции в желудке слепок был... Язва... Прошили... Я и помогал. А кому еще-то? Не в одиночку же Кайрану оперировать было... Да ничего особенного, мое-то дело нехитрое... Наркоз? А что — наркоз?.. Ну, я... У меня сестра была опытная, мастерша Дакарри... Я лишь руководил... Хм, дай-то Семеро, все обойдется! Вот только Кайран...»

По-хорошему, Кайрана можно понять. Любой взбеленится, когда выяснит, что у больной кровотечение, ждать до утра нельзя, а ты остался лишь с ОТБ-шником, потому что один ассистент отпросился, а другой — напился. Как он вопил! «Вы хоть понимаете, что этот негодяй, этот мерзавец подставил и меня, и вас! Я вынужден оперировать в одиночку. Не с хирургом, а с вами. А вы, вместо того чтобы давать наркоз, помогаете мне! Бардак!» Разумеется, он был прав. И все же я терпеть не могу, когда так кричат. И к тому же обозлился: «В одиночку. Не с хирургом, а с вами...». «Дают девицы в веселом доме, а наркоз — проводят, мастер Кайран» — выдал я любимую присказку всех обиженных ОТБ-шников. Сестры зафыркали, но Кайран прекратил разоряться, хотя, кажется, и обиделся. Ну и пусть. Не люблю я его, истерик он.

Курриби к утру проспался, выполз из своей норы — где уж он там прятался? — и завалился в ОТБ. Как раз к тому часу, как больную туда из операционной перевели. «Не хватало тебе, Харрунга, чтобы они с Кайраном тут сцепились» — подумал я и знаками велел Талдину выметаться, пока Чаори спиной к нему стоял. Охота мне полупьяного человека и взбешенного орка разнимать.

Кайран, конечно, просто так не унялся, попытался поднять хай на утреннем сборе. Курриби и бровью не повел — мол, вызвали в Заразу, там задержался, о кровотечении и знать не знал. И ведь до чего складно врет — загляденье, да и только! Чтобы мне так уметь. Исполин чуть было слезу не пустил: «Подвиг наших коллег... Спасли тяжелейшую больную... Мастерша Дакарри вела наркоз, как тот юнга, ведший корабль по одним только устным указаниям раненного капитана... Каковы наши сестры!» Таморо, до этого дремавший, немедленно влез с вопросом: какой такой морской змей искусал мастера Харрунгу? — и покосился на Чангаданга. Не упускает народ возможности пнуть нашего больничного Змия. Чанчибар вполголоса

объяснил, если кто не понял — искусали, мол, беднягу Талдина, и не морские змии, а белые перегонные. Причем до полного бесчувствия, а сам Харрунга, не оставляя обязанностей наркотизатора, встал к операционному столу.

Даже удивительно, до чего у нас все любят подобные действия. Проходил я остаток дня, как жених на свадьбе, под восторженными взглядами коллег. И выглядел, как и полагается жениху, потрепанным и рассеянным. Ничего удивительного: говорил, что после дежурства устал, чтобы с расспросами не лезли. Домой ушел пораньше, в пивную заходить не стал. Надо, наконец, ребенку полки для книг сделать.

А сегодня всем-то вдруг Харрунга понадобился. Для начала Мумлачи попросил выбрать время к нему зайти. И опять все о том же. Прежде всего о больной стал спрашивать, будто сам же ее утром не смотрел. А потом — я и не заметил, как — уже про меня. Удобно ли здешнее жилье, да подходит ли сыну школа, да не нужно ли чего. Одним словом, проси чего хочешь, мастер Харрунга, — все тебе будет.

И зачем он насел со своим доброхотством? Что, думает, Охранка обо мне хуже позаботится? А может, хочет, чтобы я об этой истории не докладывал? Хороша университетская лечебница, если там доктора на дежурствах квасят! Пустой это труд. Ваттава Харрунга — коронный осведомитель. Если спросят — расскажет, будьте уверены. Но уж очень господин Мумлачи старается, даже жалко его расстраивать. А и в самом деле — давайте хоть тогда мне дежурство поменяем. Скажем, с двадцать третьего на двадцать восьмое. И Вам приятно, и мне будет повод из дома лишний раз уйти.

Эх, напрасно я огород горожу, с предложениями разными ухищряюсь. Потому что если муж однажды не придет домой — Тамми ничего и не спросит. Интересно только: ей и вправду все равно или она лишь вид делает? И ведь любой другой на моем месте радовался бы — этакое сокровище! — да пользовался бы случаем. Пользоваться-то я, конечно, пользуюсь, а радости вот нет. Побеспокоилась бы обо мне немножко, спросила бы, где я шляется, пусть бы даже накричала — все лучше знать, что дома я для чего-то нужен. А не только для того, чтобы дверь войлоком обить или полог повесить. И еще вопрос: утеплю я дверь, чтобы по полу не сквозило, — не переселят ли меня на этот самый пол, на коврик ночевать?

Хорош из меня кавалер, ничего не скажешь. Мирра мне уже с полчаса что-то рассказывает, а я и не слушаю вовсе. Про какого-то старого козла-благодетеля, что ей в школярские годы и после помогал много. Большой, дескать, человек был в отечественном врачевании и в гильдии местной... Эге, уж не сам ли Нираирри?.. Комнату за ней дедовскую сохранил, на работу устроил... Только ему все казалось, что его, такого хорошего, не любят... В общем, надоели девке все эти свары — хуже некуда. Набрала седатиков, дура, да и наглоталась. Хорошо хоть на работе, в кладовке спряталась, нашли вовремя. Так он и после этого не уgomонился. Ухажер хренов!..

«Какая же это любовь, Мирра, если он до такого человека способен довести?»... «Несчастливая?»... Нет, не похоже, вроде на старого профессора... «Тоже, говоришь, здесь работал?»... «Дык-ть, откуда же мне его помнить»... «Я? Во второй»... «Да, хирургия. Травма в основном»...

Это верно, на практике я сначала к хирургии был приписан. Во второй Ларбарской. Для ОТБ лекарей тогда в Ларбаре толком не готовили. Терапией критических состояний я уже на последнем году начал заниматься. Интересней показалось, чем сломанные кости ремонтировать или в животе всю жизнь ковыряться. Но кое-какие хирургические навыки все же сохранил. Достаточные для того, чтобы самому больного перевязать, а не бегать каждый раз за хирургом.

После вчерашнего мои коллеги, кажется, все же согласились это признать. А то поначалу высказывались. Тот же Кайран, в частности. Да и у Змея, надеюсь, отпала охота меня всякий раз испытывать. Кое-кто даже прошелся сегодня насчет того, что если я и дальше буду продолжать в том же духе, количество дежурных хирургов сократят до одного, а к операциям начнут привлекать ОТБшников, раз уж они такие прыткие. Исполин тоже намекнул, не хочу ли я хирургический разряд защитить. Надеюсь, я смог его убедить, что всем доволен. Тут мне даже врать не пришлось — все так и есть.

Хотя по части вранья я тоже не последний. Дома-то я что сказал? — Что дежурю вместо Тагуду, который, якобы, захворал; Тамми мне даже честно полкурицы с собою завернула. Кстати, Мирр, курицу будешь?.. А плюшки у тебя вкусные, давно таких не ел... Все, последнюю... Иди сюда, а?.. Ничего, потом доедем...

* * *

Жене я сообщил, что должен навестить коллегу по службе. Про себя еще подумал, что даже не солгал. Потом только сообразил, что знай Ратамми про Мирру, она не то совсем представила бы. А если бы вдруг проследила, то, пожалуй, даже и удивилась. Потому что направился этим вечером мастер Харрунга не в сторону Похвального переулка, а на север, к улице заместника Накору.

Тамми кивнула, не отрываясь от своих подсолнухов. Жилище наше напоминает сейчас огород приозерного мохнонога — всюду эти подсолнухи. На столе, на стульях, на кровати. Важный заказ для Народного хора. И где они только такую ядовито-желтую ткань сыскали? А жена, похоже, гордится, что именно ей самое сложное в работе досталось — украшения на платья шить.

Родители в свое время не одобрили мой выбор. Когда осенью, вскоре после свадьбы, мы приезжали к ним знакомиться — так и сказали, что я мог кого получше себе найти. Спасибо хоть — мне сказали, а не ей. Не знали или не поняли, что Ратамми и была для меня лучшей. Худенькая девчонка-тихоня, последний класс рабочей школы. С какой настороженной неприязнью она косилась на собственного папашу, к которому по-соседски однажды пригласили знакомого лекаря...

Женился я как-то случайно. Почудилось, что отвечаю за нее, и эта мысль показалась мне приятной. В ту пору мне вообще многое представлялось не таким уж и скверным. Мичир, конечно, не Ларбар, но тоже город не из самых маленьких, а если уж служить в Охранном, то лучше так: хоть и в особой лечебнице, но лекарем, не доносчиком. Может быть, на радостях, что все наладилось, я Тамми и увлекся. Захотелось, видите ли, кого-то оберегать. А еще нравилось, что кто-то на мастера Харрунгу большими-большими глазами смотрит.

Теперь на меня так только Ялли иногда поглядывает, но и то потому, что мал пока. Как он давеча, когда я полки сколачивал, все игры бросил — прибежал помогать. А жена так смотреть и вовсе разучилась. Давным-давно, в том же Мичире.

Благодушной убежденности в том, что все хорошо, суждено было через пару лет сломаться. Вместе с ребрами, когда в Охранке мне совсем беззлобно и очень по-деловому объясняли, что я заблуждаюсь. И в том, что Харрунга сначала — доктор, а потом уж Коронной присяги человек, и в том, что он кого-то защитить может.

И когда я утром брел домой из Охранного, будто бы с дежурства, больше всего меня волновали две вещи: смог бы я на самом деле вытянуть того биаррийца или бы он все равно умер, и как быть с Тамми. На первый вопрос я до сих пор не знаю ответа. Да, сердечный удар, да, намеренно затянули с доставкой в лечебницу, а все же... Кто-то на улице шарахнулся от меня, как от пьяного. И зашел тогда Харрунга в первую же лавку, и взял стакан водки, чтоб уж и впрямь от него разило. И помнится, больнее всего было не от побоев, а от страха и унижения. Вот и сочинил я тогда ту выдумку. Сказал Ратамми, чтобы держалась от меня подальше, потому что я болезнь нехорошую подцепил. Думал, накричит, обругает, заплачет, может быть, даже уйдет или меня выставит. А она ничего не сказала, только постелила мне на диванчике в другом углу комнаты, отвернулась и села шить. Значит, поверила. Значит, ждала от меня какой подлости, вот и не удивилась. Так-то...

После мой начальник все уверял, что это — и против него, сотника Нариканды, личный выпад. Говорил, что никому подобного не спустит, а я ему не верил. И не исключено, что зря не верил-то. Может, парни и правда без его ведома поусердствовали. Кто их знает, как они там в Охранке меж собой ладят?

К чему я, собственно, это все? А к тому, что всякий раз, как нынче, отправляясь к господину Нариканде, я стараюсь вспомнить о нем какую-нибудь гадость. Так легче. И к нему притерпеться, и с собою примириться, чего уж там...

«Добрый вечер, господин сотник»... «Нет, спасибо, не беспокойтесь»... «Ладно, хорошо. Тогда чаю»... «Почему никогда кофей? А не люблю»... «Сердце? Да, вроде, нет. Просто от него в сон тянет»... «У Вас? А-а-а»... Шутить изволит господин Нариканда, дескать он, сотник, выполняет указы лишь Короны и докторов. Ну-ну. — «А как прикажете. Хотите — запрещу?»... «Все как всегда»... «Особенного?»... «Да нет, обычная работа»... «Ну, тут я, к сожалению, не больше прочих сообщить могу»...

«Сестра. Сказала, что не нашла»... «Почему, он потом объяснился. В Заразу его вызвали. На острый живот»... «Ну, а как проверить? Запись в тетради есть»... «Нет, у самого больного не расспрашивал»... «Ясно»... «Да, собственно, всё»... «Чаори Кайран»... «Да. Талдин Курриби»... «Скажем так: случается»... «Наверное, при желании можно»... «Господин Мумлачи? Нет, не стал»... «Покрывает?»... «Могу предполагать»... «Как лекарь — Курриби достаточно опытен»... «Немало»... «Еще — безотказен»... «Иногда это удобно»... «Если кто-то заболел. Или по другой причине не вышел».

«Да, спасибо. Угощаюсь»... «Нет, с чего ж мне стесняться?»... Кушайте-кушайте, мастер Харрунга. Вон, как мы вас любим и ценим. Плюшками балуем, чаем... Плюшками, значит?.. Где-то я их уже видел. И даже ел. И даже помню, где: у Мирры, накануне Преполовения. Только они тогда посвежее были... Так, стало быть, и господин Нариканда тоже?.. А что, вообще-то?.. Господин сотник не так уж и плох... Или... Чего я, в самом деле? Может, и наоборот... Может, Мирра... Вот ведь, какая хрень!..

«Хороши у Вас плюшки, господин Нариканда. Сразу видно — домашние!»... «А-а, сосед на дне рождения угощал»... А обитает наш сотник в казенной квартире. Так что и соседи у него, поди, не в богадельне работают... Но ведь держат же мастершу Виндвелли в Университетской лечебнице. Стонут и морщатся, а не гонят. На все ее ошибки глаза закрывают. Скажете, по большой душевной доброте? Как же! Присяга у человека! Потому сразу после Университета в Первую и устроилась. И никакой старичок-благодетель тут ни при чем. Или тот доброхот не из лекарских, а из служивых был?

И Ваттаву Харрунгу Мирра заполучила лишь для того, чтобы за ним надзирать сподручнее было. Изобретательно, верно. Только что же они тогда так с этими плюшками прокололись?.. Мог ведь Нариканда это учесть... Или не мог?.. Или Мирра мне так понять дает, что наши с нею шашни Корона самолично предписала и благословила? А мастер Харрунга, небось, и не понял, что пять дней назад не плюшки, а миррино признание скушал?..

Тьфу ты, все равно ведь не складывается! Не верю я, что можно было так рассчитать. Ну и ладно. В самом деле, что же Харрунга — один такой, что ли?.. А я-то, признаться, все на Байду думал...

Который же теперь час? В змейские вечера темнеет поздно, фонари еще не горят. Не стану я, пожалуй, трамвая ждать, так пройду. В этих кварталах и морем-то почти не пахнет. И жара дольше держится, вон как от мостовой да от домов тепло расходится. Арки обвиты плющом и виноградом — ничего, что он тут не вызревает, все равно хорошо. Если не держаться трамвайных путей, а свернуть в садик — можно куда быстрее добраться. И фонтан старый на месте — так же, как и тогда, не работает. А, нет, видать, починили — каменная чаша водой наполнена, а в воде много-много лепестков — белых и желтых. Липа цветет, шиповник, тополя облетают под ветром. Раньше, в школярские годы, больше всего я эту пору любил.

Полгода мы уже здесь, а Тамми города, считай, и не видела. Куда она выходит — только в лавку, да в мастерскую раз в неделю. А так вот просто взять и пройтись по вечернему Ларбару, на улицу Бабочки ее сводить, показать старый город, по набережной погулять. Ратамми должно понравиться, ведь красиво же!

И тогда, в Мичире, она мое вранье быстро очень раскусила. Вошла неслышно, когда я, кое-как извернувшись, пытался спину себе обработать. Тоже молча принялась мне помогать, да так осторожно, будто с ребенком. А потом сказала, что лучше б уж я и правда по бабам ходил, чем так...

Привет, Ялли!.. В прятки играете?.. Так тебя ж из-за бочки видно... Да, пришел... Да ладно, играй, я маме скажу... Уже наигрался?.. Ну, тогда пошли ужинать... А вообще, неплохо эти подсолнухи смотрятся. Яркие; вся комната словно в цветах. Как будто нас с Байалли встречают... Тамми, давай помогу убрать! Здорово у тебя получается... Да нет, ничего не косо... Ты у меня умница!..

* * *

Так, малый, слышишь меня?.. Пустое, Харрунга, ничего он не слышит, глаза закатывает... Пловец, твою мать!.. Морское купанье открылось. Что ни день — то утопленник!.. Хорошо хоть, парень, который тебя приволок, водичку из легких «выжать» догадался. Не иначе, отличником по Гражданской обороне в школе был... Изо рта белая струйка течет, пушистая от пены... Белая, не красная! Да и откуда красной-то взяться, в море ж, не в пруду, не в озере тонул... Подросток, лет пятнадцать на вид... Крепче держи, не бойся, судороги это!.. Что там в умных книжках писали про «сухое» утопление?.. Чаше у детей и женщин... Ларингоспазм... Асфиксия... Ох, только трахеостомы мне не хватало!.. Да какая тут, к умблам, трахеостома!..

Ни хрена сонные не бьются... Поехали!.. Открой рот, парень! Открой!.. Как же!.. Ну и ладно, ну и не надо, где тут угол?.. Вот так!.. Теперь голову... Зубы передние выступают — как бурундук. Морковку, небось, любишь?.. Салфетка где-то в кармане была... Семеро с ней, платком обойдусь... Жарко, а нос совсем холодный... Ну, насколько мы с тобой удачливые — посмотрим... Та-ак... Проходит воздух, нет спазма... Хор-ро-шо... Теперь главное — ребра не ломать... Раз... Два... Три... Отойди, сестричка, не мешай доктору!.. Ты хорошая девочка... Пять... просто... я тебя не знаю... Не сработаны мы с тобой... Шесть...

Ничего, парень, ничего... Может, ты, и вправду, везучий?.. Эх... а я вот, похоже, нет... Губу саднит... Х-хах!.. Нос, нос не забывать!.. Х-хах!.. Вот, дурная голова!.. Не догадался его хоть на топчанчик переложить!.. Сам же теперь и мучайся!.. Три!.. Четыре!.. Пять!.. Не мешай, девонька, я же сказал... Набери лучше что-нибудь... Белентин... И стимуляторы... Что там у тебя есть?.. Сама должна знать... Да, девяносто... Да какую вену, дурында?.. Ты в нее еще попади!.. Семеро, и где ж таких учат?..

Ну, давай же, пацан! Давай... Отзовись же, мать тебя за ногу! Сделай вдох!.. Х-хах!.. Все, Харрунга, надо с куравом завязывать...

Не хватает дышалки... Если сейчас все получится — после праздников брошу... Х-хах!.. Обещаю... Честно... Ни хрена не брошу... Знаю... А-а, все равно... До чего ж ты худющий!.. Два гээра костей да банка крови... Чуть сильнее надавить страшно... Нет, разве ж так заведешь?.. Тут удар хороший нужен. Тогда еще помогает. А так — нет... Эх, будь он чуть покрепче...

Отчего это у него лицо в крови? Вроде, не было поначалу... Э-э, так это ж моя!.. Разбил-таки губу... С размаху приложился... Ох, как сейчас... Воздуховод!.. Слышь, воздуховод дай!.. Нету?.. Плохо... Ладно, перебьюсь... Кто ей чемодан собирал? Узнаю — башку оторву!.. Р-раз!.. Два!.. Нет, бесполезно качать!.. Сейчас... Только бы не перестараться!.. Ну, чего ты пялишься, не видела никогда, да?.. Так запоминай на будущее, глядишь — пригодится... Да!.. Есть, кажется... Считай!.. Пульс считай!.. Да не там, на сонных... За ухом, я сказал!.. Вот, умблова работенка!.. Остался бы в травме — ходил бы в чистом балахоне... Ну, чуть-чуть разве что гипсом заляпанном... Здра-асстье, приехали!.. Чистый балахон, говоришь?.. Получи!.. Это тебе за труды!.. Спасибо, парень! Вовремя!.. Холера! Самого сейчас стошнит!.. Ничего... Ничего, это хорошо даже... Да не лезь ты!.. Потом... На бок голову!.. Да мне-то уж что?.. Ну, малой, проблевался?.. Чисто?.. А теперь — дыши... Дыши, пожалуйста... А я тебе помогу... Еще немножечко... Нельзя сейчас бросать... Вот так!.. Отека нет!.. Нет отека, понимаешь ты?.. Свезло тебе, похоже, бурундук-недопесок... Ну?.. Ну?.. НУ?... Дышишь?.. Сколько выходит? Двадцать?.. Хорошо!.. Ишь, стервец, и глазками уже хлопаешь?.. Ничего... Лежи-лежи... Сейчас в больницу поедem... Да, сходили на пляж!.. Ялли, собери вещи!..

Отмывался я пивом из собственной же недопитой бутылки. Все равно, кажется, рвотный запах остался. Ну что, господа отдыхающие, любовались на зрелище? Читали ведь, небось, про героический труд врачей наших. Так могли теперь убедиться — героического тут мало, а вот грязи зато полно. На лицах собравшихся не поймешь, чего больше было: брезгливости или ужаса. И медсестричка пляжная на меня со всеми вместе тарацилась. Наорал я на нее, кажется, хорошо хоть извиниться сообразил. Она ж того пацана не сильно старше, понятно, что растерялась. Я и сам-то не лучше, тоже перепугался, задергался...

Парня мы на лодочке прям на Водорослянку и доставили. Сдали коллегам на руки и убрались поскорей. Хорошо, отсюда ближе всего Четвертая, а не Первая. И без того мне разговоров хватает. Ничего, полежит несколько дней, поправится. Эх, жаль только, что при Байалли это случилось. Не надо бы ему такое видеть. То-то он примолк, рта не раскрывает. «Ну, Ялли, испортили выходные, да?»... «Давай по мороженому!»... «Ах да, рубашку»... «Что? Шляпа?»... «Да куда уж теперь возвращаться! Ладно, кто-нибудь другой найдет — поносит»... «Знаешь, дома лучше об этом не рассказывать»... «Так и скажем, что потеряли»... Да, тут ты прав, малыш: если бы это мы с тобой утонули — мама бы нас точно убила!..

Отчего же так всегда бывает: хочешь, чтобы все хорошо было, стараешься, а получается хуже некуда? Вот и с двадцать третьим так вышло. Я ведь тогда поменялся, собирался к Мирре сходить. А утром вдруг передумал. Да что я, нанялся, что ли, туда таскаться? Разве мне дома плохо? Ялли меня каждый вечер ждет, спать не ложится, да и Тамми, похоже, рада. Даром что ничего не говорит, я же вижу.

В общем, почти я, было, признался с утра, что дежурство перенес, но в последний миг отчего-то промолчал. Решил: вечером вернусь — скажу, что внезапно все поменялось. Зато по дороге домой пивка можно будет хлебнуть не торопясь. И целый день предвкушал, как дома появлюсь, как мы вместе вечер проведем, может быть, даже по бульвару прошвырнемся.

По пути с работы зашел в «Осенний каштан» — приличное заведение, не забегаловка какая-нибудь. И пиво у них хорошее, плотное, с густой белой шапкой. Такое, что если положить сверху мелкую монетку — она не бултыхнется сразу на дно, а оседать будет медленно и достойно.

Правда, там уже сидючи, заколебался: а может, все же в Похвальный? Подумал только — и обозлился: ну уж нет, домой так домой. А мастерша Виндвелли и без меня не соскучится. Заходил я к ней однажды на Змейское Новомесячье. Почти уже до подъезда дошел, когда яркий свет в ее окнах заметил. Так-то Миррами обычно лишь фонарик с чародейским светом открывает. А тут и свечи горят, и окна распахнуты, и музыка оттуда доносится веселая. Я тогда под сиреневым кустом встал и призадумался, что дальше делать. И пока стоял да думал, расслышал в ее комнате великолепный баритон мастера Нурачи Таморо. Мастерша Виндвелли, понимаете ли, гостей принимает, не до меня ей.

И именно в тот миг, когда я неудачный свой поход к Мирре припомнил, незабвенный нурачин голос зазвучал на всю залу «Каштана». Это они с Дангманом Чамиангом и Чабиром Чанчибаром сюда развеяться зашли, меня увидели и неизвестно чему обрадовались. Я бы понял, если б мы большими друзьями были, а то ведь так — просто работаем вместе, да выпивали несколько раз. Ребятам, наверное, все равно, с кем гулять, а мне от них отделяться показалось невежливым. Я только сразу их предупредил, что скоро домой пойду.

Вот на этом-то все благие помыслы мастера Харрунги благополучно закончились. Оказался он падок на беззаботный треп да халвяный «Фухис». А еще горячий мохноножий сыр с грибами и зеленью, тушеную в сметане крольчатину, вингарские груши и вингарское же крепленое красное. Это все Дани угощал, говорил, что на бегах выиграл.

После первой бутылки я еще пытался уйти, все твердил, что мне пора. А они не слушали, болтали о девчонках, о музыке, смешные истории вспоминали. Потом дошло дело и до моих недавних «подвигов», и до работы вообще. Дангман как-то о переломах обмолвился, и я его спросил, как отец. Тот разом помрачнел, ответил, что так же, и выпил залпом. А после добавил, что мастер Нираирри меня,

дескать, помнит. И вот тут я совсем уже собрался уходить. Решили «по последней». Выпили. Остались. Потом опять.

Когда уже стемнело, Чамианг и Таморо наладились к девицам, звали и нас. Чабир заупряился, сказал, что пойдет к жене, я — тоже. Мы вышли на улицу, вместе с Нурачи упали с крыльца. Дани пытался нас поднять, но вскоре бросил и сам уселся рядом. Чанчибар запел что-то протяжное и похабное. Было хорошо и спокойно. Глядя в звездное небо и лежа бок о бок с Таморо, я подумал, что несколько на него не злюсь из-за Мирры. И на нее не злюсь. Он — неплохой парень. А она никому ничего не обещала, в том числе и мне... Ну, разве что Охранному... И еще подумал, что Ратамми будет ругаться из-за того, что я так поздно...

Сразу же нашлись силы встать. Чабир, не переставая петь, нырнул в соседние кусты. А когда вернулся, остановил пролетку и спросил, где я живу. Мне не хотелось ехать, и не потому, что денег стало жалко, просто ночь была очень хороша, а Ларбар я как свои пять пальцев знаю. Но Чанчибар меня уже усадил, и сам залез, и принялся уговаривать. А Дангман и Таморо к тому времени, оказывается, уже уехали. И тогда я назвал свой марбунганский адрес и закрыл глаза, сделав вид, что сплю. Вот пусть теперь как хочет, так и выкручивается...

Проснулся я, как мне показалось, дома. По крайней мере, занавески и стена точно знакомыми были. Не сразу сообразил, что полога над кроватью нет и освещение другое. Не керосинка на столе, а фонарь в углу зеленым светится.

На сундучке возле кровати стоит запотевший стакан с морсом. Когда это ко мне дома такое милосердие проявляли? А в кресле сидит мастерша Виндвелли и листает какую-то книжку. Мирра!.. Чабир, сукин сын, куда ты меня привез?..

Так, может быть, заблуждался мастер Харрунга? Может быть, здесь, в Похвальном, не веселый дом, а ночлежный, куда всех пьяных лекарей свозят? Проспится коллега мастерши Виндвелли, морсиком холодным отпоится и пойдет себе утром на службу — как ни в чем не бывало. И ничто его не выдаст: ни одёжка помятая, ни больная голова, ни жуткий похмельный перегар, что он источать будет... Вот и сама Мирра делает вид, словно ей в порядке вещей напившихся до зеленых свиней и умбловой горячки любовников принимать. Впрочем, в ту ночь как мужчина я, кажется, так и не состоялся...

«Ялли, ну не вытирай ты руки о штаны!»... «Платок для этого есть»... «Нету?»... «Что значит: все равно — грязные?»... «На, тогда мой возьми»... «Хм-м. У меня — тоже»... «Ну ладно. Но лучше к фонтану сбегай»...

Чабира я отловил сразу после утреннего сбора. Вот ведь силен мужик. Пил давеча наравне с нами, а нынче как огурчик. Только позавидовать можно. Впрочем, он мне не для этого понадобился. Ведь это что же получается: раз он меня к Мирре приволок, значит, все про нас знает? Может, и не велика тайна, но все же незачем меня

в нее носом тыкать! Вот и поглядим, удастся ли мне мастера Чанчибара озадачить.

Кажется, до известной меры удалось. Во всяком случае, когда, поблагодарив его за вчерашнюю заботу, я вдруг взял и возмутился — чего это он меня к мастерше Виндвелли привез, — Чабир выглядел сбитым с толку. «Ну нельзя же так. Ты б меня еще в лечебницу доставил и на руки сдал!»... «Хорошо, может быть, я в тот вечер уже не представлял угрозы для дамы, хотя это еще спорный вопрос, но если бы у нее кто-нибудь был?»... «Или бы после пришел, а там — такое вот лежит!»... «Да пусть бы я лучше в участок попал!»... «Нет»... «В следующий раз? Не надо к Исполину!»... «И не подбирай. Оставь там, где найдешь!»... Уж не знаю, получилось ли у меня его убедить, что Мирра мне — совершенно посторонняя. По-моему, он решил у нее сам все вызнать.

На следующий день я зашел в травму поставить подключичку. Там работала мастерша Ларуди, очень бойкая девица, в тот раз, когда Курриби прокололся, она тоже дежурила, небось, сама же Талдина и спрятала. Говорили даже, вроде как он ей нравится. Хотя его многие жалеют, то рюмочку нальют, то от начальства укроют.

А тут вдруг Ларуди начала подле меня крутиться, будто ей нужно чего. И наконец выдает мне, что мастерша Виндвелли, дескать, на меня «запала». Потому что Ларуди вот только что сама слышала, как Чабир Мирру расспрашивал, правда ли, что между мастером Харрунгой и мастершой Виндвелли ничего нет, а Миррами ему ответила, что если б что было, «так она бы считала себя самой счастливой женщиной на свете». И вид при этом у Ларуди был самый предовольный. И чему, спрашивается, радуется? То ли новая сплетня по вкусу пришлась, то ли решила мне приятное сделать?

Одно только мне хотелось бы знать: Мирра мне подыграть вздумала или правда считает, будто то, что меж нами есть, — это ничего, совсем ничего. Подумаешь, ходил там какой-то... А чего ж она тогда про «счастливую женщину» вернула? А может, наоборот все, от мастера Харрунги чего-то большего ждут, да он, дурак такой, никак в толк не возьмет? И не возьму, даже не намекайте. У меня вон жена, сын подрастает, к чему мне это все? А к чему тогда шлялся? На Таморо да на Никони обижался, когда узнал, что и они тоже...

Пошли, Ялли, а то тебе без шляпы солнце голову напечет ... Ничего, в следующие выходные сходим... Опять? Нет, два раза подряд — это уж если очень-очень не повезет... И вообще, давай мы маму с собою в другой раз возьмем. Чего она дома-то все одна да одна...

* * *

Вот и начался месяц середины лета. Жара стоит просто сумасшедшая. Ладно — мы, больным же только посочувствовать можно. Пролежни пышным цветом цветут, раны нагнаиваются. А еще заразики все уши прожужжали — кишечные инфекции и все такое прочее. Барышни наши, кто сменяется, сразу домой не уходят, идут на крышу позагорать. С видом таинственным и легкомысленным сразу.

Подняться, что ли, как-нибудь тоже — поглазеть. Это они только изображают, что пугаются, а на самом деле им ведь того и надо. Понимать-то я это понимаю, а все как-то неловко.

Добрый моим согражданам, похоже, солнце тоже голову напекло. Все как один на общественных вопросах подвинулись. Вместо того чтобы пиво пить после работы, да и вместо самой работы вообще, стоят они на этом пекле у Башенной площади и речи толкают.

Никакой башни на площади, разумеется, нет и в помине. Она после войны сразу обрушилась. А название так и осталось. А народ ее еще Безбашенной площадью называет. Или Бешенной иногда. И все из-за этих вот крикунов.

Всякий труд, видишь ли, свят! — Вот шли бы тогда себе и работали. — Нет Семерым никого милее простого рабочего. И каждый из нас — вы слышите? — каждый! — должен прийти и поклониться этому святому подвижнику. — Не хватало еще, чтоб к нам в лечебницу эти полоумные кланяться заявили! А что? Дангмана Чамианга как великого труженика — в Зеленые Предстоятели!

На работу я утром пришел слегка пораньше. Поднялся на этаж, втянул носом привычные запахи больницы. Пахнет, как всегда — мочой, подгоревшей кашей и антисептиками. И примешивается к этому слабый, но удушливый аромат лилий. Смотрю, и правда, на столе в отделении стоит огромный букет. Должно быть, благодарные больные, а точнее, их родственники на радостях принесли. Точно, Мирра ведь дежурила, ей цветы часто дарят. Мастеру Тагуду обычно подносят табак, по нему, видать, заметно, что он трубку курит. Оркам — им больше съестное, а мне почему-то выпивку. Хотя чего ж я жалуясь, не пропадает ведь.

И я даже догадываюсь, кто ей этот веник приволок. Тот, рыжий, со второй койки, прободная. Как чуть в себя пришел, так и давай любезничать. Его сегодня в отделение переводят, вот он и расстарался, дамский угодник. Не мог, видите ли, чего-нибудь попроще отыскать — непременно лилии ему подавай. А о том, что от его букета у половины сотрудников и недужных, что здесь лежат, к вечеру голова разболится, подумать не соизволил.

И смотрятся они отвратительно — белые, с противными желтыми сердцевинками. Лучше бы уж розы притащил — их все носят. Так ведь нет, выпендриться захотел. А по мне — так и вообще ирисы лучше. Только они в воде долго не стоят.

Сграбастал я со столика это благоуханное безобразие и в нашу каморку переставил. Мирра сегодня домой пойдет — вот пусть с собой и забирает. Правил мастера Рабаччари еще никто не отменял. Да и Исполин, если увидит, едва ли смолчит. Встретил я его сегодня утром — выглядит мрачнее тучи. Что, обязательно надо на неприятности нарываться?

Правда, как выяснилось, неприятности случились раньше. Еще вчера. Рано утром, когда предыдущая смена во главе все с тем же Курриби должна была уже уходить, вдруг нагрянула гильдейская проверка. Отмечать, на месте ли недужные и сами сотрудники.

Сотрудники, слава Семерым, были в наличии, а вот кое-кого из больных, в списках значащихся, так и не досчитались. Из отделения, где Ларуди дежурила.

Могу себе представить, как это было. Подходит кто-нибудь из поправляющихся уже к сестре на посту и начинает канючить — отпусти, мол, сестричка, с корешем повидаться, а я завтра к утру вернусь. Чего ж не отпустить, обычное дело. Сплошь да рядом такое бывает. И в этот бы раз сошло, если бы не проверка. Разумеется, крик подняли: как же так, мы на них продукты списываем, лекарства, а они гуляют неизвестно где! А если этот Ча кого-нибудь возьмет да и убьет, а по бумагам он в лечебнице лежащим числится!

В общем, очень плохо это все закончилось. Талдину — выговор, Ларуди — вообще уволили. Полный разнос! Нечисто что-то с этой проверкой, никогда они прежде так рано не заявлялись. Да еще и без предупреждения. А если вспомнить, кто под раздачу попал, так и во все подозрительно. Ну да, хотели Курриби вломить. За выпивку — нельзя, за нее увольнять надо сразу, иной повод нашли. А то, что за это другой девчонке досталось, — ну так кто ж с такими мелочами считаться станет? Ох, не хотелось бы мне сейчас быть на месте Талдина.

Впрочем, у меня и своих забот — выше крыши. Той самой крыши, где наши барышни загорать повадились. И все с теми же барышнями, к слову сказать. Утром, едва я успел прийти, Дакарри с Миррой сцепились. И ведь не из-за чего-нибудь, а из-за мастера Харрунги. Мастерше Виндвелли вздумалось его похвалить. А в Кайнелли Дакарри бабья жадность заговорила. Точнее, ревность. Не слабо она на Мирру наехала — хвалил, мол, печник канатчика за тягу в снастях. Вроде как: много ты, дура, понимаешь!

И ведь я прежде не замечал, чтобы они на ножах были. Вполне себе ладили. Пока я... Короче, сам виноват. Не знаю, может, не стоит мне заранее зарекаться. А то ведь как решишь, наконец, со всеми глупостями разом покончить, так только хуже становится. И главное, что все — незаметно, как-то само собой выходит. Будто бы даже без моего участия.

Да, найдет мастер Харрунга способ себя оправдать. Всегда найдет, уж не сомневайтесь. Это, мол, не он, это оно так получилось. На прошлом дежурстве, двадцать восьмого, вовсе не он зазвал Дакарри чайку вместе попить. А то вроде как неудобно: на операции ей полностью доверяет, а питаться вместе чурается.

И не Харрунга, а сама Кайнелли разговор тот завела. Станный и ненужный, но надо же о чем-то за столом говорить, а о работе уже надоело. А тогда о чем? О том, как здесь раньше хорошо было, когда еще Нираирри лечебницу возглавлял. Чудно, я, например, кое от кого другое слышал о тех временах. Даже порадовался, что сам их не застал — очень от всей этой грызни устаешь.

А Дакарри, значит, те годы по-другому запомнила. Тогда, по ее словам, все были друг с дружкой и ближе, и проще. Вроде совсем как я с ней. И взаимопонимания больше было. Приспичит кому-нибудь из девчонок к любовнику в соседнее отделение сбегать — так нет вопросов, иди хоть на всю ночь.

Она так и сказала — «к любовнику». Просто и по-деловому, будто измена супругу для нее — обычное дело. Она ведь замужем, Кайнелли, я слышал от кого-то. И дочка есть. А потом замолчала и принялась на меня смотреть. Глупое положение, глупее некуда. Особенно потому, что мастер Харрунга всегда теряется, когда на себе такие взгляды ловит. Ведь ясно же, что от него чего-то ждут. И совершенно ясно, чего. И пусть даже он совсем ничего не имел в виду, когда девушку к столу приглашал, все равно, получается, виноват, раз она что-то такое подумала.

Дангман Чамианг всегда говорит, что дурно обижать одиноких женщин. Я и не стал. Хотя Нелли не одинока. Зато, может быть, так честнее. Никто из нас не бросит семью и от другого этого не потребует. Ненадолго, на какое-то время, мы станем друг другу ближе, раз ей так того хотелось. И в то же время не сделаемся совсем уж невозможно, безвозвратно близки. Так, что, находясь рядом, можно было бы думать о чем угодно, а не только о ней.

Вот это все я и говорил себе тогда. Мы и света в нашей комнатке не погасили, и раздеваться полностью не стали — все-таки ОТБ, вдруг что-нибудь срочное... А после вместе курили и допивали остывший чай. И Дакарри опять рассказывала про лечебницу, и про мастера Навачи, маггиного пропавшего мужа, и про саму Магго.

Ничего необычного не произошло. Я не «твой», Нелли, ты — не «моя», так зачем же ты теперь с Миррой ссоришься? Или ей уже и похвалить меня нельзя? Ну вас, девчонки, было бы что делить! А впрочем, если вам так нравится — ругайтесь себе на здоровье. А я, пожалуй, на крышу поднимусь...

* * *

Пара дождливых дней посреди недели — и снова солнышко. Даже Ратамми не выдержала, поддавалась на наши с Ялли уговоры, и мы отправились на пляж. Там она, правда, купаться отказалась и платья снимать не стала. Так и просидела весь день под зонтиком, словно важная дама. Говорила, будто бы вода холодная и ей совсем не хочется туда лезть. А на самом деле — просто стесняется. Кости у нее якобы торчат, некрасиво.

Зато мы с сынишкой натешились. Вот ведь морская душа. И на воде-то еле-еле держаться научился, а на берег не заманишь. Ни черешней, ни мороженым, даже на ручную обезьянку едва взглянул.

И так у нас замечательно все прошло, что какая-нибудь пакость просто обязана была свершиться. Первый день праздников солнечный и ясный, и вода теплая, и отдыхающие на этот раз тонуть не пробовали, и Тамми ничего не сказала, когда я себе в летнем ларьке кружечку пива взял. Я даже забеспокоился.

Зря, как выяснилось. Неприятности никуда не делись. Тут они, рядышком, дома меня дожидаются. Не успели мы вернуться, заходит Ча и предлагает профессора помянуть, потому как тот, Семерыми да примется, сегодня днем помер. Я сначала, грешным делом, о Мумлачи подумал. Только этого не хватало, не старый ведь совсем. Оказалось — Чамианг, Рангаи и Дангмана батюшка.

Странно, я его и знал-то не слишком близко, а отчего-то расстроился. Травму он хорошо читал и к нашему брату, школяру, всегда по-доброму относился, отработками да пересдачами не злоупотреблял. На третьем году учебы я у него даже на кафедре целый год проработал, веселое было времечко.

Ой, как Ратамми на нас зло зыркнула, сразу мне выпивать расхотелось. Узнал я только, что похороны на семнадцатое назначены, и спровадил соседа за дверь. Что-то уж больно вид у него был довольный и выжидательный. Небось, и без меня отыщет, с кем стакан опрокинуть. Да и пусть, главное только, чтобы не разошелся Ча. А то выпьет сперва за упокой, а потом, глядишь, и петь начнет.

Когда я пришел на больничный двор, где обряд должен был состояться, тела еще не принесли. Одни музыканты по углам гусли расставляли, да кое-кто из наших в сторонке стоял. Амби меня заметил и кивнул, но подходить не стал. Он сегодня весь в черном, скорбит. Нираирри его на службу принимал, не смущаясь затруднениями благородного Вахардо, помогал, поддерживал. Э-э, если не ошибаюсь, он ведь сегодня дежурить должен был. Значит, поменялся. С кем-то из тех, кто Чамианга лично не знал. Похоже, искренне опечален. С кем же, интересно, он махнулся?

Ага, вот и газетчики подтянулись, табибаррамы устанавливают. Вчерашний выпуск «Побережных новостей» вышел с траурным портретом мастера Чамианга. Это сколько же народу тут соберется — лечебница, кафедра, гильдия, представители ларбарской общности, а еще больные, которые у него когда-то лечились, школяры — старшие профессора Нираирри должны были застать. Да и остальные травматологию по его учебнику изучают.

«А, доброе утро, Талдин»... «Да, вы правы, какое ж оно доброе»... Курриби. Дернул уже с утра пораньше. И, похоже, зеленым луком закусил. До чего ж запах тошнотворный. Не дышал бы ты на меня, мастер Курриби, ради Семерых... «Да, я знаю, вы с ним начинали»... «Сгубили? Кто?»... «Ну-у... хм-м... очевидно, так»... «Поименно? Не надо сейчас. Потом как-нибудь. После»... «Привет, Датта!»... Минайчи, наконец-то. В балахоне, тоже дежурит нынче, вот за Талдином и не уследил... «Кто у вас сегодня вместо Амби командует?»... «Чангаданг? А-а-а, ясно»... «Да, извините, я с Тагуду пойду поздравляюсь»...

Отчего-то считается, что похороны объединяют. Вроде как общая утрата должна сблизать. Ерунда, по-моему. Вот стоим мы сейчас все в одной толпе, коллеги и знакомые, и каждый — в отдельности, каждый о своем думает. Или это потому, что кому-то — утрата, а кому-то — видимость. Или просто я здесь чужак, коронный осветитель, потому меня и сторонятся. Только Амби и Магго первыми ко мне подошли. Ну, и еще Курриби, но он — не в счет.

Чтобы к нему больше не возвращаться, я постарался задержаться рядом с Алилой. Вид-то у нее, надо признать, сейчас не очень. Хоть уже четыре года прошло, а для матери, сына схоронившей, любые похороны те единственные будут напоминать. Нету тут никаких сроков, и быть не может.

Мирра тоже пришла. Протолкалась к Магго, начала с нею о чем-то шептаться. Мне же только кивнула. И я кивнул, расслышал лишь, как она у Алилы о какой-то мастерше Гиначи спросила. А Магго ответила, что знает, где та, и добавила, что Гиначи — еще хуже, тоже вдова... Да уж, если я правильно понял, о чем они, этой женщине сегодня тяжелее, чем законной супруге, — ни горя своего в открытую показать, ни проститься толком... Ты ведь не просто так про нее, Мирра, расспрашиваешь? Думаешь, и самой когда-нибудь так же от людей таиться придется? А может быть, и вовсе нарочно этот разговор завела? Зная, что я рядышком стою, могу и услышать.

Перед самым крыльцом возвели помост. Это от него так свежеструганной доской пахнет. Не люблю этот запах. Когда-то в детстве я об такие доски занозился. Батя посчитал, что пустяк, а мне через несколько дней всю руку разнесло. Пришлось в Тримакку ехать, гнойник вскрывать. Самым страшным во всем этом деле оказалась даже не операция. Тоже, конечно, — не удовольствие, но тут и потерпеть можно. Дико было видеть, как тамошний доктор папашу ругал из-за меня. Отчего, мол, сразу не привезли? А мне ведь до этого думалось, что на отца и голоса никто повышать не может.

Народ-то все прибывает. Если так дальше пойдет, пожалуй, дворик наш тесноватым окажется. Вон госпожа Маттаку из Третьей Ларбарской. И войсковые какие-то. А тот дядька с корабlichem на бляхе, кажется, вообще с Судостроительного. Где-то еще ткачи должны быть, как же без них. Интересно, городской голова изволит пожаловать? Стража, во всяком случае, отдельный наряд сюда выделила.

Да, редкий случай обозреть все грамотейское сословие города Ларбара. А также — всё его прошлое и будущее. От престарелых, удалившихся на покой профессоров до неоперившихся школяров. В студенческом общежитии наверняка тоже объявление повесили. У нас такое было — на первом этаже, при входе. На третьем году моей учебы, как раз после заварухи в Бугудугаде. Господ Линьян, кажется. Или Виньян, не помню сейчас. И хоть хоронили их, не открывая лиц, — портреты тогда висели по всему Ларбару. И плакаты с выражением возмущения вингарской преступной клике.

Школяров, правда, немного — как-никак праздники. Но вон та, рыжая и деловая — наша стажерка — все же явилась. Тагайчи Ягукко, младшего Мумлачи подружка. Стоит у самой стеночки, по сторонам озирается. Кого-то ищет. Не Робирчи, тот, наверное, тело понесет. Значит, наставника своего, мастера Чангаданга. Бесплезное занятие, он сегодня Амби согласился заменить, мне Минайчи сказал.

О, а вот это лицо мне знакомо. Со школярских еще времен. Бурудамалли, он потом женскими болезнями занимался. Ишь ты, до чего важно выглядит! И пузо наел, и сюртук дорогуций, и даже лысина на затылке наметилась. Вот только мне точно известно, что в нашей лечебнице он не работает. Интересно, где же это докторов так кормят сытно? А вот сейчас и узнаем. Разглядел-таки меня в толпе, сюда идет. Приятно иногда со старыми друзьями встретиться.

Надо будет у него про остальных наших порасспросить — кто где да как. Может, даже собраться надумаем.

«Здорово, старик!»... «Повзрослел-подобрел»... «Из Марбунгу»... «А ты?»... «Ох ты, ничто себе! Уже в гильдейских смотрителях»... «Ну, даешь. Молодчина!»... «Растешь, стало быть? Поздравляю!»... «Да нет, я — серьезно!»... «Значит, к умблам лечебное дело?»... «Ну, если не жалеешь, так и хорошо»... «Я? Женат. Представляешь? Восемь лет. И сын»... «Да, школьник»... «Теперь здесь. А еще прежде — в Мичире. С полгода уже»... «Знаешь? Откуда?»... «В графике видел? Это когда же?»... «В прошлые праздники? С проверкой?.. Так это, значит, ты?»... «Понятно»... «Почему? Нет»... «Больница не хуже прочих»... «А-а, донос был?»... «Ну, хорошо, сигнал?»...

«Ничего»... «Да, сносно»... «Не жалуясь»... «Вполне»... «Я — нет»... «О гильдейской работе? Нет, не думал»... «Не хочу»... «Устраивает»... «Потому что я на лекаря учился, а не...»... «Да о чем тут думать?»... «Ладно, проехали»... «Работают? Да люди как люди»... «Эта?»... «Да, тоже здешняя»... «Мастерша Виндвелли»... «Уже знаком?»... «Да, дежурила»... «Угу»... «Нет, из наших — нет»... «На видел никого»... «Встретиться?»... «Не знаю»... «Работы много»... «Да, и сутки, и в день»... «Ничего, привычно»... «Боюсь, не выйдет»... «Ну, если вдруг»... «Ладно, посмотрим»... «Все, слушай, извини»... «Мне надо пару слов там...»... «Ага, как-нибудь»... «Да. Пока»...

Будь здоров, мастер Бурудамалли, и меня в покое оставь. Не хочется мне что-то ни с кем встречаться. И в гильдию переходить из больницы я тоже не хочу. Лучше останусь здесь — хоть тебя работой обеспечивать. От кого, по-твоему твое начальство, что тебя в Первую с проверкой направило, о Курриби прослышало? Получается, что от меня. Жаль, что ты этого не знаешь. Знал бы — сделал бы сегодня вид, что мы незнакомы. Помнишь, как ты на заразе возмущался, когда староста тебя с чужою работой заложил. Не любишь ведь доносителей-то.

Необходимость изображать, что мне с кем-то срочно поговорить приспичило, отпала. Потому что, наконец, траурное шествия прибыло. Как я и думал, тело несут Робирчи и Таморо. И еще двое каких-то незнакомых, но тоже, должно быть, Дани или Рангаи друзья. Следом — родственники: жена с невесткой и внучками, сыновья, и еще одна тетка помоложе, тоже с девочкой, и совсем уже старушка, домработница их, что ли. Я ее, по-моему, видел однажды.

Господин Мумлачи тотчас откуда-то сам собой нарисовался. Засуетился, требуя, чтобы все расступились, начал распоряжаться, газетчикам что-то велел и даже страже. Тело уложили на помост. Женщины встали в голове, братья — ближе к ногам, так что получилось, будто профессор Нираирри между нами посередине. Родня его — там по одну сторону, а мы — по другую.

А потом начались прощальные речи. Очень много всего наговорили, и кафедральные, и гильдейские, только все как-то по-казенному выходило. Судостроители даже пообещались свой новый спасательный кораблик назвать «Доктор Чамианг», будто покойный какое-то отношение к морю имел.

Я стоял и все время думал, что за этими славословиями Нираирри Чамианга совсем не видно. Вот, вроде про него говорят, рассказывают, каким он был великим и выдающимся, а в памяти у меня всплывает другое. Как мы однажды на кафедре чай вместе пили — и он сухарик в кипятке размачивал. И как мне пожаловался, что стал очень плохо видеть, а к очкам не привык, они ему переносицу натирают. И еще как он после какой-то дангмановой шалости собирался младшему своему выволочку устроить, а когда тот пришел за ним, вроде бы начал, но сбился, смешался и почему-то дальше не стал. А я все это случайно наблюдал из лаборантской.

Говорят, он никогда никому ничего не запрещал. Не умел ругаться или настаивать. Старый, немного рассеянный человек. Слишком одаренный и слишком мягкий, чтобы хоть где-то командовать — что в лечебнице, что на кафедре, что в собственной семье.

Пожалуй, лучше всех выступил Исполин. Он тоже начал про «неоценимый вклад» и «тяжелую утрату», но потом остановился и вдруг сказал про нираиррино гильдейское свидетельство. Что когда он его, мол, в руках держал, там на первой строке значилось — поступил в Ларбарский Университет в 1068 году, а в последней — уволен из Ларбарского Университета в 1117-м в связи с выходом в отставку.

Почти полвека, целая жизнь. Шестьдесят восьмой. Это бате моему тогда — сколько же? — тринадцать лет было. А маме и того меньше. А собственная его супруга, госпожа Киангани, в тот год только родилась. Профессорша ведь мастера Чамианга намного моложе. Это она только сейчас постаревшей смотрится, от горя и от усталости. Последние полгода сама с ним сидела — читала, кормила, ухаживала. Те, кто вдову прежде знали, диву давались — уж больно балованная и важная была дама. Но поди ж ты...

И братьев непривычно стриженными видеть. У Дангмана вид совершенно убитый. Ведь казалось бы — давно уже болел мастер Нираирри, последние два месяца и не поднимался вовсе. И все уже знали, что не сегодня — завтра. Успели свыкнуться с этой мыслью.

Рангаи тоже стоит серьезный. Да он всегда такой. Теперь — старший мужчина в доме, но к заботам уже привык. А Дани выглядит потерянным. Кое-кто из девиц попытался было к нему подлезть, рядышком встать. Как же, такой случай — показаться перед подругами и его родней самой близкой Дангману, почти невестой. Не вышло. Младший Чамианг на них едва взглянул, и Бирчи девушек аккуратно подвинул.

Речи закончились. Пришел ирианг, и тело опустили на землю. Кто-то в толпе нетерпеливо зашевелился. К окончанию обряда, не таясь, полезли в карманы за выпивкой, заранее припасенной. Бенг Ягондарра со свойственной ему расторопностью это дело быстро пресек. Сказал: родственники очень просили, чтобы этого не было. Да и в больничном торжественном зале уже накрыли столы для поминок.

Курриби, освободившись от минайчиной опеки, начал пробираться ко мне. Я поспешно отвернулся и вновь наткнулся взглядом на Бурудамалли. Тот призывно замахал. Вот ведь, чтоб вам всем!

Обойдетесь сегодня как-нибудь без мастера Харрунги. Зря, что ли, он изображает, будто очень занят? Даже к барышне Ягукко подошел — не видите, важный разговор?

«Здравствуйте, Тагайчи. Тоже здесь?»... «Он у вас не успел?»... «Да, а у нас вел»... «Читали его работы?»... «Абдукционно-пронационный перелом Чамианга»... «А наставник ваш дежурит сегодня»... «Да, вместо Амби»... «Что, прямо сейчас и пойдете?»... «Ну что ж, счастливо»... «Вы — молодец»...

* * *

Выписка из тетради № 1863 больного Нариканды Гаммичи, возраста 20 лет, племени — человеческого, пола — мужского, гильдии — Приморской Ученой, должности — учащегося Ларбарского Университета.

Обратился 27 Устроения 1118 года с жалобами...

На жизнь. Потому что ни на что другое он, по совести говоря, и не жаловался. И то, что я ему сейчас пишу, он сочтет вовсе не выпиской, а разрешением на женитьбу. Был бы парнишка верующим — отправился бы за подобной бумагой в Старцев храм. Или, как законопослушный гражданин, в Управу. А этот поперся к лекарю. Как долго ему осталось и может ли он жениться?

Вот возьму и напишу: «Если женишься — так недолго». Что я вам — гадалка, что ли? Ясновидящая Рабумба и чумной пророк Нарвари в одном лице? Потому что, как бы ты, Гамми, ни старался, но рано или поздно все-таки заявишься домой пьяным. И вот уж тогда твоя тебе устроит. Как моя — мне, когда я, вернувшись после похорон, не удержался и зашел к соседу. Нельзя же было совсем не помянуть доктора Чамианга.

Жалобы на слабость, временами возникающую экспираторную одышку, усиливающуюся после нагрузок, кашель. Со слов, мокрота отходит редко, имеет характер слизистый, скудная, вязкая.

Страдает бронхиальной астмой с десяти лет, принимает рибинул, проходил санаторное лечение в Соляных Пещерах Гичиригара — со стойким положительным действием, однако полная ремиссия не достигнута. В анамнезе имеет место случай отравления дурман-ными курениями. Зависимости от наркотических веществ не отмечается, постоянное их употребление отрицает.

Подумаешь, и всего-то шесть раз посетил парнишка сходки дурманщиков, от этого еще никто торчком не становится. Правда, и концы после этого не всякий отдаст. А у Гаммичи, когда его ко мне привезли, начинался самый настоящий отек легких. Додумался бы кто-нибудь в участке, куда тех курильщиков забрали, сунуть мальчишке лечебную папироску — глядишь, мы бы с ним и не познакомились никогда. Потому что до того самого дня я и не знал, что у сотника Нариканды есть племянничек.

Поначалу мне казалось, что в Марбунгу будет веселее, чем в Мичире. И сам город покрупнее, и на Ларбар чем-то похож. Только в Ларбаре уже наступил просвещенный двенадцатый век, а Марбунгу застрял где-то между пятым и седьмым. Ни тебе Великой Зимы,

ни даже Великой Чумы. Ничего еще не было. И бояре, и изуверы, и древние капища. И вроде бы приличные люди из самострелов до сих пор стреляются.

На поверку же все вышло довольно скучно. Ведомственная больница с каждодневными утренними и вечерними перекличками. Не дежурства, а наряды, не мастер, а вольноопределяющийся Харрунга. И почти полное отсутствие девушек, даже фельдшера и сиделки — сплошь мужики.

А свободные якобы вечера заполнены бесконечными походами в какие-то маловразумительные гости. Где я не то что половины посетителей — хозяев-то порою не знал. А там непременно водка, а каждое блюдо, будь то мясо, каша или пирог, отдает гадостным вкусом морских водорослей. И неизменная лапша. И мешанина из пива, сидра и той же водки, приготовленная особым образом, что горделиво именуется «Царская погибель». Якобы один арандийский царь помер от такого шестьсот лет назад. А марбунганцы ничего — пьют.

И если случалось сговориться с какой-нибудь дамой, хоть семибожницей, хоть змейской веры, хоть гамоновкой или кем еще, она обязательно потянет тебя не куда-то, а на чердак. А там на каждом чердаке развешено постиранное белье — просушиться. Одна мне так и сказала, представь, мол, что это — сливы в цвету. А я все никак не мог отделаться от мысли о свидании под кальсонами.

Правда, можно еще на берегу. Под перевернутой лодкой. Но это — лучше летом. И если уж очень надо. А чтобы дома — так ни в коем случае. Потому что у каждой из них — целое войско дядьев и братьев, всех, как один, склонных к насилию и буйствам. Год назад, уж неизвестно, по каким соображениям — семейственным, обрядовым или крамольным — эти самые «братья» закидали взрывчатыми шашками господина королевского наместника. Пострадало много народу, в том числе и его личная охрана. И именно в мой «наряд».

Наместник Лигугго, обойдясь легким испугом, долго потом разорялся, что Корона наградит всех, кто спасал его людей. Вот и наградила — перевела сотника Нариканду в Приморскую столицу. Ну, и меня впридачу.

А тогда, летом шестнадцатого, сотник Нариканда, очевидно, проникся духом всеобъемлющей марбунганской родственной любви. И очень переживал по поводу племянника. То ли страшился за его состояние, то ли опасался возможной огласки. Он и всегда-то был со мной любезен, а сделался просто невыносим.

Гаммичи дядюшке не уступает. Такое письмо мне написал, что впору разрыдаться от умиления. Одно заглавие чего стоит — «Мастеру Ваттавве Харрунге, моему спасителю». И все остальное в таком же роде. Вы сохранили мою никчемную жизнь, так располагайте же мною отныне и навеки. Только заодно уж сразу и скажите — не помру ли я от чахотки в ближайший год-другой, а то мне жениться пришло.

Начал Гамми издалека. Прислал мне на работу бутылку водки и закуску, упакованную подстать конфетной коробке. Сушеные кальмаровые щупальца, вяленую рыбку и те же водоросли.

Водоросли я выбросил, а водку выпил после работы. Все равно мы с Ратамми в ссоре, так чего ж зря сдерживаться.

Потом он пришел в следующий раз — и передал письмо. По лечебнице прокатился слушок, что мастера Харрунгу обхаживает юный и прекрасный отрок. А Мирра даже принялась издеваться, вроде как, раз такие дела, то ей и надеяться-то не на что. И повела при этом плечами, а также всем, что пониже. Не кокетливо, а так, чтобы уж ни у кого не осталось сомнений — на юношу она не похожа. Это если кто еще не знает.

И в тот же вечер, ставя подключичку, провалилась в плевру. Плохо, конечно, но все же поправимо. Спунктировали, поставили дренаж, обошлось. Но Змей на утреннем сборе изволил выказать возмущение. Дескать, при таком ОТБ хирурги могут не трудиться, ибо все равно толку — чуть.

Ну да, конечно, тут, видите ли, ни один лекарь до его высот не дотягивает. Так ни у одного из нас и не было такой возможности, чтобы только и делать, что свой навык пестовать. Всю жизнь, начиная со скорлупы, из которой вылупился. А может, еще и две тысячи лет до того. Я и сказал после сбора, что коль он такой из себя великий — так был бы мастер Чангаданг прекрасным лекарем где-нибудь на необитаемом острове. А то мельтешатся вокруг него какие-то каракатицы слабоумные — работать, понимаешь, мешают.

Неприятный он. Кроме себя никого не слышит. Меня, должно быть, тоже не услышал, даже бровью не повел, удалился. Кое-кто одобрительно хмыкнул. Один лишь Чабир заметил, что тогда бы и сам, заболев, тот бы остров поехал разыскивать. Ну и попутного ветра.

Нет, пора вернуться к выписке. А то Гаммичи к концу рабочего дня за нею зайти собирался. Итак:

При простукивании над всей поверхностью легких звук ясный легочный. Подвижность грудной клетки при дыхании в достаточном объеме. Патологического усиления или ослабления голосового дрожания (Произнеси, Гамми: «Тридцать три горца Гичиригара») не отмечается. В легких дыхание проводится во все отделы, в нижних — несколько ослаблено. Там же выслушиваются единичные сухие хрипы.

А после осмотра мы пошли к нашим бочкарям просветиться, и по пути завернули в лабораторию — чтоб уж и мокроту заодно сдал. Хотя я и так уже знал, что все у него в порядке. Ну, не блестяще, конечно, учитывая его астму, но и диневанской бронхоточицы у парня нет. Это — точно. Но уж решили обследоваться — так все по-честному.

А еще очень меня одна вещь беспокоила. Насколько сотник Нариканда посвящен в дела своего племянника на этот раз. Известно ли ему про наше обследование, про женитьбу предполагаемую, да и вообще про встречу Гаммичи с мастером Харрунгой.

А также осведомлен ли господин сотник о появлении в городе Ларбаре некоего Талли. Того самого Талли, который два года назад собирал марбунганскую молодежь на какие-то сомнительные

проповеди. И подсовывал им дурман-траву для просветления сознания. И которого, как кажется Гамми, он встретил недавно возле ларбарского Пестрого храма. И что мне, собственно, говорить господину Нариканде, если он спросит? Или — еще хуже — не спросит? Надо бы потолковать с Гаммичи на этот счет.

При лучевом исследовании отмечается диффузное усиление легочного рисунка, умеренные явления перибронхиального склероза.

В анализе мокроты определяется большое количество мидаба-томэни, а также кристаллических и спиралевидных продуктов их распада. Кислото- и спиртоустойчивых бактерий не выявлено.

Заключение: Бронхиальная астма средней степени тяжести без явлений дыхательной недостаточности.

Рекомендовано: ...

Так, кажется, управился. Можно курить и переодеваться. Парень, наверное, уже ждет. «Да, Мирра, что?.. Ты вообще, откуда сегодня здесь?.. Ах да, день рождения Тагуду!.. Нет, не смогу... Сегодня занят... Да... Да, с прекрасным отроком встречаюсь...»

Вон он, на лавочке сидит, мастера Харрунги дожидается. Пухлый, рыхлый, пегий и нескладный. В рубашке, жилетке и куртке, несмотря на жару. Хорошо хоть, расстегнуто это все. Напоминает кукушонка, неуклюже ворочающегося в ворохе своих одежек, будто в гнезде. Откуда он того гляди выпадет. А в руках — холщовый мешочек с мардийской вышивкой. Должно быть, обещанные книжки принес. Те самые, которые он переводит. Любовные повести для женщин. Мастеру Харрунге в подарок для супруги и коллег.

Вот сейчас скажу ему, что все в порядке, так мальчишка мне еще, пожалуй, на шею кинется. Или в обморок упадет. На радостях. Мало мне ехидных намеков по поводу моего предполагаемого страмства. Нет, на больничном дворе мы разговаривать не будем. И вообще, улица — место неподходящее. В пивную, что ли его сводить? Есть тут один уютный подвальчик. Пусть посмотрит, авось, в будущей семейной жизни сгодится.

«Садись, Гамми. Будешь чего-нибудь?»... «Пиво? Серьезно? Хорошо»... «Давай сразу по две?»... «Вот твоя выписка со всеми выводами»... «Как видишь, ничего ужасного. Только астма. Но про нее ты и так знаешь»... «Вообще-то, меня тут благодарить не за что»... «То, что у тебя чахотки нет, — не моя заслуга»... «Ну, может, и не твоя. Но это не важно»... «Да. И к браку никаких препятствий»... «Так откуда ж я знаю? Будут, наверное. Если захотите»... «Нет, те препараты на это не влияют»...

«Да, твое здоровье»... «Спасибо»... «Что? Думаю, девушке лучше сказать»... «Потому что если тебе вдруг станет плохо, ей же надо знать, чем тебе помочь. Какое лекарство дать»... «Астма — такая вещь, в которой родственники больного должны хоть немного разбираться»... «Тоже лекарь?»... «Значит, повезло тебе с тещей»... «Или — не повезло, докторши, они знаешь, какие?»... «Со мною работает? Даже так? И кто, если не секрет?»...

Ох ты, умблы глазастые! Мастерше Магго — да такого зятя? Нет, Гамми, это не тебе, это, наверное, — ей все же не повезло. Ты ей внука хочешь подарить? А с тобою кто нянькаться будет? Тоже она и дочка ее, Минору.

«Как познакомиться?»... «Да просто прийти и представиться»... «Можно с Минору вдвоем»... «А можно и самому»... «Что любит?»... «Не знаю, цветы, может быть»... Ну и положение — не приведи Семеро. Мастер Харрунга тайно наставляет будущего алилиного зятя. Как войти к ней в доверие. Да Магго мне за это потом, если узнает...

«Еще пива?»... «Нет, я, пожалуй, водочки»... «А здесь прохладно»... «Так как — вздрогнем?»... «Ну что все женщины любят?»... «Сладости. И книжки»... «Про любовь. Тебе ли не знать»... «Ах да, вот эти? Спасибо»... «Ну-ка... «Утоли сомненья и тревоги»? Хм-м»... «Нет, знаешь, Магго лучше конфеты»... «Да нет, почему? Ничего»... «Просто она — женщина занятая»...

Хотя — как же не знаю? Ирисы она любит. Как и я. Мне Кайнелли, помнится, рассказывала. Вот ведь, словно в масло глядела.

«Еще по одной?»... «Ух!»... «Скажи, Гамми, а дядя твой знает, что ты здесь?»... «Что говорил? Что жизнь не состоит из одних лишь роз? И надо быть ближе к народу?»... «Это ты о чем?»... «Тьфу, да не “здесь — в пивной”, а “здесь — в лечебнице” был»... «Значит, нет?»... «Ладно, понеслась»...

«Да успокойся ты с Магго»... «Мировая тетка. Все у тебя получится»... «И вообще. Знаешь, что я тебе скажу?»... «Что?»... «Нет. Нет, не как доктор, а — так»... «Не женись, Гамми!»... «Совсем!»... «Только хуже»...

А ночью мне приснился сон. Безобразный и отвратительный. Будто я снова напился и проснулся уже у сотника Нариканды. А Гамми уверял, что не мог меня бросить. И Чабир еще добавил, дескать, я же просил давеча — сразу в участок. Да уж! А прежде господин Нариканда мне никогда не снился. Особенно при оружии и в лиловых подштанниках...

Часть третья. Всплывает

Кажется, я сегодня первый раз опоздаю на работу. Не первый раз в жизни, а впервые — здесь, в Ларбаре. Это все из-за школьных отпусков. Так-то я обычно по дороге Ялли в школу завожу. Потому и прихожу раньше, а не по служебному рвению, если кто-то подумал. А вчера мы засиделись за полночь — играли в шашки арандийские. Любимая семейная забава у моих. Ну, Ялли понятно — ребенок, но Тамми-то — хуже маленькой. Обо всем позабыла — и что час поздний, и что сыну ложиться пора, и что мне сегодня на сутки. Он теперь до обеда не встанет, да и Ратамми, я думаю, часок-другой выкроит. А я вот проспал.

Нет, я не жалею, хорошо посидели. Да и преступление мое не столь велико, переживут. Но поторопиться все-таки надо. Пожалуй, университетским двором и пойду. Там за Механикой — сначала проход к Естественному отделению, а потом забор. Который если перелезть — сразу попадешь в переулочек, что к нашей лечебнице ведет. А может, и лезть никуда не придется. На то и забор — чтобы дыры в нем были. Дыры, а также воззвания. Например, за права трудящихся мэйан против южанского засилья. Или призывы к согражданам посетить семибожные состязания по кулачной борьбе.

До чего же люди странно устроены. Вот казалось бы, спешит мастер Харрунга на службу, торопится. Некогда ему по сторонам глядеть. Да и незачем. Разве он на Университет раньше не насмотрелся? И хорошеньких девчонок-школярок в университетском дворе нынче тоже не сыщешь. Все по домам сидят. Отпуск у них.

А зацепился все-таки взглядом за объявление. Их на тумбе с десятков, а он одно выделил, да еще и не самое приметное. На котором написано, что пятого числа месяца Старца 1118 года в лекционном зале Естественного корпуса состоится защита исследования Вайнаби Лэри, представленного на соискание третьего ученого разряда. Мастерши Лэри.

Было дело, на третьем году учебы она у школяров дополнительные занятия по химии вела. И очень мне тогда нравилась. Потом много всего случилось, и я ее как-то из виду потерял. А она, значит, в Университете преподавать осталась. Разряд ученый защищать собирается.

Что же, рад за тебя, мастерша. А кто знает, наберись Харрунга храбрости тогда подойти, может, и иначе бы все сложилось. Хотя нет. Лэри — девушка серьезная, все эти глупости да шалости не для нее.

Так, ну и что у нас сегодня? Полная палата. Череп, парнишка с прободной, ампутант-заводчанин после аварии, холецистит и ранение кишки. Уверяет, что неизвестные, на самом деле, готов поспорить, поединок. У нас на днях такой же лежал, полсотник один из Королевской конницы, совершенный безумец. О, а это кого везут? Дядька лет за пятьдесят, исхудавший до невозможности, весь землистый.

«Здравствуйте, мастер Арнери. Что здесь?»... «Да, тетрадь»... «Пищевод?»... «Предположительно?»... «А, с контрастом. Тогда — да»... «Понятно»... «Пролить. Подготовить. Ясно»... «Что планируете?»... «Гастростома. Ну да, что же еще»... «И когда?»... «Дней пять? Что ж, попробуем»...

Работал мужик начальником почтового отдела. Очень любил чай да кофеи гонять. Потому особенно и не встревожился, когда заметил, что кроме них ничего ему и не хочется. Точнее, может, и хочется мяса иногда, но как-то глотается плохо. А жидкость — вроде хорошо. Так бы и шло дальше, пока родственники не забеспокоились. Что-то уж похудел отец сильно. Сначала советовали, потом и настаивать начали — сходи к доктору. Когда ноги таскать совсем перестал — пошел. А на лучевой бочке — опухоль пищевода. Вот тебе и сходил.

«Мастер Капагури, Вам придется пока полежать у нас»... «Да, я понимаю, в отделении веселей»... «Что будем делать? Готовить Вас будем. К операции»... «Ну, сами же видите, как Вы ослабли»... «Да, некоторые вещи покажутся неприятными»... «Надо потерпеть»... «Вот, иголку Вам сейчас поставим. Будем лекарство в вену лить»... «Несколько дней»... «А это вместо еды. Вы же все равно не кушали»... «Это уже хирург решит»... «Он потом с Вами побеседует»... «А сейчас расскажите, чем Вы в жизни своей болели»... «Да, серьезным. Операции были какие-нибудь?»...

Что-то я сегодня еще сделать собирался? Ах да, надо к гильдейскому старосте зайти. Обещали для Ялли приглашение дать в Двоебожный храм. На детский праздник. Пусть сходит, все равно без дела болтается. Жаль, хотел я его к своим на Озеро отправить, да отвезти некому. Я тут еще и года не проработал, отпуск мне не светит. Тамми, пожалуй, могла бы в мастерской своей заказов на месяц не брать, но заупрямилась что-то. Говорит, самая горячая пора у них сейчас. Всем обновки подавай. Только успевай шить. А скорее всего, просто ехать не хочет.

Даже смешно вспоминать, какой она трусихой оказалась. В деревне шагу без меня ступить не могла. К лошади подойти боялась — вдруг лягнет или укусит. Гуси — шипят и шеи вытягивают, петух — клюется, собака — бросается, корова — бодается. А уж свинья — вообще самый страшный зверь, потому что ребенка может съесть. Это жена в какой-то книжке прочла.

Про родителей да братьев Ратамми мне ничего не говорила. Но я-то видел — их она больше всего опасается. Зря, конечно, у отца только вид суровый, а так он — ничего. И Дарри с Кочи не злые. Вовсе мы не дрались, просто забавлялись по старой памяти. А то, что Кочи в меня кадушкой запустил — так он не всерьез. Я ведь ему тоже вожжами по заднице съездил. Это братец проверял, не потерял ли я сноровки, не забыл ли в городе детские шалости.

Было у хуторянина три сына. Двое — умные, а третий — дурак. Отчего дурак? А оттого, что третьим родился. Три взрослых мужика на хуторе — это перебор. Одному хозяйство достанется, свинарник и все такое прочее. Второй на механика отучился — с махинами управляется. Дом новый рядом поставил, поменьше отцовского, но тоже не маленький.

Ну а младшему — куда? Получается, в город. Вот они его теперь все и жалеют. Что ж, в городе-то? Теснота. Пыль. Ни хозяйства своего, ни даже погреба. А на деле выходит, что каждый из нас собственную жизнь доволен. Чего меня жалеть-то? Мне как раз больше всего и повезло.

Только братьям этого не объяснишь. Они себя все виноватыми передо мной считают. Потому, когда я приезжаю, так себя и ведут. Так, будто бы все как прежде. И делами нагружают, чтобы я себя там чужим не чувствовал. И Ратамми — тоже, а она не понимает, сердится.

В прошлый наш приезд мама только немножко вредничала. Увидела Ялли, начала охать да ахать, какой, мол, бледненький и худой. Будто бы оттого, что в городе живет. А на самом деле всем было

ясно, что это якобы из-за Тамми. Вроде как она и сама нездоровой выглядит, нашим местным не чета. Чуть я было не поругался тогда.

«Телли, ты о чем там мечтаешь? О правах трудящейся женщины?»... «А-а, ну дело, конечно, важное»... «А я мечтаю узнать, какие анализы у новенького»... «Да, общий, биохимия. Особенно, соли и белок»... «Обязательно»... «Поставь»... «Нет, пока не надо»... «Кто? Родственники?»... «Хорошо. Скажи, я сейчас к ним выйду»...

В коридоре растерянно топчутся два мужика моих лет. Неловко переступают с ноги на ногу, беспокоило поправляют накиннутые балахоны для посетителей. С одной стороны, объясняться с ними проще. Меньше будет вздохов и слез. Зато женщины быстрее улавливают суть, важных вещей никогда не упустят. А то приходил на днях такой. Я ему говорю, что все плохо, предагональное состояние, вряд ли мы чем-то сможем помочь, готовьтесь, мол. А он мне — что из еды передать можно?

«Здравствуйте. Слушаю вас»... «Капагури? Вы ему кто?»... «Я? Дежурный врач. Буду им заниматься»... «Давайте присядем. Здесь у нас место для беседы с доктором»... «Итак, диагноз вам известен?»... «Значит, с хирургом вы уже говорили. Хорошо»...

Молодец, Райачи. Уж что-то, а этого у него не отнимешь. Неприятных обязанностей на других не перекладывает. Не то что некоторые умники — ступайте, дескать, в ОТБ, там вам доктор все и расскажет... «Да, серьезно и весьма»... «Ну, я бы сказал, среднетяжелое»... «Нет, что вы, в сознании»... «Нет, к нему, к сожалению, нельзя»... «Нет, это отделение для тяжелых больных»... «Впрочем, поговорите с главою корпуса, господином Мумлачи. Если он разрешит...»... «Почему здесь? Батюшка ваш очень ослаб сейчас. К предстоящей операции его надо подготовить»... «Да, сердечко, почки, общее состояние»... «Ну, хоть немного»... «Разумеется. Механическое препятствие»... «Из-за этого и не ел»... «Что думали?»... «Этакий изощренный способ самоубийства?»... «Семеро на помощь, конечно, нет!»...

«Так, давайте я вам сейчас нарисую»... «Вот, смотрите. Это — пищевод. По нему пища проходит сюда, в желудок»... «Тут выросла опухоль»... «Да, правильно, она и мешала»... «А вот здесь — видите? — наложат отверстие»... «Наружу»... «Через него сможет питаться»... «Увы!..»... «Да, какое-то время поживет»... «Боюсь, на этот вопрос вам никто не ответит. Разве что — в храме»... «Нет, пока приносить ничего не надо»... «Потом? Может быть. Но это уж там будет видно»... «Да, пожалуйста. Напишите. Я передам»... «Хорошо, так и скажу»... «Не за что»... «Да, всего доброго»...

А что, приличные родичи. Кажется, даже набожные. Сюда станут приходиться справиться об отце, а в храм — молиться о чуде и искать утешения. Первое — едва ли получат, второе, может быть, и обретут. От требований всего самого лучшего для батюшки воздержались. Совать денег с наказом, чтобы хорошенько присматривал, тоже не стали. Порядочные люди, с понятием. Еще бы я мог хоть чем-нибудь им помочь.

«Телли, я изо всех сил пытаюсь в тебя не поверить»... «Чтобы очень громко не ругаться»... «Да потому что ты еще здесь, а должна

быть в лаборатории»... «Топай живо!»... «Да, и захвати диастазу холецистита»... «И голубей по дороге не считай. Ты мне тут тоже нужна»... «Ничего, потом еще раз сходишь»...

Что ж, пока все спокойно, надо утренние дневники черкануть. Между прочим, прободняк вчера лихорадил. Что он там из противомикробных получает? Гирчин? Слабовато, пожалуй... В праздники назначили... А кто?.. Камато. И где мне его сегодня ловить прикажете? Да, придется теперь с Чангадангом говорить, чтобы усилить, может быть, лечение. Парнишка-то за его отделением числится. А не хочется...

«Ну, ты чего такой кислый?»... «Живот болит?»... «Ясное дело. Операция же была!»... «Ничего, сейчас обезболим»... «Только поглядим для начала»... «Болит? Шов болит или сам живот?»... «Угу... А так?»... «Дергает? Ясно»... Ни умбла пока на самом деле не ясно. Абсцесс, что ли, зреет?... «А скажи-ка, стул у тебя был?»... «Нет? И не тянет?»... «Да не бойся ты, я просто повязку снимаю»... Ага, а вот и причина... «Эть! погоди, не надо подпрыгивать»... «Да ладно тебе, ничего уже не больно»... «Нет, это не гной»... «Гематома»... «Кровь, говорю, скопилась, ничего страшного»... «Сейчас резиночку поставим»... «Ага, спирт»... «Ишь ты, унюхал!»...

Шкаф с учетным обезболиванием у нас совсем старый, хоть и несгораемый. Ну вот, опять замок заедает. Говорил же я Тагуду — когда-нибудь мы без ардарина останемся на дежурстве. Потому что этот гроб открыть не сможем. Сколько ж силы-то надо приложить — даже ключ погнулся. Ладно — я, а Мирра ж его и вовсе не провернет.

«Здорово, Буно»... «Чего хотел?»... «“Тово?” — это в смысле, перевязать?»... «Баланчин череп?»... «Да понятно, что не его, а тот, который он оперировал»... «Возьми там салфетки на столике. Сам знаешь, где»... «Погоди, я сейчас помогу»... «Ну как? Нравится?»... «Да, видишь — зрачки одинаковые. Вот и хорошо»... «Здесь поддержи, я отрежу»... «Э-э, постой-постой»... «Теперь ты мне поможешь»... «Видишь эту хреновину?»... «Я и сам знаю, что ключ»... «На — распрямляй!»... «Что, уже?»... «Вот так запросто?»... «Ну, ты даешь!»...

Чудной парень. Отчего его вдруг в лекаря понесло — ума не приложу. С такую-то богатырской силушкой мог бы распрекрасно трудиться где-нибудь в балагане. Гири поднимать, подковы гнуть. Или баржу в одиночку тягать. И разговаривать бы ни с кем не пришлось. Сам бы не мучался и людей своими «тово» не раздражал. И ведь не скажешь, что Буно — полный дурак или слабоумный. Вон, до четвертого года доучился и в деле-то толков. Но как говорить начнет — уж лучше б молчал. И как только Баланчи со своим учеником изъясняется? Знаками, не иначе.

Надо бы еще в женскую палату зайти. Там сейчас Тагуду распоряжается, но по дежурству-то они все мне достанутся. Вот только здесь сперва закончу. А ведь сегодня еще и Мумлачи кого-то оперирует. Значит, тоже к нам переведут. Не помню, правда, кто там у них — мужчина или женщина.

«Сограждане, что ж вы делаете?!»... «Да-да, к вам!»... «Это отделение для тяжелых больных — что ж вы, как к себе домой-то

претесь?»... «Ну и что? Подождите, я сейчас подойду»... Сейчас, раствор поменяю, и подойду. Что-то Телли там надолго застряла...

«Да, я вас слушаю»... «С ткацкой фабрики?»... «Ну да, есть у нас такой недужный»... «Ничего, худшее позади»... «Кисть»... «Чего?»... «Какая проверка?»... «Сволочи, говорите, в гильдии?»... «Хм-м, ну вам виднее, конечно»... «Что-то будут утверждать?»... «Что так и было?»... «Вы что, граждане, с ума все походили?»... «Разумеется, несчастный случай на производстве»... «Да, понятно, что увечье»... «Что работать сможет?»... «Ну, не знаю, где-то, наверное, и сможет»... «Да не видел я ваших махин. Откуда мне-то знать?»... «Нет, грамоты хирург будет заполнять»... «Передать, чтобы не соглашался и денег не брал?»... «Вот что, давайте вы эти вопросы потом и в другом месте решать будете»... «Нет, мне важнее, чтобы ваш приятель поправился для начала»... «И не надо сюда больше приходить»... «Переведем в отделение — тогда пожалуйста»...

Доброхоты. Или сумасшедшие. Или и то, и другое вместе. Уверяют, будто их гильдейские старшины станут утверждать, что мастер Ча не на службе пострадал, а таким и родился. И чтобы тот ни за что с подобным раскладом не соглашался. Бред какой-то, честное слово. А вообще, надо бы у Тамми расспросить, это у них начальство придурочное или сотрудники.

Решать, виноват ли в своей травме сам мастер Ча или оборудование, слава Семерым, придется не нам. Да и показания давать предстоит гильдейскому доктору. Так что ходить сюда с этими вопросами — совершенно лишнее. Но ведь ходят. Ходят. И с полной убежденностью, что полезное дело делают. Небось, даже обедом пожертвовали, в перерыв отбежали, чтобы за товарища словечко замолвить.

«Бролго?»... «Что случилось?»... «Больной плохо?»... «Что значит — плохо? Что именно?»... «Трясет? А Тагуду на наркозе»... «Что ты ей вводила?»... «Иду. С чем она у вас?»... «Почечная недостаточность?»... «Я понял, первая койка»... «Да найду я. Ты лучше здесь побудь. А то Телли в лаборатории»...

Действительно, трясет. Но на реакцию не похоже. Липкая, холодная и, кажется, загружается. А сахара кто-нибудь додумался взять? Вот же, в тетради сказано — медовая болезнь. После операции ест кое-как, а анванган исправно получает. Ну и загиповала бабка. Ничего, сейчас глюкозу струйно. Хорошо — капельник стоит... «Как дела, бабуль, полегчало?»... «Голова кружится?»... «А сердечко не болит?»... «Точно?»... «Честно?»... «Покормить?»... «Сейчас обед будет»... «Кого-кого? Дымку покормить?»... «А это кто?»... «Коза, значит»... «Не бойсь, бабуса, внуки ее дома покормят»...

Ну что сегодня за день такой суматошный. Этак к ночи у меня, глядишь, язык начнет заплетаться. Может, Буно по-своему и прав — пора переходить на «тово»? Зато у господина поединщика перистальтика появилась — ишь, на все отделение слышно. Ничего-ничего, не смущайся, дядя, нам эти звуки, словно музыка. Сейчас еще хирурги придут — тоже умилятся.

«Телли, вот нечаянная радость, ты все-таки явилась!»... «Ну, что тут?»... Ничего себе! ... Это хорошо, что с таким калием у него еще ритм не сбился... А белок?... Так, гемоглобин — понятно... «Давай, Телли, я капельник уже собрал, ты теперь поставь»... «И перевязал»... «Да пока ты ходишь, два карла поесть успеют»... «Что? Тоже бы не отказался»... «Ладно, я здесь тогда сам, а ты иди чайник ставь»... «И колбасу возьми»... «У меня на полке»...

А время-то уже — почти полдень. Все, Тагуду вернется — и я за билетами сбегая. А то знаю я их — после двух вообще никого не сыщешь. Или — ну его, завтра можно сходить. И кстати, с кем я сегодня дежурю? Хорошо бы с Баланчи — у него отчего-то дежурства спокойные выдаются. Я уже заметил.

«Байда, привет»... «С чем пожаловал?»... «Сделали пузырь? Молодцы!»... «Тоже сюда хотите?»... «Ну, честное слово — некуда. Сам же видишь. У нас одна палата на покраске»... «Да у меня шестеро уже!»... «Ну и что, что твой Исполин оперировал?»... «Да куда я его положу? К себе на голову? Или с прободной на одну кровать?»... «Тогда забирайте кого-нибудь»... «Вчерашний холецистит, например»... «Да, всё путем там»... «Да, его — тоже профессор»... «А хоть Таррилани Ларбарский! Я ж тебе говорю — он стабильный»... «Давайте. Решайте»... «Да докладывай ты кому хочешь!»...

Ушел. Холецистит, конечно, надо взять. А давешний — спустить в палату. То, что господин Мумлачи к нему руку приложил, — еще не показание к нахождению в ОТБ вторые сутки. Были бы места — я б и не настаивал... Та-ак, а вот и сложности...

«Мастер Чангаданг?»... «Затруднения? В отсутствии свободных коек»... «Нет, отчего же?»... «Я считаю, что состояние недужного с холецистэктомией от третьего числа позволяет перевести его в хирургическое отделение»... «Субфебрильная»... «В полном объеме»... «Незначительное количество»... «А именно? Десять»... «Нет, светлый, прозрачный»... «Кровопотеря? Во время операции?»... «Послушайте, я не провидец! В протоколе операции этого не отмечено»... «Да в том-то и дело, что — обычный!»... «Не знаю, кто писал. Я не упражнялся в сличении почерка!»... «Если полагаете нужным — тетрадь на столе»...

Писал вообще-то Байда. Милый раскладец. Исполин вчера на операции что-то накосячил. Было кровотечение. Его, разумеется, остановили. Верный Айхади решил этого не отмечать, кровопотери не указывать. Как же — такой урон профессорскому имени! Вот она, причина для того, чтобы поддержать недужного у нас подольше. Еще бы мне об этом было известно.

«Хорошо. Учитывая обстоятельства...»... «А кто говорит об одолжениях?»... «Может быть, вообще будем отныне заводить на больного две тетради? В одну, явную, станем заносить все, что соответствует правилам его лечения, а в другой — отмечать то, что было на самом деле?»... «Это уж вы, пожалуйста, сами разбирайтесь»...

«Нет. Не всё»... «Ушивание прободной язвы от первого числа»... «Причина лихорадки — гематома в области шва»... «Выпущена»... «Порядка пяти кубиков»... «Резиновый выпускник. Спиртовая повязка»... «В остальном — стабильное, ближе к

удовлетворительному»... «Хотите забрать?»... «Буду признателен»... «Не беспокойтесь, я знаю, что не ради меня»... «Приезжать? Через четверть часа, когда я закончу переводной»... «Да. И назначения холециститу»... «Могу я надеяться, что тут не будет тайных указаний, не занесенных в тетрадь?»... «Ну, вот и замечательно»...

Что ж, как говорится, поцапались и разошлись. Змей сейчас примется за Байду, а мне — за кого? Новенького записать или пожевать чего-нибудь? Э-э, все равно, наверное, чай уже остыл. Так что, пусть подождет. Еще ведь перевод писать.

«Телли, прободную отдаем в первую хирургию»... «Да, прямо сейчас»... «Что? Куда собиралась?»... «А это не может подождать?»... «Мохноног? Ковры принес?»... «Ну и что?»... «Подарок? По случаю новоселья?»... «Да нет, мастерша Алила не переехала, она старое жилье заново отделявает»... «Обои? Откуда я знаю, какие у нее теперь обои? Я и прежних-то никогда не видел»... «Мой мальчик клеит?»... «Какой еще, к умблам, мальчик?»... «Ах, этот! Он не мой, а — Минору»... «Да никого я не знакомил, что за чушь!»... «Просто он у меня лечился когда-то»... «Ничего, подождут твои ковры»... «Потому что здесь дел полно»... «Никуда не пойдешь, я сказал. Все!»...

* * *

Ну все, кажется, я пропал. Сам виноват — знал же, что «синдром залипшей пятки» до добра не доводит. Иными словами, если рабочий день закончился, и все дела сделаны — нечего торчать на рабочем месте. Раньше надо было сматываться. Нет же, остался, заслушался лаверчиных баек. О его похождениях на суше и на море. Хотя прекрасно знал, что большая часть этих рассказней — чистое вранье.

И вот — попался-таки на глаза мастерше Алиле. Вот сейчас она мне «моего мальчика» и припомнит. Как-никак в первый-то раз он сюда ко мне пришел. Прежде чем за дочкой Магго начать ухлестывать. Я, честно говоря, не ожидал, что все у них с Минору сладится. Да так хорошо, что Алила их вдвоем в Марди отпустит.

«Здравствуйте, мастерша. Дежурите сегодня?»... «Да вот, застрял чего-то»... «Сам не знаю, давно пора»... «Как там ваши? Пишут?»... «Устроились хорошо?»... «А, у родителей»... «Да нет, я их не видел. Кажется, Гамми в Марбунгу у дяди жил»... «И чего они там?»... «Что, правда — оперу?»... «Нет, почему — дурак? Не совсем. Он — послушный мальчик. А что?»... «Да бросьте вы, Алила, Минору-то понимает, куда ей поступать нужно»... «А если уж так — пусть в университетский балаган ходит. Там у них есть. Вы у Тагайчи расспросите»... «Ну ладно, пойду я. Удачи в ночи!»...

Девочка у Магго в этом году школу заканчивает. Будет поступать в наш Университет, на Естественное отделение. А еще она поет хорошо. Ходит заниматься в хор при каком-то храме. Там ее Гамми и повстречал. Так что вообще-то я их и не знакомил вовсе. Они все сами. И теперь Алила боится, что Минору вместо Университета на оперную певицу учиться пойдет. И Гамми подговорит ей помочь. Затем и их поездка в Марди — там таких готовят.

На дворе лечебницы многолюдно, многоорочно и многоможно. Сотрудники, те, кто не дежурит, по домам уже разошлись, а посетители, наоборот — только собираются. Все равно их раньше четырех внутрь не пустят. Хотя, пока погода теплая и дождя нет, некоторые недужные из ходячих сами на улицу выползают. Тут и покурить проще, и с родственниками да друзьями общаться приятнее. И лавочки поставлены, и дорожки мощеные, и листья на деревьях золотиться начинают. Все лучше, чем на больничные стены глядеть.

Не пойду к главным воротам. Задней калиткой ближе получится. Там, правда, вдоль забора какую-то канаву вырыли, но пока сухо — запросто можно перебраться.

Ого, как строительная гильдия о гражданах своих заботится! Даже досточки постелили — ходите, мол, на здоровье. Только я, пожалуй, лучше перепрыгну. Уж больно они тоненькими кажутся. А если кто-нибудь ночью пойдет? Или спяну? Непременно ведь шеи посворачивают. И кстати, как же это дамочки по таким вот мосткам на каблучках чапают?

А сейчас и узнаем. Вон, впереди меня одна как раз идет. Быстро так, уверенно, будто каждый день по этим мосткам бегают. Небось, тут же где-нибудь и работает... Тьфу ты, к умблам, сглазил!

«Осторожнее, девушка!»... «Не ушиблись? Давайте руку»... «Вечно тут что-то копают!»... «Лэри?»... «Мастерша Лэри!»... «Не помните меня?»... «Тава. Тава Харрунга. В шестом году я к вам на курсы ходил»... «Что, правда, вспомнили?»... «Я? Работаю. Здесь в Первой»... «А мы и не могли. Я тут без малого год»... «До этого? Много где. В Марбунгу. И в Мичире еще»... «А Вы?»... «Я слышал, Вас можно поздравить? Разряд»... «Ну, на самом деле — видел. А в итогах не сомневался»... «Нет, не хирург»... «Лучше не надо»... «Критические состояния»...

Почему так происходит? Сто лет назад, когда я был влюблен в нее, я иногда представлял себе, как мы случайно встретимся на улице. Вечером возле учебных корпусов. И у Лэри будет какой-нибудь громоздкий и неудобный прибор в руках. И я помогу донести его до дому.

Или дело случится зимой, в гололед — тогда бы можно было ее проводить. Поддержать под руку. Просто потому что скользко. Но тогда мы ни разу «как бы невзначай» так и не повстречались.

А сейчас мастерша Лэри даже обрадовалась бывшему ученику. Захотела поговорить. И пока Харрунга размышлял, в какую бы кофейню попримечнее ее зазвать, сама пригласила в гости. Тем более что и живет она тут рядышком, в Училищной слободке.

Дома у нее оказалось уютно и чисто. А еще — одиноко. Потому что стоило мне ступить в комнату, как сразу стало ясно — никакого мужа тут и в помине нет. И, видимо, давным-давно, лет пять, не меньше. И детских вещей тоже не видно. Вот так вот. Если Ваттава Харрунга жалеет о чем-то, в далеком прошлом не сделанном, — так вот он случай. Пожалуйста.

И готовкой мастерша Лэри себя не утруждает. Не для кого. А самой можно и так перебиться — хлебом да сыром. Или покупною

мэйанскою кашей. А на столе, там, где у семейных людей обычно снимки мужей и детишек, — общий портрет с учениками. Все с книжками в руках и в рабочих балахонах.

А кто знает — прояви в свое время школяр Харрунга побольше прыти — может быть, его бы рожа сейчас со стола глядела. И стоял бы в комнатке запах не лаванды, что в шкафах от моли развешивают, а табака и резиновых галош. Потому что «Фухис», который больные обычно доктору дарят, пахнет именно галошами, что бы там не говорил мастер Дангман.

«Фухиса» у Лэри, конечно же, не оказалось. Так что пили мы наливочку. И Вайнаби все смущалась, что бутылка открыта. Та, что после защиты осталась недопитой. А заедали сухарями и сыром.

«Так о чем твоя работа, мастерша?»... «Органические соединения фосфора? Семеро на помощь, мудрено»... «И что — они?»... «Для чего, в смысле?»... «Тараканов морить? Хорошее дело. Нужное»... «Да все почти перезабыл»... «Удивлялась, зачем лекарю химия?»... «Да нет, какая там наука! Просто интересно было»... «Нравилось»... «И как преподавала — тоже нравилось»... «И вообще»...

«Да, женат»... «Супруга? Шьет она»... «От мастерской»... «Нет, она из Мичира»... «Сын. Второй год в школу ходит»... «Чем занимается?»... «Да ничем особо пока»... «Начитался в газете “Иных морей” — хочет теперь водолазом стать»... «Ну как же — подводный мир. Приключения»...

«Я? Нет, только лекарь»... «Преподавать? Никогда не думал. Да и зачем?»... «Научные работы по моей отрасли, поди, только в Чаморре и ведутся»... «Не знаю. Как-то все не до того»... «Да наверное, здорово»... «Твои ученики?»... «Когда опыты вместе ставили?»... «Да, опасная наука — химия»... «Включила в артель соавторов?»... «Тем более хорошо. Не зря, значит, пострадали»...

Стало быть, это и есть счастье, Лэри? Расстаться с мужем, уйти с головой в работу? Помнить по имени каждого ученика, все их особенности и дарования? Летними бесконечными вечерами просиживать не за играми с ребенком, а над рядами формул с пятивалентным фосфором. Хотелось бы мастеру Харрунге, чтобы его рассказам о дежурствах предпочли размышления о том, как грамотно и по науке изничтожать тараканов?

А может быть, и неправда все это. И Вайнаби ко всем своим заботам и не стремится вовсе, а таким образом спасается. От ушедшего супружника и от пустой казенной квартиры, где так же чисто, безлюдно и прибрано, как в лаборатории перед началом работы. И со мною бы она такой не была?

А когда Лэри подносила ко рту наливку, рюмка у нее в руках задрожала. Да так сильно, что половина на скатерть выплеснулась. И мастерша начала смеяться. Нервно, громко и неестественно. А потом извинилась и сказала, что с ней в последнее время часто такое случается. Мол, с этой защитой нервы совсем пришли в негодность. И надо бы, что ли, мяты попить.

А я вспомнил, что когда мы чокались, пальцы у нее тоже тряслись. И еще кое-что вспомнилось, точнее, увиделось. Что она худая,

например, очень и дерганная. Что глаза блестят и что они уж слишком большие, пожалуй. А волосы — тусклые и секутся. Вряд ли так счастливые женщины выглядят. А уж здоровые — и подавно.

Когда мы на улице встретились, у Лэри на шее косынка была шелковая. Дома она ее сняла, а теперь и пуговицу верхнюю у ворота расстегнула. Объяснила, что жарко стало, наверное, от наливки. Впрочем, и такое с ней бывает нередко. А щитовидка-то у тебя, голубушка, увеличена, вон как выступает. И не надо мне говорить, что у худых женщин это только кажется. Ничего мне не кажется, так и есть.

«Вайнаби, знаешь что? Дай мне ладошку, пожалуйста»... «Ладонь свою дай, говорю»... «Надо»... «Да не бойся ты, пристаю я, как правило, иначе»... Ага, горячая и влажная. А ты говоришь — нервы. Была бы холодной, я б, глядишь, поверил...

«А руки отчего красные?»... «Ну, может, конечно, и от химии»... А пульс?... «Так»... «Погоди, не сбивай»... Почти сотня... «Ты чего — боишься меня? Или волнуешься?»... «И правильно, чего меня бояться?»... «А вот скажи — я правильно понимаю, что в последнее время ты стала быстрее утомляться?»... «Да, перенапряглась тоже»... «И сердцебиения иногда ощущаются — бывает такое?»... «Не обязательно, когда волнуешься?»... «Ясненько»...

«А как со сном?»... «Бессонница, говоришь?»... «Да понятно, что много работаешь»... «И устаешь часто, да?»... «Предупреждаю, я сейчас совсем непотребные вещи творить начну»... «Какие? А платье расстегни, пожалуйста»... «Потому что если это я сделаю — будет и вовсе неприлично»... «Да нет, полностью не надо. Только еще одну пуговку на воротнике»... «Ну вот»... «А теперь глоток сделай, будь добра»... «И еще»...

«Вайнаби, теперь серьезно. Тебе надо сходить к врачу»... «Да нет, нервы тут не при чем»... «К какому? А к тому, кто железами внутренней секреции занимается»... «Что? Щитовидная железа. У тебя с нею не все в порядке»... «В университетской лечебнице такой доктор есть»... «Да, если хочешь — я могу тебя к нему отвести»... «Ну хорошо. Сама»... «Только по-честному»... «Вот ты на меня сейчас так смотришь, что мне сразу становится ясно — никуда ты идти не собираешься»... «А я с тобою, между прочим, не шучу»...

«Ладно, давай так. Ты считаешь меня помешанным?»... «Нет. Хорошо»... «А каким? Зловредным?»... «Нарочно так сижую и мечтаю — как бы мне это мастерше Лэри покруче навредить?»... «Ага. Глупым или совсем в медицине не сведущим?»... «Тоже нет. Замечательно. Спасибо»... «Тогда объясни, пожалуйста, почему ты так запросто от моих слов отмахиваешься?»... «Мне что — обязательно надо тебя пугать? Рассказывать об ужасных последствиях? Приводить случаи из практики?»... «Обычно я так поступаю, когда совсем с безграмотными бабулями говорю. Но там-то — понятно. А в беседе с умной и образованной дамой, мне казалось, в этом не будет нужды»...

«Да ничего хорошего. Криз, например, токсический. Крайне тяжелое состояние»... «Если этим не заниматься — будет нарастать»... «Никакого приговора. Все в твоих руках»... «Да, очень занята.

Но уделить время себе же — можешь. И должна»... «А вот не верю»... «Работа сделана. Защита прошла. У детей — отпуск. Сейчас — самое то»... «Каждый день принимает. До четырех»... «Значит, приходи с утра»... «Терапия. Это как войдешь — первое здание. Прямо напротив главных ворот»... «Первый этаж. В приемном отделении. Шестнадцатая комната»... «Да, именно так»...

А вскоре после этого я ушел. Правда, оказалось, что на улице уже стемнело и слободка точно вымерла. А может быть, это дождь всех прохожих разогнал? Шел я домой и думал — нравилась мне Вайнаби взаправду или — так. И если — да, то как бы у нас с нею все могло получиться. Был бы я при ней доктором, уважаемым человеком, а не так — «уйди, не мешайся». Знакомства бы водили важные, с научной братией. По выходным собирали бы у себя грамотеев для умных бесед. Это все враки, будто бы ученый люд пива не пьет — еще как пьет, я видел.

А потом я представил себя сидящим среди толпы заумных теток. Как каждая из них жует хлеб с сыром и рассуждает о каком-нибудь катализе и кристаллических полимерах. Или — и того хуже — о судьбах Отечества. А еще, небось, каждый месяц в оперу ходить заставят или на заседания научных кружков. Не потому что интересно, а чтобы от жизни не отстать. Нет уж, ну его!

А на Безбашенной — опять шумят. Крепкие ребята с расписными полотнищами. На тряпках красивыми буквами наставления накарябаны. «Трудящийся! Не дай себя одурманить!». А на другом — так даже с картинкой: толпа худых рабочих стоит и молится, а рядом их упитанное начальство пироги кушает. И подпись: «Ваш обет — наш обед». Это Мэйанский союз трудящихся все никак не уgomонится. Своих противников — Семибожное рабочее братство — побольнее поддеть пытается.

Когда-нибудь они от картинок да обидных подписей к делу перейдут. Вон какие все парни дюжие да могучие, что у одних, что у других. Вряд ли они так от написания воззваний поздоровели. Ясно, что однажды стравят их стенка на стенку. Зато государству с того — сплошное удобство. Не с Короной ведь эти союзы борются, а друг с дружкой. Расходу меньше!

«Да, Ратамми, пришел»... «Знаком...ого по дороге встретил, вот и задержался»... «Ничего, холодную съем»... «А ты все шьешь? Отдохнула бы, а?»... «Знаешь, какой у нас случай на работе был? Мужик один...»... «Сбиваю? Ну ладно, ладно. Молчу»... «А ребенок уроки сделал?»... «Ах да, отпуск же!»...

Тогда в Мичире я мог бы поселиться не на той квартире. От нее просто до работы было ближе добираться. Соседка могла бы попросить и другого доктора попользовать отца Ратамми. Или я бы ограничился лишь делами Целительницы и не путался б с молоденькими девицами.

Таммины подружки говорили потом, что ей повезло. Иной бы, мол, отвертелся и от свадьбы, и от ребенка. И вообще я там еще с одной медсестрой ходил. Почти серьезно. Может, и неплохая была бы пара. Э, да что теперь.

«Ялли, ты чего тут один сидишь? Наказан, что ли?»... «Точно — нет?»... «Думаешь?»... «Хорошо. И о чем?»... «О лю-юдях? Это важно. И — как?»... «В каком смысле — что из человека получится?»... «Это смотря из какого человека»... «Что значит — вообще?»... «А, ты об этом. Ну так — ничего. Он уже сам из обезьяны получился»... «Тупик, говоришь»... «Не знаю. Тогда, может быть, кто-нибудь еще лучше»... «Так как же я скажу — кто, если его еще нет?»... «Нет, боги, наверное, не получатся»... «Но ведь и обезьяны тоже не знали»...

«Свиньи? Почему — свиньи?»... «Ах да, про орков. Вообще-то так неприлично говорить»... «Считается обидным»... «Еще кто-то выведется? Вряд ли»... «Условия не те. Да и люди проследят»... «Если честно, так я думаю, из страха»... «А вдруг они сильнее окажутся? И тогда люди будут как гамамбуки»... «Потому что они в отличие от нас — твари неразумные»... «Да, разум — это главное»...

Растет наш мальчик. Скоро спросит у папы, как детишки заводятся. И разговорами, что, дескать, Подателя Жизни милость, — больше не ограничишься. Правда, я в его годы уже знал. Ну, так на то она и деревня. А может быть, и он знает. Тот же сынок мастера Чи мог просветить. Или в школе — приятели.

Дети, Ялли, берутся совсем непонятно от чего. Когда, например, два совершенно чужих друг другу человека какое-то время тесно меж собою общаются. Ну просто очень тесно. А после один из них вдруг сообщает другому, будто что-то не так, и вообще — ерунда какая-то. И тот женится. А там, глядишь, и дитё появляется. И эти двое для всех прочих уже не очень-то и чужие.

«Тамми, а скажи — что у вас там за начальство такое гильдейское?»... «Ну, вот человек травму на работе получил, а его хотят без пособия оставить»... «Так не сможет он теперь на прежнем месте трудиться»... «Я к тому, что у нас недавно такой недужный был»... «Да, к нам его приятели уже приходили, говорят — так и случится»... «У вас правда так делают?»... «Не знаешь?»... «Да Семеро с ним, с этим мужиком. Им вообще доктор с мануфактуры заниматься будет. Ты устав ваш гильдейский хотя бы видела?»... «А где его достать-то можно?»... «Да потому что надо же знать!»...

Ратамми считает, что по ее договору с гильдией ей никаких льгот и вовсе не полагается. Оттого что работа у нее сдельная и шьет она якобы для своего собственного удовольствия. А если мастер Харрунга думает, что его жене в таком случае и вообще можно было бы не работать, то он сильно заблуждается. Потому что когда его выгонят со службы за пьянку, Тамми с ребенком хотя бы с голоду не помрут. Вот и весь разговор. Чего его заново-то затевать?

Вообще же, стоит мне только произнести слово «дежурство», «лечебница» или «недужный», жена меня слушать сразу перестает. Я давно это заметил. Придешь с работы, начнешь рассказывать, чего там сегодня было, а тебе в ответ — «Угу»... «Да»... «Ну и...»... «Нет»..., и по новой, в том же порядке. И иногда «да» или «нет» даже не к месту, а просто потому, что их очередь пришла. Не замечать — это у нее такой способ не ругаться.

Как здорово мы когда-то болтали с Миррой. Зимой и весной. В самом начале, когда вспоминали Университет, обсуждали общих знакомых или о лечебнице трепались. Она меня действительно слушала, если я о чем-то рассказывал. И с нею мне было свободно, будто мы много лет уже знаем. Так ведь и это куда-то делось.

Я же сам все и разрушил. В один прекрасный день мастер Харрунга счел, что он Мирру только как дружок-любовник не устраивает. Ей якобы чего-то большего подавай. Серьезных намерений, обязательств, постоянства, может быть. Или чего еще. Подумал так, испугался, да и сбежал. Ты на меня, дескать, мастера Виндвелли, не рассчитывай, не хочу я этого.

А с чего я, собственно, взял, что она когда-то рассчитывала? Ни разу Мирра меня не пригласила нарочно. Ни разу удержать не пыталась. Даже вещиц никаких не дарила, чтобы запомнил навек. Приходил — принимала, плюшками иной раз угощала, было дело. Просил — не отказывала. Говорил — сопереживала. А уходил — так и не грустила особо.

А что словами ласковыми и хвалебными награждала, — так она их, поди, любому сказать могла. Хоть Таморо, хоть Чамиангу, да хоть тому же Никони. Жалко, что ли, человеку польстить, приятное сделать? А на самом деле — не такой уж я великий Рогатых дел мастер — просто Мирре со мною интересно бывало. И легко — точно так, как мне с нею.

Почему же я к ней ходить перестал? С той памятной пьянки в «Осеннем каштане» больше ни разу и не был. И на работе — все только по делу, никогда просто так не заговариваю. Не потому ведь, что новую бабу нашел. Кайнелли — не причина, вон к нам девчонки на сестринскую практику приходили — так я с одной все ж таки закрутил.

Эти молодые, к слову, такие причудницы! Чтобы не сказать — извращенки. Но умелые и с ручонками шаловливыми. Старый проверенный способ им, видите ли, никак. Зато — безопасно. Никто после с доктора жениться не потребует. И то хорошо.

А может, и нехорошо. У нас-то в деревне как считалось: когда работниц на лето нанимали, грех было мужикам с ними не загулять. Иначе прогневается Рогатый — свињи плодиться и перестанут. Так с пятнадцати лет я этот обычай и чту. Хотя — что уж мне теперь свињи?..

* * *

Вчера соперировали почтаря Капагури. Нашли затронутые узлы рядом с аортой. Печень нашпигована отдаленными поражениями, как арбуз семечками. Не случайно он желтеть начал. Совсем плохи дела. Арнери, что его оперировал, вздыхает — а был ли смысл в самой операции. Да, по правилам полагается, и все же...

Пока мы держим Капагури в медикаментозном сне. За те дни, что он здесь, все его соседи разъехались по отделениям. Кроме черепа — тот так и не потянул. Отек мозга. А думалось, что поправится.

Мужественной личностью оказался наш почтовый мастер. Предстоящей операции нисколько не боялся. Ждал ее, и с большим

любопытством. Хотя ему и объяснили, что все это — временно. Отсрочка, не более. И все же надеялся человек. Сумел радоваться малому — вот, дождется зимы, пройдет по первому снегу.

А еще выяснилось, что, служа на почте, мастер Капагури проявлял немалый интерес к современной науке. Рассказывал нам все про некий чудесный электрический прибор, который скоро изобретут. И сможет этот аппарат передавать на расстояния почти все — и письма, и карты с чертежами, и даже музыку. Причем очень быстро и не требуя барабанной азбуки.

Хороший он рассказчик. Врал, конечно, зато вдохновенно и увлекательно. Или не врал, а просто книжку пересказывал. Но голос у него при этом становился громче. Откуда только силы брались? Что там мы — больные заслушивались. Впрочем, не все. Вот Чуру мастер Капагури умудрился достать. И все байками о господине Тоги, славном воеводе времен Чаморрской войны.

Это, надо понимать, у почтаря было второй любимой книжицей. Повести о том, как воевода Тоги являл свое геройство и находчивость на фронтах. Причем иногда в нескольких местах одновременно. Чура поначалу молчал и хмурился. Потом пробурчал что-то про великого избавителя орков. Освобождавшего тех от пожиток, жилья и жизни. Капагури обижаться не стал. Вновь завел про чудной прибор. И Чахбар успокоился, вернулся к тетради.

Утром перед операцией наш недужный был особенно разговорчив. На этот раз решил побаловать нас историей о зодчем, в которого вселился дух Устроителя Байчи. И об обнаруженных документах, где согласно науке Устроения, надлежит строить лучшие дома в городе Ларбаре.

Когда его уже на каталку переложили, Капагури, наконец, прервался. Махнул рукой — авось, еще продолжу. Каталка уехала, а Нелли обмолвилась, что этот и с того света явится — дорассказать, если не успел. И тогда Чура рассердился. Негромко, но со злостью произнес: «Чтоб я больше этого не слышал!». Я так и не понял, к кому он обратился — к Дакарри с требованием, или к богам — с просьбой. Но все равно было неприятно. То ли оттого, что Чахбар, такой спокойный и сдержанный, вдруг вспылал, то ли потому, что он на Кайнелли наехал.

Тогда я и припомнил шутку про кладбищенского сторожа, что от соседа Чи слышал. Нелли рассмеялась. Чура тоже улыбнулся. И оба замахали на меня — ну, мол, еще накличешь. А я подумал — может, мастера Капагури дома никто не слушал, так он хоть здесь, бедняга, выговориться решил. Напоследок-то можно?

Теперь почтарь раньше завтрашнего дня не заговорит. Пусть спит, мы постараемся... Ох, твою налево! Если так будем стараться — он вообще не заговорит!.. «Мирра!»... Ёрш тебе в парашу!.. Хорошо — заметил. И капельник закрыл... «Ты чего делаешь?»... «Чего капаешь, говорю?»... «Ах, калий, да?»... «Хочешь, чтоб дядька остановился?»... «Так какого умбла ты систему на полную пускаешь?»... «Вспомнила, слава Семерым!»... «Медленно-медленно»... «Нет уж! Давай теперь вместе посчитаем»...

Опять девка замечталась. Подсоединила систему и пошла — будто так и надо. И ведь знает же, что калий быстро нельзя. И вообще, собственно, где Дакарри? Капельницы ставить — ее обязанность. Ну, конечно, делает вид, что очень занята. И при этом улыбку прячет. Потому что все видела и слышала. И очень довольна, стерва. Только жаль, дескать, что другие не видали, как «мой доктор» наконец-то «нашей дура» по рукам дал. А Мирра-то ей по доброте душевной помочь взялась. Уж лучше б вовсе не бралась, дура!

«Кайнелли, заканчивай, пожалуйста, с катетером»... «Собрала? Молодец!»... «Нет, пусть нянька отнесет»... «А ты больному из травмы капельницу наладь»... «Да, как обычно»... «Что?»... «Не можешь попасть?»... «Ах, вен нет?»... «А на кисти?»... «Ну, если уж ты не попадаешь, так чего мне пробовать?»... «Ладно, готовь набор для венесекции»... «Нет, не надо мастершу Виндвелли. Я уже освободился»...

Тагуду, между прочим, опять в операционной. Не любит он это дело — в отделении торчать да в грязи ковыряться. А стало быть, женская палата осталась на Мирру. Ох, стоит туда зайти, поглядеть — как и что. Одна радость — тут хоть больных немного, всего трое. Тетка со спаечным непроходом, цирроз и бабка-сердечница после удара... Подозрительно синяя что-то бабка.

«Мирра»... «Мирра!»... «Бролго, а где мастерша Виндвелли?»... «А, чай пьет... Ну ладно, дай мне тогда тетрадь больной с третьей койки»... «Не нравится»... «И давление ей смеряй, будь добра»... «А что ты ей уже делала?»... «Угу, что доктор назначил»... «Значит, чай, говоришь?»...

И после этого я с Миррой поругался. Даже накричал на нее. За то, что с антиаритмиками задержалась. И за то, что в чужой палате помогать сунулась, а своей не занимается. И за то, что чаи распивает не вовремя. И за то, что она... Ну, в общем, сама виновата. А Мирра слушала-слушала, а потом возьми да и скажи: «Чем воздух сотрясать, ты в следующий раз лучше стукни». И пошла работать.

«Стукни». Вот, что она имела в виду — «ударь» или «доложи»? В смысле, куда следует доложи, ты ж из Охранки. Наверное, тоже обиделась на меня. И за поучения, и, может быть, за то, что после той пьянки я у нее так и не появлялся, и за все прочее. Вроде бы не ссорились, не ругались, не досаждала она мне ничем. И вообще — чего я, собственно? Вот возьму как-нибудь и завалюсь к ней опять. После Преполовенья, например. Если скажет, что обижена, — извинюсь, а нет — так и ладно. Или сразу извинюсь. Не надо мне все же орать-то было.

Снова из операционной кого-то катят. Вслед за каталкой Буно косолапит. Мастер Баланчи, стало быть, оперировал. Теперь он сначала курить будет, а потом только протокол запишет. Значит, тетрадь принесут не раньше, чем через полчаса.

А мужик-то громадный. Я его ни в одиночку, ни с сестрой не переложу. «Буно, слышь, нам самим не управится»... «Помогай, давай»... «Да куда ж ты один-то?»... «Ну, силен, брат!»... «Тут, кстати, что?»... «Чего "тово"?»...

— А Вы о чем спрашиваете?
— Я говорю, что тут за операция была?
— Так перитонит аппендикулярный. Трехдневный.
— Ясно. Тетрадь потом занести не забудьте... Да погоди, успеешь. Пошли, что ли, пыхнем?

Буно Валикко родом из Черных Раков, по-деревенски расчетливый. Так что на халяву покурить никогда не откажется. Хотя — мне не жалко. Сам когда-то школяром был... «Бери, бери, не стесняйся»... Впрочем, нет, таким, как Буно, я, пожалуй, не был. Только бы меня и видели в лечебнице во время отпуска. А этот вот — ходит. Почитай, каждый день. Как и чангадангова ученица Ягукко. До чего же школяры пошли любознательные! За наставниками прям хвостами бегают.

Кстати, вот и наставник. Мастер Баланчи нас из коридора видеть не может. Ничего, если что — Нелли скажет, где нас искать... Ох, бабы, ко всем подлизаться норовят. Знает же, что Талгано приятно о «своем мальчике» что-нибудь хорошее услышать. Вон, пожалуйста — уже хвастает: Буно, мол, чудо сотворил... И то сказать: такая силушка — разве не чудо?

Чего это Баланчи за сердце хватается?.. А, нет, это у него часы в нагрудном кармане. Что же он — ученичку время по минутам расписал?.. «Здесь мы, мастер Баланчи. Дымим»... «Что — победили отросток?»... А часы-то у Талгано не простые. Прячь — не прячь, я-то вижу, что в них счетчик Саунги вделан. Маленький такой, не сразу догадаешься... «Мы? Да ничего. Курим вот. Присоединяйтесь!»... «Ну, дело хозяйское»... «Ладно, Буно, иди, коли тебя мастер зовет»...

Наверное, мне все же показалось. С чего бы это Баланчи на меня косо смотреть? Он что — решил, что я Буно к себе сманивать взялся? Вот еще, не было заботы. Экий он, однако, ревнивец!.. А вообще — зачем мне ждать, когда праздники кончатся? Завтра же к Мирре и пойду. Она после дежурства дома должна быть...

* * *

Был я на выходных в Похвальном. Пришел, поднялся по лестнице, сделал рожу поувереннее и постучал. Мирра отворила не сразу, может быть, занята была. Или спала. Открыла, поглядела на меня и спросила: «Ну, что?». «Вот» — ответил я не хуже Буно и вошел. И мы начали объясняться.

Мирра говорила, что это, дескать, перебор. То, что я со всеми стараюсь быть хорошим и в доску своим. Пить вместе с Курриби, вести задушевные речи с Магго, ругать мастершу Виндвелли. Потому что здесь, в Первой, так полагается. И даже хочу быть лучше всех — ибо не просто ее отчитываю, но еще и перевоспитывать пытаюсь. Все это — слишком, меня и без того, мол, все тут полюбили.

— Так уж и все? — спросил я.

— Да кажется, все, кто могли. Кроме тех, которые не умеют. Вроде Амби. Или дворян наших — Арнери с Городди. Кому никто не нужен. Или кто с виду мил, а близко не подпустит. Как Чилл и Таурре... А остальные — все. Магго, Баланчи, Талдин. Исполин —

так просто тобой не нахвалится. И даже Змий высказался однажды, что на операциях тебя предпочитает... Кайран вот тоже проникся. А по части молодежи — так с ними можно и лучше поладить, но только порознь. А то Дани, Таморо и Чабир друг перед дружкой стесняются.

Я тогда подумал еще, спросить ли про Никони. Который, не иначе как от большой любви, меня на свинье верхом как-то рисовал. На здоровенном таком хряке, с подписью: «Мы сдюжим».

Спрашивать я не стал. А то услышал бы еще в ответ, что это все от ревности. А коли так — значит, и ревновать он право имеет. Или бы — того хуже — принялась бы Мирра его защищать. Нет уж, на хрен.

Хитрая ты, Мирра — про всех вспомнила. И про Магго, и про Исполина, и про Камато. И даже про Чангаданга. А сама — что же? Так же, как остальные? Или — не так? Или совсем не так?

— Значит, говоришь, все?

— Я-то? Я тоже тебя люблю. Очень-очень. А ты как думал!

И ведь правду сказала. А главное — совсем даже не страшно. Любить, мол, люблю, но всяких жертв там или глупостей — этого не надо. И терзаться мастеру Харрунге не стоит. Пусть живет, как живется, с семьей. Работает, выпивает иногда, в гости заходит — вот как сейчас.

Что это, кстати, за тень в палате маячит? С четверть часа уже, поди. Опять Буно. Баланчи куда-то по хозяйственным делам умотал, а ученичок его без дела остался. Вот по лечебнице и слоняется.

«Буно! Эй, Буно! Не стой порожним»... «Делом, говорю, займись»... «Ну, ты у нас хирург — вот и давай»... «Мужику у окна дренаж дерни. А на второй койке — новенький. Мы в вену попасть не можем — венесекция нужна»... «Набор на стерильном столике»...

Выгодное отличие школяров от сотрудников. То, что сестра или доктор воспримут как тягостную обязанность, детишки выполняют с радостью и охотой. А как же — серьезное дело поручили! Так что работай, Буно. Нам — в помощь, тебе — в удовольствие. И Баланчи пусть не сердится. Сам — свалил, а парень скучает.

«Ну, в чем заминка?»... Да, братец, разрез у тебя, и впрямь — «тово»... «В следующий раз бери на полпальца латеральнее, ладно?»... «Ничего, отведи в сторону»... «Вот. И действуй»... «Что опять не так?»... «Чего? Никогда не делал?»... «Ясненько. Ну и что? А сегодня сделаешь»... «Надо ж когда-то начинать»... «Вену найти не можешь?»... «Вот она, маленькая и тоненькая»... «Подведи под нее лигатуры»... «Молодец. И продолжай»...

Возможно, Мирра сказала бы, что я завоевываю еще одно сердце. Пытаюсь снискать любовь Буно из Черных Раков. Знать бы еще, что с этой любовью делать. В наставники я не хочу, к чему мне такая морока? Так что я парня не прикармливаю и не сманиваю. Просто использую иногда ко взаимной выгоде.

Мастер Капагури оживился. Он в последнее время что-то сник. Меньше стал разговаривать. Не такими уж и занимательными оказались эти «новые ощущения». Когда у тебя из живота трубка торчит, а сиделка в нее бульон на обед заливает. Поначалу почтарь долго к

этому приглядывался. Потом изрек: «Надо же, как просто!». И добавил, подумав: «Хорошо у вас тут». Хорошо-нехорошо, а завтра мы его в палату переведем. Вполне себе окреп дядька. Насколько это возможно, конечно, с таким недугом.

«Ну что, мастер, завтра прощаться будем?»... «В отделение поедете. А там и до выписки недалеко»... «Что? О чем думаете?»

— Да какой фигней я, извините, всю жизнь прозанимался!

А на физиономии при этом — ни капли сожаления. Даже наоборот — удовольствие.

— Вот, говорят, людям всего Столпа Земного для жизни мало, а на самом-то деле... Ну, вот я, например. Только и делал, что письма по нужным адресам раскладывал. Те, которые пришли, — чтоб отдать, другие — чтобы отправить. Ведь малость, если подумать.

— Да как же малость? Иные, может, всю жизнь те письма ждут! — это Телли не утерпела. Жених у нее где-то в Чалбери работает. Пишет, наверное, редко.

— Да тысяча народа по Почтовому двору бегают. Мешается, путает все на свете. Сортировкой, якобы, занимается. Прямой и обратной. А письма... Они если и доходят, то уж помимо нас. Случайно, можно сказать. А все равно работаешь — счастье...

Капагури еще немножко помолчит. То ли задумался, то ли устал. Потом продолжит:

— А уж страсти какие! Вот за те же ящики. Гильдия посыльных-то как возмутилась, когда их развесили! Так то — гильдия, а почта — служба коронная. Несколько лет воевали. Сошлись, наконец... А ведь кто-то еще и по городу переписывается. Проще письмо написать, чем в гости зайти. Да-а...

За то время, что он у нас, почтарь перестал бриться. Зарос уже даже не щетиной, а бородой. И седых волос в ней куда больше, чем на голове. Посмотришь — так лет семьдесят можно дать.

— А иной ругаться придет — чего это мои письма не доходят? Он уж и с уведомлением посылал, а все — нет. А как они дойдут, когда он туда чертежи вкладывает без гильдейской печати? Личным порядком нельзя — у нас ведь тоже предписание. Оно конечно, если б там чего было — его бы уж вызвали, куда надо. Но все равно — самодеятельность какая-то механическая. Нечего... Вот пришел один такой. Вроде, не безумный, должен понимать. Объяснять начал: это, мол, мой батюшка для вас же старался. Про телеграф-то про тот. Для облегчения почтового дела. А вы тут держитесь за то, что умеете, ничего нового знать не хотите! И парень-то — не дурак. Ругается он со мной, и вижу, что понимает — теперь-то уж точно не дойдут, только хуже сделал. Но не сдается, продолжает. Потому что накипело...

Что ж ты, дядя, так разволновался? Нельзя тебе. А с другой стороны — чего нельзя-то? Тебе теперь все можно, если оно тебя хоть на час счастливым сделает. Но ты, мастер, все равно лежи, не вскакивай. А не то капельник выскочит. Работа у меня такая — следить, чтоб тебе хуже не стало. А про «лучше» уж тут говорить не приходится.

— Ну я и спрашиваю: в чем тут суть-то? Как она, махина эта, работает? Тот мне объясняет — ничего не понятно. Я так и говорю: а яснее нельзя? А он мне, вместо того чтобы пуще злиться — где, мол, вам, служакам необразованным, чего разобрать в таком тонком вопросе, — сознается, что и сам ничего не понял. Батюшка его там чего-то наизобретал, да и помер, а бумаги остались. И он их в дело пристроить хочет, чтоб не пропали. И что на меня нашло — сам не знаю, но я сказал: давайте для начала сами разберемся, вместе, то есть. А то — кто его знает — может, оттуда, куда вы это шлете, вам не отвечают не по вредности, а по неясности. Соврал я ему. Не стал говорить, что письма и вовсе никуда из Ларбара не ушли. А парню-то мое вранье кстати пришлось. Ухватился он за эту мысль, говорит — давайте.

И вновь на лице улыбочка у мастера Капагури. Я, признаться, сперва подумал, что он каяться перед нами решил, про тот случай вспоминая. Так нет — вполне себе доволен. Ну и хорошо, продолжай тогда.

— И принялся я на старости лет математику да высокую механику изучать. Чтобы в махине той разобраться. И парень оказался толковый. Даже мне, при моем невежестве, за несколько лет сумел всю эту премудрость растолковать... И знаете, куда мы это пристроили? Не в какие-нибудь политехнические конторы или ученые общества. А в Дом Печати! Там сыскались горячие ревнителю этих дел. Денег не обещали, но заверили, что будут продвигать. И статейку даже в «Доброхоте» дали. И про мастера Тоги, и про его штуковину... Ну ладно, я вас, небось, отвлекаю...

Это он увидел, как меня Телли зовет, чтобы обезболивающее списать. Пока я шкаф открывал да в тетрадке писал, почтарь молчал. А как освободился — снова заговорил:

— Вы вот думаете, поди, чего я все про воеводу Тоги рассказывал? Так он моего парня пращуром оказался. Мы и это с ним изучили, пока в его отцовых делах копались. А как же — предков-то надо знать! Я ведь что понял — отец его с ним про это вообще не толковал. Только о махине. Так мы уж сами. Сплошные семейные тайны... И главная из них — их здешний дом городской. Тем самым зодчим построенный, что Устроением стихий увлекался. Я про него тоже говорил, может, помните? Вот вы представьте: мне за пятьдесят и Тоги около сорока, а мы с ним, как мальчишки, по старым постройкам лазали. Все изучали, что еще от тех Двенадцати Домов осталось и уцелело. Они ж не просто так — городское Равновесие хранить должны. Мы с ним даже на карте Ларбара эти домовые чертежи раскладывали да примеряли — как оно работать могло. Я за всю почтовую службу так хорошо город не выучил, как тогда. Вот и вышло, что насчет Ларбара не скажу, а меня те здания приводили к полнейшему удовлетворению стихий. Одно слово — наука... И ведь Тоги мне не родня, не выпивали мы вместе. И чего другого не подумайте. Интерес!

— А он вообще знает, что вы здесь? — Телли возвращается с лекарством. — А то напишите, а я и отнесу.

Я, между прочим, тоже не замечал, чтоб к почтарю кто-нибудь еще, кроме родственников, приходил. Если уж там такая дружба была — мог бы мастер Тоги и обеспокоиться.

— Да он уехал из Ларбара. Уже год почти как. Время-то идет, а у него тут служба больно скучная была. Нашел местечко повеселее. И дом оставил, и чертежи. Да-а... Зато денег на обустройство выручил. На новом месте-то надо... Я ж ему перед тем как сюда идти написал. Но вот дойдет ли письмо — не знаю. Почта — дело такое, ненадежное...

Время за болтовней совсем незаметно летит, а мне еще дневники вечерние писать. И кто там сегодня главным по Хирургии? Надо бы разузнать, не намечают ли они чего. Хотя — как тут узнаешь? Только что все тихо, а потом глядишь — привезут кого. Впрочем, если на данный миг никого нет — лучше воспользоваться случаем и перекусить. А то мало ли. И Тварин с ними, с дневниками, потом напишу.

А мастер Капагури, оказывается, тот еще гусь. Мог бы сердце свое и собственными детьми занять. Так нет, ему заботы господина Тоги подавай, а на родню можно и рукой махнуть. Выросли, мол. Тоже вот чудно. Вроде любить мы своих любим, без этого — как же? А дела их нам, получается, совсем без интересу. Живы, здоровы — и ладно. Ведь если подумать — я ж ни одного яллиного приятеля школьного не знаю. Или, например, учителя, что больше всех нравится. Или предмета, скажем, любимого...

Мы на выходных ходили с Ялли в Двоебожный храм. Там зверушек ученых показывали, представления всякие. Я думал, ему понравится. А он меня вдруг спрашивает: «Пап, а зверям — им самим выступать хочется?». Я говорю: «Некоторым, наверное, хочется». А он и отвечает, что сам бы, пожалуй, не захотел ради конфет всю жизнь кривляться.

Та-ак, ну, вот и поужинал! Хирурги объявились... «Мастер Арнери, чем порадуете?»... «Ничем? Боюсь даже поверить»... «Да спит ваш почтарь. Умаял нас разговорами своими»... «Тогда — чаю?»... «Что поделаешь, ваш брат к нам редко просто так, без дела заходит»... «Но у вас пока тихо?»... «Да уж, молчу!»... «Сахару сколько?»... «Не надо? Выгодно вас в гости приглашать»... «А меду?»... «Липовый. Из Тримакки прислали»...

А вот от меда благородный господин не отказывается. Правда, у нас блюдец не имеется — так что придется по-простецки. Ложкой из общего горшочка. Но ничего, не побрезговал. Ну что, сейчас про рыбную ловлю начнет задвигать? Я и не припомню, чтоб мы с Арнери когда-нибудь вот так общались. Правда, мне его дружка, господина Городди, пару раз — во, как хватило! Если и этот такой же, надо будет срочно какое-нибудь дело неотложное изобрести. Хотя Райачи — молчун.

Неловкое у нас какое-то чаепитие получается. Кипяток быстро прихлебывать не выходит, значит, о чем-то говорить все же надо. Да в конце концов, мало ли у людей предметов для разговора? Дети у нас, как-никак, одного возраста, и сами мы — ровесники.

— Вы ведь, Тава, тоже здесь учились, в Ларбаре?
— Да, могли и встречаться. Я в девятом году закончил. А Вы?
— Двумя годами позже. В одиннадцатом. Поступил позднее.
— Да, войско же... Но все равно — почти одно время. Значит, и Чамианга помните, и мастера Ходакку, и Мумлачи, да?

Арнери осторожно ставит на край стола горячий стакан. И почему-то с ответом медлит, словно и впрямь вспоминает.

— Помню.

— Забавно, правда?

— Что именно?

— Ощутить коллегами тех, кто когда-то представлялся грозным учителем. Не так уж они на деле и страшны.

— Иногда еще страшнее, Ваттава. Если на деле...

— Да бросьте! Исполин не так плох, как иные о нем говорят.

Действительно, почему бы двум лекарям за чашкой чая не посплетничать о начальстве? Или — есть опасение, что беседой этой на площади Ликомбо заинтересуются? Мастер Арнери — человек, видать, осторожный. Потому, должно быть, и обдумывает каждое слово.

— Профессор Мумлачи, напротив, очень хорош. Особенно если сравнивать с тем, что было.

Интересно, это он про Нираирри, что ли? С чего бы Арнери так не любить старика? Или Райачи, как благородному, неприятно было, что им командует грамотей из простонародья.

— Покойный мастер Чамианг не в счет. То есть я не то говорю... В счет, конечно, но как раз наоборот. При нем уже стало лучше, а Мумлачи продолжил... Невнятно, да?

— Продолжил — что?

— До него, до Нираирри, тут было... Не так совсем было, как сейчас. Много хуже. Как не должно быть в больнице, в Университете, вообще в любом сообществе. А профессор Мумлачи... Мне казалось, нам при нем удалось избавиться от всей этой мерзости окончательно. Понимаете, Тава, мне действительно так казалось. До смерти мастера Чамианга.

Что-то уж он очень разволновался. Обычно в таком состоянии человеку требуется выпить. Только что ж мне ему — спирта накапать? Не, благородные господа спирту не кушают, им, поди, «Фухиса» подавай. А нету! Так что, Арнери, придется уж по-трезвому. Ты ж не чай сюда распивать пришел, а поплакаться. Ну и давай — Харрунга послушает, жалко что ли.

— Вы же видите, что творится? Все опять, все заново началось.

— Вы имеете в виду Кайрана, Чангаданга, Баланчи? «Трешечники» в последнее время как с цепи сорвались. Того и гляди — перегрызутся. А мастер Чилл трепыхается и наотрез отказывается подавать на третий разряд: «Чтобы они все на меня — нет уж, не надо!»

— Это тоже, но главное-то — расчеты. По любому поводу вычисления: кто чей заступник и кто чей сподвижник. Вы же слышали, наверное, что говорят? «Тронуть Таморо нельзя — он побежит к

Ходакку.» Зато кое-кто уже не побежит. Те, чьим заступником был мастер Нираирри. «Давайте уберем Амби или мастершу Виндвелли — их теперь никто не прикроет.» Все как при Варакко.

Профессор Варакко возглавлял отделение Врачевания до Нираирри. Я при нем поступал. И оканчивал тоже. Тогда лучший довод в пользу сотрудника был: ученик или близкий друг профессора. Потом — кажется, я тогда на пятом году был — Варакко вдруг убрали. Месяца на три, не больше. Но шуму это наделало!

Освободившееся место занял кто-то из профессорских же «любимых учеников», имени его только сейчас не помню. Университет немедленно поделился. Некоторые перестали здороваться со ставленниками смещенного главы, но большая часть осталась верна Учителю. Доходило даже до того, что преподаватели и школяры в открытую нарушали предписания нового начальства. К чести Нираирри — он в этом участвовать не стал. Ни в показном неповиновении, ни в наездах на вараккиных сподвижников.

А еще девицы рыдали. На лекциях и на переменах. Когда Варакко только-только ушел. Помню я: иду как-то по подвалу, там, где у нас анатомичка была, вижу — три девчонки стоят. Одна у другой на груди ревет. Присмотрелся — вроде ничего себе, та, что носом хлюпает, даже миленькая. Профессора оплакивают. «Он не вернется! Я знаю, знаю!» А третья, с куцым хвостиком из-под шапчонки, как на них рявкнет, как выругается. «Трам-тара-рам, пошли отсюда, бабы!»

И вот тут я закашлялся. Не тогда, а сейчас. И не потому, что чай горячим был. Просто я ту девицу узнал. Ту самую, что материлась на весь коридор. Она мне тогда совсем как раз не понравилась. Не то, что теперь. И постройнела, и шляп дурацких больше не носит. И выражений таких я от Мирры что-то не слышал. Ведь странно же было пять лет вместе проучиться и ни разу не встретиться. Встречались, оказывается. А вот сегодня ее какая-то сволочь выгонять собирается...

— И много у нас таких расчетливых?

— Достаточно. Больше, чем хотелось бы, уж поверьте. И я не пойму: ведь не глупые же люди, не злые — а туда же. Зачем? Боятся за себя? Очень опасно, знаете ли, вовремя не подключиться к травле кого-то из коллег, если эта травля в итоге окажется успешной. Вы заметили, как отвернулись от Курриби? Как прижали братьев? Особенно Рангаи, потому что на Дангмана это не подействует — он делает вид, что ничего не понимает. Почему косо смотрят на Миррами или Вахардо? Да потому что считается, что эти люди скорее всего смогут подставить Исполина. Завтра Талдин опять напьется, Виндвелли совершит какую-нибудь глупость, Амби учинит буйство, Дани устроит очередную дурацкую шалость — и что? Мы лишимся столь ценимого нами профессора Мумлачи. Ибо терпение гильдии к нашим вольностям не безгранично. Значит, все, кто любит Исполина, должны помочь ему избавиться от этих лиц. Такой вот ход рассуждений. Давно не было — и пожалуйста — всплывает.

— Да уж, дерьмо оно на то и дерьмо, чтобы всплывать... Извините.

— Это Вы извините. Но Вы верно сказали. Отвратительно это все.

— И Вы, Райачи, полагаете, что кто-нибудь из них нарочно стараются насолить Мумлачи?

— Я не говорю про Амби — тут особый случай. И с глупостью, в конце концов, трудно бороться. Но не пить-то ведь можно. И выходы свои отставить, хотя бы на службе. Но дело же не в этом. Спрашивается: кому сейчас не только легче всего свалить благородного Яборро Мумлачи, но и кому это выгодно?

Да, очень правильно я сделал, что выпить ему не предложил. Мастер Арнери у нас тоже радеет душой за Исполина. И потому каких-то предосудительных поступков должен избегать. А то, что сам он расчеты строит не хуже тех, о ком рассказывает, — так о том, собственно, его великая скорбь.

— Так ведь кому...

— К сожалению, легче всего это проделать доктору Чангадангу. Старшему ординатору первой хирургии, моему непосредственному начальнику. Нарушение трудового распорядка — это еще ничего, но вот какой-то серьезный провал в работе... Тут Мумлачи и впрямь может грозить отставка. А обеспечить ему такой провал господину Чангадангу ничего не стоит. Достаточно всего лишь не прийти на работу в день профессорской операции.

— По-Вашему, Исполин без Змия — совсем как без рук?

— А по-Вашему, Тава, это не так? Бросьте, я не считаю Мумлачи выдающимся хирургом, но я не хочу другого начальства. Как вы думаете, что на уме у Змия? Ему это надо?

— Убрать Мумлачи и занять его место? Они очень не ладят, кажется, но, по-моему, Чангаданг не стремится возглавить лечебницу.

— Даже теперь? Когда у него появился свой интерес? Пусть не руководить, а всего лишь избавиться от Исполина? Посадить на это место Кайрана или Баланчи, а те уж не забудут, кому они обязаны своим выдвижением.

Вечно в этой хирургии какие-то заговоры, а мы ничего не знаем. Ни ОТБ, ни Корона — что это за личные интересы появились у господина Чангаданга. Четвертый разряд? Научное открытие? Не похоже. Он нынче ушел в наставничество с головой и до кончика хвоста.

— Мы тут четыре года гадали, в чем его слабое место. А выяснилось — жажда обучать. Он же сейчас за свою ученицу на все готов. А она с Мумлачи разругалась.

— Эта пигалица? С профессором? Сильна детка!

— Я имел в виду Робирчи. Мумлачи-младшего. И большой вопрос, как к этому отнесся Исполин. Вы не наблюдали картину у дверей профессорского кабинета вчера днем? Робирчи повздорил с собственным батюшкой. Видимо, всерьез, раз не смог отложить этот разговор до прихода домой. И говорили они о Тагайчи. И еще о Чангаданге.

О чем они говорили, я примерно догадываюсь. Сынок благородного Яборро в последнее время девицу явно тяготил. Сказала

Бирчи, небось, что она ему не пара, и просила более не беспокоиться и ее тоже не беспокоить. А Исполина подобный расклад должен бы был обрадовать. Исполина, но не его сына. Посчитал ли юноша, что папаша их разрыву способствовал или просто отстаивал собственные чувства? Но тогда — при чем тут Змий?

— Вы знаете, Райачи, для Чангаданга это все слишком мелко. Уж если ему придет в голову по-настоящему осчастливить свою подопечную — так он запузырит ее куда-нибудь в Кэраэнг, не меньше.

— Отрадно слышать. Дикость какая-то. И я, и Чангаданг считаемся людьми Исполина. Благородные господа при большом боярине. И оба они — начальствуют надо мной. И что в таком случае является худшей изменой с моей стороны: помогать Змию в его кознях или защищать Мумлачи?

— А вам что более по душе?

— Смеетесь, Ваттава? Знаете, как я сюда попал?

И он начал рассказывать. Волнуясь все больше и больше. Любопытная вышла история, я себе Арнери совсем другим представлял.

Учился он в свое время на третьем году. Как и многие, работал еще на кафедре патофизиологии. Тогда там шли опыты по использованию одного препарата. Райачи, как юношу серьезного и находящегося под присягой после коронной школы, допустили до этих секретных отчасти исследований. Ничего особо сложного — всего лишь дневники вести. Под началом его тогдашнего руководителя, который за все те изыскания отвечал.

Ну а дальше — случается иногда — секретные записи возьми да и пропади. Прямо из-под замка в закрытой лаборатории. Предать огласке этот позор, разумеется, никому не хотелось. Стали своими силами искать. И даже не сами бумаги, а того предателя, кто их упер. Искали, надо сказать, тоже по-глупому. Собирались вместе и друг дружку опрашивали — кто когда и где в последний раз тетрадь видел. Да у кого ключи были или доступ к ним. И кто в какое время уходил из здания вечером накануне.

Арнери все это слушал, слушал — и закрались у него сомнения. По поводу одного старшего коллеги. Как раз прежнего ученика его нынешнего наставника. И вот дальше он, конечно, лажанулся. По крупному, надо признать, лажанулся. Благородное воспитание подвело. Заявил он о своих умозаключениях громко и открыто. На общем собрании кафедры, при всем честном народе. Негодяю, так сказать, в лицо и на виду у руководителя.

Думал, должно быть, что злодей зарыдает и во всем сразу признается. Тот, однако, этого не сделал, а просто переспросил: верно ли, что благородный Арнери его в измене обвиняет. Райачи отвечал, что слова свои хоть на поединке готов отстаивать. И в общем вышел большой и безобразный скандал. Правда, так ни к чему полезному и не приведший. А наутро старичка-наставника хватил удар. От волнений и переживаний. И через два дня он преставился. Вот тогда заведующий кафедрой незадачливому школяру и сказал, что, как лекарь, он, Арнери, умер. И чтобы он здесь больше не появлялся, и много всего еще.

Третий год он как-то дотянул. На четвертом у школяров началась практика. Поскольку кафедральные больницы Райачи не светили, он пристроился в какую-то войсковую медчасть за городом. Думал, там навсегда и останется. Короче, жизнь кончилась.

Учился парень почти заочно. В Университет приезжал только на испытания. Дом свой городской наладился сдавать — все равно при части жил. И так вышло, что приехав зимой десятого года на испытания, попал как раз на похороны того самого завкафедрой, что его в свое время уже «похоронил». Подумал-подумал, и решил пойти на отпевание. То ли приличия соблюсти, то ли для того, чтоб уж раз и навсегда распрощаться с тягостными воспоминаниями.

И прямо на храмовом дворе его подозвала госпожа Иррани, супруга тогдашнего главы кафедры хирургии господина Мумлачи. Дама с широкими связями в обществе, и в частности, попечительница одной из женских дворянских школ. Поговорила, матушку арнерину вспомнила, которую когда-то хорошо знала, велела заходить в гости.

Зимние испытания тянулась долго, Райачи, маясь одиночеством, однажды пришел на улицу Бабочки, где живут Мумлачи. И там в гостях познакомился с некой барышней. Учительницей танцев из той самой школы госпожи Иррани. Точнее, их познакомили.

— Понимаете, Тава, вообще, я — человек сухопутный. В кораблях совершенно не разбираюсь...

А у девицы оказалась ладья. Судно небольшое, но в огромных долгах. А расстаться с этим корабликом барышня никак не могла — единственное отцово наследство. Просто так предложить девушке денег Арнери счел неприличным. Поэтому решил посвататься. Так и женился. Госпожа Иррани это одобрила, записала Райачи в «свои». В двенадцатом году, когда Мумлачи возглавил хирургию в Первой Ларбарской, он позвал туда и Арнери.

Так что Арнери — «человек Мумлачи» не по расчету, а из благодарности. Не худший пример личной преданности. И Исполин — молодец. Подбирать обиженных — верный способ укрепления надежности в коллективе. Сколько у нас тут еще таких? Тех, кто ценят в профессоре Мумлачи не столько начальника, сколько человека, сумевшего им помочь.

И неоправданная мягкость благородного Яборро к Амби, Мирре или Дангману объясняется очень просто. Выгони их сейчас — и всю жизнь будешь чувствовать себя подлецом перед Нираирри, от которого принял и лечебницу, и отделение. Чангаданг или Кайран этого не понимают, не видят. Или знают, но не желают с этим считаться. Болваны они, в сущности, только и всего.

— Ну раз уж все так, Райачи, вам-то с профессором уже ничего доказывать друг другу не нужно. Вы работаете, хорошо работаете, и он это знает. И знает также, что Вы, в отличие от многих, понимаете его. А еще он знает, что в этих дрызгах Вы не участвуете. А Чангаданг... Да ну его, в конце концов. В битве Змиев с Исполинами, как известно, победителей не нашлось.

Кажется, он успокоился. Может, благородному Арнери и не совета надо было вовсе, а всего лишь поговорить. И то сказать — кто у нас в лечебнице знает, что его отнюдь не рыбная ловля занимает. Я до сегодняшней ночи тоже не знал... «Да, Телли, что случилось?»

— Мастер Харрунга, там почтарь Капагури умер. Я думала, спит, подошла — а он холодный уже...

Часть четвертая. Из породы обреченных

Да, что-то промахнулся я нынче с одежкой, холодно. Ну а как тут угадать? Уходил утром, казалось — оттепель, снег тает. Первый снег в Ларбаре не лежит долго. А вечером снова подморозило. Одно слово — Плясуньино преполовение завтра, ни зима, ни осень.

Вот, видят Семеро, на праздники из дому не высунусь. Надо, наконец, ножку у стола починить, а то, не ровен час, развалится. А еще надо подумать, крепко подумать. Обо всем том, что у нас творится.

Началось все с того, что Буно... Нет, не так. Сперва я как-то увидел мастера Баланчи. Он стоял у нас на этаже, на лестнице и курил. Не трубку, как обычно, а папиросы. Прикуривая одну от другой. Три штуки выкурил. Взялся было за четвертую, но вдруг сломал ее, бросил и ушел. Со злостью так, что папироска от урны отскочила. Я тогда подумал — чего это он? А еще подумал: давно что-то Буно не видать.

Парень к нам в последнее время часто заходил. То покурить, опять же, то перевязать кого-нибудь, то просто так. И вдруг — исчез. Подумал я об этом — и забыл. Мало ли — загулял мужик или зачет какой-нибудь завалил. Потом, через несколько дней — вспомнил. Это когда Камато пожаловался, что раньше, пока с Баланчи Буно дежурил, его, Лаверчи, в операционную и не дергали. Не то что теперь.

Понятное дело, я удивился. Спрашиваю — а куда школяр-то девался? Камато в ответ плечами пожимает. Не знаю, — говорит, — Баланчи молчит. И в общем-то, не мое, конечно, свинячье дело, но все же чудно. Не похож был Буно на того, кто бы на учебу вот так запросто забить мог. Совсем не похож.

Стал я у девчонок наших спрашивать — может, знают чего. Те тоже только руками разводят. Думаю — у самого Баланчи поинтересоваться? Так он злой какой-то стал, дерганый. И ревнивец к тому же, как выяснилось. Но — слава Семерым — есть в нашей лечебнице одна мохноножка, мастера Чилла дальняя родственница. Что хошь спрости — все знает. Не в науке, конечно, а что в городе делается. Ну, по крайней мере, в больнице — точно.

Так и есть. Слышала Вики про какую-то драку в портовом кабаке. После которой всех замели. Вроде как Буно в ней участвовал. Ну, хорошо, думаю, ну, забрали в участок, чего не бывает. Но если

уже почти месяц не выпускают — это что же? — убил он, что ли кого? Силушка-то богатырская, мог и не рассчитать, медведь дурной.

И стал я дальше кумекать. Драка, как Вики слыхала, была на преполовенье Воителя. Тоже, между прочим, нашли способ Пламенного почтить. Если там кого-то порезали или чего похуже — значит, должны были на Водорослянку привезти. В Четвертой у меня знакомых нет, но в ней же наш Змий дежурства берет. К нему я с этим, конечно, не сунусь, а вот у Тагайчи спросить стоит. И с Буно они однокашники. Тем более может знать.

И совсем я уже собрался ее для этого дела отловить, да засомневался. Вот начнет мастер Харрунга у девицы Ягукко про Буно признаваться — а она и подумает, что это он для Короны старается, вынюхивает. А уж школяр школяра Охранке не сдаст. Тагайчи-то во всяком случае. А объяснять, что это я просто о парне беспокоюсь, — так кто ж мне поверит. Буно мне не брат, не друг, даже не ученик.

Два дня я над этим размышлял, а седьмого утром вдруг встретил Ягукко в зале на первом этаже, когда на работу пришел. Она как раз после дежурства была, и ей письмо доставили с утренней почтой. Тагайчи его прямо там же и разворачивает, а я вижу, что обертка-то казенная — из Дома Печати. А еще вижу, что она расстраивается очень. Ну просто глаза на мокром месте.

И отчего-то мне тогда подумалось, что это все с Буно связано. Вроде как у нее в Доме Печати какой-то знакомый есть. Может, она его просила о товарище что-нибудь разузнать. А ей, выходит, ответили. И судя по ее виду, новости совсем недобрые.

И я тут же решился. Подхожу, спрашиваю: не известно ли ей чего о Буно. А она на меня глаза поднимает: «А Вы не знаете?». И так это «Вы» выделяет, что мне аж тошно сделалось. Кончай, дескать, притворяться, коронный доносчик, твои ж его и упекли.

— Ничего я не знаю, — отвечаю я честно. — Вижу только, что его с позапрошлых праздников нет.

— Тогда совсем плохо, — говорит Тагайчи. — Потому что никто — ничего. Или все врут.

Повернулась и пошла. А я краем глаза только и успел две последних строчки из ее письма разглядеть. И вовсе там не про Буно было, а стихи какие-то. Про небо, которое рухнуло, и что ничего уже не сложить. У человека любовь, оказывается, а я влез...

Но я буду не я, если девица Ягукко ни о чем не догадывается. Вот даже этот ее ответ — если уж и вы не знаете... Значит-то он, что мне, коронному служаке, лучше, чем кому-либо должно быть что-то известно. И следует из этого, что Охранное Буно держит, не просто стража.

А раз так, то все куда серьезнее, чем я думал. Либо Буно какого-нибудь иностранца пришиб, пардвянина, например, или вингарца, либо драка была не обычной. По причине племенной, храмовой или еще какой розни, опасной для державы. Такая драка, которой Охранка занялась. Ничего хорошего для школяра Валикко.

А четыре дня назад я все же говорил с Баланчи. В тот день мы оба дежурили, и он зашел ко мне ближе к полуночи. Заговорил

мастер Талгано первым. Сразу, без всяких намеков и подготовительных речей:

— Вы, Тава, все равно уже все знаете. Или скоро узнаете... Вас уже расспрашивали о нем?

«О нем» — это, разумеется, о Буно, тут и гадать не пришлось. И кто расспрашивал — тоже ясно. Не коллеги, и не школяры, а на площади Ликомбо. Но к Нариканде мне идти только семнадцатого, так что не было пока никакого разговора. И вообще-то следовало мне перед Баланчи сделать вид, что я не понимаю, о чем, собственно, речь. Да и ему бы не годилось так спрашивать. Обратился бы к господину сотнику, нашему общему с ним начальнику.

Только мы же с Талгано не друг друга проверять собрались. А главное, я-то уже начал соображать, в чем дело.

— Пока нет. Но это вопрос времени. Причем скорого.

— Ну, что ж... — Баланчи задумался.

Даже к карману, где у него счетчик Саунги запрятан, потянулся. Прикидывал, небось, насколько я правдив? Вполне возможно. Да ладно тебе, мастер, ты ж сам этот неслужебный разговор завел. Чего уж теперь тушеваться!

— Вы сами много раз замечали, Тава?

— Чего? Он при мне ни о чем таком особом не толковал. «Бей пардвян — спасай Мэйан!» или вроде — этого Буно не говорил. И убивать никого не собирался. Что там все же в порту-то произошло?

— Обычная портовая драка. С жертвами. Ранения не смертельные, но тяжелые. И случай чудесного исцеления одной из жертв. А наш Буно — в роли этого чудотворца.

— Что, серьезно? Божья милость?

— Вы хорошо в этом разбираетесь? Замечали за ним нечто подобное?

— Послушайте, Талгано, я Вам честно скажу. Я замечал, как Вы сами за счетчик Саунги хватаетесь то и дело, когда Буно рядом. Это бывало. Хотя, если подумать, — что там говорили о мужике с переломом луча? Помнится, еще доктор гильдейский приходил — удивлялся все, как это он ошибся.

Был у нас такой случай. Месяца три назад. Дедок один, выходя с мануфактуры, упал да руку зашиб — с кем не бывает. Пришел к фабричному доктору. Тот — чин чином — поглядел, поставил диагноз «перелом луча в типичном месте», направил в Первую, как и полагается. Дед сидел в приемном покое, ждал, когда до него очередь дойдет. А по приемнику как раз Буно шатался. По крайней мере, по описанию, так выходит. Больного он посмотрел, где-то что-то повернул, надавил, погладил — но вроде не больно — и ушел.

А рука болеть перестала. И на лучевой бочке никакого перелома и в помине нет. Дедуля, человек по-своему совестливый, еще немножко посидел, подумал, и двинул домой. Чего, мол, занятых людей от работы отрывать, коли все прошло? И на следующее утро добросовестно на работу заявился. Гильдейский доктор чуть очки не уронил, когда его увидел. Глядь — рука как новенькая, ни следа

вчерашней травмы. Досидел до конца рабочего дня — и бегом к нам. Как вы это делаете, мол?

Поначалу мы посмеялись. Ну, ошибся человек, принял сильный ушиб за перелом или подстраховаться решил. Гильдеец чуть не плачет — тридцать лет, дескать, работаю, что ж я, перелом от ушиба не отличу? Да и мы с ткачами не первый год дела ведем — не замечали прежде за их лекарем таких косяков. Короче, поудивлялись, и решили на этот случай забить. Для пользы дела, так сказать, и чтобы взаимное доверие не подрывать.

Правда, тем вечером, когда этот дед приезжал, Буно к нам в ОТБ заходил. Голова у него что-то сильно разболелась — просил ему сделать что-нибудь. А то таблетки не действуют.

И еще как-то было. Уже у нас. Конечно, ожоги сильно болят. Но той тетке вообще никакие обезболивающие не помогали. Мы уж не знали, чего делать. А потом пришел Буно. Я, мол, перевяжу. Перевязал. И тетка умолкла. Говорит, полегчало после перевязки. Да быть такого не могло. Я тогда подумал — припугнул ее Буно, что ли? Или, наоборот, пожалел? Может, ей участия не хватало? А сам он вскоре вновь заявился к нам с головной болью. Я еще удивился — чего это его так часто скручивает. Молодой вроде парень, здоровый. И не с похмелья.

Но это сейчас все складно получается. А тогда — кто же знал? Хотя Баланчи знал, я уверен. Догадывался уж наверняка. Поди, нарочно оставлял парня с больными наедине — понаблюдать, как тот руки будет налагать. Показания с приборов снимал. Чтобы потом в один прекрасный день с умным видом заявить Буно: «Да ты, мой мальчик, чудотворец!». А значит, ждет тебя сначала коронная присяга, а после, глядишь, и жреческий сан.

И все бы, казалось, замечательно, если б не расстроенный вид Баланчи. Что ж это он — переживает, что будет ему от начальства большой нагоняй? За то, что о своих подозрениях на площадь Ликомбо не докладывал. А ведь он, судя по всему, не докладывал. Страсть исследователя разыграла? Хотел сам, лично, все проверить? Вот и доверялся.

Но если я хоть что-нибудь понимаю, мастер Талгано нынче не о себе беспокоится. Да, богат этот год на странности в Первой Ларбарской. Наставники, взрослые мужики, все как с ума посходили из-за своих учеников. Что Чангаданг, что Баланчи. Стареем, должно быть...

— Его, Буно, когда взяли, он в каком виде был?

— Да в неважном. Он не умеет с этим справляться. Вот Вы, Тава, говорите — божья милость. Что это? Семибожие? Единобожие? Барр и Пардви, в конце концов? И почему вдруг — Буно? Он ведь славный парень, хоть с виду этого и не скажешь.

— Он — что, совсем плох, раз все еще там?

— Уже в порядке, но дело не в этом. Впервые мне показалось в самом начале лета. Разумеется, я стал выяснять. Друзьями мальчик в Ларбаре так и не обзавелся. В храмы тоже не ходит. Только в зверинец. Откуда?

— Да мало ли. Чем он в своих Раках-то занимался, не знаете?

— Обряды имеете в виду? Нет, не творил. И за годы учебы здесь — тоже ничего. Во всяком случае, не отмечено никем и нигде. И я тоже решил не торопиться. Знаете, Ваттава, я даже обрадовался.

— Что нашли чудотворца?

Баланчи все-таки закуривает. И опять не трубку, а папиросы. Не «Сноброд», что давеча на лестнице, а вполне приличный «Багардаггад». И безнадежно качает головой:

— Ученика. Преемника. Ты же понимаешь.

Я понимаю. Нету у нас, кажется, жрецов без присяги. Были у мастера Баланчи ученики-лекари. Есть кого наставлять и в делах Безопасности. А вот так, чтобы и то, и другое разом...

— А он — понимал?

— Он? Я пытался с ним поговорить. Чтобы счетчик, например, носил. Вроде бы и мне в помощь, и за ним смотреть проще. Так ни в какую. Видишь ли, «тово»... Как он меня поначалу этими своими «тово» изводил!.. У тебя, кстати, нет чего-нибудь выпить?

— Сливовая пойдет?

Ох ты, блин, сплошные неожиданности! Значит, Мумлачи нам теперь не указ? Крепко же тебя зацепило, мастер Талгано. И я тоже хорош! Сначала брякнул, потом подумал. А делать нечего — наливай да пей.

— Мне казалось, мальчик мне доверяет. И вот теперь...

Забрали Буно сразу же, прямо над телом, пока он еще от чуда своего очухаться не успел. Когда пришел в себя, попросили предъявить разрешение на такого рода вмешательства. Парень, ничего не понимая, заявил, что он школяр-лекарь, бумаги университетские стал показывать. На площади Ликомбо от его гильдейских корочек лишь отмахнулись. Ты, мужик, лучше про чудеса. Какого обряда, где обеты давал, кому отчитываешься? А он ни сном, ни духом. Не знаю я никаких чудес, и «тово».

Сотник, что делами храмов там занимается, сделал стойку. Как же — видного целителя нашел. Нигде еще не учтенного! Тут награда светит или повышение. Как это, говорит, не знаешь, когда ты на глазах у трех дюжин кабацких посетителей рану от ножа зарастил? Я, отвечает Буно, недужному помогал, и ничего не зарастивал. А сотник еще больше воспарил: как же — молчит, значит, целитель-то, поди, не из разрешенного храма, а из тайного, Короне доселе неизвестного.

Такая находка. Задержали Буно на полный срок и стали везде бумаги рассылать — не числится ли где такой чудотворец? А сами, не теряя времени, принялись убеждать парня пойти на сотрудничество. Как они там убеждать умеют — это я и сам знаю. Для начала грозились из Университета вышибить и даже из города выслать. Мне, помнится, того хватило. Школяр Валикко оказался не таков.

Долго ли, коротко ли, дошли их запросы и до Первой ларбарской. Баланчи от Нариканды тогда свое получил за самоуправство и недоносительство. Но свидание с Буно смог выторговать. Думал, поговорит с ним, объяснит все по-хорошему.

Тут-то Талгано и убедился, какой ему достался упрямец. Мало того что тот уперся, так еще и держит себя с Охранным совершенно по-дурацки. На допросах — дерзит, сотника и других сотрудников не только не боится, но и на полмедяшечки не ценит. Будто и впрямь чувствует за собой великую силу, которая с ним, с Буно, ничегошеньки сделать не позволит.

— А то еще, представь, Ваттава, пугать взялся. Сотник видит, что угрозы его на задержанного не действуют, решил с ним по-доброму. Что вы, мол, сейчас там в Университете своем проходите? Заразу? И что? Болезнь Кве? Что за болезнь-то? И этот дуралей не придумал ничего лучшего, чем пуститься в расспросы, какой у сотника стул и бывают ли ознобы или судороги. Ученый вид на себя напустил, умник. Говорил, что цвет лица у «господина начальника» не хорош. Ведь чистое мальчишество. Но ты-то понимаешь, о чем там подумали?

— «Вот сейчас возьму — и прокляну». Раз вы меня в чудотворцы записали, так мор наслать я тоже могу. Да уж!

— Да чего «да уж»? Сотник-то сперва всерьез подумывал в храм бежать насчет порчи. К счастью, все чисто оказалось. Он и обозлился.

Влип ты, мальчик Буно, по самую макушку. Потому что этих господ сердить нельзя. Себе дороже выйдет. И коли я тебя еще увижу — то прям не знаю, что с тобою сделаю. Для начала — по шее надаю. За дурь твою школярскую. И за удаль. А еще из зависти, что сам так не сумел когда-то. Это если, конечно, ты оттуда здоровым выберешься. И вообще — если выберешься.

— Надо ли говорить, что мои увещевания так ни к чему и не привели. Обозвал меня «тоже дерьмом» и больше слушать не захотел. А теперь еще и голодовку объявил. Шестой день сегодня пошел. Точнее, уже седьмой...

Это Баланчи сообразил, что время — далеко полночь. Вот такой он, мастер Талгано. Его дерьмом величают, а он все беспокоится — как бы деточка в кутузке не отошала.

— Послушайте, а голодовку-то точно он сам объявил?

— Нет, сотник этот, конечно, та еще сука. Но до такого все же не доходит. Я надеюсь...

Все они суки. И мы с ними вместе. Но я не об этом.

— Да не в сотнике дело. Не знаете, Буно в одиночке сидит?

— Один.

— И вот Вы говорите — божий дар? Это же одержимость, да? Целительство, в смысле. Если ему необходимо кого-нибудь целить, а недужного рядом нет, значит, такового недужного надобно добыть. Любой ценой. Это хорошо еще, что он на охрану с кулаками не бросается. Может, он и выделялся лишь для того, чтобы получить покрепче. Нарывался, чтоб было к кому дар применить.

— Хочешь сказать, что истощение это не Буно нужно, а Целительнице или Пардви? Или от кого он там чудесит?

— А что я — жрец? И кстати, хороший вопрос: а от кого он чудесит?

— Да не знаю я. Жрец был, сказал, что именно целительство.

— То есть потоп, по крайней мере, Ведомству Безопасности не грозит?

— Нет, кажется, только мор.

— Ну и как у нас с Вами со стулом? Все в порядке? Значит, нас, хотя бы, Буно еще не проклял.

Все-таки Баланчи усмехнулся. Закашлялся. Потушил папиросу. Пятую, между прочим, по счету. Вон, в пепельнице четыре его окурка лежат. И моих два. За дымом уже и лиц-то почти не видно. И окно не откроешь — холодно.

— Я думал, Тава, может, ты к нему сходишь? Мальчик-то в последнее время к тебе все бегал — я видел. Поговоришь...

Прийти к сотнику Нариканде. Может быть, и просить ничего не придется, Баланчи сам обо всем договорится. Мастер Харрунга расположится в комнате для свиданий. Заранее распишется в бумагах в том, что о недозволенных разговорах и передачах осведомлен. Посмотрит в телячьи глаза школяра Валикко. Начнет его уговаривать быть хорошим мальчиком.

— Ведь если ему нужны недужные, Тава, так пусть подписывает и возвращается сюда. Чем, в конце концов, плохо служить стране, Короне? Не понимаю...

— Я не хочу Вам пока ничего обещать, Талгано. Я подумаю. Поговорю с Нарикандой.

Служить стране, наверное, не плохо. Только стыдно иногда. И гадостно, как сейчас...

Утром одиннадцатого в лечебницу прибыли ученые с дружелюбной Варамунги. Осмотреть достижения современного мэйанского врачевания. Отворачиваясь в сторонку, чтобы не дышать на Тагуду перегаром, я убедил его пустить меня на наркоз. Это чтоб в отделении не оставаться, когда гости зайдут. И Маято неожиданно легко согласился. Все оттого, что Чангаданг оперировал. Не хотелось ему лишний раз со Змием встречаться. Только рукою мне вслед махнул, словно благословляя. Иди, мол, святой человек, и да воздастся тебе за терпение твое.

Я и пошел, приготовясь мысленно к боярским причудам. Правда, особенно придирааться он сегодня не стал. Случилось нечто куда более страшное — господин Чангаданг, кажется, изволил пошутить. Увидел меня вместо Тагуду, пронизательно скривился и изрек:

— Варамунгане наступают?

— И их ведет Царица Обезьян! — ответил я словами из оперы. Потому что главной среди гостей оказалась красная жрица Пардви. Ее-то Исполин и обхаживал, всем своим видом давая понять, что очень нуждается в милосердии.

Тагайчи рассмеялась. Спросила с пониманием:

— После дежурства, мастер Харрунга?

Как выяснилось потом, мы многое пропустили. Например, как Дани чуть не сшиб иностранцев и Мумлачи, гонясь за какой-то девицей. Или дикую выходку Чабира. Это когда гости в его палату зашли, а он сказал, что не намерен рассказывать о своих больных при

посторонних. И очень откровенно покосился на ту самую жрицу. После уже, для наших, пояснил: «Священников нам не надо».

А что поделаться, если на Варамунге все больницы — храмовые? Недужная, между прочим, даже не против была, чтобы о ней иностранцы узнали. Но Чанчибар надулся, и Исполин счел за лучшее двинуться с гостями дальше. В общем, тот еще денек выдался.

Зато — сколько новостей для господина Нариканды. И про наши страдания о Буно, и про чабирово рвение законы блюсти. Да, а еще эта беседа газетная. Что мастер Чангаданг с «Ларбарским Доброхотом» вел. Первого числа вышла, как подарочек к Новомесячью.

Чего-то такого я от него, признаться, и ожидал. И все ожидали. Арнери меня, вон, даже предупредить пытался. Собственные соображения господина Змия, как нам надо работать и чем мы его не устраиваем. Да почти всем. И особенно Мумлачи. И хирург-то он — неважный, и лезет не в свое дело, пусть лучше на руководящей работе сосредоточится. И то, что нас всех учили неправильно, не так, как самого Чангаданга. И вообще — все кругом дураки, недужные — пьяницы, гильдейцы — жадины, а газетчики и вовсе ни фиги не смыслят ни в чем, в том числе и в писательском ремесле. А в конце пожелал всем школярам удачной учебы, ибо сия сволочная работенка принесет им много-много счастья.

Кажется, Ягондарра рассказывал, что его родственника-вестовщика, который эту беседу от лица газеты вел, потом посадили. Правда, скоро все-таки выпустили, но Бенг на Чангаданга долго злился. А Змий ему ответил, что газеты и газетчики и вовсе не нужны, потому что все новости в Мэйане распространяются сами собой. «Ну каково, а? — Сокрушался Бенг. — Это если бы мне какой-нибудь писатель сказал, что лекари не нужны, потому что больной и так выздоровеет!» Короче говоря, многие на Чангаданга обиделись. Уж не с того ли он так развеселился? Как же — такую дею развел!

В том же выпуске, кстати, еще одна статья была. О древленских знахарях. Лечебные танцы там всякие, иглоукальвание. Обещали еще продолжение — как другие племена лечат. Тамми об этом от соседок на кухне услышала и очень заинтересовалась. Стали про прижигания полынью вспоминать, про карличье лежание на камнях. Ладно, трепаться — пусть треплются, главное, чтоб сама пробовать не начала. Где знахарство — там и целительство, только этого мне в моем доме не хватало.

Мы с ней даже по этому поводу повздорили. Так она — мне назло — пока я на дежурстве был, мой пиджак праздничный распухла. Тот, в котором я еще на свадьбе был. По правде говоря, единственный мой выходной наряд. А у нас в лечебнице на конец Плясуны большая гулянка намечается. Все об этом только и говорят. А еще — это будет год, как я к Мирре хожу. Может, Ратамми все же что-то узнала? И главное — как мне теперь? Дежурить проситься в этот вечер? Знал бы заранее — отложил бы денег, купил бы новую одежду. Вот ведь подлость!

А теперь я иду домой, к жене, с которой третий день не разговариваю. Быстро иду. Не потому, что видеть ее хочу, а потому что

холодно. Не спасает от ветра поддегаечка. И с неба какая-то пакость сыплется, и под ногами дрянь, и деревья все голые стоят. И на душе — та же тоска и серость. А еще ножку эту у стола чинить.

И навстречу мне — Чамианг. Дангман. Весь из себя нарядный. Пальто у него длинное, темно-зеленое, белый пушистый шарфик на шее. В руках — зеленоватая банка, а в банке — белая мышь. И на рожице непривычно глубокая задумчивость. Была задумчивость, по крайней мере, пока Дани меня не разглядел. А как разглядел — сразу оживился, и вручил мне банку, будто букет.

«Зачем? Это мне, что ли?»... «А-а, а то уж я подумал»... «Кому-кому, Яганди?»... «Так теперь модно, да? Девушкам мышей дарить?»... «Ах, в лабораторию. Для дела. А там — чего, мыши кончились?»... «Ты занимал?»

Зверушку в лаборатории Дангман тоже для дела одалживал. Подложить свинью мастеру Курриби. Правда, для пущего удобства решил ограничиться мышкой. Выкрасил ее зеленой, посадил в шкаф, где Талдин себе тайничок обустроил — старый ящик для стерилизации, а в нем бутылочка и закуска. Бутылку Дани изъясил и спрятал, а сыр мышонок благополучно скушал.

Открывает ночью Курриби свою хоронушку — а там зеленая мышь. Это Чамианг таким образом хотел коллегу от пьянства отучать. Согласно пожеланию Исполина. Да, если бы я такое увидел — точно бы решил, что допился. Меня б еще, глядишь, и удар хватил. Тоже мне, шуточки! Но Курриби — ничего, только ящик с испугу уронил.

Мышь убежала, а за Дангманом оказался должок. В нашей лаборатории все учетное. Вот он два дня по городу и носился — подходящую мышь добывал. Правда, так и не выяснил: тот сбежавший зверь кем был — самцом или самочкой. Но, может, не важно.

Это он мне все рассказал, пока мы к лаборатории шли, а я банку нес. И лишь когда мы у приемного остановились, мне вдруг в голову пришло — а я-то с какого с ним иду? Мне — вообще домой, в другую сторону. Дани немедленно объяснил. Что поскольку с Яганди у него «любовь», она его просто так не отпустит, а он сегодня не настроен, потому что в баню собрался. А если я с ним приду, то мы быстрее освободимся и в баню вместе пойдём. Раз уж я его так выручил — он меня приглашает.

Я подумал и согласился. Чего мне, правда, домой-то сейчас спешить? А в бане тепло. И общество приятное. Чамианг-младший — он ведь чем хорош? Тем, что за его болтовней обо всех бедах забываешь. Так что вручили мы зверя лаборантке — она даже подмены не расчухала — и пошли. Не куда-нибудь, а на Арандийское подворье. Там, по словам Дангмана, самые лучшие бани в городе. И девушки — тоже, если, конечно, мы чего захотим.

А по дороге он рассказывал про свою новую подругу. Ту самую, из-за которой он на днях чуть Исполина не уронил. Она — химичка, мужа ее пригласили сюда из столицы лекции в Университете читать. Больше всего, как я понял, Дани увлекает то, что дама эта одного с ним роста оказалась. То есть — каланча каланчой. Я еще подумал,

что если в этих банях девицы ей наподобие, то я уж лучше так. Обойдусь как-нибудь.

Ехали мы на трамвае, но я все равно замерз. Слезли у подворья, прошли в ворота, а из-за угла впереди нас Змий выворачивает. Господин Чангаданг собственной особой. Как всегда важный и кислый. Хорошо, он к нам спиной оказался и зашагал не навстречу, а вперед. Так что получилось, будто мы за ним следом.

— «Идет, шагает Мемембенг, сторонник крайних мер», — заметил Дани, приостанавливаясь. — Надеюсь, он хотя бы купаться не собирается!

Оказалось, нет. Отыскал какую-то лавку и в ней скрылся. И слава Семерым.

В восточных банях я еще в Марбунгу бывал. Сначала можно просто помыться, а после — залезть в большой каменный садок с горячей водой. Там греться, выпивать и разговаривать о Божественном.

Может быть, потому что он сам меня пригласил, Дангман взялся все устраивать. Очень ловко и толково, надо признать. И ванну выбрал уютную, и меня так ненавязчиво подтолкнул, показывая, куда идти. Чтобы я не топтался в растерянности. Выпить велел принести и поесть. А от девушек отказался, словно мое настроение угадал. Оказалось, что там не только водоросли подают, но вполне себе и пирогов можно взять. С кашей и мясом, какие я люблю. И откуда только Дангман об этом узнал?

— «Кто пасется в водных травах? То морской ленивый бык!», — вспомнил он детскую песенку. — Ты же, Тава, на быка не похож.

А сам он больше всего походил на журавля или на аиста, поворачиваясь неспешно и плавно. Развел руки, пытаясь коснуться каменных бортов — да так, будто крылья расправлял. Потянулся и сказал: «Хорошо!». А я опять вспомнил Нираирри. На лекциях он всегда сутулился, словно и правда крылья за спиной прятал, опасался кого-нибудь задеть. Птенчиков много, гнездо маленькое — как бы не вывалился кто. Точно, аист.

А еще я подумал, что когда Дани говорит вот как сейчас, негромко, голос у него совсем отцовский. И вообще у нас, оказывается, многие профессору Чамиангу невольно подражают. И Амби, и Таморо, и Магго. И даже Мумлачи, если хочет своим словам мягкости придать.

Наверное, у меня эти мысли на роже отразились. К сожалению, потому что Дангман упоминания о батюшке все еще плохо переносит. Он тут же встрепенулся и неожиданно спросил:

— Ты с Чангадангом, кажется, ладишь?

— Я?! Да ты чего!

Мастер Харрунга чуть под воду не ушел от такого ужасного подозрения. Неужели со стороны так выглядит? Издевается.

— А чего? Что, думаешь, с ним по-хорошему нельзя?

— С ним? Это он по-хорошему не может.

— Да может, Тава. Вон, с Тагайчи или с Магго. Или с Курриби. У нас же сейчас только ленивый над Талдином не потешается. Но не Змий. И даже прохаживаться на его счет в своем присутствии не позволяет.

— А ты уже пробовал?

— Конечно! По поводу мумлачиных запретов на пьянку. И услышал сквозь зубы сказанное: «Когда ввели законы против краж — появились и воры». Тарунианг Сантанга, я его тоже люблю. Как уж тут не безобразить, когда люди в ответ на это с такой хорошей стороны открываются.

Это он про всех сразу. И про себя, и про Талдина, и про самого Чангаданга. И про меня, может быть. Я ведь не меньше Курриби люблю, когда меня, похмельного, жалеют. И Мирре я берусь помогать лишь после того, как она какую-нибудь чушь спорет. И за Буно хлопотать взялся, когда Баланчи Корону помянул, не раньше.

— Так сочувствие Чангаданга к Курриби вполне понятно. Сам он, что ли, не пьет? Ну, пусть дома, не на работе, но приходит-то иногда... Стоя рядом — закусывать нужно.

— Ты, кстати, тоже пей, угощайся. А то я — уже, а у тебя чашка полная... Ага!.. Жалко ведь его.

— Талдина? Ну да, жалко.

— Талдина, конечно, тоже. Но я про Змия. Вот я или Нурачи — мы ж просто так пьем, а этот — от безысходности.

С хорошей — не с хорошей, но с неожиданной стороны люди иногда тоже раскрываются. Кто бы от Дангмана таких суждений ждал? Да не о ком-нибудь, а о Чангаданге. Который ему самому гадость вернуть случая не упустит.

— Какая уж такая безысходность? Заведует отделением. Третий разряд. Ученики. Поди, плохо?

— Ой-ой-ой, и всего-то радостей! Читал же его беседу в «Доброхоте»? Там все и сказано.

— Деи там полно и спеси. И более — ничего.

— Значит, ты только это и видишь?

— А ты там нечто другое разглядел, да?

— Да чего разглядывать-то? Он же к этой работе с самого детства, как раб к веслу прикован. Всё без него, и даже без родителей его решили. Этому потомку Мемембенга назначено быть врачом-терапевтом. И все. Ни свернуть, ни отказаться.

— А он, по-твоему, не хотел?

— А он этого теперь и сам не знает. Он же кроме больниц ничего и не видел. Дали ему час на семейную жизнь. По часам засекали — чтобы род продолжил. И — пожалуйста обратно, в операционную.

— И что ж его тогда из Кэраэнга отпустили, Великого Царя-Лекаря?

— Да не отпустили, Тава, а выгнали. Это ж еще хуже. Ступай и сделайся достоин Золотой Столицы. И он старается. Тебе бы понравилось каждый день, всю жизнь испытания проходить?

И что случится, если Змий теперь на все это плюнет? Покарает его Божья милость? Пожалуй что и покарает. Изнутри на куски разорвет. А у Буно — не так же? Ох, как не прост, оказывается, малыш Чамианг, если до всего этого так запросто додумался.

А Дани пирожком закусывает и посмеивается:

— Я ведь, Ваттава, тоже из породы обреченных. Думаешь, мне с детства что-то иное светило, кроме лекарского ремесла? Как бы не так!

— Тебе? Да пожелай ты хоть в балагане танцевать — кто б тебе запретил?

— Ага, конечно, «в балагане»! Да не хотелось мне ничего другого желать. Отец бы не запретил, но расстроился.

— С чего ж? Есть же Рангаи, чтобы батюшкино дело продолжить. И мастер Нираирри тебя бы неволить не стал.

Сказал я это второпях и осекся. Потому что в первый раз, кажется, Чамианг с кем-то вдруг про отца заговорил. Правда, сам он, видимо, неловкости моей не заметил. Ответил мне очень тихо, и очень серьезно, даже непривычно как-то серьезно.

— Не понимаешь ты, Тава! Любил он это все. И нас всех любил. А как же можно любимого человека самого лучшего занятия на Столпе Земном лишить? Я знаешь что вспоминаю? Как папа меня в лечебницу с собою брал. Когда я совсем еще маленьким был, лет восемь. Точно помню, потому что он над лодыжками как раз работу заканчивал. Так вот, отец с костями возился с такой же нежностью, как со мной. Даже лицом светлел. Видеть надо было, на словах не расскажешь. И я тогда думал: «Наверное, это очень здорово и интересно». И вообще, ты размышлял когда-нибудь, как лекарские дети растут? Вот у вас дома чем мясо режут?

— Чем — чем? Ножом, как все.

— Обычным, кухонным? А у нас — сколько себя помню — ампутационным. Удобная штука, между прочим. Я еще читать-писать не умел, а уже косточки людские рисовал. Потому что у отца в кабинете скелет стоял разборный. Заходи — играй. Вместо кукол или корабликов. Рассказывал, что тварь разумная из себя представляет — человек ли, орк, мохноног или карл. Вместо сказки на ночь. Почему они такие. Как ходят, едят, на свет появляются. Что женщина устроена так мудро, чтобы дитя выносить и родить. А мужчина так — чтобы к ней подстроиться, чтобы лучше для нее было. И картинки из атласа показывал. Я школу заканчивал — он меня спрашивает: «Пойдешь на Лекарское?». Я плечами пожимаю, пойду, мол. И не потому, что мне все равно, а просто ни о чем другом по-настоящему не думал. А отец решил, что не слишком-то мне охота. И не сказал даже, попросил, будто извиняясь; «Попробуй поучиться — может, тебе понравится. А нет — так потом куда захочешь, туда и пойдешь. Главное, только попробуй». И после, уже в Университете, все спрашивал, бывало: «Ну, как — не нравится?». Самое обидное, что со страхом ведь спрашивал или с виной. А мне нравилось. Всякое случалось — и с преподами скандалы и разбирательства, но не оттого, что мне не интересно было. Просто уж, так...

— Ты ему так и не сказал?

— Сказал. Прошлой зимой, когда... когда мы узнали. Так что мне повезло. Очень повезло с обреченностью. Потому что я ее люблю и усилия для того не делаю. А Чангаданг? Кто его знает, может, он и не задумывался об этом вообще.

Вот так мы и посидели. Вымылись, погрелись, поговорили и разошлись. По домам, в смысле, разошлись, а не буйствовать начали. И я все никак не мог решить: успокоил ли меня сегодняшний наш разговор или наоборот — еще больше расстроил. Потому что от Дангмана я все же такой чуткости не ожидал. Приятно в людях ошибаться, если, конечно, в хорошую сторону. А на душе все равно муторно было. То ли из-за Буно, то ли из-за себя, а то — и вовсе странно — из-за Чангаданга.

Все мы какие-то несчастные получаемся. Оттого что, как ни крути, каждый к своему веслу прикован. Больше того — не можем без этой цепи. Злимся, обижаемся, страдаем, выделяемся, а бросить, отказаться не в силах. Может, и неправильно это все одной лишь Божьей милостью объяснять, как у Буно или Чангаданга. Не в ней вовсе дело, а в том, что сами мы — не знаю, больные, что ли? На голову. Пусть никому в том и не признаемся, но в душе-то понимаем.

Вот Дангман и корчит из себя помешанного, Змий — великого боярина, а мастер Харрунга — подвижника Рогатого. Мол, мы не только лекари, у нас еще на сердце вон сколько всего. А как в очередной раз убедимся, что все это — личины балаганные, вновь за свое весло прячемся. Точнее, за ремесло. А внутри-то что? Внутри пусто. И Буно такой. Только по молодости еще не понимает. Отсюда и храбрость эта глупая.

Или — понимает? Потому и в разнос пустился. Вроде как — пропади все пропадом. Если представить, что парень все осознал и жизнь ему не мила стала. И некому ему объяснить, что и с этим жить можно. Дескать, ты, Буно, один из многих, так что кончай дурить.

А он мне ответит, что хочет быть одним из немногих. Или вообще — единственным. И я тогда скажу, что для того, чтобы быть хоть каким-нибудь, надо для начала просто быть. А единственным он все равно для кого-то станет. Как я для Байалли, например.

— Папа, а ты какие папиросы куришь? «Сноброд», да?

Это я уже до дому добрался, сам не заметил, как.

— А мне мальчик один в школе рассказывал, что у них сосед по ночам ходит. Во сне. И что это оттого, что он тоже «Сноброд» курит. Вот я и думаю, может, ты чего другое курить будешь? А то страшно.

— Ага, «Багардаггад», например. И стану хобом. Глупости это все. Ночные хождения — это, Ялли, болезнь такая душевная. Но она не от курева бывает.

— А от чего?

— А это когда мозги, что за движения отвечают, ночью не отключаются. Но это сложно все. Мозг еще до конца не изучен. И вообще — не забивай себе голову.

— А что, если я буду ее всяким разным забивать, у меня мозги кончатся? И на математику места не хватит. А может, мне тогда сразу мореходное дело начать учить? Чтоб ее зря ненужным не заполнять?

— Не-е, так не получится. Понимаешь, чтобы быть водолазом, математику все равно учить придется. Надо будет, к примеру, рассчитать, на сколько погружаться или на сколько воздуха осталось. А про мореходное дело ты и так у меня читаешь. Значит, то, что нужно,

отложится. Да и в голове, скажу тебе, места достаточно. На все должно хватить. И папиросы, кстати, так не из-за болезни называются, а из-за корабля.

— А я знаю. Он был улучшенный, и потому мог идти и днем, и ночью. А еще его потом угнали на Варамунгу, а капитан у него был безбожник. Пап, а пап, а мы с тобой — тоже безбожники?

— Это ты с чего взял-то? Ну, не ходим мы в храм, но Семерых-то ведь чтим. Вот я Целительнице служу, мама — Ткачихе, да и ты — Премудрой, раз учишься.

— А если врать, то это получается — Плясунье?

— Ну, в общем, да.

— А чего ж тогда про тебя говорили, что ты врешь безбожно? Очень даже божно выходит.

— Так. И кто это про меня говорил?

— А ябедничать — это Судью почитать, да?

Мордашка у сына совершенно серьезная, только глазенки — шkodливые. Не таммины глаза — мои. Не умеет она так шутить. Она вообще шутить не умеет. Понабралось дитё от родителя.

Мог бы и не спрашивать мастер Харрунга, кто про него такое говорит. Кроме Тамми — некому. «Врач — от слова врать» — сказала она мне однажды. Ерунда какая-то получается. Дома меня порой не бывает — молчит, изменяю я ей — ничего, а вот вру — не нравится. А что ж мне теперь — всю правду рассказывать? Про Мирру, про Буно и еще про сотника Нариканду?

— А мне тоже сказали, что я вру. Девчонки из школы. Когда я рассказывал, как мы с дедушкой волков видели.

— Да ну, это им просто завидно было. Они в своем городе вообще ничего не видят. А ты в деревне жил. Так что не обижайся на них.

— А я и не обижаюсь. И ты тоже не обижайся, ладно? Ну, мало ли, говорят!

Значит, Ялли решил, что я такой кислый, потому что на кого-то обижен. И название папирос разглядел. Выходит, я однажды забылся и вместо того чтобы в окно дымить, небось, за столом закурил. А может, и не однажды. И это уже бессовестно. Нет, что-то надо делать, не то я совсем рехнусь. И не во славу Плясуньи-Матушки, а так. По собственной дури.

* * *

И я начал «что-то делать». По правде сказать, возможностей тут было немного. Либо напиться, либо сосредоточиться на всегдашних делах. В запой я не пошел, а для начала отправился к Мумлачи и попросил сменить замок у шкафа. Иначе мы его в один прекрасный день не откроем. И уж не знаю, что со мною было не так, но замок нам на следующее же утро и поменяли. А может, до меня об этом никто не просил?

Потом заклеил окна в наших палатах. Потому что зима уже на носу, а у нас до этого руки так и не дошли. И няньку еще отругал. За то, что она сама этого прежде меня не сделала. Ведь должна же

понимать — тут тяжелые больные лежат. Одна мастерша Харвайнан чего стоит.

Сразу после праздников ее соперировали. В седьмой раз, между прочим. Тагуду, когда услышал о повторном чревосечении у нее, только застонал. Чего он, кстати, стонал — непонятно. Брали ее по дежурству, согласно негласному распоряжению Исполина. Так что тот вечер я провел в приятнейшем обществе Змия. Ну ладно, он у нас — светило, но мне-то за что вместе с ним достается?

А Чангаданг по ходу дела еще и издевался. Спрашивал, надо ли ему приглашать хирурга, чтобы зонд больной завести, или я сам с этим справлюсь. Я только ответил, что с анатомией в общих чертах знаком, и куда трубочку затолкать — рано или поздно найду. Но если есть такое желание — придется, наверное, господина Мумлачи из дома вызывать. Магго сдержанно хмыкнула. И они потом еще не меньше часа этот зонд по кишечнику проводили.

Тагуду утром прибежал чуть ли не первым. Расспросил, как все прошло. Назвал меня чудищем. Похвалил, в смысле. А я — чего? Мое дело небольшое. Это хирурги у нас круты. Чангаданг в частности.

А двадцатого на лестнице между вторым и первым этажом появилась картинка. С изображением Дангмана в наряде магистра Лунного Ордена, о котором он в последнее время столько трепался. На рисунке он несколько двусмысленным жестом посвящал в рыцари кучу выстроившихся перед ним девиц.

Этакие картиночки я уже видал. Элдери Никони упражняется. Только, насколько я помню, показывать он их не любит. А уж чтоб на всеобщее обозрение повесить! Так что невзирая на гогот собравшихся рисунок я со стенки снял. И Никони вернул, завещав, чтобы лучше за своими художествами присматривал. После всего этого на меня стали коситься.

Неприятности начались двадцать первого. Пришедший раньше Чура поглядел на меня оценивающе и заключил, что лучше бы мне сегодняшней сбор пропустить. «Чего вдруг?»... «Опять ругаться будут?»... «Харвайнан? И что я не так сделал?»... «Не я? Мастерша Виндвелли?»... «Так что случилось-то?»... «Что — совсем без стимуляции? Сильно вздуло?»... «Ох, еще и зонд!»... «Чангаданг? Представляю!»...

И я отправился на поиски Мирры. Мирры, которая по дежурству благополучно начхала на назначения хирургов, и к тому же зонд у больной Харвайнан удалила. Может быть, в надежде, что бабке с того полегчает. И та теперь чуть ли не концы отдает. И все мастерши Виндвелли стараниями.

«Мирр, ты чего — совсем, да?»... «Я про спаечную»... «А ты на нее посмотри, если еще не видела!»... «Я не кричу, я так разговариваю»... «Да какая разница, что ты думала?»... «Змием что написано в тетради?»... «Вот и надо было делать»... «И не умничать»... «Да ты понимаешь, что за это не просто голову снимут, но и погнать могут?»... «Давай лучше подумаем, как ты отвечать будешь?»... «Ты перистальтику правда определяла?»...

Что это все мои женщины себе за привычку завели? Не слушать, когда я говорю. Точнее, даже не слышать. Хотя Мирре сейчас не до меня. Кажется, она здорово струсилла. Из-за больной. А может, и не из-за нее. Может, не случайно Мирра с утра пораньше к нашим акушерам бегала. И потом такая вернулась. Ох, ну только этого не хватало!

«Слушай, у тебя все в порядке?»... «Точно?»... «Да нет, я просто подумал...»... «Ладно, забудь»... «Хорошо, я тоже не буду умничать»... «Все. Пошли»... «Да время уже»...

Чангаданг, конечно, блеснул. Главным образом, ехидством и заносчивостью. «Прозин, да будет Вам известно, полагается вводить через каждые два часа...». И все в таком же духе. А под конец — и вовсе по-свински — обозвал Мирру селедкой.

А вы, господин боярич, тоже хороши. Если так за зонд опасаетесь — могли бы его и подшить. Что, не бывало у нас случаев, когда больные его сами у себя удаляли? Бывало. Правда, не кишечный, но все равно.

И гадости свои можете для Кэраэнга оставить. Это там их, наверное, с восторгом принимали. Или думаете, очень остроумно женщину селедкой назвать? Да еще — последней. Что — считаете, раз такой великий, — так вам теперь все позволено? Вот съездить бы вам по роже разок-другой — тогда, глядишь, хоть кого-нибудь уважать научитесь.

Остальные, конечно, тоже в стороне не остались. Особенно Дангман и Нурачи. Ржали и веселились, словно для них нарочно представление разыгрывают. А Таморо при всех ее еще и на «ты» назвал. Тоже мне, близкий друг выискался! И вообще — сами, что ли, никогда не ошибались?

Короче, довели девчонку до слез. Ну, дура она, конечно, что ж тут поделаешь. И разноса тоже заслуживает. Но нельзя же так-то! Чтоб потом еще два часа в кладовке проплакать. И я, когда про кладовку ту самую услышал, тоже задергался. Как дурак проверять бегал. Слышу всхлипы — и то ладно. А как она уходила, я пропустил. Подхожу в очередной раз, а кладовка открыта, и в ней уже — никого.

Хорошо хоть, вовремя ушла. И не слышала, как у нас говорить стали. Про слово, что на ...дь заканчивается. Вроде «сельдь», а вроде и нет. И про то, что, дескать, правильно обозвали.

И поэтому вечером я не к дому повернул, а в Похвальный. Дай, думаю, проведу. А то сидит, небось, там одна-одинешенька, ревет. Еще Семеро знают, что ей в голову взбредет.

Ничего, оказывается, страшного. В кресле качается и музыку слушает. Из шкатулки дедовой. Хорошо хоть — не танцует. И тут я сваливаюсь. С утешениями своими. «Ладно тебе, чего уж так»... «Чангаданг — он гад известный»... «А прочие все — вообще дураки»... «Да от него ж никто доброго слова отродясь не слышал»... «Выдумал тоже — сельдь!»

— Приличный человек стерлядью бы назвал. Или белорыбицей. Его тоже можно понять — как все хочет быть. Вроде как, мужики, я же свой!

— «Свой» — что тоже тебя ругает?

— Угу. И что запанибрата со мною. И между прочим, преуспел, раз ты за него извиняться пришел.

— Да не за него я. И вообще не извиняться. Просто пришел. И не бойся ничего. Никто тебя не уволит.

— Ха, напугали! Как же меня можно уволить, когда я вас всех так здорово объединяю. Не хуже короля Галликко.

— Да он-то тут при чем? Чангаданг.

— А ни при чем. Но вот девочку свою мог бы и пожалеть. А то она вообразит еще: как низко пал ее наставник, коли с этой дурой дело имеет! Зря расстроится.

Ну, значит, ничего не было. Хотя, помнится, Чабиру Мирра сказала, что со мной у нее — тоже ничего. Но все равно — только не со Змием. Ведь иначе он бы ее, пожалуй, и прибил. Я-то — так, просто ругаюсь. А боярской селедке не положено боярские зонды трогать!

— И вообще, Харрунга, ты с его девицей, кажется, скорешился?

— С Ягукко? Да Семеро с тобой. Я тут чуть с Буно не спелся. А с ним — такая беда.

— Посадили. За то, что сан отказывается принимать. И это в нашем-то светском государстве. Не в Пардвене какой-нибудь.

— Не сан, присягу.

— Да если б он одной присягой отделался! Служил бы себе в стражничьей больничке или еще где, и горя б не знал. А то ж его богословие изучать заставят. Иначе нельзя — чудотворец.

— А еще что?

— Про Буно-то? А что ж, сидит. Есть начал. И то — спасибо. И все на испытания университетские просится. А какие уж тут испытания, когда старушка Харвайнан в больнице?

— Погоди, да какая связь-то?

— А ты что же, не помнишь ее? Она у нас в книгохранилище университетском работала. Я к ней прихожу, бывало, говорю: «Дайте что-нибудь, чтоб физиологию сдать». Вроде как — таблетку от смерти. Так она давала!

Вот и выучила мастерша Харвайнан Мирру на свою голову. Ох, недаром, наверное, хирурги говорят, что нельзя своих лечить. А то слишком стараешься все хорошо сделать. Так и перемудрить недолго.

— Знаешь, Харрунга, может, мне и правда уйти? Тебе ж спокойнее будет.

— А куда?

— В гильдейскую какую-нибудь лавочку. Или в медчасть по месту жительства. Старичков пользоваться да домохозяек.

— А можно тебе?

— Попробовать надо. Что еще сотник скажет.

И никакой из этого тайны Мирра больше не делает. Мумлачито, может, ее и отпустил бы, а вот Охранка не позволит. Тайный соглядатай Короны мастерша Виндвелли. Рада бы уйти, да присяга.

— Пробуй. Не мне, а тебе самой так лучше будет. Между нами-то это ничего не поменяет.

И я остался до утра.

* * *

Все эти события последствия имели самые пренеприятные. Не для больной Харвайнан, а для меня. Потому что Змий к нам с тех пор повадился заходить чуть ли не по пять раз на день. Каждые два часа вместо прозина. Да еще всякий раз с меня про нее спрашивать. Все дни, пока старушку не перевели. А у меня при виде его кулаки чесались. И за селедку, и за занудство его поганое, и за общий вид.

И о Буно больше никаких известий не поступало. «Сидит» — и все новости. Господин Нариканда лишь руками развел. Не мое, мол, подразделение. Ваш школяр опасен не тем, что он — лекарь, а тем, что — чудотворец. И встречу с ним для вас, Харрунга, я устроить не могу. То ли и впрямь не может, то ли не захотел.

Перед праздниками начались обычные хлопоты. Кто-то пытался дежурства переносить, кто-то суетился, какой из нарядов выбрать, чтоб ни за кем другим не повторить платья и украшений. Ко мне тоже подкатывали, спрашивали, что моя супруга наденет. Я ответил, что, наверное, вообще не приду.

А ведь могли бы, не хуже прочих, вместе сходить повеселиться. Так нет, Тамми решила мне нагадить — пиджак распорола. Вот и пускай теперь сама, как дура, дома сидит. Это я так размышлял вечером накануне гулянки, пока до дому добирался. А пришел, смотрю — не такая уж она и дура. И рукодельница — каких поискать.

Потому что на дверце шкафа, на вешалке, красуется совсем новый пиджак. Красивый такой, мшисто-зеленый с блестящей крапинкой. И под ним — штаны. Тоже новые. А у Тамми и у Ялли на лицах написано: «С праздником!». А жена еще свою кофту перешила, и к ней таких же лоскутков приделала. Так что тоже очень здорово смотрится. И костюм этот на мне хорошо выглядит, гораздо лучше, чем прежний был. Вроде как замирились...

И мысли у меня в голове сразу же, как зайцы, забегали. Потому что Ратамми еще не знает, что меня на праздник с женой звали. Можно и не говорить. А в выходные просто вместе сходить куда-нибудь. Ведь если я с нею на гильдейский бал заявлюсь — к Мирре потом уже не пойдешь годовщину знакомства отмечать. Неприлично все-таки. Или — сказать? Ведь старалась же, шила в тайне, чтобы меня порадовать. Старый пиджак распорола только затем, чтобы с него точную выкройку снять.

А еще можно сказать так, что она сама откажется. Например, сообщить, что там будет госпожа профессорша и другие важные дамы.

«Знаешь, Ратамми, а нас ведь вместе приглашали»... «Да, тебя и меня»... «Пойдем?»... «Да не бойся ты, никого там не будет. Все наши»... «Завтра после работы»... «Нет, я вернусь, зайду за тобой»... А после ужина мы уже совсем поладили. Окончательно, как до свадьбы. Так что я все следующее утро на службе зевал.

Гулянка на этот раз выдалась исполинская. По крайней мере, если с прошлым годом сравнивать, других-то я не застал. Чан с медовым вином, что к празднику Премудрой полагается варить. И даже на «Фухис» гильдия не поскупилась, и на пардвянское пальмовое. Гусей с яблоками запекли, кабанчика с кашей.

Правда, в дверях некоторая заминка обнаружилась. Потому что те, кто праздник устраивал, решили вспомнить древний училищный обычай. Вход перегородили скамьей, и со всех пришедших стали какого-нибудь фокуса требовать. И только тогда наливали рюмочку и пускали. Мы когда подошли, как раз Чабир чего-то на гудке своем выделявал. Очень быстрое, сложное и веселое — так что невольно в пляс хотелось пуститься. А супруга его, наша же медсестра, на всех с гордостью поглядывала. Мол, вот он у меня какой!

А когда наш черед настал, Тамми отчего-то перепугалась. И тогда я попросил налить. Не потом, а сейчас — для храбрости. И чтоб полные чарочки, в самый край. Вручил их жене, сказал, ради смеха, чтоб погодила пить без меня. А после подхватил и перенес ее через лавку. И вино при этом не пролилось. Мы с ребятами таким еще в школярские годы, бывало, забавлялись. Невелика хитрость. Да и Тамми-то у меня — пушинка. И кажется, ей это тоже понравилось.

А внутри уже народу полно было. Мумлачи-старший с супругой. Мумлачи-младший без таковой. Курриби с дочкой и ее подружкой. Магго с дочерью и будущим зятем, который со мной раскланялся. Таморо с тестем и женой, которые меня дружно не заметили. Подурнела она, кстати, после родов, да и бледная больно. Уж мог бы Нурачи и не тащить ее с собой. И нашим бы незамужним девчонкам повеселее было.

А то на всех — один только Дани и остался. Но ему нынче не до того. Вон, я так понимаю, его новая любовь вышагивает. Каланча — не каланча, а водонапорная башня. А рядом с нею — тот самый Лунный Прыщ, супружник ее. В полном рыцарском облачении, в рысьем меху и с перстнем магистра на пальце. Весь какой-то полулусый. Зато лицо умное и значительное.

Умный-то умный, а за женою зря не присматривает. Дани ее быстренько от него уволок и танцевать потащил. Зато сам рыцарь к Мирре приклеился. Да так, что не оторвешь. И в пляске ее за руку повел, и за стол с собою рядом усадил. И все разговаривал, разговаривал, мухомор недороженный. А она тоже хороша — рот разинула и слушает.

А с другой стороны — вот я же с женой пришел. И Таморо с женой. И все — с кем-то. А она — одна. В прошлом году она тоже одна была, но тогда и я был временно бесхозен. Впрочем, я сейчас на четверть часа тоже свободен. А все Дакарри. Это ее муженек в нашивках вагоновожатого Ратамми на танец зазвал. Кайнелли, небось, сама же его и подговорила. Ну и ладно, а я тогда ее приглашу. Все равно все остальные мои дамы заняты.

А потом я выпил. И решил подойти к Полирри Курриби, заметив, что та в углу с подружкой сидит. Только она мне отказала. И тогда

мы с Талдином еще выпили. И он сказал, что моя жена — совсем как его дочка, такая же маленькая.

А Бролго сразу же добавила, что они и правда все думали, что Тамми у меня постарше. И спросила: а сколько ж ей было, когда вы дите завели? Школу-то хоть закончила? И вот тут я обозлился и ответил, что они сейчас вместе доучиваются, Ратамми и Ялли. Поднялся из-за стола и ушел. И подумал еще, что заговорил в точности голосом господина Чангаданга.

Кстати, он сегодня дежурит. Нарочно с Дангманом поменялся, чтобы на праздник не ходить. И ученицу свою сюда не пускать. Тот ее нигде не видно. А еще он Мирру селедкой обзывал. И меня за болвана-недоучку держит. «Можете ли вы то?»... «Способны ли Вы, с Вашим разрядом, сделать это?»... И всех наших в газете обругал. И вообще, пора уже с ним поговорить. По-нашенски.

И тогда я незаметно вышел из зала и приперся в Хирургию. Узнал у дежурной сестры, что Змий пока оперирует, взял у нее ключ от ординаторской и стал ждать. Прямо за его змийским столом над его же чашкой с остывшим кофеем. Только задремал немного.

Когда Чангаданг вернулся, я пропустил. Поэтому, наверное, вместо того, чтобы сразу дать ему по морде, вдруг ляпнул:

— Добрый вечер!

Есть у господина Змия боярская привычка не здороваться в ответ на приветствия. А тут он еще какое-то время размышлял. Вроде как: что ж здесь доброго? Наконец спросил:

— Что случилось?

Вкрадчиво так спросил, противненько. Словно больного — про жалобы. Вам, дескать, не составит труда рассказать доктору, что Вас беспокоит. Ну и как такому объяснишь, что именно он меня и беспокоит. Потому что он — гад, и ведет себя, как Змийский гад, и все остальные для него — только закуска под водочку. Так я ему примерно и сказал. И еще добавил, что его деей уже все по горло сыты.

А он почему-то очень обрадовался. Даже улыбнулся — необычный случай. И заявил, что дея — она на то и дея, чтобы ею исходить. Эх, надо было ему сразу врезать, а не в разговоры пускаться. И уж тем более, не спрашивать, что ж в этом всем хорошего. А я спросил. И услышал, что он и сам не знает. Все равно его, мол, никто не слушается.

— А почему все и всегда должны Вас слушаться?

— Не должны. Но очень хочется. Особенно когда я оказываюсь прав.

— Но Вы ж всё такими словами говорите, да еще с таким видом, что правоты этой уже и не разглядишь. От Ваших выражений в свару хочется лезть, а не чем полезным заниматься.

— Приношу свои извинения. Я действительно бываю резок. Сожалею, если от моего раздражения достается и Вам. По отношению к Вам — это сугубо несправедливо.

— Хитры Вы, высокородный боярич.

— Хитер? Почему?

Да потому, что Хёкк его знает, как Вы это сделали, но драться с Вами я уже не стану. Умеете Вы почувствовать, когда Вас кому-то жалко. И хватаетесь за это, как за руку протянутую. Тошно, поди, в собственной дее-то тонуть.

А еще вспомнился мне наш с Дангманом недавний разговор. Говорят, что некоторые цари в древности змеиной чешуей обрастали. Так господин Чангаданг этим балахоном рабочим не хуже оброс. Может, он и хотел бы по-другому общаться, да не умеет. А мы в свою очередь не научились распознавать те оттенки его гадского голоса, когда Змий пытается сказать ну хоть что-нибудь хорошее. Или когда он по-настоящему печалится.

И тогда я заново прокрутил в голове тот сбор, с «селедкой». Ведь похоже, что Чангаданг-то страдал, а не насмешничал. Это все прочие веселились. А он про миррины подвиги говорил так же, как на операции иногда: «спайки, сплошные спайки» или «опухоль в селезеночном углу». И не ехидничал, а научал, потому что, может быть, один из всех в Мирре доктора видел. И зачем тогда я сюда пришел? Из-за того, что он мою женщину обидел? Так еще вопрос — обидел ли. И что обиднее: когда ее за коллегу считают, или как я — чего, мол, с бабы-дуры взять...

— Слишком глубоко добрые свои чувства прячете. Поди до них докопайся.

Вот теперь можно и уходить. Разговор на этот раз окончен. А в дверях появился мастер Таюрре. Тоже из операционной, видать. Даже косынки с головы не снял.

И понесло его вдруг события столетней давности вспоминать. Про то, как гандаблуйские мятежники утверждали, что у людей нету сердца. Тогда ножевые в печень — самыми частыми ранениями были. Дескать, много он такого перевидал. И чего разболтался? Забыл, что ли, что человеком, а не древленем значитесь?

— Вы б еще времена Сумаоро Юлая вспомнили! — буркнул я, уходя.

Мало нам Буно — давайте и мастер Лидалаи на площадь Ликомбо угодит. Видел он, понимаешь! Столько видел, что до сих пор под чужими грамотами прячется.

* * *

«Корона благодарит всех. Господин такой-то да изволит задержаться». Учебники утверждают, что король Виданаду подобными словами любил завершать заседания Государственного Совета. После чего «господин такой-то» либо получал особые полномочия и государеву приязнь, либо отправлялся в темницу, а то и на виселицу. Исполин, когда меня после утреннего сбора оставил, вид имел такой же загадочный. Вон, мол, какой начальник у вас страшный и грозный. И мастеру Харрунге надлежит теперь сомнениями помучиться — не натворил ли он чего этакого.

Само собой, мастер Харрунга скорчил соответствующую рожу. Дескать, слушает со вниманием, и если что — заранее раскаивается. Тем более что вроде особых грехов за ним не числится.

— Я искренне рад, коллега! Приятно, очень приятно.

Чему это, интересно, он радуется? Ну, преполовенье Премудрой наступает, но это, кажется, не повод лично меня с ним поздравлять. В Университет ребенок поступил у Магго, не у меня, на скачках я, поди, тоже ничего не выигрывал. Чего же еще?

Челли недавно родила. Но это не я! То есть я здесь не при чем. Совсем-совсем. Челли, правда, не замужем. А вдруг она всем сказала, что от меня? И все немедленно поверили? Нет, глупости!

Или — Мирра? Тогда она уверяла, что у нее все в порядке. Но могла и соврать. Да и я не удосужился уточнить, что для нее порядок. Может, как раз беременность? А теперь скрыть уже ничего нельзя. И Мирра решила признаться Исполину. Чтобы он ее уж точно отпустил. И господин Мумлачи рад меня поздравить с нашей общей победой. Ведь как бы мы иначе смогли избавиться от мастерши Виндвелли? Так, что даже Охранке нечего возразить? И кто кроме меня мог бы это обеспечить?

Значит, принимай поздравления, мастер Харрунга. Честно постарался на благо Первой ларбарской городской лечебницы.

— А собственно...

Как лучезарно умеет улыбаться господин профессор. Нет ли, часом, в роду Мумлачи предков-дзиррийцев?

— Вы еще ничего не знаете?

— Ну, это смотря чего...

— В таком случае, я Вас поздравляю, Ваттава. Вам присвоено звание «Заслуженного грамотея Объединения». Сегодня из гильдии пришли все бумаги. Долго шли, надо признать. Сначала из Марбунгу в столицу, потом обратно в Марбунгу, и наконец, уже к нам.

— А-а, охрана господина марбунганского наместника...

— Что ж, будем торжественно вручать. Такие мгновения — всегда праздник. Устроим стол...

Я-то думал, мой перевод в Ларбар — и есть обещанная награда. Нет, оказывается, еще и бляху дадут. Видать, сильно господин наместник тогда перетрусил.

А если честно, то для нас — обычное это было дежурство. Мало, что ли, таких происшествий случается? Но, выходит, повезло. Получит мастер Харрунга грамотку, ленточку и значок. А еще льготы на мебель, велосипеды и «вечный свет». Все будут рукоплескать и завидовать: как же, «загроб» в тридцать три года!

— Не надо, — взмолился я. И жалобно добавил, — пожалуйста!

Исполин подошел ко мне совсем близко. Мы так иногда подходим к родственникам очень тяжелых больных. Считается, будто это вернее утешает.

— Да отчего же «не надо»? Вы так славно влились в наше общество. Это же в некотором смысле и наше торжество, и наша награда.

Итак, льготы. Будут в лечебнице распределять очередное ценное барахло. Пристанет ко мне кто-нибудь и скажет: «Тебе, как "загробу", положен гроб, тьфу ты, шкаф! Если он тебе пока не нужен — все равно подпишись. После мне продашь».

Или Талдин, например, подойдет. Возьмется двумя пальцами за наградную ленточку. (Ох, это ж ее, небось, ко всем балахонам пришивать!) Посмотрит на меня своим незамутненным голубым взором и заметит, будто невзначай: «И умеешь ты, Тава, выбирать, кого лечить».

А я ведь и не выбирал вовсе. Так получилось.

— Да я ничего особенного не сделал. Просто ранены были люди из охраны наместника. Вот он и расстарался.

— Я понимаю, мастер Харрунга, нам всем за каждое дежурство можно давать медали. Но если уж кого-то одного наградили — разве это не повод для радости?

Конечно, повод. Особенно наши «трешечники» порадуются. Мастер Кайран и мастер Чангаданг. «Вы с Вашим разрядом...», а теперь еще и «Вы с Вашей наградой могли бы знать...»

А потом еще Тагуду куда-нибудь уйдет. А меня начальником сделают. И Мирра будет смеяться. А я — что еще хуже — должен буду ею командовать.

И дома к этому как отнесутся — тоже не ясно. Тамми, может, вообще ничего не заметит. По крайней мере, до тех пор, пока за ленточки не засядет. Но вот чтоб там пирог какой-нибудь испечь или еще чего — не дождешься. А Даккари как раз испечет. И на работу притащит: «Смотрите все, как “моего доктора” выделяют!».

— Ну что, совсем не хотите праздновать? — спрашивает Исполин сочувственно. С видом, мол, что ж вы у меня все такие скромные?

— Да не надо, господин профессор. Ну, чего, в самом деле?

— Ладно. Пойдемте ко мне в кабинет. Я Вам просто все отдам. И никаких торжеств, если уж так.

— Спасибо!

А ленточки могут и погодить. До тех пор, пока я новым балахоном не обзаведусь. Там — посмотрим.

* * *

А на праздники Ратамми потребовался коврик. На пол, потому что иначе она мерзнет. Зима!

И мне выдали денег и сказали, в какую лавку идти. Чтобы я, не дай Семеро, не перепутал. И взял бы непременно коричневый с зеленым узором. И заплатил бы вот столько — не больше и не меньше. Будто я слабоумный какой. И тогда Ялли сказал, что он за мной присмотрит. Одедся и тоже пошел.

А когда мы уже вышли, дернул меня за руку:

— Я знаю, какой она хочет. Я такой у Лодди видел.

— Это у каких Лодди? Из девятой комнаты?

— Ага. Я помню, мама говорила: ей коврик нравится, который у них под столом лежит.

— Ладно, покажешь. А то я все равно ничего не понял. Ну, а ты сам чего бы хотел?

— Матросов. И боцмана.

— Чего?

— Ну, оловянных. Их по три штуки продают. А с боцманом — дороже. Но нам, наверное, хватит?

У сынишки все наши деньги уже посчитаны. И сколько пойдет на коврик, и сколько мне на пиво, и сколько на оловянных матросиков. На все хватит. Особенно если папа свою заначку из внутреннего кармана достанет.

— А чего не солдатиков-то? Матросам — к ним еще кораблик нужен.

— А уже есть. У нас в школе у мальчика одного. Он — новенький. И поэтому с ним дружить не хотят. А еще потому, что он — смешенец.

— Это еще что такое?

— А у нас так говорят. Оттого что он немножко орк. Только не до конца. Да ты не бойся, пап. Я-то не говорю. Я знаю, что это нехорошо.

Что — «нехорошо»: говорить или быть смешенцем? Полукровка. Со времен Халлу-Банги — самое обидное прозвище. Будто бы в смешении ты сам виноват, а не твои предки.

Нынче указывать на принадлежность к иному племени считается неприличным. А совсем не замечать различий не получается. Вот и выходит порой: стараешься-стараешься изо всех сил показать, какие мы одинаковые, а на деле оказывается полная глупость и лживая вежливость. Вроде как созвать гостей и весь свет в доме потушить, чтобы оркам было удобнее. Или в трамвае все скамейки только под мохноногов подогнать.

У меня вот тоже так. Приятельствовать с орками еще получается, но чтоб за прекрасной орчихой приударить — это уж увольте. Да у меня на нее и рук, пожалуй, не хватит. На истинно-то прекрасную...

— И что же ты?

— Я? Смотрю. Вижу: он с кем-нибудь подружиться хочет. Только боится. Ну, не боится — стесняется. Мы играли в «Цвета», он к нам прилез, говорит — я с вами. А потом выяснилось, что он цвета не так различает. Не как человек, но и не как орк. Но все равно — запоминать их пытался.

— А что это вы, как маленькие, все в «Цвета» играете? Нет, чтобы в «Топтыгина», например, или в «Стражу замка»?

— А мы еще чуть-чуть маленькие. Это большим уже, вот как тебе или дяде Че, играть нельзя.

— Почему, интересно, нам нельзя?

— А вас мама заругает. А нас еще нет! Нам — главное, чтоб не баловаться. А вам — баловаться можно, а играть — уже нет.

— А тот мальчик, который полуорк: у него матросы есть?

— Да. Он боцмана в кулаке прячет. И тот там весь-весь помещается. Ребята ему говорят: покажи! А он не стал. Они ему пытались руку разжать — и не смогли, а орк, что мимо проходил, сказал, что и не получится. Только заступаться не стал. Они его тоже за своего не держат. А я видел, что он в руке боцмана оловянного носит. Даже на уроках. И у него кораблик есть. Только команды на него не хватает. А если у меня тоже будут матросы, то вместе мы наберем.

«Если принять ладонь человека за единицу, то ладонь мохнонога составит три четверти ее, а ладонь орка — пять четвертей. При этом отстояние большого пальца у всех примерно одинаковое». Вспомнились мне вдруг слова из учебника сравнительной анатомии. А еще Чабир вспомнился. Как он в своей ручище запросто чашку может спрятать. Или как Кайран на операции ревизию проводит. Погружает в рану лишь кисть, а пальцами умудряется ощупать все — от поддиафрагмального пространства до малого таза. Характерное для орков круговое движение — люди так не могут.

Зато когда Чабир на операцию собирается, он всегда старается свернуть косынку на лбу валиком. Наподобие козырька. Чтобы глаза от света защитить. Говорят, в Чаморре, если операционная бригада полностью состоит из орков, они даже чародейских светильников не открывают. Так, дескать, удобнее.

Или наши ОТБ-шники, Рахдон и Чура, оба северяне. Прихожу как-то прошлой еще зимой на работу затемно. В палате — мрак крошечный, я даже думал, нет никого. Вдруг слышу голос от стола — Рахдон. Дневники пишет. А свет не зажег, чтоб больных не будить и глазам дать отдохнуть. Сказал, что тяжелое выдалось дежурство. А после поднялся, подошел к рукомойнику, принялся кровь смывать. У них от усталости или от гнева кровь носом начинает идти. К такому не сразу и привыкнешь.

— Ну, ладно, будут тебе матросы. Только вместо боцмана, может, лучше капитана? А то что это за бардак — два боцмана на судне?

Ялли задумывается, даже нос морщит:

— А что? Капитан — тоже неплохо!

— И знаешь, что? Про смешенцев — все же не надо так. Когда племена скрещиваются — вообще никто не ведает, что может получиться. Ни дети, ни их родители.

Вот и мастер Таюрре, наверное, тоже не знал, что ровесников своих лет на сто переживет. Выучился на лекаря, пошел работать, отработал сорок лет. Пожалуй, еще в начале прошлого века. Тогда и пособий-то не было — отставка по возрасту. На вид, правда, больше сорока не дашь. Посидел без дела лет пятнадцать, плюнул на все. Переехал в другой город и по подложным бумагам пошел работать дальше.

Потом — опять «возраст пришел», снова переезжать понадобилось. Так, наконец, и до пособия доработался. До пятьдесят восьмого года в смысле, когда пособия эти ввели. И с тех пор еще шестьдесят лет успешно трудится. Самое глупое, что мастер Лидалаи и сам не знает, когда же он все-таки по-настоящему состарится. И древлени его за своего не принимают, так что по бумагам он — человек.

А с полуорчонком этим мне пока одно не ясно — почему Ялли с ним подружиться захотел? Оттого ли, что — добрый, или оттого, что и сам себя одиноким чувствует? Тоже ведь, считай, новенький, год только проучился. Если подумать — так и то, и другое плохо. Сдружится с новичком по доброте — и над ним тоже издеваться начнут, прилип, мол, к смешенцу. А во втором случае получается, парень за год так ни с кем и не сошелся.

По вечерам сынишка все с соседскими ребятами играет. Не припомню я что-то, чтоб он кого из школьных друзей домой приводил. Но, правда, и с синяками тоже не ходит — уже хорошо. Ничего-то я, оказывается, про сына не знаю.

Что мне самому-то было в восемь лет интересно? В пятнадцать — понятно что, а вот в восемь... Сейчас уже и не упомнишь. Ялли в этом же возрасте кажется гораздо взрослее. Иногда что-нибудь задвинет — мне такое и в голову не приходило. И теперь, честно говоря, не приходит.

— А я вот тоже целый год тут проработал, а близкого друга так и не нашел.

Да уж, одни подруги. Зато очень близкие. Но об этом мы говорить не будем. А еще был Буно. Но его замела Охранка. Так что об этом тоже не поговоришь. О чем же еще?

— А еще есть один гад. Я ему хотел по морде съездить, да не сумел. Не потому что испугался. Просто передумал почему-то.

— Ага, скучно стало. Так бывает, я знаю. Но ты не расстраивайся, пап. Если бы ты с ним по-настоящему подраться хотел — он бы понял.

«По-настоящему» — подраться или хотел? И как у меня на самом деле со Змием вышло? Разозлился, врезать хотел — аж руки чесались, и не смог. Ялли, пожалуй, прав: скучное это дело — врагов заводить.

И я рассказал сыну про «загроба». А он предложил отпраздновать. Но не самим куда-то идти, потому что мама все равно не пойдет, а закупить пирогов и завалиться домой. С ковром и с угощением. И когда она спросит, по какому поводу праздник и что мы натворили, раз у нас лица такие хитрые, — тогда-то бляху с ленточкой и достать. И всем будут подарки. Тамми — коврик, мне — звание, а Ялли — матросы с капитаном. Все по-честному.

* * *

На Владыку в Ларбар приехали гости. Не ко мне лично, а ко всему городу сразу. Большой, видите ли, праздник — пардвяне нас, наконец, нашли! А то мы без них прозябали — без земляных орешков и лаковых горшков. А еще без Милосердных Сестер. Последних, кстати, бессовестно усвистали в храм. В итоге больница осталась без няnek и посудомоек. А к нам, того гляди, королевич Мугуи пожаловать изволит.

Про наследника Короны у нас заговорили, когда опять тот полсотник объявился. Маррбери, из королевской конницы. И снова после поединка. Сначала к нему бабы вереницей потянулись, потом друзья-приятели. Кто-то даже заопасался, как бы среди них его противник не оказался — а то еще здесь продолжат.

Потом Маррбери поругался с Дангманом, когда тот дежурил. А на следующее утро вызвал на поединок лично господина Мумлачи. И все очень беспокоились, особенно почему-то Змей. Даже само-стрелы обещался достать. Но Исполин сумел решить дело миром. Короче, полный бардак.

А двенадцатого по больнице вдруг пробежал шепоток: «Пришел. Пришел. Пришел!». И сестры по углам зашушукались. Кто это, интересно, «пришел»? Неужто и впрямь высокородный Мугуи появился?

Оказалось, что вовсе даже не он. Идет себе по первому этажу знакомая медведеподобная личность в зеленом выцветшем балахоне. Тапочками безразмерными по полу шлепает. И из травмы к нам направляется. Буно! И ничего, прямо идет, не хромает, при ходьбе никакой бок не щадит. Бородою только зарос, а так — целенький, кажется. Ну, и похудел малость.

Идет школяр Валикко не куда-нибудь, а в ОТБ. С наставником своим он уже отношения выяснил, сообщил, за кого он мастера Баланчи считает. А теперь и мой черед подошел. «И Вы, Харрунга, говно такое же!». Только для того, чтобы до меня эту мысль нехитрую донести, в рабочий балахон переодеваться совсем и не обязательно.

Ишь ты, поработать пришел! Будто и не было этих двух с половиной месяцев — всё как с гуся вода. Подумаешь — дары, подумаешь — в Охранке просидел! Буно из Черных Раков к таким мелочам нечувствителен. И бояться ему нечего и не за кого. И мне наперед наука. А то распереживался — мальчику тяжко, небось, пришлось. Дескать, мне ли не знать. А вот не надо было всех по себе мерить!

И не то что я тебя, Буно, видеть совсем не рад. Просто у меня работы полно. Каждодневной. Где не божья милость, а обычное терпенье требуется. Например, вену подключичную закатетеризировать. А сестры, как нарочно, все разбежались.

Самое смешное, что они и правда нарочно попрятались. Из чуткости. Нам с тобою мешать не хотят. Запомнили ведь, хрюшки, что я к тебе когда-то равнодушен был. Значит, мне теперь в одиночку с больным корячиться.

— Можно, я тово? Попробую?

— Валяй, если хочешь. А я руку оттяну.

Вот ведь, стервец, помнит. За три месяца не забыл. И не перепутал ничего. Приятно.

— Раствор Дачирри подключи. И пойдем, что ли, пыхнем.

И мы пошли курить. Совсем как прежде. Так же молча и вдумчиво. И Буно вновь моих папиросок стрельнуть не погнушался. И тогда напоследок я сказал:

— А плюнь на все. Учись дальше.

И Буно ответил:

— Тово!..

С видом, что он, мол, так и делает.

Письма Тагайчи Ягукко,
школярки Ларбарского Университета
(отделение Врачевания)

Здравствуй, Ничи!

Прости, давно следовало бы написать, но как-то все времени не выберу — то одно, то другое навалилось, бегу, как соня в колесе. А вот сейчас минутка свободная выдалась — решила тебе пару строк черкануть. Мама пишет, вы на Старца вместе с Курри к ним погостить приедете. Счастливые! Если бы ты знала, сестричка, как мне иногда хочется бросить все и махнуть домой. Казалось бы — чего проще? Лабирран от Ларбара — рукой подать, небось, не Марди, а вот никак. То работу по внутренним болезням надо сдать, то лаборатория, дежурства в лечебнице... А я маму с папой уже больше года не видела — обидно до слез.

Вообще же грех мне, конечно, жаловаться. Ты даже не представляешь, Ничи, в какую лечебницу я попала на стажировку. При Университете! По последнему слову обставлена. Даже две лучевые бочки есть. (С их помощью тело насквозь можно видеть без всяких

чудес — все по науке, косточка к косточке, как в учебнике на картинке. Не сердись, я знаю: ты этого не любишь; я просто объясняю.) И операционная, с отдельным помещением для обработки. Приборы для наркоза! Палаты на четверых, чистые, уютные, светлые, с кнопкой для вызова — электрический звонок. Не как в других местах: по двадцать человек, будто на вокзале.

Брали нас сюда всего троих с потока. Умбла бы синего мне университетская лечебница светила, кабы не Бирчи. Замолвил перед папой словечко, тот нас к себе и взял. Так что тружусь теперь в отделении брюшной хирургии у самого профессора Мумлачи, всему потоку на зависть.

Знаешь, я за три года на косые взгляды разучилась внимание обращать. Пусть их! Поговорят — да и забудут. Любая из девчонок на моем месте хотела бы оказаться. Ну так и оказалась бы — я особо не рвалась, профессорскому сыночку на шею не вешалась. Он сам выбрал. Робирчи, вообще-то, мальчик хороший, добрый, умненький, пригоженький. Девчонки по нему с первого года вздыхали, мог бы кого и получше найти. А мне он тогда забавным казался, он и сейчас меня удивляет порой — будто ребенок. Помню, как перед самой своею свадьбой Бирчи ко мне пришел, намокший (тогда как раз дождь лил) и несчастный, как щенок. И залопотал, что он, мол, меня любит, и не забудет никогда, и не бросит... Но родители настояли... Девушка из хорошей семьи (благородная госпожа, как и Мумлачи). И что если я только скажу, он все-все к Хёкку с Тварином пошлет и со мной останется... Вроде как меня утешать пришел, а сам чуть не плачет. Я до этого вечера и не знала, что у него это так серьезно. Ну, обычай такой школярский: погуляли — и разошлись, ясно же, что я ему не ровня. Так ведь нет, зацепило. И тогда, понимаешь, жалко мне стало Бирчи. Куда, думаю, тебе из семьи? Ты ж у нас кутенок породистый, в подворотне жить да на звезды выть — пропадешь. Наплела ему всякой чепухи подобающей, про то, что никто не виноват, и про то, что папу с мамой слушаться надо, и я, мол, все понимаю, и прочее, и прочее. Утешила, в общем.

Так по бирчиному слову и стало. Жениться он женился, а меня не бросил. Ты спрашиваешь, как? А так же, как и было. Ходим, как и прежде, в дешевые кофейни, пьем отвратительный здешний кофей (мы в них и раньше захаживали — любит Бирчи быть ближе к народу), на вечеринках школярских тоже вместе, на лекциях, теперь вот еще и на стажировке. Раза два в неделю навещается Бирчи ко мне в общагу, благо комнатка у нас на двоих с одной девчонкой с отделения Словесности, но она все больше у приятеля своего живет, так что я, почитай, одна, прямо как королевна.

Кстати, если по дороге из Марди или обратно надумаете вы с Курри ко мне заглянуть — есть где остановиться. Приезжайте, сестричка, очень буду вам рада.

Ну, что еще о себе рассказать? Учеба идет хорошо — вот уже и первый лекарский разряд близко. Стажировка — и того лучше. Главным начальником над нами — бирчин папа. Да, пожалуй, только с непосредственным наставником в лечебнице мне не повезло.

Представляешь, прихожу я в первый день, читаю на листочке в строке напротив своего прозвания: «Мастер Чангаданг». Стучусь. Здравуюсь. Поднимается мне навстречу мужчина лет сорока. Волосы длинные, черные, с частой-частой проседью, убраны в хвост, выбрит вроде гладко, но судя по иссиня-черной щетине — пару дней тому назад, на переносице примостились круглые старомодные очки в желтой металлической оправе. Худощавый, невысокий, и при этом еще сутулится. Собрался поначалу мне руку протянуть, но увидел, что перед ним девушка, и передумал. Выслушал мое приветствие, даже улыбнулся (никогда не встречала такой унылой улыбки!), и вместо «здрассте», вместо расспросов вдруг выдает: «И что это Вас, барышня, в хирургию потянуло? В хирургии, как на войне, женщинам не место». Королеву Вонгэти этот восточный господин, значит, ни разу не видел... И как прикажешь с таким наставником еще два года работать?

Уж не знаю, за что мастер Чангаданг меня невзлюбил. Может, он вообще женоненавистник?

В первый же день спрашивает у меня: «На операцию, барышня Ягукко, полюбопытствовать желаете?». Будто издевается. Я, понятное дело, выражаю свое согласие, и тут он предупреждает: «Только если вздумаете в обморок падать — хоть к стеночке отойдите. Возиться с Вами будет некому!». Представляешь, это мне-то, будущему хирургу!..

После пошли мы на обход по палатам. Лежит у окошка один мужичок, лицо красное, будто от натуги. Заходим, а он на койке корячится. Мастер ему живот пальпирует, тот же чуть не стонет. Выходим мы, ну, я и говорю: «Мастер Чангаданг, того больного надо оперировать. Воспаление брюшины, картина типичная». «Да? — спрашивает он меня без всякого интереса. — А Вы, барышня, живот у него видели?»

«Я, — отвечаю, — видела, как он под Вашими пальцами прогибался. Чего же еще?» «А-а, — кивает он, — а глубоко ли я живот ему мям?» — «Так почти до самой спины» — «Ну, слава Богу, хоть это заметили... Так вот, при воспалении брюшины больные живот "держат", то есть напрягают. А здесь мышечной защиты нет.»

И замолчал. Минут десять молчал, потом добавил: «И запомните, барышня... э-э... Ягукко. Прежде чем хоть какое-то суждение выносить, больного надо смотреть самому... на чужое мнение в хирургии полагаться нельзя. Хоть трижды профессора, хоть светила врачебательской науки... Впрочем, дай-то Бог, чтоб Вы одумались».

Это он вроде как намекнул, что из хирургии я все равно уйду. Он мне об этом то так, то этак — все время твердит. А вот и не дождется!

Или в другой раз случай был. Остались мы на дежурство. Тут такое правило — если наставник дежурит, то и стажер с ним остается. И вот уже утром собираюсь я уходить — у нас лекция, на которую, хоть умри, опаздывать нельзя; а мастер Чангаданг вдруг мне и заявляет — сходите-ка Вы в лабораторию, узнайте анализы больного из четвертой палаты. Я бегу на первый этаж, а ночь выдалась

беспокойной, девчонка-лаборант все сделать еще не успела. Или, говорит, жди, или иди, а я потом занесу. Я вижу — время совсем поджимает, соглашаюсь; если не трудно, прошу, мастеру Чангадангу их передайте. И ушла — еле успела. Через день прихожу — мастер смотрит так, будто крысу с утра скушал. Мне только кивнул — и ни словечка. Я в толк не возьму, что опять не так, а он мне вечером выдает: «Если что-то делаете, барышня, делайте до конца!...» И после неделю со мной не разговаривал. Злопамятный!

Зато довелось мне на днях увидеть, как оперирует профессор Мумлачи. Широко, с размахом — видно, уверен в себе, ничего не боится. Ассистенты, а среди них был и мастер Чангаданг, рядом с ним просто потерялись. Бирчин папа пузырь из печени одним движением вырвал, бросил в тазик — и ушел. Еще бы, главное сделано, зашить же — любой дурак сможет. Так они потом еще часа полтораковырялись. Ясно: до главы лечебницы им далеко.

Бирчи, кстати, тоже недоволен моим наставником. Говорит, что мастер Чангаданг с его отцом крепко не ладят. И зачем его вообще в такой крупной лечебнице держат? Можно подумать, если он в Кэраэнге учился, так уже и незаменимый...

Здесь, на работе, кстати, выявилась и еще одна выгода от наших с Бирчей отношений. Никто из местных мужиков клиньев ко мне не подбивает (знаешь, как это обычно бывает?), к подружке профессорского сына не пристают. И мне спокойнее. К Робирчи-то я уже привыкла, с ним даже удобно. Одно неприятно: мастер Чангаданг, похоже, считает, что я сюда из-за Бирчи только и пришла, а интерес мой к хирургии несерьезный. Обидно, конечно, но ничего — рано или поздно придется ему убедиться, что это не так!..

По моему письму, ты, Таничи, наверное, решила, что я кроме Университета да лечебницы нигде не бываю, ничего не вижу. А вот и нет. Это все-таки Ларбар, сестрица. Открылся, между прочим, у нас не так давно школярский театр, не театр даже — самодеятельность. Собираемся мы один-два раза в неделю, это уж как выйдет. Действа играем. Сначала больше для собственного удовольствия, но потом кто-то (сейчас уже и не вспомнить, кто) предложил устроить представление для зрителей. Ну, тоже пока для своих же школяров. Попробовали — и знаешь, здорово получилось, самим понравилось. Тем более что все сами делали: наряды шили, убранство собирали, вещи под старину. У нас там народ интересный — сплошь молодежь: из Университета, учащиеся старшей школы, что поблизости, несколько ребят из рабочих (приятели одного нашего парня с отделения механики, Калачи). Какой уж из Калачи механик выйдет — не знаю, но с командирскими способностями у него все в порядке.

Балаганчик наш самодеятельный называется «Струг». Почему «Струг» — сама не знаю, но Калачи и Телли, его подружка, сразу замахали руками, закивали; говорят: «Так ведь Ларбар же!» По-моему: ну и что, с тем же успехом могли и «Водопроводом» обозвать. Тоже из ларбарского прошлого. Любой краевед, если прибудешь в город, первым делом поведет две каменные арки показывать —

развалины старинного водопровода. А как же иначе — памятник старины и все такое прочее.

Ставили мы «Обгоревшие камни», картины из жизни Мэйана седьмого века. Телли, калачина девчонка, она историк, и на древности вообще помешана.

Если бы ты знала, Ничи, как я отдыхаю, когда на наш «Струг» прихожу! Хорошо у нас здесь. Не только мне хорошо. У кого минутка свободная выпадет — сюда бегут; на нашем «Струге» всегда кто-то есть. Калачины друзья Ча и Бонго — те, случается, даже ночуют там. Придешь, бывало, с мороза, тебя кипяточком угостят, пряником. Сидим, болтаем, спорим, поем, выпиваем, праздники отмечаем. Одним словом, здорово. Уютно, почти как дома. Если приедете — обязательно вас сюда свожу.

Ну, вот, длинное у меня письмо получилось. А как же иначе — почитай, первое за полгода. Но ты не обижайся — даю слово исправиться, обязательно скоро напишу еще. А сейчас, наверное, все.

Крепко-крепко тебя целую, сестричка. Привет от меня Курри и его матушке.

Тагайчи

27 Исполинов 1118 г.

Здравствуй, сестрица!

Помнишь, я обещала писать тебе почаще. Вот — слово свое держу. До утра уже рукой подать, каких-то пара часов. Мастер Чангаданг прилег отдохнуть хоть немного, мне же ложиться смысла нет. В приемник двух парней привезли порезанных. Говорят, стеклом, но что-то не верится. Я их зашила. Теперь жду, когда их тетради готовы будут, чтоб запись оставить. Не успеешь оглянуться, уже и утро.

Времени свободного у меня стало еще меньше. Наставник мой сказал как-то: «Если Вы, Гайчи, всерьез задумали хирургом сделаться, в этом гадюшнике делать Вам нечего!». А после предложил ходить с ним на дежурства в другую лечебницу. Больничка эта совсем бедная, условия другие, не чета университетским, но работы больше. Больные тяжелые, часто запущенные. Боится, понимаешь ли, народ в лечебницу обращаться — а ну как денег с них затребуют, личность начнут выяснять, потом, глядишь, сообщат куда надо. Вот они и ждут до последнего, когда рана разгноится так, что уж неважно. Недавно мужичка с прободной язвой привезли — так он три дня дома просидел, водочкой лечился. «Выпьешь, — говорит, — помогает на время». Ужас какой-то! Но мастер Чангаданг оказался прав — работа здесь интереснее, не одни тетради заполнять да повязки менять, как у нас в лечебнице (стажеров-то больше ни до чего

не допускают). Нет, я не против, это, конечно, тоже нужно, но мне-то руками поработать хочется. А здесь, на Водорослевой, дополнительные руки всегда к месту — только работай. Я и работаю — два отростка мне уже доверили сделать, лапароцентез, флегмоны меня мастер Чангаданг научил вскрывать, резанные раны обрабатывать опять же.

Мастера моего, Ничи, здесь очень уважают и ценят. Он действительно мастер на все руки. Зря я на него поначалу обижалась — вовсе он не вредный. Просто требовательный. Но справедливый. И врач очень грамотный, и работать с ним здорово.

Тут как-то в лечебнице зашел на утреннем совещании спор о лечении опухолей желудка. (По совести сказать, какое уж там лечение, только вспомогательные операции.) Мастер Чангаданг в разговор вмешиваться не стал. Он, я заметила, в споры вообще старается не вступать, наверное, не считает целесообразным. После совещания я, набравшись отваги, все же поинтересовалась его мнением. «А Вы, — спрашивает, — барышня, что об этом знаете?»

Ну, что я знаю? Что нам на кафедре профессор Мумлачи читал, то и выкладываю: на сегодняшний день врачевательская наука не видит возможности для удаления этих образований; операции-де на желудке сложны, а потому ограничены. Вот, пожалуй, и все. Слушал он меня, слушал, да и говорит: «В Кэраэнге ведутся новые работы по желудочной хирургии». Я киваю: «В "Вестнике здравоохранения" этой весной было сообщение какого-то мастера Билионго, кажется, на эту тему...» А сама краснею, стыдно — наставник мой посредственности и ограниченности терпеть не может. Сейчас, думаю, сморщится, опять меня полным умблом сочтет. «Билиронга, — вдруг поправляет он, — мастер Билиронг. Это хорошо, что Вы хоть что-то читаете». И больше ничего не сказал, а на следующий день приносит мне две пухлых папки, на махинке отпечатанных, да с рисунками, да с рукописными пометками. Работа мастера Билиронга. А на первом листе надпись: «Другу моему и коллеге Лингарраи Ч. Мнение твое мне особенно важно»... Лингарраи — это так мастера Чангаданга зовут. Но ты подумай, Билиронг пишет, что наложив однажды соустье между желудком и кишкой, он увидел, что опухоль, остающаяся ниже, вполне удалима, и убрал ее вместе с частью желудка (это, собственно, и есть резекция — удаление части органа). Таких операций он сделал около десятка, итоги неплохие. И при этом — надо же! — с мастером моим советуется, его мнения спрашивает. Интересуется, не ведет ли он подобных работ в Ларбаре.

По поводу «подобных работ» — это он хватил. Новые направления в нашей лечебнице имеет право вводить только профессор Мумлачи. Но это — отдельный разговор.

Вот был у меня на прошлой неделе праздник: мастер Чангаданг доверил мне самой соперировать отросток. Перепугалась я сперва ужасно, думала, всю операцию руки будут трястись. Но, оказалось, ничего. Наставник мой мне помогал, а с ним ничего не страшно. Если надо — поможет, подскажет, а главное, спокойно, без крика. Голоса он вообще никогда не повышает, зато если уж сделает замечание —

сквозь землю можно провалиться. Но ругать при всех ни за что не станет — если что не так, потом с глазу на глаз объяснит. Потому с ним на операциях чувствуешь себя уверенно, и сестры смотрят с уважением: молодой доктор, не школярка какая-то.

Профессор наш не таков. Стажеров с собой на операции он старается не брать (ну, разве что, кроме Робирчи), а на помощников орет почему зря, может инструменты бросить и вообще уйти, если что не по нем. А ведь работают с ним далеко не дети — все со вторым-третьим лекарским разрядом. Каково-то им после такого обращения?

Ходить смотреть на операции Мумлачи я перестала. Улеглись мои восторги по поводу смелости нашего Исполина. После него — сплошь и рядом кровотечения, гематомы. Мастер Чангаданг однажды обмолвился: «В хирургии не лихость нужна, а точность и тщательность». Как бы ни с того, ни с сего это сказал, а мне показалось: о профессоре.

Зато видела бы ты, сестричка, как наставник мой работает. Чисто, бережно, но вместе с тем быстро и сноровисто. Руки у него так и порхают, точно бабочки. Честное слово, Ничи, увидишь — и засмотришься, до чего красиво!

И еще я одну вещь заметила. Если какую-то важную особу приходится оперировать, профессор Мумлачи обязательно с собой мастера Чангаданга берет. Для страховки, что ли? Или затем, чтоб было на кого гневаться, если вдруг что не так? Мне иногда кажется: Исполин наш в хирургии ровным счетом ничего не смыслит. Нет, начальник-то он хороший. И оснащение для лечебницы добывать может, знакомства у него нужные, известность. А как же: лечебницей заведует, на кафедре преподает, в составе Врачебной коллегии заседает... Только, по-моему, слава эта дутая, им же самим и созданная. Не пойму, как другие этого не замечают, тот же Бирчи, например. Ведь не глупый же парень. Я ему, конечно, ничего такого не говорила — обидится за отца. Как-то он сам разговор завел. О том, что наставник у меня плохой, и ничему меня не научит. «Хочешь, — заявляет, — я с отцом поговорю, он тебя переведет?» И ведь от чистого сердца предлагает, сочувствует. А сам еще ни одного гнойника не вскрыл! Еле я тогда сдержалась, чтобы не сказать Бирчи, что он дурак. А сама испугалась — вдруг и правда переведут? Совсем мне этого теперь не хочется.

Вообще же с Бирчи мне теперь сложно стало. Сам он какой-то дерганый, дуется все время на что-то, обижается, как ребенок. Говорит, я с ним видаться совсем перестала. А что же делать? Про дополнительные свои дежурства я ему не рассказывала — мне почему-то кажется, Робирчи это не понравится. А есть ведь еще и «Струг». Калачи с Телли хотят новую вещь ставить — опять из старинных времен, еще до Великой Зимы. Будто о современной жизни ничего не могут найти! Ищут какую-нибудь повесть подходящую. Одну, вторую попробовали — не пошло, но наряды уже готовим, Телли все какие-то книжки исторические, летописи из книгохранилища к нам таскает — зачитывает. Хочет какого-то мастера-историка к нам заманить —

чтобы проверил, посоветовал. Одним словом, пока больше споров да болтовни.

Недавно мы с ней чуть не поругались. «Тебе, — заявляет, — Гайчи, надо будет постричься покороче, а то парик светлый не належет.» Это она к тому, что у меня волосы рыжие, «неподходящая внешность». А мне кажется, что с длинной прической мне лучше. «Постригись» — еще чего!

Кстати, насчет внешности, Таничи. Мы с тобой, конечно, уже года два не виделись, но я с тех пор не сильно изменилась. Я, вообще-то, как? Ничего? Эти веснушки меня прямо замучили. У всех приличных людей они после весны проходят, а у меня — хоть бы что. Просто не знаю, что делать!

Ну, все, Ничи, извини, время вышло. Вода в чайнике закипела — надо кофей заварить. Мастер Чангаданг скоро, наверное, проснется, а он по утрам только кофей пьет. Мне же еще в приемник бежать — с тетрадками разбираться.

Курри большой привет. Целую, обнимаю, жду.

Гайчи

4. Устроения 1118 г.

Девушка и Змей

Из жизни мастера Лингарраи Чангаданга,
дневного ординатора
Первой ларбарской городской лечебницы

Лето-зима 1118 года Объединения

Богу скучно

Богу скучно.

Изволь видеть, Лингарраи: твоему Богу скучно с тобой.

Крапчатый Змей лежит посередине комнаты на циновке, поджав задние лапы, а передние раскинув по сторонам. Шея вытянута вперед, голова на полу. «Последняя собака», называется у него эта поза. Имеется в виду: «Лежишь тут, как последняя собака, никто не любит, никто с тобой не играет...». Чешуя цвета мокрого песка в средней части Внешнего побережья: серо-желтая, зеленоватая. По ней — золотые точки, по одной строго в центре каждой чешуйки. Темно-серая с золотым блеском змеиня грива рассыпана как попало. Свет от лампы не скользит по волосам, а скачет, колючими искрами.

Твой Бог еще не носит взрослой прически. Прекрасный Змей, Бенг, которому очень скучно.

Если бы к лампе прилетали бабочки, он бы следил за ними взглядом, развлекался бы тем, что силою Змеева взора заставлял одну-двух зависнуть в полете, в безопасной близости от огня. Хоть какое-то занятие. Но окна в вашей комнате сейчас затворены, открыта только форточка за частой сеткой. На дворе душная ночь месяца Устроения.

— Отворил бы: с улицы тянуло бы Морем. Здешнее, Внутреннее, южное — а все-таки Море... Соль... Рыбы... Травы водные...

— Ты отлично знаешь: никакого морского духа сюда не доносит. А с реки — выбросы красильного производства, пароходную гарь и гниль.

— Кому-то всюду гниль...

Змей прав. Ни к чему искать источник мерзости вовне, когда он в тебе самом.

Будь ты в сносном расположении духа, так не сидел бы допоздна с книжкой, при масляной лампе. Давно улегся бы спать. Если бы ты чувствовал себя по-настоящему нехорошо, Крапчатый уже утешал бы тебя. Но он этого не делает. Следовательно, никакой беды нет. Одно лишь будничное твоё раздражение.

— А вот давеча на Водорослянке проветривали — там Морем пахло. Старым-старым Морем. Парусными ладьями, смолою, бочками с Золотом...

— Мечта пирата.

— Радость Бенга — Сокровища!

— Ах, да.

— Почему Билиронг может ходить в плавания, капитаном на собственном кораблике, а ты — нет? Даже судовым лекарем?

— Избави Бог команду любого судна от услуг, подобных моим.

Разговор умозрительный. Бенгу известно: служба на корабле для тебя невозможна. Слишком хлопотно было бы сие для ведомства, которое печется о твоей безопасности. В обоих смыслах слова: дабы тебя, ценного знатока, не тронули определенные нездоровые силы общества, и с другой стороны, дабы само общество не терпело неудобств, коими грозит твоя особа. Сие в замкнутом пространстве корабля было бы особенно нежелательно.

Да Змей и не воображает тебя в лекарской каюте современного парохода. Ему ближе что-то старинное, в духе «Путешествия на "Мóроке"».

— А что? Полагаешь, они не могут понадобиться, твои «услуги»?

— Могут. Если у старпома хватит дурости набрать в рейс недужных матросов. Или запастись тухлой водой, негодным продовольствием и выпивкой. Впрочем, если всё это не было бы мне предоставлено на досмотр еще в порту, им пришлось бы искать другого лекаря.

— Но допустим, матросы хороши и всё безупречно. А как же внезапное воспаление отростка? Разве в плавании такого не может случиться?

— Может, и в современном тоже. Но — увы.

— При невозможности срочно зайти в гавань с оснащенной лечебницей, вероятнее всего, я ничего не смогу сделать. Даже с твоею помощью, Змей.

— Уж будто!

— Да, Бенг. Не путай хирурга с Богом, как сказал тому-римбинг Ланиатунг.

Лежа так, горлом на досках, Крапчатому неудобно разговаривать. Но он не подымает головы, только чуть-чуть поворачивает ее в твою сторону.

— Бог может не трудиться. Ты сам себя избавил почти ото всего, из чего жизнь складывается.

— Да, именно так. И себя, и окружающих: за вычетом самого необходимого.

— «Наименьшего достаточного»?

— Да.

— Эти твои словечки терпеть не могу. «Наименьшее достаточное», «единственное требуемое»... Брр!

— Еще бывает «исключенное третье».

— А ведь когда-то, в Морской Пехоте, ты был парнем не хуже прочих. Разве нет?

Да, не хуже. Пробежка в столько-то верст, с полной выкладкой, по берегу ночного моря. У тебя за спиной лекарский ранец. По прибытии на место ты еще будешь замерять пульс у своих товарищей. А если кто-то подвернет ногу, поранится на камнях, твое дело — заметить это без промедления. Покинуть цепь, подбежать к пострадавшему, оказать надобную помощь. Оттого чувства твои открыты полностью — морю, этой цепи, службе и Богу.

Невозвратимая бывшая жизнь.

— Если бы ты совсем ничего не хотел вернуть, то не сидел бы дома в таком виде.

Золотые, зеленые, сердитые глаза твоего Бенга, когда он оглядывает тебя. Просто аинг и тельняшка — наиболее удобная домашняя одежда, особенно по жаркому времени. Осудить же тебя за попытку притереться к моряцкому сословию, к которому ты давно не принадлежишь, здесь некому. На огонек к тебе, по счастью, никто не заходит. Четыре года назад домоуправление не солгало — место тихое, несмотря на название улицы: «Коинская». Никого из сослуживцев поблизости, ни общительных соседей, ни сумасшедших из землячества островитян с Диерри. Только бабочки летнею порой, если вовремя не запереть окно.

Путешествия, «Морок», далекие моря. К слову о замкнутом пространстве: «Мастер Чангаданг был бы блистательным врачом, быть может, даже главою клиники — на необитаемом острове». Сказано сегодня после утреннего сбора кем-то из твоих коллег по

Первой городской. Произнесено, как водится, в спину, скороговоркой. Ты не оглянулся, не видел, кто этак удачно изволил выразиться.

Ты дал повод шутить над тобою. Сегодня же и дал.

Господин профессор Мумлачи на сборе, по обыкновению своему, наставляет подчиненных в области нравственных основ ремесла. «Хирург — это еще не врач», гласит его главная мысль.

— Часто я говорю о терапии того или иного хирургического заболевания. Меня пытаются осадить: опомнитесь, благородный Яборро, при чем тут терапия, Вы же хирург... Глубочайшее заблуждение! Любой хирург обязан выступать и как терапевт, лечить не одним лишь ланцетом...

Накануне в Отделении тяжелых больных при постановке подключичного катетера для внутривенного вливания одной из твоих коллег, дамою-врачом, была задета плевра. Вследствие чего у больного развился пневмоторакс. Ты припоминаешь это и замечаешь: при подобном послеоперационном ведении недужного едва ли вообще имеет смысл оперировать. Терапия мастерши В., сводящая на нет усилия хирурга.

— Зато ее, эту мастершу, коллеги любят.

— За неумение и нежелание работать как следует?

— Нет, за другое. Растяпа, но «душевная баба», как они говорят. Твою правоту они поняли и признали. Но как-то должен же был защитить свою даму тот, кому ее душевность всего дороже! И по своему защитил. Не ругаться с тобою принялся, не спорить, просто пошутил. А ты обиделся.

— Разве, Змей?

— Ты расслышал, что вслед тебе смеялись. И не заметил, конечно, как орк Чабир под нос себе пробурчал: «Коли так, то занедуживши, хворать я поплыву на тот остров».

Возможно. А ты в очередной раз подтвердил общее мнение: «Наш Змий способен мириться с существованием подле него другой живой твари, только если та подана ему для операции». Лекарь, согласно здешней точке зрения, должен быть добрым. Ко всем ближним своим, включая также и коллег. А ты не можешь. Должен любить их, а тебе сие не под силу. Хотя тебя и величают «змейцем», и даже Змием.

— Что они, мэйане, понимают в Любви? Ты мог бы ответить: как раз с больным на столе ты отнюдь не миришься. Наоборот, сражаешься с его хворью, а сам он — противник твой или союзник... Ну, и прочие прописные истины.

— Те, которые я в последнее время заладил повторять. Нет, Бенг: если разрядные лекари всего этого не понимают, то трата речей бессмысленна. И я мог бы уже это усвоить. Не сдержался, что и скверно.

— И мы с тобою знаем, почему именно сегодня они так болезненно отнеслись к твоей резкости. Ибо из самого недавнего опыта помнят: ты способен отзываться о людях совсем иначе.

Да уж. Происшествие, достойное войти в летописи Первой Ларбарской больницы. Позавчера, на наставническом собрании

мастер Чангаданг держал речь в течение трех минут, не сказав ни единой гадости.

— Я был несправедлив?

— Почему же? Ты, как и все, кого назначили наставниками стажерам, должен был отчитаться об успехах твоей подопечной. И сделал это. Вот только...

— Что, Крапчатый?

— Мог бы быть и не столь сухим в своих похвалах. «Одаренное дитя», «старательное», «наблюдательное»... Расщедрился!

— Всё в меру, Бенг.

Змей покачивает хвостом. Примета возраста: хвост стал слишком длинен, чтобы сворачивать его в одно кольцо, но на два еще не хватает. Остается примерно полуаршин лишку: им-то он и вертит, отчего пламя в лампе вздрагивает, будто на сквозняке.

Бенг, не зримый никому, кроме тебя. Неслышимый, неосязаемый. Сила мысли у него исходит от всего тела. Касается тебя, твоего сознания, и на свете мало что сравнится с этим. Твой Бог, всегда рядом, всегда с тобой.

— Да, Человек из дома Господней Меры. Скучна она, твоя мера, пока дело не доходит до мерзости.

Ты не отвечаешь. Делаешь вид, будто вернулся к чтению. Не о пиратах: «Записки тарунианга Сантанги». С годами даже древние дневники становятся скучнее, чем были всегда?

Или дело не во времени, а в месте? Город Ларбар и тут, в тихой своей части, постепенно отравляет твои привычные занятия?

А вернее всего, дело в читателе. Незачем, сказано уж нынче было, искать сторонних виноватых, если причина твоих сложностей ты сам.

В древности жил отшельник по имени Баджиу Мэнапу. Он не имел никакого имущества, вовсе ничего. И даже воду пил, зачерпывая ладонями. Увидав это, кто-то принес ему бутылку из тыквы. "Не надобно", отозвался Баджиу и повесил тыкву на дерево. Однажды подул сильный ветер и бутылка загудела. Тогда Баджиу снял и раздавил ее, сказав: "До чего иной раз музыка бывает некстати". Должно быть, сердце этого мудреца было поистине самодостаточно...

— Ты полагаешь, это про тебя?

— Не думаю, Змей. Будь я подобен сему отшельнику, так, пожалуй, избавился бы уже и от Сантанги, и от присных его.

«Присные» — это общим счетом двадцать один том старинной словесности. Девять из них занимают мужские дневники и повести, двенадцать — женские. Ты возишь их с собою много лет, и прежде не похоже было, чтобы когда-нибудь они тебе надоели.

Вот эта, твоя любимая книжка: Сантанга, ирианг Джангамангари, дантуанг Кэтуру. Все трое учёны и рассудительны, а чьи усмешки горше, всякий раз кажется по-разному. «Золотые листья», дневники ближних царских родичей. Холодно-злые, ровно такие, как надобно после удачно проведенного дежурства в лечебнице. «Челядинцы господина Касиарана»: запутанные приключения, в том

числе и на море, с обретением сокровищ и посрамлением врагов. Когда-то читались по три ночи напролет, благо они как раз в трех книгах. «Тростниковое изголовье», неиссякаемый источник постельных измышлений. И конечно, «Царевич Лимбаури». Вечно юный и вечно скучающий царевич, чем-то похожий на твоего Змея. Только с той разницей, что сам сомневается в своем совершенстве. «Корешок сельдерея», смешные и увлекательные побасенки. И прочие, и прочие. Всей подборки, с повтором избранных мест, тебе обычно хватало на год. А весной можно открыть опять «Сосны Марранга» или «Не торопи» госпожи Инари, и всё начинается заново.

Ты пробовал читать сочинения новейших писателей. Не любопытно. И даже та недавно изданная, найденная будто бы при разборе забытого семейного книгохранилища, «Повесть о Первом Снеге» — при всём ее соответствии старинному слогу не показалась тебе чем-то примечательным. Стремление к новизне хорошо в науке, в работе, а не в случае словесности, предназначенной для досуга.

Что же не так сегодня?

Очередные бесполезные слова, за которые тебе стыдно? Не стоят они ночного бдения: постарайся больше так не делать, только и всего. Молчание, бесценное сокровище.

— Не всегда, Человече, не всегда.

Крапчатый подергивает холкой. С годами напряжением этих мышц он будет разворачивать свои крылья — кожистые перепонки от нижней трети предплечья до угла лопатки. В нынешнем возрасте Бенг еще не летает, но готовится.

Солнце летнего заката — волосы ее...

Праздник сердца — свет в ее глазах...

Да. Вот эта страница. Строки, приводимые Сантангой как пример: иногда и потомкам Царского дома доводилось восхищаться красотой женщин с Запада.

Выдержки из классических книг, случайно приводимые в обиходе, тебя всегда раздражали. Сочетание слов, похожее на только что прочтенное тобою, если ты слышал его от кого-то из домашних, могло испортить твоё настроение на весь остаток дня. Тем неприятнее самому себя ловить на том же: на цитировании чьих-то неуместных стихов.

Ты вспоминал их как-то на днях. Вот тебе и причина, отчего нынешним вечером ты раскрыл именно записки Сантанги.

— И дыхание, как у Моря, когда она засыпает. Я слышал вчера: четверть часа ей удалось подремать.

На самом деле это слышал ты. Змей пересказывает тебе твои же ощущения.

Дежурство в Четвертой городской прошлой ночью. Рабочий день сегодня — и завтра, разумеется, тоже. Самое время было бы лечь.

Ты хмуришься, и Бенг это наконец-то замечает. Возражает:

— Разве стажерам запрещается спать на дежурстве, когда всё равно до утра делать толком нечего?

— Ничуть. Все дела действительно были сделаны. Ларбарские граждане в кои-то веки раз любезно решили воздержаться от поножовщины, падений с высоты и вкушения отравляющих веществ. За что им большая благодарность: ночь выдалась не из самых беспокойных.

— Тем паче что ты и сам спал. Точнее, притворялся.

Если бы ты тогда не делал вид, что спишь, пришлось бы о чем-то говорить. Между тем, и в наставничестве должны быть свои передышки.

— А говорить о чем-то помимо службы ты не способен?

— В данном случае сие неуместно.

Какое-то время он молчит.

— Там, на Водорослевой... Теперь ты знаешь, кому предназначались бы Сокровища, если бы мы их добыли.

В старину на месте нынешней Четвертой городской больницы была мэйанская храмовая лечебница. Отчасти сохранились ее сводчатые подвалы. Бенг давно уже утвердился в мысли, что там поблизости зарыт клад. Казна, спрятанная жрецами при какой-то смуте, а может быть, жертвоование знаменитого пирата, отложенное до поры, пока современники забудут его подвиги и вид драгоценностей, награбленных им. Раз в два-три месяца Крапчатый заводит с тобою разговор: не заняться ли вам кладоискательством? До сих пор не ясно, правда, как он себе это представляет: одолжить у дворника лопату и пойти рыть ямы во дворе, авось что да попадетсЯ?

Спору нет, определенное количество золота было бы нелишним для лечебницы на Водорослевой улице. Обновили бы хотя бы самые ветхие снасти, пол укрепили в тех местах, где он проваливается, освещение наладили...

— Вот и я говорю: теперь у тебя есть еще и особая причина желать, чтобы эта больница выглядела достойно. С тех пор, как ты ходишь туда не один.

— Как больница выглядит, Бенг, совершенно не важно. Нужно, чтобы она могла как следует работать. А при тех деньгах, что отпускаются на Четвертую государством и гильдиями, это почти недостижимая мечта. Только сомневаюсь я, что от пиратского клада, даже если бы мы его и нашли, лечебнице хоть что-нибудь досталось бы. Исторические ценности принадлежат казне.

— А двадцатая доля нашедшему от общей цены находки?

— Подобный расход мы можем себе позволить и без всяких раскопок.

— Ну, да. Ты же, как известно, приплачиваешь за то, чтобы тебе разрешали там поработать. Боярич-благотворитель.

— Я не столь ревностный поборник старины и не такой любитель справляться с трудностями, чтобы не озаботиться надлежащими условиями собственного труда. Всё, что было потрачено, ушло именно на это.

— В том числе и жалование барышне Тагайчи? Это тоже входит в обеспечение условий твоего труда — источник вдохновения рядом?

Ни разу еще не бывало такого, чтобы Змей не сумел вывести тебя из терпения, если задастся такую целью. Ты закрываешь книгу.

— Дитя учится. Чем больше практика, тем быстрее набирается опыт. Кроме того, работать ей предстоит, скорее всего, в больнице подобной этой, Четвертой, а не в роскошном заведении наподобие университетской лечебницы.

— Да? А как же ее дружба с сыном твоего Исполина?

— Неужто это необходимо, Бенг: на ночь — о противном?

— А что? Кажется, вполне привлекательный юноша.

— Чего не скажешь об Исполине.

Тоже сегодня. Вернее, уже вчера.

Не самый сложный пузырь. При должном старании элементы шейки выделяются безошибочно — если это старание приложить. Точность требует времени и усердия, коими господин профессор нынче не располагает. Впрочем, разве только нынче?

Ножницы в руке господина Мумлачи щелкают, точно клюв птицы-падальщицы. Резкий звук, лишний способ привлечь внимание к действию. Зрите все светило отечественной медицины за работой!

Байда Айхади честно натягивает крючки.

Клац!

— Сушите, мастер Чангаданг! Байда, убери кишки, чтоб не лезли!

Клац!

Ты сушишь, подавляя растущую злость. Ты уже показывал Исполину, как тут лучше действовать. Ножницы, господин профессор, следует вовсе оставить в покое: сейчас уместнее зажим и рабочий тупфер.

Клац!

Ты почти ждал этого. Струя крови из пересеченного сосуда хлещет тебе на рукав. Господин Мумлачи! Как правило, здесь проходит пузырьная артерия. Ее следует сначала брать на зажимы, прошивать, а уж после — пересекать! Еще одни бесполезные твои слова повисают в воздухе, оставаясь не сказанными.

А взял бы он еще чуть ниже — задел бы печеночную. Или холедох, как в прошлый раз. Господи, почему он никогда и ничего не боится?

И не твое ли присутствие тому причиной? Ты опять не сможешь устранишься, сделать вид, будто дело ассистента — лишь помогать оперирующему хирургу. У больной кровотечение, которое необходимо остановить. Господин Мумлачи с сопением выхватывает у сестры из рук квач и принимается сушить. Пережми связку, Лингарраи, попробуй поймать зажимом перерезанную артерию... Вот так. Теперь прошей. Сам прошей. Хорошо. Зажим можно снять. Всё в порядке. Продолжайте, господин профессор!

Ты еще не врач. И в означенном смысле, вероятно, никогда им не будешь. Исполин будет любить людей свойственным ему способом, привлекать в Первую городскую лучших из лучших занедуживших граждан здешнего города. А ты без любви будешь исправлять профессорские промахи.

- Ладно. Не хочешь о противном — давай о приятном.
- Будь по-твоему.
- Что она такое, Человек?
- «Она» — Любовь?
- Барышня Тагайчи, твоя стажерка.

Знай же, что считает приятным твой Бог. Беседы о девицах. Ему в его юном возрасте (всего-то две тысячи лет, горделиво заявляет он обычно) подобные мысли должны быть отраднее всего. Тебе на пороге твоей старости они же всего печальнее. А значит, всего вернее они собьют тебя с твоего сегодняшнего сварливого настроения.

Вгонят в тоску еще глубже. Возможно, Бог твой именно этого и добивается. Чтобы ему не скучать в одиночестве.

— Что за вопрос, Змеище? Девушка, мэйанка. Дитя незрелых лет, возымевшее странность избрать себе предметом изучения хирургию.

- Ага. Уже «странность». Не «дурость».
- К прискорбию, в наставники ей достался я.
- К чьему прискорбию?
- Всеобщему.
- Ты считаешь себя плохим врачом?
- Нет. Но преподаватель из меня никакой.

Вот так, мягко и невзначай, твой Бог подтолкнул тебя опять к этому слову, засевшему у тебя в голове с самого утра. Тому-римбинг, именуешь ты сам себя, «обученный лекарь». Только что согласился все-таки на «врача», да еще и «неплохого». И вся твоя злость рассеялась, как не бывала. Хитры ласки Бенговой Любви.

Ты полагаешь, Змей на этом уймется? Ошибаешься.

— Почему «никакой»? Из того, что твоих наставлений не исполняет Исполин, еще не следует, будто они сами по себе нехороши.

— Не тот склад ума. Например, я так и не могу уразуметь, зачем созданиям женского пола вообще учиться этому ремеслу. Еще женские, детские недуги — куда бы ни шло. Но хирургия?

— Женщины настолько глупее мужчин? Мастерша В. как образчик всеобщей закономерности?

Таких мужчин, как твои ларбарские коллеги? Нет, конечно же, нет.

Достаточно вспомнить, как твоя ученица поступает при перезарядке иглы. Выкалывается, извлекает иглодержатель с иглою. Сама перезаряжает его. Вставляет иглу так, чтобы перехвачена она была ближе к ушку, а не к острию. То есть находилась бы уже в готовом к работе положении.

Учтивость по отношению к сестре, кому иначе пришлось бы сидеть для тебя проделывать. Уважение к собственной работе: как можно меньше лишних движений. Среди всяческих способов обращения с иглою существует вот такой, единственный по-настоящему удобный. И потому — правильный. Его-то Тагайчи и освоила. Казалось бы, самое простое дело. Но из всех коллег, чью работу ты мог наблюдать по эту сторону моря, так, кроме тебя, действует только один человек: Ягондарра из Первой городской, выученик кэраэнгской школы.

А теперь и Тагайчи. При этом ты на словах не объяснял ей, зачем это делается. Переняла сама, следя за твоими руками.

Следовательно, не в глупости дело.

— А в чем?

— Ты сам это знаешь, Бенг. Тяжелая и неблагодарная работа.

— А какой бы ты желал благодарности? Гостинцев от признательных недужных?

О, да. Иные из этих гостинцев тебе, Лингарраи, не забыть, сколь бы ни хотелось.

Прошедшей весной, вскоре после Нового года. Стеклянная банка в четверть ведра, внутри покачивается мутная взвесь цвета побелки. Печать на горлышке была, самодельная, она уже сломана, но нахлобучена обратно.

Эту банку протягивает тебе мужичонка: малорослый, с кустистой бородой, именно таких ремесленников мэйане обычно рисуют на картинках. И говорят с одобрением: «пить-то пьет, а дело разумеет». Любимец своей ткацкой гильдии, направленный в лучшую лечебницу с заверением: все расходы на лечение будут покрыты, лишь бы мастер такой-то поскорее встал на ноги.

В лечебнице он появился не впервые: до этого неоднократно поступал с панкреатитом. В тот раз прибыл в состоянии тяжелом. Перитонит, подозрение было на прободную язву, но ты сомневался: при прочих признаках живот несколько мягче, чем можно было ожидать. При чревосечении, увы, обнаружен разрыв кисты поджелудочной. Ты сам не ожидал, что мастеровой этот выживет. Но — чудо. Редкостное везение.

И вот, твой недужный в день выписки зашел попрощаться с тобою.

— Домашнее! Белое! Вы, змейцы, знамо дело, белое любите!

Не видя радости на твоём лице, он поясняет:

— Это Вам, доктор! За всю Вашу заботу!

Самогон подобного качества опасен любому, а не только при поражении поджелудочной. Этому человеку говорилось: пить хмельного нельзя, никакого и никогда. Похоже, сам он успел уже угоститься из этой своей банки. Значит, ты недостаточно внятно объяснял?

От твоего гнева, кажется, стекло начинает звенеть — почти как та тыква у отшельника Баджиу. Ты медлишь, и в лице у мужичонки проблескивает некая мысль. Неужто вспомнил лекарские советы?

Он оскаливается примирительно. Перехватывает банку одной рукой, другой снимает печать.

— Знаете, чего? Давайте вместе дернем, а?

Ты тогда забрал у него его подношение. Подошел к умывальнику, вылил зелье в сток. Ремесленник на мгновение даже задохнулся:

— Да как же это? Да что же? Это ж... Мать твою печень, это ж всё равно как хлеб выбросить!

И долго еще возмущался. Корил тебя тем, что ты не ценишь труд овощеводов и винокуров, попрекал боярскою спесью и

грамотейской подлостью. По обычаю ларбарцев, перебрал наперечет все известные ему внутренние органы: здешний способ брани, по слухам, основанный на каких-то древних проклятиях. Ты дождался, когда, распалившись, рассредоточившись под действием собственного крика, он даст тебе заглянуть в его глаза. И тогда ты сказал, тихо и медленно:

— Вам Нельзя Хмельного.

Змей тогда был с тобой, и ты знаешь: он вложил в твои слова силу Божьего наущения. С некоторых пор у вас с ним это получается, если только внушаемая мысль напрямую касается здоровья собеседника.

Только бы еще мэйане внимали наущению...

А бывало и по-другому. В Лекарской школе, мальчишкой, ты усвоил: Божьи дары даются в том числе и затем, чтобы не полагаться на них. Если близость к Царскому роду наделила тебя определенной способностью — допустим, видеть очаг недуга сквозь ткани живого тела — ты должен освоить искусство врачевания, а позже и медицинскую науку, приемы распознавания тех же самых страданий естественными средствами. И не только находить, но и мочь доказать по внешним приметам, каков именно недуг, и уметь пособить ему — если надобно, то хирургическим путем. Это стало твоей работой и службой. А потом, уже здесь, на Западе, ты почувал в себе еще один дар: не только видеть, но и говорить.

Тринадцать лет назад, в городе Камбурране, самым трудным для тебя было удерживаться от таких речей. От слов Божьей истины.

Ибо начал ты с того, что использовал оба дара сразу. В лавочке, где покупал съестное, молвил однажды, глядя в глаза тамошней продавщице: Вы Больны, Вы Срочно Должны Обратиться К Лекарям. Боль у Вас в животе есть не иное как свидетельство воспаления почечных лоханок.

Она потом тоже тебя благодарила — правда, заочно.

— Вот хорошо, доктор-то предупредил меня. Так уж я ребят наняла рамы оконные в доме поменять, чтоб до холодов. Крышу перекрыть надо, но уж то — о будущем годе, как снег сойдет. Старшая моя, опять же. Говорю ей: ищи работу, а то мать свалится, кто тебя кормить будет? Она, хотя и непутевая, а устроилась на мануфактуре, при столовой. Место сытное, на виду, может, парня себе присмотрит... Прослежу, как там пойдет у нее, глядишь, и внуков еще дождусь...

— Вы в больницу ходили, мастерша? — было спрошено у нее.

— А как же! Младший мой на Премудрую школу кончает. Вот, выпускное отгуляем, куда ни на есть пристроим его. Дай Семеро здоровья старосте нашему: в гильдии обещал словечко замолвить. Ну, я чего? Понимаю, что не задаром. Так я уж и в утро, и в вечер выходить буду, до весны — обещала. А там, как крышу перекроем, к докторам и пойду...

Ты тогда отправился в лавку. Спросил у этой женщины, как по ее мнению: будет ли лучше ее детям, если в заботах об их обустройстве и о починке крыши она пропустит время, когда врачи еще могли

бы пособить ей? И умрет, так и не переделавши всех своих неотложных дел? Приказчица ничего не отвечала. Молча собрала в кошелку обычные твои покупки, напомнила цену. Приняла деньги, выдала сдачу и попросила:

— Ты бы, малый, не ходил сюда, что ль... Я-то ладно, а у старосты моего гильдейского сын... Так его приятели поговаривают: вон, выискался змеец, и каркает, и каркает, несчастье накликает...

Те же Божьи дары — сначала взгляд в тело, а после внушение внутрь сознания — ты применял и на улице к прохожим, и к коллегам на службе. От тебя начали шарахаться. Ты приписывал сие жребию изгнанника, а не собственной позорной несдержанности. Хуже того: как лекарь ты становился всё слабее и слабее. Да еще пристрастился глушить хмельным дрожь возбуждения от своих ясновидческих опытов. Тогда Охранное отделение вплотную занялось тобою. И было право, и отчасти спасло тебя. А со внушением было так: однажды на прием к тебе явился заводчанин. Желалось ему получить освобождение от работы дня на три.

— Я б потерпел, ничего. Да только ты пойми такую вещь: кореш приезжает с Дибулы! Восемь лет не видались!

Ты взглянул в нутро его и увидел язву двенадцатиперстной. Друг, а значит, застолье, возлияния, как же иначе. Следовательно, обострение неизбежно, решил ты. А в дне язвы уже находился сосуд. Угроза кровотечения, растущая с каждым часом.

— Вам Надобно Лечь В Больницу.

Ты выговорил это, но заметил, как твой больной весь напрягся. Почуял, что ты обращаешь на него «сверхъестественное воздействие»: в ту пору ты выучил уже, как сие называется в бумагах Охранного. Владел заводчанин собою лучше, чем ты. И попробовал возражать. Ты настаивал, и снова в том же ключе: друг не рад будет, если, приехав в гости, попадет на Ваши поминки, а промедление грозит именно этим. И начал, не слушая дальнейших речей недужного, заполнять грамоты о его поступлении. Распорядился, обращаясь к сестре: «Мастер такой-то остается здесь».

Тогда он вскочил на ноги, попробовал схватить со стола свое гильдейское удостоверение. Ты отстранил его руку — он оттолкнул твою. Ярость его, ты знал, вызвана была не только попыткой ведомства здравоохранения нарушить его планы, но и в большей мере твоею «ворожкой». Его рука сгребла ворот твоего балахона, и ты сделал нечто недопустимое: ударил его. Он в ответ тоже ударил. Очки твои полетели на пол. А ты и рад был не видеть, как мигает счетчик Саунги, вделанный в оправу. Уровень чародейского излучения, при котором ты обязан немедленно обратиться к кудеснику... Нет, Лингарраи, ты тогда не забыл об этом. Просто пренебрег.

Драка была безобразная. Сестра вынуждена была вызвать больничную охрану. Тебя вместе с больным забрали в участок. Местный стражник держался миролюбиво, несмотря на твои речи о необходимости поместить твоего супостата не в камеру, а в палату, причем немедленно.

— Если к Вам, доктор, тоже кто в гости приехал, или там как, чего... В общем, ежели Вам надобны трое суток домашнего ареста — так бы и сказали. Устроить можно было. А чего ж руки-то распускать?

— Давно мы ни с кем не дрались... — мечтательно потягивается Бенг.

— Тебе недостает именно этого, Змеище? Мордобития на месте службы?

Он вскакивает. Выгибает шею. Свойство твоего Бога: менее чем за мгновение переходить от полного покоя к жесткой оборонительной стойке.

— Ты знаешь, чего мне недостает, Человек! Не притворяйся дураком: отлично знаешь!

Выходит, ты тоже сумел разозлить его?

Ты спускаешься на циновку. Голова Крапчатого Змея тут же ложится тебе на колени. Весомая, приятная тяжесть. Под пальцами — прохладная грива, на ощупь — как много-много тонких, гладко сплетенных золотых цепочек.

Бенг вздыхает:

— Там, в Камбурране, тебя любили. Несколько орков и людей. Почему не вспомнить о них?

— Я помню. Не назвал бы это любовью, но участие было. Спрашивается: оправдывает ли это меня, столь много делавшего тогда для возбуждения сочувствия окружающих?

— И твое участие к ним тоже было. Добрый лад хотя бы с одним, двумя существами разве не дороже каких угодно склок?

— Конечно, дороже.

— И лето там было почти как в Аранде, не жаркое. Зима морозная, сухая... Мне нравилось, хотя от Моря и далеко. Зато Горы.

— Знаешь, здесь, на Водорослевой улице иногда бывает так же, как там. Не погода, а образ жизни.

— Да. Только друзей тут нет. Таких, чтобы в гости ходить. Или вместе куда-то за город выбираться.

— Нет. Но друзей по заказу и не добудешь. Друг у меня во всей жизни был только один, Билиронг.

— Был?

— И есть. В Камбурране, пожалуй, были товарищи. Здесь сослуживцы. Отношения без каких-либо сердечных чувств, зато деловые, спокойные. С пониманием, что всем по-своему трудно. И без попыток вторжения во внутреннюю жизнь тех, с кем вместе работаешь. Тем Четвертая лечебница и хороша.

— А в Первой тебя не любят — так ты же сам это обеспечил.

Поначалу, когда вы с Крапчатым только-только перебрались на юг, он радовался житью в большом городе. Огни фонарей на главных улицах, трамваи, Собрание искусств, порт и зверинец. Университет — пусть слабое, но подобие Высшего училища в Кэраэнге. Бенг даже убедил тебя однажды посетить ведомственное торжество. Кажется, то был День Премудрой.

- Не напоминай!
- Не стану. Это было ужасно.
- Ты был ужасен!

Змей хотел Праздника. Чтобы были музыка, танцы, женщины и мужчины в красивых одеждах вместо рабочих одинаковых балахонов, море выпивки и горы закусок. Все твои попытки возражать — ничего подобного нельзя ожидать от мэйанской гулянки — разбились о непреклонную решимость. Вы пошли.

Были музыканты, отчаянный гром наемной артели. После пришел черед самодеятельной игры и пения, в том числе хором. Были и танцы.

— Тебя хотела пригласить одна барышня, сестра из Детского отделения. Спросила, как тебе нравится ее наряд. Ты сказал: «выглядит чудовищно».

— И это было правдой.

— А она потом полчаса плакала в уборной. И другие девушки утешали ее, вместо того чтобы веселиться.

— Не думаю, чтобы в этом занятии они не нашли себе определенного развлечения. И что плохого в «чудовищах»?

— Брось! Ты понимал: она обидится.

— В Высшем кэраэнгском подобные слова не сочли бы за обиду. Какая же это любезность, если не содержит в себе некий оттенок преувеличения...

— А в Ларбаре сочли. Ровно за то, чем это и было: за мерзость. И никто тебя уже больше не приглашал танцевать. И будь уверен, не пригласят никогда!

— Оно и к лучшему.

— А еще были состязания. За выигрыш! Тебя звали, ты уперся и не пошел.

Борьба на бревне, внесенном со двора в помещение университетского парадного зала. Прыжки в мешках. Рисование вслепую. Только этого вам со Змеем не хватало!

Крапчатый спросил потом: а по сути, чем все эти западные затеи настолько уж хуже игр, принятых в Золотой Столице? Перекидывать мячики по столу, раскладывать ракушки, сочинять чепуховые стишки... Ты, отвечая, сослался на почтенное старинное происхождение арандийских забав.

— Мэйане тоже считают, что предки их сталкивали друг дружку с бревна еще в незапамятной древности.

— Надеюсь, они это делали все-таки под открытым небом.

— А среди подарков была одна штучка — Зеленая...

Четыре года прошло, а Бенг всё еще не позабыл Зеленой Штучки. Ты еще тогда пытался добиться от него: что же это было? Для чего служит? Писчая принадлежность, предмет одежды, домашней утвари, игрушка, украшение — что? Он не знает. Штучка, Зеленая — и всё, что он мог о ней сообщить. Ты предлагал пойти в гостинный двор, найти там такую и купить, если уж она Змею настолько приглянулась. Но — нет.

— Нет! «Такой» нету и не будет! Она была одна — Зеленая! И ты прекрасно знаешь: независимо от игр и от победы подарки Ученая Гильдия приготовила на всех. И эту Штучку предназначали именно для тебя! Надо было всего-то немного подурачиться, повеселить коллег. А ты не стал состязаться, и тебе ее не отдали. Куда-то дели, теперь уже не отыщешь...

Вы тогда ушли, не дождавшись конца гулянки. И ты за неимением прочего постарался обеспечить Богу твоему хотя бы Море Водки.

Поутру Змей стонал, изогнувшись на кровати — хвост на изголовье, задние лапы вправо, передние влево, шея свешена вниз, голова рожками в пол, челюстью кверху:

— Я просил Море! Море — но не две же бутылки!

Зато теперь по праздникам ты неизменно остаешься дежурить по больнице. Не в Первой, так в Четвертой, не в Четвертой, так в Первой.

— Грустно так жить, Человек. Не скучно — грустно.

— Что тебе грустно, Змеище?

— Служба, склоки, склоки и служба. Два десятка книг, год за годом те же самые. Друг за морем, товарищи — далеко, им ты почти не пишешь. И это всё? И больше ничего в жизни тебе не нужно? Мы же оба знаем: это не так.

— Не так. Если бы работа была в тягость, то я бы... Наверное, меня не было бы уже отдельно от тебя.

Чешуйки на щеке Бенга чуть топорщатся — и опускаются, царапнув твою ладонь. Одно из самых приятных ощущений, доступных осязанию. Да, ты мог бы уже «стать Богом». В просторечии это называется: умереть. Сорок лет, возраст, в котором уходят многие мужчины, особенно на Чегуре.

— Не надо об этом, Человече.

— Будь по-твоему, Бенг. О радостном — так о радостном.

— Давай.

— Итак, дитя с Запада. Как я знаю, выросшее в фельдшерской семье. Детство, проведенное в Лабирранской больнице, четкое представление о будущем своем ремесле. Вдобавок к этому — внимательность, строгость к себе и умение подражать.

— Ну, да. Она повторяет многие твои ухватки, не только ту, с иглой.

— Например, держать ланцет как ланцет, а не как столовый нож. Рассекать одним движением и поверхностный, и глубокий слой кожи: без виляния, без отрывистых тычков.

— Ибо в вашем искусстве верно то, что красиво. И наоборот.

— Я не думаю, чтобы сие подражание касалось только нашей с нею работы. Не зря же Тагайчи занимается лицедейством. Ходит играть в какой-то здешний школярский балаган.

— А ты ни разу не был у них на представлении.

— Мы с тобою, Змеище, однажды попытались посетить мэянский театр. Помнишь, насколько нас это вдохновило?

— То было взрослое действие, с обученными актерами. И правда, ничего любопытного. Но у школьников, может быть, всё по-другому?

— Возможно...

— Или ты ревнуешь?

— Кого к кому?

— Тагайчи к лицедейству.

— Зачем? Рано или поздно она для себя решит, которое ремесло ей ближе. Каким бы ни было решение, хирургия не останется в проигрыше: либо приобретет хорошего лекаря, либо лишится нерадивого. То же самое и с балаганом.

— Снова ты лукавишь. Ясно же: врачевательского усердия ей не занимать. И она очень хочет учиться именно этому.

— Иначе мы уже с нею бы не работали.

Обычный для Четвертой городской запущенный случай: восьмидневный парапроктит. Больной не может уже ходить, не то что сидеть. Постоянная лихорадка. С «запада» кожа лоснится, багрово-синюшного цвета. Локализация абсцесса очевидна. И едва заметная пока инфильтрация на «востоке». Затёк, глубоко уходящий на противоположную сторону. Заметит не всякий разрядный лекарь, хотя и должен был бы. Ты приготовился уже указать своей ученице на это и посоветовать: не бойтесь, сделайте второй разрез напротив первого. Иначе дренирование окажется неадекватным, заживление — долгим. Но ты не успел: Тагайчи сама заметила и сама решилась. Тебе оставалось только подытожить: «Всё правильно».

Простые радости учителя.

— Тебе бы гордиться ею. А ты всё ждешь, когда она ошибется.

— Жду и боюсь. И надеюсь, этот страх тоже будет перенят. Без страха мы получаем такого искусника, как наш Исполин.

— Временами ей трудно. Вяжет узлы, нитью — больно по пальцам. Она не жалуется. И не бросает дела.

— Так и нужно.

— Ей очень важно твое одобрение. А ты совсем ее не хвалишь.

— Я отмечаю упущения, поправляю неточности. И в последнее время, как ты слышишь, делаю это заметно реже, чем в первые полтора месяца. Еще одно свидетельство тому, что я плохой наставник: не умею своевременно усложнять задачи.

— Ей и так сложно, Человек. У нее почти все время, что вы вместе, взгляд такой, будто бы она ждет от тебя выволочки. Или насмешки, или презрения. Ты злишься на своих коллег, а она замирает, словно бы ты ее ругал.

— Глупо, ежели так. И еще глупее вышло бы, если бы я в ответ на такое ее свойство сделался благостен и всем всё простил. Тогда уж точно до наставничества меня не следовало бы допускать на выстрел из хорошего самострела.

Змей снова прихватывает чешуйками твою руку. На этот раз — чуть крепче.

— В самом деле, будь осторожен, Человек. А не то спросят тебя опять: как там твоя ученица Тагайчи? А ты и молвишь:

«чудовищно»! Имея в виду: «чудесно, превосходно». То-то она обрадуется...

— Скажет: «Сами Вы, в таком случае, чудовище, мастер Чангаданг». И кстати, будет совершенно права.

— Не воображай о себе лишнего, Лингарраи. Чудовище у нас — я!

Отцу уже шестьдесят

Отцу уже шестьдесят.

Он пишет тебе дважды в месяц. Отчет о делах сына твоего Лиранды, иногда — новости из жизни дома Божьей Меры. Короткий перечень собственных занятий: с кем из приятелей и родичей виделся, где бывал, какие книги прочел.

Советник при Кэраэнгском отделении Военного ведомства, полутысячник Лиратани Чангаданг в основном работает дома. На службу является, если есть к тому надобность. Он считал бы неуважительным по отношению к твоему ремеслу умалчивать о телесном своем состоянии. Ровно так же, будь ты, скажем, поваром, он описывал бы, какие кушанья отведал на каком из застолий. Из письма в письмо он отмечает одышку, ломоту в спине, проявившуюся чувствительность к погоде: «сам себе и барометр, и флюгер в одном лице». Ты именем Господним просишь его не пренебрегать посещениями врача. Жаль, очень жаль, но письменные знаки, выводимые твоею рукой, не работают как внушение.

— Пойти к лекарям? Еще раз выслушать лестные речи о том, сколь я крепок для своего послужного списка и возраста?

— Но разве сие само по себе не приятно?

— Не так еще глубоко канула в неизвестность моя особа, чтобы за данью восхищения, буде она мне понадобится, мне некуда было обратиться, кроме как к твоим коллегам.

«Безвестным» его не назовешь. Боец незримого воинства Внутренней разведки: теперь, когда он ушел на покой, сведения о месте его службы перестали быть тайной. Как и чин, и число государственных наград. Иное дело — послужной список. Старые раны дают себя знать, а где и как они получены, общественности, включая и семью, до сих пор неизвестно.

Тебе было пять лет, ему двадцать четыре. В ту пору ты редко видел его. И вот, однажды зимою батюшка поздним вечером вернулся домой — без предупреждения, хотя обычно он писал за несколько дней, когда и как надолго приедет. Ты, конечно, понятия тогда не имел, как толковать всё это. А вопросов не задавал, ибо привык, что на них не отвечают.

Спал он на мужской половине. Утром няня отправила тебя пожелать ему доброго здравия. Это само по себе казалось чем-то

важным и славным. Поводом для гордости: вот, идешь один по галерее, заходишь туда, где живут мужчины, — значит, ты тоже уже большой.

Он не спал. Улыбнулся, усадил тебя на постель, принялся шутить с тобою. Начал читать «Пробудился Рабунамба», обнаружил, что ты знаешь эти стишки. «А ну-ка, через строчку!» — и вы какое-то время веселились, читая вдвоем нараспев. Могучий Рабунамба пожрал, как положено, почти всю скотину, лады и здания Древней Столицы. Ты мог бы заметить: батюшка смеется сейчас по-другому, чем обычно, — словно бы с опаской, стараясь шевелиться поменьше. Но ты был слишком рад ему. Слишком доволен и собою, и этим морозным утром, теплом, запахом шерсти от одеяла... Отец притянул тебя к себе, ты неудачно навалился ему на грудь...

Он задержал дыхание, боясь испугать тебя нечаянным стоном. А ты увидел. Сам не зная, почему, отстранился от него и увидел: ребра, все как будто бы одинаковые, но два из них, на правой стороне, пересечены какой-то чертой. Такой, которая здесь не нужна, которой не должно быть. Слева ведь никакой черты нет! Как вообще возможно видеть кости сквозь тело, тебя почему-то не удивило. По крайней мере, поначалу. Страшнее было другое: четкое ощущение, будто эта косая черта появилась из-за тебя.

Ты убежал. Тебя потом долго искали по всему дому. Нашли, спросили — и ты, как смог, рассказал отцу, что случилось. Со слезами и просьбами о прощении, обещая никогда больше так не делать. Не смотреть так. Он тоже сказал:

— Прости. Я не успел тебя предупредить. Это просто перелом: два ребра сломаны. Два дня назад, а, конечно же, не сегодня утром. Зато мы с ребятами сделали одно важное дело. Этакое увечье? Пустяки: зарастет и забудется. Иначе меня бы не отпустили домой. Пришлось бы лечиться в больнице. И ты ни в чем — слышишь? — ни в чем не виноват!

Даже не слова его, а то, как он говорил, дали тебе понять: беспечное житье твое кончено. Отец беседует с тобою, будто со своим младшим братом или товарищем, но уже не как с дитятей. И так отныне будет всегда. Было бы это славно, о, как славно! — если бы не так страшно.

Совсем скоро ты мог убедиться, что не ошибся. Тем же вечером в дом явились трое: ирианг, кудесник и лекарь. Долго обследовали тебя. Подтвердили четвертьсотнику Лиратани и супруге его: да, похоже, ваш сын начинает проявлять свой Змеев дар. Способность ясновидения. Значит, мальчик пройдет необходимые испытания. А потом, если наше предположение подтвердится, Лингарраи должен будет пойти на обучение в Лекарскую школу в дополнение к обычной, гражданской. Отсюда следует, что Вы, Лиратани, не сможете по семейному обычаю отправить его в воинскую школу — ни на подготовительную учебу, ни после на основную. Но не беда: так или иначе в будущем присяга для него не невозможна. Ибо и в Войске врачи тоже нужны...

«Лучше бы уж ты не приезжал, пока не поправишься», — сказал тогда отцу твоему кто-то из домашних. Кажется, госпожа Майни-Марранг, матушкина дальняя тетка. «Такое потрясение для ребенка!» Отец возразил: не сейчас, так вскоре сие должно было произойти. Хорошо, что случилось это дома, а не в школе или где-то на виду у чужих.

Тебе же он объяснил:

— Это оттого, что ты мой сын. А я сын твоего деда, своего ба-тюшки. И мы все происходим от царевича Ликарунии по прозванию Чангаданг, «Мера Господня». Он основал наш дом — не этот, где мы живем, а Дом как большую семью. Это было давно, почти две тысячи лет назад. А сам Ликаруния происходил от Великого Бенга. И, как Бенг, имел природу Змея. Мы с тобой тоже ее имеем. И дед, и дяди твои, и тетки, и все наши. У кого-то она заметна больше, у кого-то меньше. Она может быть разной. У тебя она вот такая: ты, как Змей, видишь — вернее, иногда будешь видеть — людей насквозь. Не то, о чем они думают или чего хотят, а где им больно, что внутри у них неправильно. Это важно для всех: чтобы кто-то видел, какое место у человека болит. Иначе трудно ему помочь. Затем от Бога такое чудо и дается.

«Это важно для всех»... «Змей — самое прекрасное из всех смертных живых существ, потому Бога и изображают в его обли-чии»... «Твой долг — учиться врачеванию, стать лекарем, распозна-вать страдания других и, как возможно, помогать их выздоровле-нию»... С того дня и до сих пор тебе очень трудно, видясь с отцом, первым прикоснуться к нему. Как и вообще к любому человеку, зна-комому или постороннему. За исключением недужных, которых ты осматриваешь.

А после заболела матушка. Ты видел безобразный мешок в ее животе. Знал уже, как это называется: расширение аорты. Мешок мерно сокращался, притворяясь, будто он — естественная и нужная часть живого тела, действует не ленивее прочих частей. Ты знал, что это неправда, ты спрашивал у Бога: как же так? Разве ему, мешку, нельзя приказать прекратить это, исчезнуть? Бог ничего не отвечал.

А один наставник из Лекарской ответил:

— Неужели ты не понимаешь, что этими непрерывными наблю-дениями портишь сам себя? Губишь Божий дар, данный тебе при рождении, обращая Змеев взор на то, что смертному видеть заве-домо невыносимо? Или госпожа Чангаданг непременно должна была столь серьезно захворать, чтобы ее сын наконец-то научился про-стому делу Отвлечения?

Временами тебе действительно тяжело было отвлекаться. Не разрешать себе слишком часто и слишком подолгу всматриваться в тела других людей. Этой неотвязностью своих чудес ты тоже тайно гордился, хотя должен был бы стыдиться ее. Ходил с вечно мрачным видом, будто ждал дня, когда... И день этот настал, мешок разо-рвался. Боярышня Миаминна Чангаданг умерла тридцати лет от роду. Тебе было одиннадцать.

Ты понял, где-то на третий день после похорон: а ведь ты, Лингарраи, пользуешься общим сочувствием. Именно пользуешься, даже наслаждаешься им. Если этого тебе и желалось — значит, того, почему оно пришло, ты тоже желал. И тогда понятно, кого надобно винить. Не Бога, а того, кому сие выгодно.

Отец больше не женился. Насколько ты знаешь, не было у него и подруг, и сколько-то постоянных женщин. Вы жили вдвоем. Матушкина родня уехала к себе в Марранг. Обычно кроме нескольких челядинцев в доме никто с вами не обитал.

Растения из теплицы госпожи Чангаданг все были куда-то розданы.

Самое раннее твое ощущение матери — это свет, рассеченный на ровные четырехугольники, тень от переплета, запахи белого кирпича, земли и листвы. И где-то там, впереди, за ветвями — матушка. Рабочий балахон, волосы перехвачены повязкой, в руках какая-нибудь садоводческая снасть. Теплица — самое увлекательное место. Изобилие пеньковых веревок, глиняные плошки, горшочки и горшки, большие кадки, бутылки с растворами разных удобрений. Листья и цветы. Длинные, бурые с блеском, странные штуки в палец толщиной, как канаты. Они свисают откуда-то с высоты, будто снасти на корабле. Их не надо трогать, пусть они и кажутся крепкими: это воздушные корни. «Ими растение дышит. Дергать за них — всё равно что человека схватить за нос.» Ты понимаешь, тебе совестно, и ты не хочешь показать этого. Виснешь на поперечной балке, что идет над проходом от стены к стене. Подтягиваешься, благо тут невысоко от земли: мать всегда наклоняется, проходя под этими балками. Глядишь на растения сверху. На многих из них — желтые бумажные бирки: эти образцы готовятся для выставки. Позже ты понял, что там, в матушкиной теплице, велась вполне серьезная работа, итоги ее обсуждались в ученых изданиях. Одну из пород цветка унгуни назвали потом «Госпожа Миаминна». Тебе показывали: внушительных размеров куст, копьевидные темно-зеленые листья с жилками, обведенными белым. На цвета дома Марранг, откуда она была родом, может быть, и похоже. На нее — нет.

Долго теплица во дворе стояла пустой, без стекол — только рамы да стены. А через пятнадцать лет после того, как матери не стало вне Господа, отец распорядился разобрать и то, что осталось. Сейчас виден только участок двора, заново перекрытый плиткой.

Когда ты переехал в Приморье, ты два раза заходил в университетские теплицы. Белый кирпич отмоетков, земля, возделанная в кадках и горшках, деревья и травы дальнего Юга. Ты, наверное, мог бы завести дома какое-то из растений, не слишком привередливое по части влажности и тепла. Так и не собрался сделать этого. Может быть, потому, что в Первой ларбарской лечебнице комнатных цветов держат множество. Ухаживает за ними один из твоих коллег, и кажется, занимается этим с отличным знанием дела. Только в рабочем помещении совсем не чуется земляной запах.

Хотел бы ты знать, где пропадает твой Крапчатый Бенг. Не появлялся уже четверо суток. Означать это может обиду, усталость от тебя — или какое-то удачно найденное времяпрепровождение.

Ты освоил искусство отвлекаться где-то на восьмом году учебы. На то, что в Мэйане назвали бы «одержимостью», не жаловался — до тех самых пор, когда в Камбурране почувствовал у себя еще один Змеев дар.

Но много больше, чем указания наставников и укоры, тебе тогда, в Школе, помогли вроде бы случайно сказанные слова Тиарарри Билиронга, твоего старшего соученика:

— Какое удовольствие, должно быть: заглянуть в тело человека, когда тот в основном здоров, хорошо себя чувствует, живет, не тужит! Любоваться извне тоже, конечно, прекрасно, но...

Ты набрался храбрости ответить ему, раз уж он счел надобным вслух помянуть свойственное тебе «чудо». Но ты не нашел ничего более умного, как привести слова Велингмуантанинги: «Здоровье телесное — сокровище Божье, ближе всего лежащее и менее всего ценное смертными». Жить да радоваться? И вправду, прекрасно. Да только слишком уж редко кто себе это позволяет.

— А ты? — немедленно отозвался Билиронг.

И ты понял: как хорошо, что есть на свете хотя бы один человек, при ком тебе отныне и навсегда будет стыдно появляться с понурым видом. Жив, здоров? Так как же ты, будущий лекарь, смеешь не ценить этого?

«Однажды он станет моим другом» — подумал ты о Билиронге, сам дивясь собственной дерзости. Этот малый, старше тебя на четыре года, казался совершенно недостижимой особой. Он уже помогал при операциях своему учителю, все знали, что в Лекарской школе это самый способный ученик. Тогда уже можно было предсказать: дойдет до высших высот ремесла.

Сейчас возглавляет отделение хирургии в бывшей Малой Царской, нынешней Университетской лечебнице в Кэраэнге. Пишет тебе, как другу. Присылает описания своих работ, изданные или только готовящиеся к изданию. Из Валла-Марранга, где вы оба служили после Школы и Университета, ты отправился за море, а он — в Золотую Столицу. И тебе, и ему смолodu хотелось именно того, что вы в итоге и получили.

Зависть, ревность? Чувство соперничества? Нет. Ты знаешь, что не смог бы жить его жизнью, как и он — твоей.

Странно подумать: когда-то ты был жаден до дружбы. Особенно в последние школьные годы. Доходило до полной глупости: прибегал на ночные свидания к невесте и до утра вместо нежных речей излагал ей свои учёные открытия.

Впрочем, Тэари именно это и было по сердцу. Она, как и ты, училась не только в обычной школе, но еще и в особой, Чародейской.

Ты что-то рассказываешь — и вдруг она прерывает тебя, восклицая:

— Да, да! И у нас тоже такое есть. Очень-очень похожая вещь! Вы видите воспаление, и оно — основная примета недуга. И уже

отсюда вы рассуждаете дальше, в чем причина: зараза, травма или что-то еще. И мы сначала видим очарование на предмете, для нас это исходный признак того, что предмет волшебный. Мы начинаем рассуждать, с какою целью его заворожили: для ясновидения, наваждения или еще для чего-то...

Юность, время обобщений. Различия становятся важнее уже потом. Вы же тогда оба еще не изжили щенячьего восторга перед Божьей истиной, заложенной в мироздании. И в самих себе, что ни день, отмечали все новые признаки совершенства: даровитые подростки, почти что Змеи...

Ты не сразу понял, почему в тот год отец стал упорно пропускать без внимания твои отговорки, когда вас с ним приглашали посетить какое-то общинное празднество. Раньше он и сам предпочитал остаться дома, и тебе разрешал. А тут вольности прекратились. Пришлось подобающим образом одеваться, следить за волосами, работать над походкой, над почерком, умением танцевать и складывать стихи. Целую осень и зиму до Новогодья 1092 года вы вели светскую жизнь.

И вот, на третий день праздника он тебя спросил: что ты скажешь, ежели глава Дома призовет тебя, напомнит о предстоящем твоём совершеннолети и спросит: на ком из девиц ты, Лингарраи, желал бы жениться?

— Всех их, возможных невест, ты уже видел. С кем-то танцевал, играл, разговаривал. Кому-то после написал, у кого-то побывал и в гостях с изъяснениями личной приязни. Дом хочет твоего решения.

— Я сказал бы: пусть будет, как решите вы со старшими Дома. Что до меня, то я бы рад был, если бы то была Тэари Чангаданг.

Вас сосватали. Четыре года ты ходил в женихах, и тебе это состояние несказанно нравилось. Взаимное понимание — или то, что таковым казалось, — было куда важнее любовной страсти. Ты знал, что должен беречь свою невесту, и не стремился к большей близости с нею. Ходил к веселым девицам, как все твои соученики, но не слишком часто. Знал, для чего это нужно: стать достаточно опытным мужчиной, дабы не причинить вреда своей единственной любимой женщине, когда сможешь назвать ее женой.

Твоя троюродная сестра. Выбор если и сомнительный, то только потому, что за нею тоже известны были некие Бенговы дары. Известны, разумеется, старшим в Доме, а не тебе и не твоему отцу. Она училась кудесничеству, но вовсе не затем, чтобы получить потом высшее образование, сделаться эаи-римбиангом. Просто для будущей супруги и матери считалось не лишним знать основы сего искусства, если уж от Бога даны к тому способности. Хотя бы потому, что с проявлениями чудес придется сталкиваться постоянно: на примере самой себя, а возможно, также и мужа, и детей.

Пришлось. Так пришлось, что лучше бы вам с нею никогда не видаться.

— Оставь, Человече. Не думай сейчас об этом.

— Ты здесь, Змеище?

— Давно. Ты так славно задумался, я заслушался. За весь вечер почти ни слова о текущих делах. Хорошо!

Нет, не то чтобы Крапчатый вернулся веселым. Настроение, скорее, боевое. Выспрашивать у него причины этого бессмысленно: пожелает, так сам и сообщит.

— Ты продолжай, продолжай. Только не о плохом.

— О чем прикажешь?

— Например, почему ты здесь.

— Где же мне быть, как не дома?

— Завтра праздник, ты, в виде исключения, не дежуришь. Время достаточно позднее. Погода — не дождь и не ураган. Городских волнений, забастовок тоже не наблюдается. Я ожидал встретить тебя на Приморском бульваре. А ты тут лежишь, рассуждаешь сам с собой, даже водкой не угощаешься. Примерный семьянин, да и только!

— Прими как оправдание мою отдаленность от семейства на две тысячи верст морского пути.

— Оправдание в чем?

— В том, что веду себя как образчик ходячей добродетели. Точнее, лежачей.

— «Всё в прошлом»?

— Без тебя — уж точно, в прошлом. Стар я стал для бульвара.

Приятно знать повадки своего Бога. После таких слов Крапчатый непременно рухнет на кровать подле тебя. Хлестнет хвостом, целясь тебе по лбу. Ты вовремя перехватываешь его за хвост одной рукой, а другой пробуешь достать на брюхе у него тот участок кожи с мелкой чешуей, где ему бывает щекотно. Змей, конечно же, успевает увернуться.

Старый, давно и в совершенстве разученный способ дразнить друг друга. Даже не верится, что когда-то ты обходился без этого. Числил Бога кем-то отдаленным и запредельным.

Ты отпускаешь змеиный хвост. Бенг укладывается спиной к тебе. Только шею выгибает, кладет на изголовье так, чтобы голова поместилась над твоей головой.

— Ты слышал последнюю сплетню из Первой городской? Барышня Тагайчи дала отставку своему кавалеру, Мумлачи-младшему.

— Ты полагаешь, эта сплетня последняя? Воистину, чудеса! Мохноножка Вики дала обет молчания? И остальные последовали ее примеру?

— Экие ты ужасы воображаешь! Конечно нет. «Последняя» — я имею в виду, на сегодняшний день.

— И ты обрадовался?

Змей на несколько мгновений умолкает. Размышляет.

— Не знаю. Сама Тагайчи не плакала. Друг ее, Робирчи, был страшно зол. Как так? Благородного юношу не желают знать всего-то на том основании, что у него есть законная жена? А жена эта сбегала из дому, заперлась на работе в Ведомстве исповеданий, или как оно называется, и оттуда сообщила, что за нею гоняется безумный, какой-то «охотник на праведниц», да к тому же — что она ждет

дителя. Не от охотника, а от собственного супруга, даром что недавно еще хотела с ним развестись. Каков удар для свекра ее, профессора!

— Коли так, то да воздастся сей юной даме. В последние дни господин Мумлачи слишком расстроен, чтобы лично браться за врачевание.

— Значит, ты этому обстоятельству был так рад и вчера, и сегодня утром?

— Не думаю. Работал, как всегда. Разве что чуть спокойнее.

— И на радостях без надзора выпроводил домой благородного Гидаунду? Особу, столь ценную для твоего профессора и для всей лечебницы?

— К тому были основания. Гастрит, зачем-то в записях поименованный «язвой». Случай, противоположный нашему всеобщему правилу, но не менее дурацкий: когда человек упрямо подозревает у себя недуг, которого нет. И врачи поддерживают его в этом самонадеянности.

— Он не просто «человек», а Важное Лицо. Крупный начальник в Политехническом институте и еще в нескольких местах. В том числе и в Совете по градостроительству. Там у них ожидалось обсуждение какого-то моста, как я слышал. Проект подготовлен ближайшим подчиненным этого Гидаунды, принят не будет и быть не может. Благородному господину сложно голосовать против своего сподвижника, вот он и выдумал сказать себя больным.

— Значит, ему хорошо удается создавать видимость испуга. «Скажите, доктор: это верно, что я умру?» Трепет в голосе, смятение в очах и тому подобное.

— И ты обнадежил его: «Конечно же, непременно умрете!» Добавил хоть «...но не ранее, чем придет Ваш срок»?

— Я ответил: вопросами бессмертия занимаются в храмах, а не в лечебницах. И выписал его.

— А он что? Затрепетал еще пуще? «Стало быть, мне отсюда одна дорога — к жрецам? Искать храмового убежища?»

— Это уж его дело.

Змей ворочается. Хочет сказать что-то еще, набирается духу.

— А ты знал, что Робирчи месяц назад сватался к Тагайчи? Обещал, что как только разведется, то сразу на ней и женится? И тогда она ему не отказала. Не то чтобы растаяла вся от благодарности, но отвечала: разведешься, тогда и поглядим. Или как-то в этом смысле. А теперь всё иначе: у него скоро будет ребенок, ему нельзя разрушать семью. Стало быть, и к Тагайчи ему ходить совершенно незачем. Ни как жениху, ни просто как дружку.

Ну, и какого твоего отклика ждет Бог твой на эти сообщения?

Не дождавшись, он продолжает:

— Выгнала! Решилась — и выгнала. Он подступался, в лечебнице ее подстерегал. А она ему: «Можешь больше не приходить».

— Тебе не дает покоя слава маленькой Вики? Собрался перецеголять ее в области осведомленности?

— Будто бы не ты стоял у окошка на лестнице, когда этажом ниже, на площадке возле подъемника, обсуждались эти новости! Будто не прислушивался!

Как всегда, он прав. Должно быть, не зря мэйане издавна считают «змеЙство» неотделимым от соглядатаЙства.

— Что ж. Вот тебе еще один довод в пользу моей несвободы от пороков.

— А еще кое-кто зачем-то именно вчера вознамерился поехать домой на трамвае. Вышел на улицу и встал на остановке. Не иначе, старость нагрянула? Пешком передвигаться стало тяжело?

Ты снова промолчишь.

— Не потому ли, что ждал, не выйдет ли твоя ученица? Ровным счетом восемь трамваев оказались нехороши для нашего боярича. Ждал, ждал, да так никого и не дождался...

— И пошел пешком.

— А если бы она тебя увидела? Подошла бы спросить, чем это так озабочен ее учитель?

— С какой стати, ЗмеЙце?

— Вот именно. К твоему сведению, у них в театре в этот вечер была репетиция. Так что за забор Университета ТагаЙчи не выходила вовсе.

— И живет она в общежитии, там же, на университетском подворье. Сам посуди: куда бы ей ехать? И какой смысл мне ждать ее на остановке в день, когда на Водорослевую улицу мы не собираемся? То-то же. Построения твои, быть может, и остроумны, но беспочвенны.

— А кого ты в таком случае ждал?

— Никого. Мог бы дожидаться тебя — но ты, как я знаю, не питаешь большого пристрастия к электрической тяге. Просто стоял, думал. Потом ушел.

Он подымает голову с изголовья. Заглядывает тебе в лицо:

— А я тебе для чего-то был надобен?

— Ты всегда мне надобен, Крапчатый.

— Ну, вот. Скажешь это еще разок таким нудным голосом — я, может быть, и уразумею, что пора оставить тебя в покое. Наедине с твоими столь важными мыслями.

— Разве они не наши общие, Бенг?

Ты веришь и знаешь: если что-то действительно страшное случится с отцом твоим, с Тэари, Лиирандой, Билиронгом — ты узнаешь об этом не из письма, не из телеграфной депеши. ЗмеЙ почует и немедленно сообщит тебе. Божественное всеведение не разменивается на сплетни. Иное дело — твое пустое беспокойство о делах, не имеющих до тебя ровным счетом никакого касательства.

— Человеке! Ты слепой? Глухой? Бестолковый? Ты ничего не замечаешь?

— Не замечаю — чего?

— Того, как ТагаЙчи смотрит на тебя. Как говорит с тобой. Как держится, когда ты рядом. Как при других произносит: «Мой Наставник»...

— И что?

— Как она старается заслужить твое одобрение, пусть и молчаливое. Как любит тебя, когда помогает тебе. Как ловит каждое твое движение. Да хотя бы — как варит кофе для тебя. Зерен именно столько-то на одну чашку, смолотых непосредственно перед варкой, вода горячая, но не кипятком. Сахар только тростниковый, а не свекловичный, ровно такой вот кусочек, не меньше и не больше. И кладется он в кофе перед тем, как ставить кофейник на огонь, а не после... Все эти твои затеи помнит и следует им, потому что «Наставник мой так любит».

Да. И еще ты заметил, что в ящике твоего стола теперь всегда лежит стопка чистых, уже расчерченных листов бумаги. Когда в тетрадке с записями по ведению недужного кончается место и приходится клеить дополнительный листок, тебе всякий раз надобно бывает обратиться с духом, чтобы пойти к старшей сестре за бумагой. Причины тому неизвестны, но отчего-то перед этой мохноножкой, мастершей Чилл, ты испытываешь оторопь. Еще неприятнее одалживаться листками у коллег. Тагайчи сообразила все это и стала, не говоря ни слова, пополнять твои запасы.

— Это и печально, Крапчатый.

— Печально — что? — передразнивает он.

— Увлеченность особою наставника. Такое бывает, наверное, в любом ремесле. А потом оказывается, что ремесло само по себе не так уж и увлекательно. Годы ученья проходят, получается еще один человек, не любящий дела, которому довелось обучиться. Работает кое-как, сам несчастлив и пользы от трудов его меньше, чем если бы он вовремя бросил это ремесло и принялся за какое-нибудь другое. Даже если там наставник не настолько бы ему нравился, зато сердце лежало бы к работе как таковой.

— Может быть. Но всё это не про Тагайчи. Ты ведь понимаешь, она — человек верный. И если уж за дело взялась, то не бросит.

— Тоже не вижу, что в этом хорошего. Можно добросовестно исполнять всю жизнь некий долг, хранить преданность какому-то человеку, живому или умершему. Но если при этом сама работа не в радость, не в утешение — слишком легко надорваться. Много было людей, искалечивших таким образом свою жизнь. Очень бы мне не хотелось участвовать в чем-то подобном.

— Но у нее есть дар! Не в том смысле, как у тебя или у других Бенговых родичей, по-другому, но тоже дар. Именно ко врачеванию, и даже точнее — к работе хирурга. Ты не согласен?

— Согласен. Будь ей сейчас лет восемь, девять, и будь она мальчишкой, я знал бы, как я должен действовать, развивая эти ее природные способности. Да, и конечно — будь этот мальчик из Аранды или хотя бы из арандийской семьи.

— Она плохо воспитана?

— Не плохо, но по-мэянски. Я слишком часто не понимаю, не могу наперед представить, как ею будет воспринято что-то, что я скажу. Где граница между речью приятной и обидной, прямой и иносказательной. И так далее.

— Зато ты научился щадить ее. Хотя бы ее — из всех окружающих. Уже неплохо.

— И наверняка я при этом упускаю многое из того, что понадобится потом. Когда ей придется самой принимать трудные решения, спорить со мной, а у нас не будет, на каком языке вести подобные споры. Худшее, что может сделать наставник, — вырастить такого ученика, который будет всегда и во всем с ним соглашаться. Как Айхади при господине Мумлачи. Не вовсе дурак — однако, выбирая между мнением учителя и очевидностью, которая этому мнению противоречит, предпочитает не верить в очевидность.

— Он Исполина очень любит, это правда.

— И поэтому я не могу согласиться, когда о профессоре говорят: «Хирург, может быть, и не лучший, но наставник блистательный». Выращивать слабоумных? Неужели именно такова цель университетского образования?

— Байда всё-таки — крайний случай. Даже Робирчи не таков. Слушается отца, но повторять за ним все его глупости не старается.

— А вот еще тебе пример: младший из братьев Чамианг. Юноша на редкость скверно воспитанный, если воспитание предполагает выработку ответственного отношения к службе. Но семейство его — здешние арандийцы. И если мне приходится будить его, когда он засыпает за работой, то я знаю, как мне следует изъясниться, дабы быть услышанным.

— И как же?

— Короткое словечко нинг'рат: «будь милостив», «снизойди» сделать то-то и то-то. Зная язык, можно понимать: это обращение к наставнику или старшему глубоко почтительно, но от старшего к младшему звучит как самая обидная грубость. Словесная замена затрешины. Однако чтобы напрямую, не рассудком, а загривком ощущать, насколько это неприятно, надобно вырасти в арандийской среде.

— И что, помогает?

— Далеко не всегда, конечно, за пробуждением следуют надлежащие усилия. Но встряхнуться это слово заставляет. Будь Дангман Чамианг мэйанином, мой прием не действовал бы.

— Прием уязвления чужого самолюбия. Ты полагаешь, нечто такое тебе понадобится в общении с Тагайчи?

— И ей в обращении со мной. Иначе совместная работа невозможна.

— Разве твой мастер Дангенбуанг хоть однажды прибег к этим играм с самолюбием?

— Он, пожалуй, нет. А вот наставники в Лекарской школе — очень часто. Преподаватели в Университете — тоже.

— Ты боишься, что не сумеешь отыгаться на своей ученице за все те душевные раны, которые получил когда-то от собственных учителей?

Настал черед тебе искать взгляда твоего Бенга.

— Что, в самом деле, я нечто подобное себе позволяю? Решаю за счет своей ученицы собственные внутренние сложности?

Он улыбается. Во всю ширину зубастой змеиной пасти.
— Испугался? Это хорошо.
— Крапчатый!
— Нет, пока не позволяешь. И не надо. Уж постарайся, последи за собой.

Раны. Разве это раны...

Женитьба, учеба, служба в Войске. Родился сын: тебе было двадцать. Тэари радовалась ему, словно задачке, решенной красиво, а значит, правильно. Здоровый, славный малыш, Лииранда Чангаданг. Очень недолго, но было такое время, когда вы подписывали ваши письма так: Лингарраи, Тэари, Лииранда. Старшины Дома могли гордиться успехом: прекрасная молодая семья, опасения оказались напрасны — явных примет Змеевой природы у мальчика не проявляется. Всё хорошо.

Была ли любовь? Должно быть, была.

Ты уехал в Войско на второй призыв. Через два года, полусотником, поступил на сверхсрочную службу в Валла-Маррангское Высшее училище врачевания. Жена твоя снова носила ребенка. Однажды, словно бы шутя, дразня, спросила у своего брата, твоего шурина: сумеет ли он срочно достать наличными много денег? Очень много — и по секрету от дома Господней Меры. Он раздобыл. Конечно, не в полной тайне: с ведома своего и тэариного отца. Этот представитель семьи Чангаданг всегда славился добротой к детям...

Ирианг, лекарь и кудесник приняли каждый ту долю взятки, что им была обещана. Указали в грамотах: зародыш и мать без сверхобычных чудесных признаков. Особых мер наблюдения и помощи не требуется.

В прошлый раз, при первой беременности, не было ведь ничего страшного? Не было. Так кому нужны все эти непрерывные проверки, осмотры, замеры?

Ночью ты проснулся от того, что тебя легонько трясли за плечо. Необычный способ побудки — общежитие, где ты жил, по распорядку мало чем отличалось от казармы. Вестей из дома, от жены, ты ждал, но еще не тою ночью.

Позвали тебя пройти к полутысячнику. Не к профессору Дангенбуангу, под началом у кого ты служил, а к начальнику Училища. Он сообщил: ты срочно отправляешься домой. Не сказал: поздравляю, у тебя второй парень. Или — рад за тебя, у тебя девочка. Просто велел собираться. И ни разу не взглянул на тебя.

В Кэраэнге на пристани тебя встречал глава Дома, старик Тамбориранда. Ты никогда не видал ни у живых, ни у покойников такого цвета лица: как булыжная мостовая, с черной ржавчиной под глазами и возле губ. Слова, выговоренные им, звучали бессмысленно, непонятно: «Твой меньшей сын становится Змеем».

«Становится Богом», умирает? Тэари родила, на полмесяца раньше срока, дитя слабое, роды тяжелые — Господа ради, что всё-таки произошло?

— Дитя становится Змеем, Лингарраи. Едем, ты должен это видеть.

И повез тебя, только почему-то не в больницу и не домой, а в храм.

Ты видел это. Двадцать одни сутки кряду ты смотрел, как становятся Змеями. В прямом, самом прямом смысле слова, какой только существует. Теплокровное человеческое дитя с отдельными чертами пресмыкающегося. Или ящер с чертами человека. Сын твой был то таким, то другим, превращался и не мог превратиться до конца. Проходили мгновения, часы, всё начиналось заново.

Божьи служители возносили молитвы, предписанные Законом. Чародеи и лекари делали, что могли. Поздно, слишком поздно! Если бы знать восемью, хотя бы шестью месяцами ранее... Виновные взяты под стражу, сообщили тебе о тех троих, получивших взятку. В царские времена за сокрытие сведений о Змиевой природе, выявленной у кого-то из потомков Бенга, сажали на кол. И правильно делали. По теперешним законам Объединения наказание предстоит иное, но оно последует. Можешь хотя бы в этом быть спокоен: возмездие свершится.

Тесть и шури́н ни разу не попались тогда тебе на глаза. И после ты их с тех пор не видел. Тамбориранде Чангадангу в довершение всех бед недоставало еще убийства внутри Дома Божьей Меры...

Ты даже не спросил, что с Тэари. Тебе сказали: жива, состояние тяжелое. Мать Царей не придет накормить и утешить Бога, рожденного ею. Это к лучшему, что пока она почти все время без сознания: очнувшись, ей предстоит узнать самое страшное...

Твой сын умер. Умер Бог. На руках твоих умер твой Единый Бог. Не на кого стало переложить вину за то, что случилось. Но ты этого еще не понимал.

Отец тогда принес тебе ножницы. Обычные, цирюльничьи. Спросил, не хочешь ли ты отрезать волосы в знак скорби. Ты отвечал:

— Да. Хочу. Вместе с головою: тому, кто всё это устроил.

Кого ты имел в виду? Мемембенга, человека-Змея, родоначальника вашего рода? Ликарунию, основателя Дома? Продажных лекарей, кудесников и ириангов? Тестя с шурином? Тэари? Отца, худо смотревшего за невесткой в твое отсутствие? Самого себя? Ты ведь мог бы, и знал, что мог в эти двадцать с лишком дней решиться. Как хирург ты мог бы попробовать последний, самый последний способ остановить те Змеиные превращения... Не говоря о том, что ты должен был много месяцев назад сам почувать, какого сына зачали вы с женою. Мог и должен был сам приложить больше заботы к делам семейства, не оправдываясь службою. Наконец: кому как не тебе было знать, на какую именно глупость тайком от тебя может отважиться твоя любимая женщина?

Ни одна женщина на свете не заслуживает услышать те слова, что ты ей сказал, когда она могла уже тебя слышать и понять. «Ты загубила наше дитя» — как бы ни было, ты не имел права говорить это.

А ты сказал. И любовь тоже умерла. Убитая тобою, Лингарраи.

В позапрошлом году в Кэраэнге, когда ты подтверждал свой третий лекарский разряд, ты виделся с нею. Невероятно, но кажется, она давным-давно тебя простила.

Покинутая тобой, она вернулась к обучению. Уехала в горы, в Дугубер, в Высшее чародейское училище. Там и осталась, после выпуска получила службу наставницы в древних языках. Лииранду взял к себе дед, твой отец. И больше уже никого — ни тебя, ни Тэари, ни ее родню — не подпускал слишком близко к воспитанию внука.

По всему видно, что сейчас эти двое отлично сжились. Не как старик и молодой, а скорее, как двое боевых товарищей. Полутысячник Лиратани и десятник Лииранда.

А Тэари стала кудесницей. С годами в ней самой остается все меньше людского и становится все больше Змеинового. За очками с темным стеклом — глаза, затянутые Бенговыми прозрачными веками. Человеческие веки тоже есть, но двигать ими возможно лишь с осознанным усилием. Однажды и твои глаза могут стать такими, если ты не будешь следить за счетчиком Саунги и вовремя ходить на проверку к эаи-римбиангам.

Теплота крови поддерживается особыми зельями. Что с теплотой ощущений, чувств? С памятью, с личностью? Ты слишком плохо разбираешься в высших областях чародейства. Знаешь, что сознание у нее осталось человеческим. По крайней мере, настолько же человеческим, как и твое. Во многом вы способны понять друг друга.

Ты не нужен ей. Она не нужна тебе. Вот и основа для прощения.

— Это тоже Любовь, Человеке.

— Прости, Змей. Я не должен был припоминать всего этого.

— Что толку? Ты не припоминаешь, ты помнишь. Постоянно это помнишь. Значит, так тебе нужно.

— Да.

— Скажи мне вот что. Летом, когда Тагайчи спросила у тебя, почему за тобою следит Охранное, ты ответил: это из-за того, что ты в таком-то колене потомок Великого Бенга. И не стал излагать подробно, в чем именно состоит твоя Змеева природа.

— А разве это было необходимо? Начальство в третий месяц практики спохватилось: оказывается, у стажеров не взята подписка в том, что они уведомлены об отношениях своих наставников с Охранным Отделением. Я подтвердил: да, я нахожусь под надзором. Все дело и вправду в Бенговом родстве.

— На самом деле, такую подписку могли и не брать. Шум поднял Робирчи. Очень ему хотелось, чтобы подругу его перевели к какому-нибудь другому руководителю.

— Ей это было предложено. Она отказалась.

— Да. Господин профессор за сие лично выразил ей признательность. «Недосмотр моего коллеги Баланчи, ответственного за безопасность... Позор, скандал!.. Вы, барышня Ягукко, имеете право требовать возмещения... Конечно, я Вас немедля переведу, к кому пожелаете... Не желаете? Я рад, что мы с Вами схожим образом понимаем честь родного учебного заведения...» — и так далее.

— Понятно.

— Тебя заботит, как и на каком языке твоя ученица будет спорить с тобою. А ты не думал о том, что она будет делать, если ты впадешь в «змейскую одержимость», как они это называют?

— Конечно думал, Бенг.

— И все-таки не счел надобным объяснить ей всё хотя бы чуть поподробнее?

— Это должен делать обученный кудесник, а не я. Или же Тагайчи сама разберется в том, что ей будет нужно. Об остальном ей печься ни к чему.

— Значит, чтобы иметь с тобою дело, ей тоже предстоит хотя бы отчасти стать чародейкой? Как всем твоим женщинам?

Есть у Бенга длинный хвост, способный бить без промаха. Есть когти и зубы. Иной раз лучше бы он орудовал ими, чем говорил.

— Умеешь ты утешить, Змеище...

— Я не прав?

— Прав. Только зачем ей это? Вот тебе и еще одна причина, почему я держу между собою и Тагайчи определенное расстояние. Чтобы ей, как ты выразился, со мною не пришлось «иметь дело» в областях, не относящихся к ученью и работе. Если же я не смогу владеть собой и «одержимость» наступит, то разбираться с этим — задача особо обученных сотрудников Охранного, а отнюдь не моей ученицы.

— Но она же тревожится за тебя. Чем больше неизвестности, тайн, тем сильнее беспокойство.

— Змеи суть существа таинственные, мой Бенг. Сколько ни узнаешь о них, знание это не проясняет дела, а только порождает новые загадки. Ты думаешь, я хотя бы приблизительно представляю себе, как ответить, например, на вопрос, что ты такое?

— Как что? Я Бенг. Змей. Самое совершенное существо на свете.

— По-твоему, это просто и понятно?

— А что тут непонятного?

— Надобно самому быть Змеем, чтобы это понять.

У тебя нет сомнений: если бы захотел, Крапчатый давно уже нашел бы способ показаться, явиться человеку, столь его занимающему. Сделал бы это при твоём посредстве или самостоятельно. Сущая мелочь для Божьего всемогущества. Но почему-то ты так же крепко уверен в том, что пока он этого не делал и делать не станет, пока ты сам не решишься. Закон Божьего милосердия.

«Всем твоим женщинам».

Ты помнил: любовь умерла. Живи ты в Аранде, ты, наверное, до сих пор и подумать не мог бы о том, чтобы с кем-то сойтись.

В Камбурране к тебе приставлен был сотрудник Охранного, четвертьсотник Малувии. Оказался этот человек женщиной. И не такой, как мог бы ты ждать, не мэйанской богатыршей с картинок — вечно в седле, в доспехах, при мече и щите. Небольшого роста, отнюдь не могучего сложения. Русые волосы короче твоих, связанные

в хвостик, голубые глаза, очки. Грамотейский мешковатый наряд, юбка и куртка, без намека на геройство или на женственность.

Кудесница второго разряда. Представилась как «мастерша». Сообщила, что обследование твое будет проходить не в здании ее ведомства, а в той обстановке, где ты обычно проводишь время. В больнице, на улицах, в квартире.

Ты отвечал на ее вопросы. Исполнял задания. Она делала пометки у себя в тетрадке. Вписывала туда длинные столбцы цифр: показания счетчика Саунги.

Перед едой, во время и после еды. Как действует на твои чудеса кофей, а как — водка или «Фухис». Через полчаса после приема хмельного, через три часа, через шесть часов. Какая картина наблюдается во время разговора — о работе, о бытовых занятиях, об отвлеченных предметах. И конечно, о самих твоих чудесах.

— Итак, Ваше ясновидение.

Ты всмотрелся в нее. Увидел отрадно крепкое, здоровое тело. Зрение ослаблено, но не слишком серьезно: вторая степень дальнозоркости. В оправе очков счетчик Саунги: удобно и неприметно. Работая, она кладет очки на стол перед собою.

Снова цифры. До начала чуда, во время его, непосредственно после, через полчаса, три, шесть, девять, двенадцать часов.

В другой раз она распорядилась:

— Попробуйте внушение.

— Не знаю, что я мог бы попытаться Вам внушить. Не вижу у Вас примет какого-либо недуга.

— Спасибо на добром слове. Ну, а если что-то общее? «Мойте руки перед едой», «Хорошенько чистите зубы», «Не собирайте грибов, если в них не смыслите» — подойдет?

— Вы любите грибы?

— Хуже того: я в них смыслю. Жила в горах, по соседству от одной добрейшей карличьей семейки. Выучилась. Так что давайте поищем что-то еще.

Ты заглянул ей в глаза.

— Ешьте Больше Сладкого.

Возможно, она приняла бы сие как дурную шутку. Ты был до какой-то степени серьезен: при напряженной умственной работе сладкое полезно. Но, по правде сказать, тебе любопытно было и то, рассердится она или нет.

Мастерша Малуви спросила:

— А какого именно? Просто сахара? Или, скажем, плюшек?

— Сладкого, но не печеного. Сахар, мед, можно шоколад в умеренном количестве.

— Благодарю, учту.

И опять — замеры и подсчеты.

Змей тогда подал голос:

— Я тоже хочу сладкого. Морских гребешков в уксусе. И немедленно, сейчас! Не важно, что Море далеко, что на дворе поздний вечер. Может твой Бенг иногда полакомиться гребешками или нет?

— Откуда в Камбурране гребешки? — спросил ты.

— Их в бочках привозят, я сам видел. Так на бочке и написано: панайя, «гребешки». Мэйанскими буквами, но внутри-то они самые! В уксусе!

— Погодить до утра нельзя?

— Нет, я хочу сейчас. Завтра могу и не захотеть. Тебе, что ли, трудно сходить за ними?

Ты обратился к мастерше и сообщил, что тебе надобно будет ненадолго отлучиться. Нельзя ли считать на сегодня работу законченной? Она собралась и ушла, а следом и вы.

Бенг потом сознался:

— Не очень-то мне нужны были эти твои сласти. Просто теперь она не останется у нас ночевать. И наущать ее мне не нравится!

Еще бы. «Подопытное чудовище» — ничем не лучше подопытного животного.

Было сказано: тебя не должен заботить вопрос, как мастерша, она же четвертьсотник, разместится в твоём жилище, как она будет питаться, мыться и отдыхать. Всё необходимое у нее при себе. Из твоих вещей воспользоваться придется разве что креслом у стола, чайником и плитой, местною водою, да еще уборной. Ты не делал попыток быть любезным с дамой. Но подозревал, что однажды она так же четко и спокойно, как до сих пор, распорядится: надобно замерить уровень Вашего чародейского излучения при телесной близости с женщиной. И, как выражаются мэйане, «раскроет тебе объятия». Не «свои», а «тебе»: как гребешкам раскрывают их скорлупки.

Ты ждал, ты уже и сам хотел этого. Именно потому, что другого такого стыда и унижения трудно было придумать. С исследовательскими целями: ты будешь тереться об нее, а она будет наблюдать за показаниями счетчика. Только такая любовь тебе и осталась, думал ты. И это привлекало, ибо именно этого ты и заслужил.

Получилось немного по-другому. Не в пору первого обследования, а через полгода Тебе было двадцать девять. Явившись в здание камбурранского Охранного, ты застал четвертьсотника Малуви заплаканной.

Тогда в газетах, а стало быть, и между твоими коллегами в лечебнице, на протяжении нескольких месяцев обсуждалось обострение отношений Королевства с Вингарой. Взрыв на Мэйанском подворье в Бугудугаде, переговоры о выдаче плененных служащих посольства и прочее в том же роде. «Будет война» — опасались многие. И вот, вопрос разрешился. Газета с соответствующим заголовком лежала в кабинете на столе. На ней — очки мастерши, перевернутые так, что счетчик ей виден бы не был. Сама она отчаянно пыталась справиться со слезами. Без большого успеха: при ее цвете кожи краснота на щеках и на веках остается на четверть часа, если не дольше.

Ты спросил, кивнув на газету: «Кто-то из близких?», предполагая, что там, по исходе международных осложнений, обнародован и отчет о потерях. Кудесница Ямори Малуви при постороннем — хуже того, при предмете своих исследований — разревелась, как

школьница. Оказалось, личных причин за ее горем нет, а только гражданские чувства.

— Еще немного — и была бы война...

Ты не смог скрыть, что, по-твоему, сие есть еще больший позор: так близко к сердцу принимать события из жизни государства. Да к тому же, оплакивать несчастья, которые не совершились. Даже удивительно, сколь слабо ее эта твоя оценка утешила.

И ты не нашел лучшего выхода, как сделаться ей менее посторонним человеком, чем был до тех пор. Проще говоря, принялся ласкать ее. Знал, что она не нравится Крапчатому Бенгу, отчетливо сознавал, что сам не чувствуешь к этой женщине ничего похожего на любовь, хотя бы на приязнь или сострадание. Нет, всего лишь недоумение и злость: есть же на свете такие люди, за всю жизнь не создавшие себе повода заботиться и страдать о чем-то более близком, нежели внешние дела Объединения...

— Пожелал создать ей ее собственные, личные страдания?

— Примерно так, Бенг. Хотя и не слишком преуспел.

Исследования продолжались. Вопрос о Змиях был главным в ее научной работе, ведомой одновременно со службою. Ее занимало всё, что связано с этим видом оборотничества: люди, способные полностью или частично превращаться в гадов, или гады — в людей. Разумеется, потомки Мемембенга дают обширное поле для подобных изысканий. Насколько ты мог судить, продвигалась ее работа успешно.

Приятно знать: возле тебя есть человек, который знает на тебя управу. Умеет выводить тебя из «одержимости» или же наоборот, направлять твои действия в ней. Может научить тебя владеть собою лучше, чем ты бы смог, если бы додумывался до всего сам. Славно, когда есть знаток, к кому можно обратиться.

Связь твоя с мастершей Малуви длилась семь с лишним лет. Почти на год дольше, чем твой брак, если считать не от помолвки, а от свадьбы. Попыток совместного житья не предпринималось. Ямори приходила к тебе раза три-четыре в полмесяца. Было, о чем поговорить. Далеко не всегда эти разговоры сводились к сбору данных для изучения. По крайней мере, ты не всегда сие замечал.

Ты получил предложение перебраться в Приморье, на место, освободившееся в Четвертой Ларбарской лечебнице. Море, Море, Море! — предвкушал твой Змей. Ты еще не уложил вещей в дорогу, а из Приморской ученой гильдии пришло письмо, где тебя заверяли: мастер Вашего уровня будет желанным сотрудником не только для Четвертой, но и для Первой больницы, что при Университете. Прискорбно вспомнить, как ты обрадовался этому приглашению, подписанному неким Яборро Мумлачи. У Исполина не отнять умения залучать к себе сотрудников. Сработал его дар и в отношении тебя.

И тебе, и Ямори было по тридцать шесть. Когда-то, насколько тебе было известно, у нее был муж. В ту пору она давно уже с ним разошлась и возобновлять общения не собиралась. Как, впрочем, и ты со своею женой.

Однажды ты сказал:

— Тебе надо родить дитя. Ты здоровая, крепкая женщина. Служба, наука — всё это хорошо. Но не можешь же ты не чувствовать за собою и другие способности: выносить, родить, выкормить...

— В моем-то почтенном возрасте? — спросила она.

— Чем дальше, тем это будет труднее. Сейчас еще возможно, без большой угрозы для жизни и здоровья. Отказать себе в этом — значит совершить преступление против собственного тела, против своей природы. Нужно тебе родить, Ямори.

Внушения ты в тот раз не применял. Но отклик на твои слова был такой, каким он бывает у людей, болезненно чутких к чарам. Ты и не знал, что голос мастерши Малуви может так звенеть.

— Ради заботы о своем здоровье произвести на свет живое существо? По-твоему, это лучше, чем убить кого-то, распотрошить, и из печени, из сердца, или как там бывает в страшных сказках, сварить себе зелье вечной молодости? Значит, новейшая наука на сей случай предлагает не зелья, а беременность и роды. По мне, убийство лучше.

— Я не говорю о вечной молодости. Скорее уж, вечная забота. Ты этого боишься?

— Если мне станет мало имеющихся забот, заведу себе кошку. Или черепашку: они долго живут.

— Видит Бог, есть разница! Дитя будет жить по-другому, чем домашняя зверушка. Не просто занимать твое время, не просто любить тебя. Будет человек: восприимчивый, думающий, говорящий...

— ... и значит, могущий в любой миг справедливо упрекнуть свою матушку: скажи на милость, зачем было рожать меня в этот мир, где столько дряни и так мало хорошего?

— Эту глупость повторяют далеко не все дети.

— Но, сдается мне, хотя бы однажды так думает каждый.

— Рано или поздно он или она поймет, что это чушь. Будет расти рядом с тобою. Взрослеть. Станет самостоятельным.

— Еще скажи: сможет подать мне кружку воды в немощной моей старости. Лучше уж я постараюсь накопить денег на наем сиделки. Или обзавестись угодливыми подчиненными. Какой-нибудь сердобольной ученицей-кудесницей...

— Вовсе не обязательно дитя повторит твою судьбу. Возможно, у нее или у него склонность будет не к чародейству, а к чему-то совсем иному.

— Да. Заиметь опытный образец для отработки искусства неповторения моих ошибок. Куда как заманчиво!

— Человек, и похожий на тебя, и непохожий. Свой, близкий — и при этом полностью новый. Такой, которого без тебя не было бы. Никогда во всю историю мира не было и не могло быть.

— А что насчет отца? Где прикажешь достать эту необходимую составляющую деторождения? Меня, как ты знаешь, никто пока за муж не берет.

— Живи мы одним-двумя столетиями раньше, я бы понял беспокойство по поводу законного брака. Но сейчас, при твоей служебной самостоятельности...

— ...я достаточно хорошо зарабатываю, имею определенное положение в обществе, и стало быть, могу позволить какому-то человеку родиться безотцовщиной. С пустотой в том месте души, где у других бывает отцовская личность и воля. Знаешь ли, эта пустота — как воронка. В нее может затянуть любые материнские, школьные и прочие благодеяния.

— А может и не затянуть. Иная личность, наглядно присутствующая в жизни ближнего своего, хуже любой пустоты.

Вы долго спорили в этом духе. Наконец, Ямори сказала:

— Да что толку тебе меня убеждать? Хочешь, чтобы я родила? Так это в твоей власти. Давай, действуй!

На этом ты и расстался с ней. Детей у тебя больше не должно быть. И не будет. Пусть даже от мэйанки без Бенговых даров.

Конечно, повод для расставания создан был тобою вполне сознательно. Сама Ямори о детях никогда не заговаривала. Ты был уверен, что она не обманет тебя, не попытается зачать от тебя тайком. Она не пыталась. Ты четко знал, как причинить ей боль, когда завел тот последний разговор с нею. Как раз незадолго перед отъездом на юг, чтобы покончить также и с этими камбурранскими делами.

Сейчас она живет в Ларбаре на Коинской улице, в доме напротив твоего. Охранному отделению не составило труда подобрать своей сотруднице жилье, расположенное именно там, где требуется по ее службе. Вечерами из твоих окон иногда виден зеленый чародейский свет за ее занавесками. Связь кончилась, присяга осталась. Теперь уже сотник, Ямори Малуви продолжает присматривать за тобою. По счастью, тебе удастся не сталкиваться с нею на улице по дороге на работу и домой.

А здесь, в Ларбаре, тобой был изобретен замысловатый, но, как тебе казалось, весьма удачный способ обходиться с твоей телесной потребностью в женщине. Условием тому послужил Приморский бульвар. Старый, давно не используемый кирпичный водовод, сад вдоль него и близлежащие переулки. Часть города, где по ночам собираются женщины в поисках мужчин. Не те, для кого это постоянный источник заработка или святой долг, мыслимый согласно мэйанской или пардвянской вере, а другие. Женщины, которым нужен мужчина как таковой. Моряцкие заждавшиеся жены, девицы, мучимые трудностями полового созревания, твои старшие ровесницы на пороге угасания детородной способности.

Ты ходил туда, всматривался в их тела Змеевым ясновидением. И если видел у кого-то из них желание, дошедшее до степени выраженной болезненности, то говорил ей: идем со мной. Иногда даже: Идем Со Мной, применяя внушение. И вел ее сюда. Удовлетворял свою естественную надобность, и в то же время помогал этой женщине, унимая зуд ее плоти. После чего выпроваживал ее вон.

Возможно, какая-то из них побывала у тебя не единожды — приведенная с бульвара, куда ей пришлось выйти опять. Надо отдать справедливость женщинам с Приморского: ни одна не попыталась сама явиться к тебе домой. Очевидно, понимали: ты их не

впустишь. Лиц ты не запоминал. Внешность, возраст и повадка в расчет не брались. Только медицинские показания.

Бывало и так, что ты уходил с бульвара один. Искательницы приключений, несчастные, не видящие иного способа добыть денег, особы, обиженные на своих мужей или приятелей, — все они тебе не подходили. Только случаи телесной нужды, грозящей недугом.

— Но никого из них ты не полюбил. Даже на самое краткое мгновение.

— Разумеется, нет.

— «Потребность»... А почему с начала нынешнего лета ты перестал ходить туда?

— Старость, Крапчатый!

— Чепуха.

Строгий взгляд твоей ученицы. Одною ночью, далекой даже от попыток заслужить звание «прекрасной», тебе ясно вспомнился, почти померещился въяве этот взгляд. И тебе стало стыдно идти искать женщин.

— А не потому ли, что Тагайчи тебе нравится не только как ученица и будущий хирург?

— Ты о чем?

— Ты станешь уверять, будто она не привлекает тебя как женщина?

— Не стану.

Змей победил. Оттого не видит больше нужды изъясняться внятно. Вскაკивает на все четыре лапы, вытягивает шею, подымает голову и трубит.

Пока еще это не настоящая Бенгова песня. Зато громко. Все соседи, кто пользуется чародейским освещением, могут вздрогнуть, ибо холодный зеленый свет вспыхивает на миг ярким червонным золотом.

Бог полагает, что добился своего. Рад этому и счастлив.

Ты добавляешь:

— Бред не есть то, что я взялся бы обсуждать как знаток. Моя область — брюшная хирургия, а не лечение умопомешательства.

Крапчатый устало валится назад, на кровать.

— Ах, ах! Бред, говоришь? Но ведь она тоже тянется к тебе не только как к наставнику, но и как к мужчине! Что проку отрицать очевидное?

— Такие вещи надобно различать. Влечение — и влечение.

— Ну так и проведи это различие.

— Каким образом?

— Очень простым: сойдись с нею.

И продолжает, пока ты не нашелся с ответом:

— Вспомни Билиронга: как легко этот лекарь добивался взаимности. «Дань восхищения телу женщины, здоровому, а значит, красивому». И сам, как милосердный государь, собирал со своих подружек такую же дань: восхищение им, его телом, его напором и нежностью.

— То Билиронг. А это я. Опять-таки, надобно различать.

— Им увлекались многие дамы и барышни. Эта девушка, Тагайчи, влюблена в тебя. Не в кого-нибудь, а в тебя. Она желанна тебе. Не кто-то, а именно она. Так что же ты медлишь?

Медлишь. Твой рукав возле ее рукава, теснота и тряска ларбарского трамвая. Ты не поддержишь свою спутницу под руку, ты даже плечо не подставишь ей как опору. Слишком заметное движение, слишком мало надежды, что оно пропущено будет без внимания. А то еще, пожалуй, гордая дочь Мэйана укажет тебе, чтобы ты оставил свои арандийские привычки — обращаться с женщиной как с созданием хрупким и беззащитным. Ты медлишь, медлишь, хотя мог бы отстраниться.

Была бы она чуть более бестолковой ученицей, у тебя был бы повод однажды сложить ее ладонь на каком-то из инструментов так, как следует держать его. Соприкосновение, допустимое и требуемое при обучении ремеслу. Но нет, сие время безнадежно упущено. Внимательное, переимчивое дитя избавило тебя от позора: ты уже не получишь повода воспользоваться твоим положением наставника с целью, не имеющей отношения к хирургии. И слава Богу.

— Ну, хорошо. Допустим, я соблазнил ее. И что дальше?

— А что? Жить да радоваться.

— Позволь тебе напомнить: по Закону я женат. В Доме Господней Меры не разводятся. Что я смогу ей предложить? Незавидное место любовницы? Вкупе со всеми прелестями моего Бенгова происхождения? С моим блистательным умением ладить с людьми, особенно с коллегами?

— В Первой лечебнице. А ты не ставь их в известность. Какой же ты «змеец», если не сумеешь сохранить тайну? И ее научишь этому. Что же до Четвертой, то там поймут.

— Мне в этом месяце исполнится сорок один год. Ей — двадцать два. Ко времени, когда она войдет в лучшую для женщины пору, я буду сед, ветх и слабосилен.

Змей хохочет. Еще бы ему не хохотать.

— Иной раз ты просто неподражаем, Лингарраи!

— В чем?

— В этих твоих опасениях о будущем. Ты, стало быть, уверен, что ей захочется продолжения, да еще на долгие годы? Боярич, неотразимый искусник в области покорения сердец...

— Она получит лекарский разряд. Уедет домой, в Лабирран. Там ее ждут родители и местная больница.

— А ты выдай ее замуж. Тебе как наставнику принадлежит право сватовства. Это, правда, по-арандийски так положено — но почему бы не ввести сего благого обычая и тут? Подбери ей жениха, ларбарца с приличным жильем и тихим нравом. Устрой девушку на работу в Четвертую лечебницу. И пользуйся по праздникам.

— Прекрасно. Сам додумался?

— Как можно? Нет, конечно. С твоею помощью.

Богу не скажешь: изволь заткнуться. Бога не треснешь по морде. Даже если и очень хочется.

— Да ты влюблен?! — с видом изумления произносит он.
Крапчатый, Крапчатый! Ради этого вывода стоило не спать до утра?

— Влюблен!

— Да.

— Влюблен! Потому и сердисься!

Потому и сержусь. На Бенга, хотя впору бы — на себя самого.

— Влюблен. И что, скажи мне на милость, отсюда следует?

— Как — что? То, что ты молодец. Что с тобою, Человече, еще не все потеряно.

Не нужно

— Не нужно.

Ты нашел эти бумаги днем у себя на столе, когда вернулся из ОТБ. Посыльный принес их прямо на работу. Спросил, должен ли он завтра или в «удобный тебе день» зайти за готовой рукописью. Ты отказался.

А ведь ты не ждал продолжения. Еще вчера, во время беседы, тебе стало казаться, что затея лишена смысла, и расспросы исходят исключительно из упрямства и пустого любопытства. Ты выглядел не менее глупо, пытаясь отвечать. Газетному сочинителю — так же, как себе.

Ты старался найти ответы. И снова потерпел неудачу. Защитная твоя чешуя, столь старательно растимая многие годы, тебя подвела. Трещины в броне спешно пришлось устранять. Как же? А ровно так, как поступают те твои недужные, коих ты особенно часто отчитываешь. Заливать белым зельем.

Итог: туман в голове рассеялся лишь к полудню.

— Я не слишком хорошо себя чувствую сегодня, мастерша Чилл. Постарайтесь ограничить поступления в мои палаты, если это будет возможно.

Изумленный взор мохноножки: «Уже и Змей отказывается от работы! Рухнет ли Столп Земной?». О последствиях судить господину Мумлачи, коему непременно будет доложено. Что ж, если Исполнин прогневится, то справедливо.

Первый будний день нынешнего месяца. К твоему столу подходит твоя ученица. Несколько мгновений медлит на пороге, молчит, будто подбирает слова для серьезного разговора. Явно не о делах лечебных, а о чем-то своем.

Ты понимаешь: если ты и способен сосредоточиться, то только на одном вопросе. А именно, на том, насколько отчетливо написано у тебя на лице всё, о чем вы со Змеем толковали в прошедший праздник. Если сегодня, прямо сейчас барышня Тагайчи поймает тебя на

этих мыслях, — позор, самый горький позор. Провал всех твоих наставнических трудов.

Она говорит:

— Мастер Чангаданг! Вы не согласились бы побеседовать с газетчиком?

Ты не сразу соображаешь, о чем идет речь. Как ты помнишь, среди недужных в Первой больнице в настоящее время газетчиков нет. Если кто-то из них только что поступил, то его «смотреть» надо, а не «беседовать». Случается, что после операции, перенесенной какой-нибудь знаменитостью, лечебницу осаждают вестовщики: «Общественность беспокоится о здоровье своего любимца». Однако в подобных случаях известия для печати выдает обычно сам Исполнин. Да и не слышно было, чтобы в Первой на этих днях оперировали кого-то из светил театра или ристалища.

Оказалось, дело в другом. Среди знакомых Тагайчи имеется некий газетный писатель, замысливший провести беседу о медицине. Попросил найти ему лекаря, готового обсудить успехи и трудности современного врачевания.

Запрос был в самом деле неожиданным. Настолько далеким от твоих опасений, что ты даже обрадовался. И обещал подумать.

В тот же день ты отправился на поиски мастера Баланчи: спросить у него, позволяет ли Ведомство Безопасности своим поднадзорным общение с газетчиками. Прежде не было случая узнать это.

«Баланчи у профессора», — сказали тебе, — «Кстати, тот хотел Вас видеть».

Ты пошел в кабинет Исполина. Встречен был громогласною речью, несомненно, разученной заранее:

— Что Вы наделали, коллега?!

Пауза. Лицо господина Мумлачи наливается краской.

— Позавчера, во второй день праздника, я являюсь в лечебницу. Собираюсь проведать благородного Гидаунду. Давнего знакомого, глубоко ценимого мною знатока своего дела, особу, так много доброго сделавшую для нашего города. И вижу: его здесь нету!

Снова пауза.

— Я начинаю подозревать худшее!

Баланчи был в кабинете. Сейчас, пользуясь случаем, он удаляется. Ты не следуешь за ним. Отвечаешь Исполину, зная, что делать это излишне: за переливами собственного голоса он тебя не услышит.

— При Вашем лекарском разряде, господин профессор, Вы не могли всерьез опасаться за жизнь этого Вашего подопечного. Учитывая род и степень его недуга.

— Вот именно! Что мне оставалось предположить? Побег? Похищение? Происки сил, враждебных отечественному зодчеству? Но вот, я узнаю: Гидаунда выписан домой. Без моего ведома!

— Его состояние не требовало нахождения в лечебнице.

— Но принял-то его я! Я, сам! Конечно, я немедленно, как только покончил со здешними делами, направляюсь к нему домой. И что же? Нахожу его в полном упадке духа. «Врачи от меня

отказались, следовательно, я безнадежен», — думает он. И в чем-то он прав! Его и впрямь оставили без помощи!

— Лечить беспочвенное уныние — не наша задача. На то существуяют знатоки душевных расстройств.

— Скажите на милость: что Гидаунда должен был вообразить? Что, поместив его сюда и проведя надобные исследования, я убедился: болезнь его неизлечима. И я, опытный врач, был так потрясен, что даже не решился сам сообщить ему эту роковую весть. Выслал вместо себя своего подчиненного, то есть Вас. Конечно, он впал в отчаяние! Слишком беспросветное, чтобы дожидаться меня здесь и выслушать правду из моих собственных уст. Покорно уехал, затворился дома, наедине с худшими опасениями. Будь господин Гидаунда не таким мужественным человеком, каков он есть, он мог бы, пожалуй, взять на душу грех пред Подателем Жизни!

И виновны в его самоубийстве были бы Вы, мастер Чангаданг, — соби́рался заключить Исполин, но не стал. Ты готов был взвиться: твоя служба здесь предполагает работу лекаря, а не порученца на посылках. Но ты смолчал. Лишний раз тебе напомнили о твоём положении «подчиненного». О том, что ядовитые твои речи способны довести больного до гибели, пусть даже сама операция и прошла как нельзя успешнее. Было ведь?

Первый год твоей здешней службы. Многоступенчатый, по-своему изошрённый недосмотр. Просчет на просчете. Перфорация дивертикула, поначалу принятого за опухоль. Бестолковая толкотня вокруг недужного, вслух звучавшие сомнения в успешном исходе. Возгласов радости, когда опухоли не обнаружили, больной, естественно, не слышал. Запись на заглавном листе тетрадки была оставлена в прежнем печальном виде, даже без пометки «предположительно». Угнетенного настроения недужного после операции никто не принял всерьез: никто, в том числе и ты. Сама тетрадка то ли по рассеянности, то ли за мзду однажды позабыта была на видном месте, где больной смог ее прочесть. Общий — и твой тоже — неприступный ученый вид не дал этому человеку и намека на то, что ему следовало бы обсудить прочитанное с кем-то из врачей. Ему обещали через полгода «закрытие» — он, видимо, так и не уразумел, что именно в его теле будет «закрыто». Счел, что ему предстоит мучительная и скорая кончина, решился ее поторопить. Попробовал покончить с собой. Успешно, если наступившую смерть считать успехом.

Ты вспомнил этот случай. Ты промолчал.

Давши волю гневу, господин профессор возвращается на путь примирения. Пускает в полет по столу в твою сторону лист бумаги. В верхней части его типографским способом отпечатаны слова «Ларбарский Доброхот»

— Вот. Коллеги из газеты просят, чтобы кто-то из нас поучаствовал в ведомой ими череде бесед под общим названием «Что мешает нам работать». Им нужен врач с высоким разрядом, но такой, кто работал бы только в лечебнице, а не занимался, например, еще и преподаванием или гильдейской деятельностью. Думаю, Вы — как

раз тот, кто им подойдет. И уж потрудитесь изложить им разом все Ваши недовольства: и по части недужных, и относительно товарищей по службе, и прочие. А то мы уж и не знаем, как на Вас угодить! В догадках теряемся!

Мщение во вкусе твоего начальника. Ты выписал домой его недужного — не потому, что тот именно тебе чем-то мешал, занимал место, срочно надобное для кого-то другого, а исключительно из соображений благозакония. Исполин за это отрядил тебя защищать честь лечебницы перед открытой печатью. Зная, как ты не любишь толковать с досужими любопытными о делах врачевания, счел, что надо тебя воспитывать. Не давать потачки твоему нелюдимому нраву.

И ты сказал Тагайчи тем же вечером: хорошо, я согласен. Выскажусь. А про себя решил: высказаться — так уж высказаться. Излить многолетние запасы мерзости. Через газету? Тем лучше. Даст Бог, до кого-нибудь твои речи все-таки дойдут.

Крапчатый Бенг потом рассказал тебе:

— Профессор на этом не унялся. Назавтра вызвал Тагайчи на разговор. Да не в свои служебные покои, даже не во двор, а в больничный сад. И все, кому на тот час нечем было заняться, глазели в окна. Гадали, что происходит. Увещевает ли господин Мумлачи свою стажерку не покидать его сына Робирчи? Или наоборот, требует, чтобы Тагайчи окончательно рассталась с этим юношей? Или еще чего-то добивается?

— Сие тоже в его вкусе: постановка зрелищ. Возможно, в его лице Народный театр лишился великого лицедея.

— А ты мог бы позвать: «Барышня Ягукко, Вы мне срочно нужны!»! Ей бы пришлось послушаться наставника, даже если ради этого пришлось бы прервать разговор с самим Исполином. Или хотя бы после мог спросить, чего желал профессор. А ты ни слова не сказал. Эх, Человек...

— Ей и так было неловко и неприятно, Змей. Зачем снова и снова напоминать о тягостном? Прошло — и забыть.

— О! И это говоришь ты? Самый злопамятный из потомков Мембенга?

День был назначен. Тебе заранее принесли вопросы и пояснения к беседе. Дали время на подготовку И вот, вчера ты вместе с Тагайчи после работы был в Доме Печати.

Кажется, в первый раз ты мог наблюдать ее общение с лицами не из лекарской среды. До того, как обозреватель «Ларбарского Доброхота» представился тебе и приступил к своим вопросам, ей надобно было еще переговорить с кем-то из газетчиков. О чем? Любопытство твое было бы неуместным.

Теперь мастер Ниарран просит извинений за сбивчивость своей записи. По ходу беседы он действительно несколько раз терял нить рассуждений. Забавно: газетчик еще может увлекаться.

Чем именно? Животрепещущими вопросами хирургии? Трепет живой терзаемой твари на столе у хирурга будоражит воображение

— почти как чтение о пытках и казнях. Впечатлительные читатели будут в восторге. Он поймал удачную тему и вцепился в нее.

Или же в тебя? Ощутил слабинку в твоей защите? Исследование чужой душевной жизни, полезное для будущих сочинений: он, кажется, пишет еще и повести...

Первые слова его, сказанные еще не по делу, а любезности ради. Показное, несколько дерганное воодушевление. Но за ним — спокойная, слишком спокойная уверенность: стоит лишь этому знающему человеческих душ подставить грудь свою для чьих-то рыданий, как ему тотчас будут поведаны самые сокровенные и позорные тайны.

И в твоём случае он отчасти получил то, чего желал. Заставил тебя наговорить явно лишнего. Так что, кажется, теперь и сам пожалел об этом.

«Заставил»? Тебя, тому-римбианга второго ранга, боярича из дома Господней Меры, возможно заставить сделать что-то против твоей воли? Да не вынудить, создавши условия, грозящие тебе сколько-то серьезным уроном, а просто заманить тебя в ловушку? Чепуха. Ты сказал именно то, что хотел сказать. Пеняй на свои желания.

Но сначала ты всмотрелся внутрь его тела. Мог наблюдать пример обострения язвенной болезни в осеннюю пору. Луковица гиперемирована, с толстыми отечными складками. Волны перистальтики замедляют свой ход, прокатываясь по передней полуокружности, так, будто стенке больно и она пытается поберечь себя. Ей и вправду больно. Вот очаг воспаления: прячется сразу за привратником, ближе к тебе. Когда-то ровная поверхность кишки изъедена, покрыта бледновато-желтым слоем фибриновых наложений. А чуть выше — округлое углубление от старой, зажившей когда-то язвы.

Как себя чувствует мастер Ниарран? Тошнота. Боли по утрам, не под ложечкой, а немного правее, ноющие и жующие, настойчиво просящие: «Есть!», «Есть!». Утихают, лишь когда им бросят желанной пищи. Ощущение это обычно добавляет раздражительности и едкости. Когда подобных людей называют «язвительными», говорящие так и сами часто не подозревают, насколько их оценка близка к истине...

Ты поглядел в его глаза: якобы простодушные, за очками в роговой круглой оправе, какие носят школьники. Дождался, пока он договорит начатое предложение и сообразит, что со следующим надобно погодить.

И ты молвил:

— Жениться Вам Нужно, Молодой Человек. Чтобы Супруга Обед На Службу Носила. Супчик, Горячее...

— Будто я сам не знаю, что нужно жениться... — со вздохом отозвался он.

Ты видел: в этот раз Божье внушение сработало. По облику и по имени этот Чанэри Ниарран похож на мэйанского арандийца. У таких сопротивление словам врача обычно намного слабее, нежели

у потомков вольнолюбивого дибульского племени. Он не выказал ни испуга, ни возмущения твоими «чудесами». Принял как должное.

А ведь твой совет не был лекарским в прямом смысле слова. Откуда тебе стало известно, что этот человек не женат? Похоже, что нет, — но разве ты ирианг, чтобы судить об этом столь уверенно? И дальше: на основании чего ты сделал вывод, будто он настолько беспомощен в быту, что не способен сам обеспечить себе размеренного и правильного питания? «А что, у Вас в Аранде женятся только супчика ради?» — мог бы спросить он и был бы прав. Ты отвечал бы, конечно: «В Вашем случае показания к женитьбе именно таковы», — и сие было бы уж вовсе безосновательной грубостью. Он не поддался на твой вызов, брошенный с применением «сверхъестественных сил». Кивнул и обратился к списку своих вопросов.

Многого из того, что ты говорил, он и вправду не понял. Ты мог бы почуять его недоумение еще при разговоре. Не почуял — так вот тебе роспись беседы, где газетчика не устраивает почти ни одно из данных тобою разъяснений. И виною тому не его невнимательность. Пиши, попробуй сказать то же самое еще раз, яснее и проще.

Куда больше тебя вчера насторожило удивление Тагайчи. Дитя не ожидало от своего учителя подобной откровенности. Тебе следовало бы внять безмолвному ее предупреждению: «Мастер, кажется, Вы забываетесь». Ты должен был постараться держать себя в руках.

Возможно ли, что вчерашний ночной приход ее к тебе имел причиной страх за тебя? Рассказ о незримом одержимом, явившемся в Ларбар на поиски четы Чангадангов, — что это было? Не слишком ловкий предлог проверить, все ли в порядке у старого неуравновешенного наставника?

Если так, то Тагайчи могла убедиться: не всё.

Из Дома Печати она вышла вместе с тобой. Она и Ниарран. Он предложил проводить тебя до дому. Дал понять: этого требуют принятые в газете правила обхождения с ценными собеседниками, к коим ты отныне принадлежишь. Выбор был: отказаться от его любезности, но тогда — или попроситься заодно и с Тагайчи, или же уйти вдвоем с нею. И то, и другое показалось тебе равно неуклюжим, и ты не стал спрашивать газетчика. По пути продолжал о чем-то говорить.

Тагайчи спрашивала, Ниарран шагал следом. Несколько раз он пытался присоединиться к разговору, но вникнуть так и не смог. У дверей своего дома на Коинской ты простился с нею и с ним. Поднялся наверх — и почти сразу же, как вошел, достал с полки бутылку белого перегонного.

После окончания беседы не прошло еще двух часов, а ты успел основательно напиться. Не раздумывая долго, отпер двери, когда услышал звонок. Искать тебя в этакое время некому, кроме больных, нуждающихся в лекаре. Следовательно, надо отворить.

На пороге стояла твоя ученица.

Она объяснила: мастер Ниарран провожал ее отсюда до Университета. На улице за ними увязался какой-то человек, одетый подобно ходоку из деревни. Он какое-то время шагал следом, на

отдалении, но потом все-таки приблизился. Спросил: «Вы, не иначе, господин Чангаданг, лекарь, и госпожа Чангаданг, кудесница? Вас мне и надо. Только Вы можете мне помочь: я хочу лечиться от чародейства». В подтверждение своих слов он показал, что умеет принимать незримое обличие. Сие, по его словам, удается ему без труда. Куда сложнее — воздерживаться от пользования чарами. Тагайчи не нашла более разумного выхода, как отвести ведуна к себе в общежитие, усадить пить чай вместе с газетчиком Ниарраном, после чего вернуться на Коинскую улицу и уточнить у тебя: не знаешь ли ты, кто таков сей ходатай? Не ждешь ли к себе посетителя из дальних краев?

Твоя ученица рассказывала эту диковатую историю — и оглядывала тебя. Мастер Чангаданг в домашнем аинге и войсковой фуфайке без нашивок. Запах перегонного зелья. Безуспешные старания придать своей речи хотя бы твердость, если не связный смысл. Тебя осенило: не худо бы тебе проводить барышню домой. Ночью улицы небезопасны, а этот кудесник, оставшийся у нее в комнате, может оказаться и вовсе буйнопомешанным. К тому же, надобен был ему ты, и значит, заниматься им — твое дело. С другой стороны, соображал ты дальше, всё это может оказаться дурацкой шуткой. Если не шуткой твоей ученицы над тобой, то чьей-то — над вами обоими. Хорош ты будешь, явившись в университетское девичье общежитие ночью! К тому же, зелья еще так много, выходить куда-то посреди ночи так не хочется...

Ты решил: дитя уже не малолетнее. Пусть само учится разрешать подобные сложности. Сказал, что никакого ходака ты не ждешь, но велел Тагайчи отослать его сюда. И она ушла.

Сегодня она старается делать вид, будто ничего не произошло. Но взгляд у нее виноватый. Такова редкостная твоя способность: создавать у окружающих ощущение вины за твои собственные глупости.

Впрочем, самым тягостным зрелищем нынешнего утра было даже не это, а другое. Взор высокородного Лингарраи Чангаданга, поджидавший тебя в зеркале в ванной. Он изволил любопытствовать: какого положительного итога ты, обученный лекарь, ждешь, прибегая к помощи белого зелья — средства, порою действенного, но ненадежного? Ты не нашелся, что ответить. Всё, о чем ты хотел бы забыть, оскалилось тебе зубастой улыбкой крошечного Змея — с внутренней стороны наклейки на опустошенной бутылке. Одной из двух, приконченных за вчерашний вечер и ночь.

Кстати, на той же полке осталась еще одна.

Оставь это! Слышишь ли: оставь! Достаточно с тебя уже вчерашнего отступления от правил. Не твой ли обычай: начатое непременно доводить до конца? А если так, то принимайся не за зелье, а за записи, присланные тебе из газеты.

Там твои же слова. Каковы бы они ни были, надобно придать им разумность и ясность. Чанэри Ниарран честно отработал свое. Теперь черед за тобой.

Главных помех в работе лекаря две: глупость и показное щегольство. Влияют они с обеих сторон: и врачевательской, и недужной. Глупость лекаря — надуманные задачи вместо действительных, упущенные возможности, неисчерпанные средства. (Примеры дайте, пожалуйста! Здесь или ниже. Иначе непонятно, о чем речь).

Глупость и самая распространенная ошибка современного нашего врачевания — лечить хворь. Не пневмония, не опухоль, не цирроз уважаемого Чи должны занимать лекаря — но сам мастер Ча. «Врачуй недужного, но не недуг», — писал еще пятьсот лет назад тому-римбианг Кангкангари. Эти слова нынче известны каждому школяру. Но что же? Почти ни один лекарь не следует им. Почему? Вероятно, слишком удобно считать, что немалых наших познаний о самой болезни достаточно для излечения.

«Глупость». Ты пробовал сказать об этом. Видимо, безуспешно. Так стоит ли нынче вдаваться в разъяснения? Если бы за четырнадцать лет, прожитых по эту сторону моря, ты набрался усердия вернуться к ведению дневников — возможно, и их не хватило бы, чтобы добиться ответа.

Величайшая глупость лекаря — убежденность в собственном всемогуществе. Однако не менее страшно, когда однажды поддаешься вере в свое бессилие. «Упущенные возможности, неисчерпанные средства»? Счастлив тот, кому не доводилось приблизиться ко дну сего сосуда так близко, что возможность остается одна. Самая страшная и последняя.

Ты думал об этом вчерашним вечером, а зелья в тонком стекле оставалось все меньше и меньше. Незнакомый Змей, глядя на тебя глазами Тэари, спрашивал:

— Откуда ты знаешь? Ведь только когда истратишь самое-самое последнее, можно осознать, насколько оно было ценно!

Касаясь операций на кишечнике, хочу уточнить: мы научились накладывать стомы еще со времен Чаморрской войны. Речь же идет об операциях более обширных и травматичных (напрямик, резекциях и гемиколэктомиях). Да, в свое время они были невозможны из-за отсутствия доступного обезболивания и действенных обеззараживающих средств. Действительно, с той поры, когда на смену дорогим, не всегда доступным и не всегда предсказуемым услугам чародеев и жрецов пришел эфирный наркоз, а также со времени широкого обнародования итогов работ мастера Рабачарри, хирургия шагнула далеко вперед. Рассуждая здраво, операции на толстом кишечнике сделались возможны. Спрашивается: отчего же еще более сорока лет лекари не применяли их? Именно под давлением старого, уже изжившего себя запрета, столь прочно укоренившегося в наших головах. Сорок лет пациенты умирали или вынуждены были проводить свою жизнь в страдании, как телесном, так и душевном, — лишь потому, что у наших коллег не хватало смелости перешагнуть через установленные прежде правила. Это ли не показательно?

Другой пример, гораздо более свежий и не менее яркий. Холецистэктомия (удаление желчного пузыря) — операция ныне известная, получившая распространение и признание во всем мире. Между тем, ей всего лишь пятнадцать лет. Возможно, читатели ваши помнят, что ранее воспаление желчного пузыря, обусловленное наличием в нем камней, считалось недугом, находящимся в ведении исключительно терапевтов, а основным средством его лечения являлись знаменитые и по сей день Нурачарские минеральные источники. Не стану утомлять вас печальными подсчётами тех лет, замечу лишь, что почти любое мало-мальски серьезное осложнение этой болезни приводило к смерти. А осложнения встречались не так уж редко. Вплоть до конца прошлого столетия считалось, что камни образуются в печени. Первым позволил себе усомниться в этом профессор Валла-Марангского Военного училища врачевания Тиринунг Дангенбуанг. После нескольких лет теоретической и опытной работы мастер Дангенбуанг пришел к выводу, что место образования конкрементов — не печень, а сам желчный пузырь. Следовательно, его удаление приведет к полному избавлению от недуга. А коль скоро появилась цель — то возник и вопрос о разработке техники холецистэктомии. Профессор Дангенбуанг провел множество пробных работ сначала на трупах, после — на обезьянах, так как это животное наиболее сходно по своему строению с телом человека. И наконец, весной 1103 года им была выполнена первая в мире холецистэктомия. Ныне его методика используется повсеместно — и я благодарю Бога, что это открытие получило столь скорое признание. Врачевательское сообщество косно по своей природе, и тем большее уважение вызывают у меня те случаи, когда в этой среде находится некто, изыскивающий в себе смелость и упорство не только усомниться в канонах, но и доказать на практике свою правоту.

Вас было шестеро. Мечтатели, поглощенные одною мыслью. Трое маститых лекарей и трое юнцов-сверхсрочников только что из второго войскового призыва. Вся врачевательская деятельность подчинена строгим правилам, но если где-то это достигает своей высшей точки, — то в медицине военной. А работы профессора не встретили поначалу горячей поддержки у руководства.

Две обезьянки вашими стараниями лишились вместилища для желчи, данного им Божьим Законом. Обе зверушки весело прыгали по веткам в питомнике Валла-Марангской войсковой лечебницы, когда к вам привезли сотника Мунгурадангу. За два года — шестой приступ печеночной колики, четкий дефанс в правом подреберье, начинающаяся лихорадка. На протяжении восьми лет своей болезни бедняга выпил не одну бочку Нурачарских минеральных вод — полезное воздействие ничтожно. Можно было бы открыть пузырь, извлечь оттуда камни, дать отток желчи. Но упрямец Мунгураданга заявил профессору на утреннем обходе: «Сил больше нет. Если резать — так чтобы наверняка уж, насовсем. Придумайте что-нибудь!».

Два дня консервативных мер успеха не принесли. И мастер твой Дангенбуанг решился.

В три часа дня он закрылся в своем кабинете с двумя старшими вашими коллегами, Буккарангой и Дарамангари. Еще через полтора часа в вашей ординаторской (ее называли «младшей») раздался стук. Наставник всегда стучал, прежде чем открыть двери, куда бы он ни заходил. И мягким движением ладони всякий раз просил тех, кого заставлял сидящими, не вставать при его появлении: то же относилось и к учащимся, и к коллегам.

Остановившись на пороге, он заговорил — спокойно, даже скучно, словно речь шла о чем-то совсем обыденном:

— Завтра я беру Мунгурадангу. Ждать более нельзя. Будем убирать пузырь. Мне нужны двое ассистентов. Сотник Дарамангари моим решением не сможет участвовать в сем опыте. Мы работаем с вами уже около года. Я мог бы приказать вам, господа, но не считаю, что вправе это делать. И потому лишь спрошу: кто из вас готов оказать мне честь своею помощью в предполагаемом оперативном пособии?

Он всегда изъяснялся так. Когда за всеми учтивостями до вас дошел смысл сказанного, вы трое вскочили с кресел. Ты с Билиронгом почти одновременно, Тадарунга — мгновение спустя. Дангенбуанг, против обыкновения, не улыбнулся, видя вашу горячность.

— Не спешите, господа. Взвесьте все. В случае провала меня ждет отставка. И я едва ли смогу оградить непосредственного участника операции от грядущих за сим неприятностей. Они же могут перечеркнуть не только военное, но и лекарское ваше будущее. И даже в случае успеха я также не могу чего-либо обещать.

Вы поняли, что он имел в виду. Если Дангенбуанг вынужден будет уйти, то Лечебницу возглавит его подчиненный. Не старенький Буккаранга, а сорокалетний Дарамангари, ибо сорок лет — самый расцвет для хирурга. Профессор позаботился о чистоте послужного списка своего преемника. И именно этому обстоятельству вы обязаны неожиданной удачей.

Твой наставник продолжал:

— Я не стану выбирать. Если вы согласны, то сами решите, кто «моется» завтра вместе со мной. Если желающих не отыщется — сообщите мне об этом не позднее сегодняшнего вечера. Я буду у себя.

И тихонько прикрыл за собою дверь.

Ты был ошарашен. Не сыщется желающих? Такое казалось невероятным. Сам-то ты готов был пойти на что угодно, лишь бы не упустить эту возможность. Первым нарушил молчание Тадарунга:

— Я работал с профессором еще до вас двоих. По совести говоря, это мое право: быть завтра третьим.

Он подошел к окну и забарабанил пальцами по стеклу. Ты едва сдержался, чтобы не сказать: «Если бы Дангенбуанг сам рассуждал именно так, то уж верно, первым переговорил бы с тобой».

Спорить, однако, не пришлось. Ваш товарищ повернулся и принялся стягивать с себя лекарский балахон.

— Мне еще с утра нездоровится.

Звучало почти убедительно.

— Ломота, озноб... Боюсь, завтра работник из меня никакой. А «деда» я подводить не хочу. Так что, парни, разбирайтесь между собой.

Он ушел. И ты был благодарен ему даже за предательство, хотя и никогда не простил этого после.

Вы с Билиронгом поняли друг друга с полувзгляда.

— Нынче вечером? — спросил он, от волнения просыпая табак.

Ты кивнул.

— Через три часа. За Белым Мостом.

— По полудюжине выстрелов у каждого, — добавил ты.

— Без свидетелей, — подвел он итог.

Те шариковые самострелы до сих пор всюду с тобою, где бы ты ни служил. Обычно Билиронг стрелял лучше. В тот вечер он «смазал» всего однажды, ты — ни разу... Утром, увидев тебя, самого младшего, повязывавшего волосы операционной косынкой, профессор Дангенбуанг не удивился. Только кивнул, словно и не ждал никого другого.

10.02 — Больной на столе.

10.15 — Операционное поле обработано, можно начинать. Но Дангенбуанг почему-то медлит.

10.28 — Чревосечение.

10.40 — Великий Бенг! Что у него с анатомией? Инфильтрат: ни протока, ни сосудов!

11.03 — С обезьянами было легче. Ты и не представлял, что ложе будет так кровить. Сестра не успевает менять салфетки.

11.20 — Профессор уверен, что это — пузырьный проток. Вы с Буккарангой сомневаетесь.

11.25 — На разрезе желчь. Господи, лишь бы не холедох!

11.35 — Никто не может надеяться, что такого не случится! Почему зажим слетел именно с артерии, когда ее уже рассекли? И каким чудом ты умудрился поймать ее в этом месиве? Сестра тампоном вытирает пот со лба Буккаранги. Слава Богу, крови больше нет!

11.42 — Вот оно! Первый на Столпе Земном желчный пузырь, удаленный у живого человека, падает в салфетку. Рассматривать его сейчас времени нет, надобно ушить ложе...

12.05 — Отрастить бы еще одну руку: кишки лезут отчаянно!

12.20 — Сухо? Не может быть: действительно сухо!

12.35 — В эту подкожную клетчатку поместится целая ладонь. Посторонние мысли о вреде телесной полноты — ты отвлекаешься?

12.44 — Швы на кожу. Спирт. Повязка. Неужели?

В тот день никто из вас не ушел из клиники. Дангенбуанг заходил в палату к Мунгураданге каждые два часа. Ты — раза в четыре чаще.

Около полуночи, проходя по коридору мимо профессорского кабинета, ты услышал за дверью короткие всхлипы. Наверное, никто еще, кроме Бога, не мог сказать, чем завершится ваше деяние. Но мастер Дангенбуанг, глава Валла-Марангской войсковой лечебницы, плакал. Он понял, что победил.

Билиронг всегда говорил: «Если печаль терзает сердце — не пей ничего цветного. Только белому зелью под силу совладать с черной мерзостью в душе». Выпущенный тобою вчера Змей-Пьянчужка не умолкает. Сидя на полке рядом с бутылкой, он качает головою и ухмыляется:

— Ты становишься чувствительным, высокородный Лингарраи? Сам чуть не плачешь? Или это единственный случай из твоей жизни, достойный доброй памяти? Нет? Было и что-то еще? Давно, давно... Более не предвидится? Оо... Но тогда отчего бы тебе не оставить службу, да не приняться за книгу воспоминаний?

Можешь ответить ему, что не бросишь практику, а писательство — дело людей вроде мастера Ниаррана. От тебя же требуется всего лишь более или менее доступно пояснить то, что ты имел глупость наговорить вчера.

— Растолкуй сначала мне. То есть себе.

Это вернулся твой Крапчатый. С его появлением другие Змеи, начавшие со вчерашней ночи мерещиться тебе, разбегутся. Весьма кстати и с их, и с его стороны.

Зелено-желтая чешуя блестит. Должно быть, сырость последних нескольких дней обернулась наконец-то чистым, холодным дождем. Выйти бы на улицу... Но — не раньше, чем ты справишься с этими заметками.

Пьянчужка, перед тем как исчезнуть, бросает напоследок:

— Пиши, пиши. Ты почти добрался до самого животрепещущего. Про то...

Про то, как хирург решается на операцию, которую до сих пор числили невозможной. Известные рассказы о врачах, успешно сделавших нечто якобы недопустимое, ибо речь шла о жизни их родственников, друзей. Вы эти примеры отклонили: неписанный обычай таков, что близких своих оперировать нельзя, если только есть, кому передоверить. Должно быть отношение к больному только как к больному, прочие соображения и чувства мешают...

Твой Бенг молчит.

Ты знаешь: сейчас твой сын был бы похож на вас двоих. Четырнадцатилетний подросток, наполовину Змей, наполовину человек.

«Ты должен видеть», сказали тебе. Ты был рядом, когда он начал меняться. Не в детском отделении больницы, а в зале святилища возле Южного храма в бывшем Царском городе. В семейной молельне дома Чангаданг.

По словам лекарей, дежуривших в храме, происходит это с ребенком уже не в первый раз. В третий — за два дня, прожитых им вне утробы. О том, что было раньше, ничего не известно, ибо мать не наблюдалась врачами и чародеями.

Младенческое тело изгибается дугой. Хребет удлиняется, отростки позвонков заостряясь, выступают гребнями из-под кожи. Римбианги обеих ветвей Палаты объясняют тебе: изменения,

начавшиеся со скелета, в возрасте нескольких суток от роду необратимы. Как долго они продлятся, неизвестно, но исход один: смерть. В ближайшие несколько часов. Или дней. О месяцах и годах речи нет.

Ты уже знал, ожидал этого. Тебе оставалась не молитва — но последнее средство, какое смог отыскать твой рассудок. Чувства молчали. Сердце, оглушенное отчаянием, было не помощник тебе.

Сейчас. Вот именно сейчас, пока волна изменений не прокатилась еще по всему позвоночнику. Пока острый зубец оси не вонзился в мягкую ткань мозга. Пока не развернулись между крохотными пальцами золотистые перепонки, а детский крик не сменился змеиным стоном, — сейчас, пока еще возможно.

Остановить изменения на уровне поясницы. Нащупать участок неизмененного скелета. Детские кости хрупки. Несколько точных движений, лезвие ланцета коснется спинного мозга... Главное — в пределах здоровой ткани. И тогда...

Вероятность того, что дитя умрет, велика. Но, возможно... Возможно, ты успеешь. Мальчик останется жить. Не жить — существовать парализованным уродом-калекой. Не Змей и не человек.

Ланцет был при тебе. Ты знаешь, что мог бы успеть.

Мог — и не решился. Испугался своими руками убить не ребенка, не сына — Бога. Хотя он и так был обречен. В той твоей нерешительности и состояла причина, по которой ты не спросил позже со всею строгостью с тех, с кого следовало бы спрашивать ответа. С тестя и шурина, легкомыслием своим допустившим такое. С жены, отказавшейся от надобных мер поддержки дитяти в его утробную пору. Или маленький Бог, глубже, чем ты, успевший постичь Закон Любви, удержал тебя от бессмысленной мести?

Тогда Змей впервые заговорил с тобой.

Ирианги оплакали и похоронили Великого Бенга, погибшего вместе с этим младенцем Чангадангом. Ты остался сидеть в старом храме. Должно быть, место казалось тебе наилучшим для размышлений о смерти Бога. Единого Бога, умершего в смерти смертной твари — но не воскресшего, как ни громко о том голосили его служители. Плач и шум затихли, родня из дома Господней Меры сочла за благо оставить тебя одного. Последним ушел твой отец.

Минуло еще какое-то время. И потом ты услышал. Не голос, не звук, а мысль: «Человече, я здесь».

Ты не поверил. А он и не нуждался в твоей вере. Взобрался к тебе на плечи, хвостом захлестнул тебе шею. Не слишком крепко, только так, чтобы не скатиться, если вдруг ты когда-нибудь выпрямишься. И думал он о самом простом:

— Хочу спать. А потом вымыться. Лучше морской водой, соленой. И поесть. Потом решу, чего я хочу еще.

Он сделался твоим самым частым и честным собеседником. Сначала был мал, не длиннее твоей вытянутой руки. Говорил, будто это у него от людского небрежения, а на самом деле он больше. В нынешнем возрасте стал подобен самым крупным из младших своих собратьев по змеиной семье: взрослому туарнанскому ящеру или

крокодилу. Только у них нет такой длинной шеи и гривы. И чешуи с золотыми крапинками.

Он юн, ему лишь две тысячи лет. Будет еще расти и расти.

— Я всегда был с тобою, Человек. Просто прежде ты во мне не так нуждался. И не надо меня сравнивать с гадами. Это они мне подобны, а не я им!

Коснемся Вашего вопроса относительно общности и различий в подготовке лекарей медицинскими школами Аранды и Мэйана. Предпочитаю здесь придерживаться мнения, что известные (по крайней мере, мне) обычаи следует соблюдать и в дальнейшем. В бывшем Царстве, в частности, невозможно было сделаться тому-римбиангом, имея к тому лишь собственное желание. Строгий и беспристрастный отбор представителей Палаты Наук и Чар в первую очередь определял, обладает ли ребенок качествами, необходимыми для данной службы. Если да, то далее дело наставников — развить и усилить оные задатки. Этому начинали уделять внимание еще в детстве. Если же нет — тратить на ученье силы, время и средства противно благоразумию. Насколько мне известно, школа лекарского обучения в Мэйане являлась более свободной — разумеется, если речь не велась о семибожном жреческом служении. То же, что мы видим сейчас, когда врачом может сделаться любой пожелавший и способный оплатить свое обучение, едва ли служит к пользе дела врачевания.

Вам довольно точно удалось подметить основные отличия в подходе к лекарской деятельности в Аранде и Объединенном Королевстве прошлых веков. Да, сосредоточение воли у арандийца — и полное подавление собственных мыслей с целью добиться беспрепятственного проведения высшей божественной мудрости у мэйанина. Безусловно, эти предпосылки сохраняются и по сей день. С несколько иным положением мы сталкиваемся, обращаясь к началам чаморрской медицины. «Поэзия есть искусство слова, врачевание — искусство действия», — писал более двадцати веков назад тому-римбианг Велингмуантанинга. В Чаморре же медицина — это прежде всего искусство разума. Вместо наития — точный расчет, вместо уместного и необходимого сомнения — уверенность в непреложности данных научного исследования. Не возьмусь судить, какой из подходов лучше. Успехи северной школы в области терапии критических состояний, внедрение в практику лучевых приборов, ряда обеззараживающих средств и многое другое — всё это говорит само за себя.

Здесь же коснусь затронутого Вами вопроса: действительно ли в западных областях некоторые операции на кишечнике отрабатывались на невольниках? Обычно об этом не принято говорить. Замечу сразу: я не располагаю верными сведениями на этот счет. Но склонен думать, что осведомленный Ваш коллега к истине близок. И речь тут идет не только и не столько об операциях на кишечнике — многие другие технические разработки оперативных вмешательств получены подобным путем. Ужасно, безнравственно, скажете вы? Соглашусь: преступно. И в первую очередь потому, что здесь

нарушается основной запрет врачевания, тот, которого, в отличие от прочих, преступать нельзя: действия лекаря не должны быть во вред недужному. Жизнь разумного создания равно ценна как для Бога, так и для врача. И смерть невольника или государственного чиновника — одинаковое горе. Было бы весьма приятно представлять себя и своих коллег в этаким сиянии непогрешимой жертвенности. Однако вина за достижения, полученные подобными способами (по глубокому убеждению моему, отнюдь не единственно возможными), лежит на всех нас. Вы желаете писать об этом? В таком случае, попробуйте обойтись собственными изысканиями. Не считаю себя вправе далее рассуждать об этом.

Зачем же тогда ты это пишешь? Мастер Ниарран достаточно прозорлив. Что проку прятать за высоким слогом собственное чувство вины? Нельзя, невозможно лекарю отгородиться от того, что сотворено его коллегами. Ответственность лежит на всех нас. И если завтра господин Мумлачи в свойственной ему запальчивости снова пересечет холедох — не смей говорить, будто ты ни при чем. Выигрывает или проигрывает в медицине только недужный. Больной, обратившийся к лекарю, то есть к тебе.

Вы также спрашиваете: где у человека находится душа? Почему-то именно этот вопрос чаще всего задают хирургам те, кто не связан с врачеванием. Независимо от образованности и исповедания... А где, по-Вашему, находится ум? Вместителище для таких чувств, как дружба, любовь, сострадание, ненависть, гнев? Неужто вы полагаете, что у всего этого действительно имеется телесный носитель?

То, что составляет целостность человека, живой разумной твари. Лекарь, хирург, лучше многих своих сограждан представляет, как устроен организм — та самая «машина», исправная или разлаженная. Но о создании мыслящем и чувствующем, о Божьем творении — уверяю вас, мастер Ниарран, мы знаем не более, чем другие. И не потому ли правило «Лечи недужного, а не недуг» так сложно к исполнению?

Почему мы заговорили о красоте? В чем задача лекаря: сохранить первозданную красоту живой твари? Облегчить страдание? Продлить жизнь? Всё так. Бывают, однако, случаи, когда требования эти вступают в противоречие одно с другим. К тому и относился мой пример. Хирург, отнимая ногу в лекарской палатке молодому красивому парню, знает, что конечность эту возможно было бы сохранить — если вовремя доставить раненого в тыловую лечебницу, лучше оснащенную, располагающую большим числом рабочих рук. Или же — как заманчиво! — попытаться излечить рану самому. Поверьте опыту не одного поколения войсковых лекарей: если поддастся сему соблазну, подопечный наш в восьми случаях из десяти погибнет. Либо длительная и трудоемкая операция приведет к смерти десятка других раненых, ожидающих своей очереди. Искалечить, чтобы сохранить жизнь. Не каждый недужный после простит подобное обращение со своим телом. Случается ли нечто подобное в мирной жизни? Хотелось бы мне сказать: «Намного реже». Но — увы! И это,

знаете ли, еще хуже. Но если на месте боевых действий подход наш оправдан самими боевыми условиями, то чем объяснить такое в просвещенное и мирное время? Беда всего нашего общества. Вы спрашивали, в чем разница между Первой и Четвертой городскими лечебницами Ларбара. Первая — показательная, единственная в своем роде, и всё же она такова, какими должны быть все наши больницы. Четвертая — такова, каких большинство в Объединенном Королевстве. Или больной, не способный оплатить дорогие услуги по оказанию лекарской помощи, не имеет равного права на здоровье, жизнь, возможность продолжить род? Вопиющие по своей запущенности случаи являются следствием не только недомыслия наших больных, но и зачастую — дороговизной лекарской помощи.

Нет, врачевать недуги общества не под силу ни одному лекарю, ни Ученой гильдии. Это — равная задача для всех. Самонадеянности моей едва ли хватит на то, чтобы заявлять, будто я достоверно знаю, как исцелить Объединение. Тем более что и без меня довольно сыщется охотников порассуждать на сей счет.

Принуждать больного к лечению по-настоящему нужным не считаю. Некоторый опыт показывает, что на разумную тварь убеждение и разъяснение действуют куда лучше насилия. Сложнее найти верный для каждого недужного довод, но это — также умение врачевателя. (Вынужден, однако, признать, что по ту сторону Торгового моря к указаниям лекаря прислушиваются чаще и охотнее. То же относится и к родственникам больного.)

Ты знаешь, лучше многих знаешь, чем заканчиваются глупость и безответственность близких. И потому научился быть жестким. Что пользы теперь желать, чтобы слова, произнесенные тобою однажды, не прозвучали? Крапчатый Бенг по сей день убежден, что ты не имел права их говорить. Но ответит ли тебе Змей на вопрос: имел ли ты право не сказать этих слов?

Слов, которым всё равно не под силу было вернуть убитого вами Бога.

Тэари теперь стала другой. И старший твой сын, должно быть, вырос не таким, как вам представлялось когда-то. Ты не видел парня несколько лет, ты даже не пытаешься встретиться с ним. Он — внук своего деда, сын своей матери. Быть может, ему не раз и не два пришлось уже почуять горечь от сознания, что он — живой — так и не стал Богом для родителя.

Почему? Потому что жив? А разве это вина?

Но пусть он хотя бы никогда не увидит, не узнает на опыте, как ты сравниваешь его с младшим твоим сыном. Ведь ты сравниваешь, не так ли?

Ведение лекарских записей — дело, разумеется, необходимое. Вопрос этот едва ли вызовет какие-либо споры. Ясность мыслей лекаря должна находить свое четкое отображение на бумаге. Да, изучать недужного по чужим записям — неразумно. Но с другой стороны, если записи в тетради недужного непонятны, не складываются в четкую картину, вывод напрашивается один: те, кто их вел, не

разобрались в ведомом ими случае, проявили недобросовестность именно в своей тактике. Я, однако, придерживаюсь мнения, что знакомиться с описанием предыдущих исследований следует лишь после непосредственного личного осмотра больного.

Ты не ведешь дневников уже четырнадцать с лишним лет — не считая клинических наблюдений. Мысль, выраженная на бумаге, приобретает некие вполне определенные очертания. Прочесть — значит пережить заново. Спрашивается: хочешь ли ты пережить снова твои последние годы? Ответ очевиден.

Нужен ли во врачебательском деле человек, занятый исключительно вопросами обустройства и управления? Так сказать, чиновник, обладающий всей полнотой врачебных познаний. Кажется, ни в одной из областей деятельности не отказываются от хорошего, толкового руководства. Медицина не исключение. Беда лишь в том, что дарования врача и управляющего нечасто сочетаются в одной личности. Что-нибудь неизбежно страдает. Чему в таком случае отдать предпочтение? Воистину, достоин уважения лишь тот, кто должным образом выполняет вверенное ему дело. К чему же тащить на себе то, что не по силам? Куда больше порядка было бы, решишь мы освободить медицинских чиновников от лекарской практики. Как известно, хорошему полководцу совсем не обязательно быть превосходящим воином — при том условии, что он найдет в себе силы смирить тщеславие и не станет братья за оружие сам. Иногда остается лишь удивляться, почему во врачевании дела обстоят иначе.

И ведь ты знаешь, к чему этот вопрос. Глава лечебницы не может не оперировать. Если бы сложность заключалась именно и только в этом, господину Мумлачи можно было бы лишь посочувствовать. Но беда в другом. Исполин хочет оперировать, хочет и рвется. Хватило бы ему ума свести оперативную деятельность к наименьшему допустимому порядкам, принятыми в Ученой гильдии, — ты бы постарался ему помочь.

Вопрос, по сей день остающийся для тебя неразрешенным: верит ли Яборро Мумлачи в свою исключительность? Почему-то думается, что нет. Не может же он быть настолько самонадеян! При всем своем желании красоваться профессор не глуп, далеко не глуп. Есть области, в которых он не знает себе равных. Если бы он довольствовался лишь этим, ты бы смог уважать его? Наверное.

Далее. Ваш вопрос о подручных, мастер Ниарран, мне непонятен. Газетчик пишет статью, ее вычитывает справщик, она попадает в набор. Чей труд менее существен на ваш взгляд? Поймите: в медицине нет и не может быть занятий второстепенных. В ходе лечения участие, как Вы выражаетесь, подручных, должно быть не менее полным, чем, скажем, оперирующего хирурга. И мне приходилось видеть весьма серьезные осложнения вплоть до смертельных исходов после безукоризненно выполненных оперативных пособий лишь вследствие недобросовестного ухода и невнимания в послеоперационную пору. Или у вас сложилось впечатление, что

врачевание допускает небрежность в подходе к чему-то? Мнение это превратно. Полагаю, медицина всегда будет оставаться той отраслью деятельности, где труд живого разумного существа невозможно заменить машиной, как нельзя проделать подобного в живописи, музыке, словесности.

Пожалуй, острее всего на твоей памяти хирургию как творчество воспринимал Билиронг. Ты помнишь, как, ухаживая за мастершей Нарангани, операционной сестрой, он каждое оперативное вмешательство начинал словами: «Эту операцию, золотая моя, я посвящаю вам». Пока однажды, вымолвив это, не сообразил, что речь идет о колостоме. Впрочем, Нарангани не обиделась — ни на его слова, ни на твою усмешку. На Билиронга вообще обижались редко...

Выше я указывал уже на некоторые отличия в подготовке лекарей в Аранде. В частности, и мое обучение еще с начальной школы имело лекарскую направленность. Включало ли оно в себя творческие предметы? Забавный вопрос. Тем не менее — да, в том числе словесность и рисование. Надеюсь, однако, что вы не станете настаивать на изложении всего вышесказанного в стихах...

Самого тебя больше увлекала резьба по дереву. Отец, должно быть, до сих пор хранит дома резные ларчики, свистки и трубки, сделанные тобой. Ты навсегда оставил это занятие, вырезав Змея, ставшего двести восемнадцатым по счету.

«Смерть — не причина, чтобы бросать свое дело, — сказал тебе тогда мастер Дангенбуанг, — Даже смерть Бога». Ты согласился. А набор для резьбы канул на дно моря возле маррангского побережья.

В заключение Вы просите напутствия для будущих моих коллег. Что ж, извольте. Предостережения ваши, мастер, излишни: я не стану страшить юных лекарей ожидающими их напастями, хотя таковые будут несомненно. Да, им еще предстоят бессонные ночи, тягостные раздумья, страх и еще более мучительное осознание своих ошибок, которые, разумеется, случатся. Им доведется ощутить свое бессилие перед недугом, не раз и не два покрыться холодным потом у стола операционной, разуверится в чем-то, похоронить многие школярские мечты, так как хирургия начинается там, где заканчивается благодущие. Не бойтесь этого, сказал бы я им. Дело, которое вы выбрали, принесет вам счастье, ибо оно прекрасно. Вершите же его хорошо.

Ты морщишься от написанного? Ты солгал? Ничуть. Многие твои коллеги готовы по дюжине раз на дню твердить о том, какую они совершили ошибку, избрав своей службой врачевание. Будь к тому возможность, начни они сначала, — уж ни за что бы, никогда... Это-то и есть ложь. Будь так, на Столпе Земном рано или поздно не осталось бы лекарей. Ты знаешь: служба, работа твоя и есть то единственное, что ты никогда, ни за что не желал бы изменить.

— Единственное? То есть ты уже не жалеешь о том, что было вчера?

— Вчера? Ты прав, Змей. Нам не следовало проделывать этого с мастером Ниарраном. Он выполнял свою работу. Наши советы насчет его семейного положения были глупы и неуместны.

Бенг смотрит на тебя с высоты двух тысяч своих лет — как на безнадежного дурака.

— Ты выгнал ее. Одну, ночью. Не предложил пройти в комнату. Не проводил до дому.

И совсем тихо шепчет:

— Она не придет больше. Ты хоть понимаешь, что Она Больше Не Придет?

Тебе это ясно не хуже, чем Змею. Ты понял еще вчера. Потому и открыл вторую бутылку.

— Крапчатый! Неужели мне нужен кто-то, кроме тебя?

Он не ответит. Он еще долго с тобой не заговорит. Такой уж обидчивый достался тебе Бог. Впрочем, вы оба знаете, что рано или поздно помиритесь.

Вы не можете друг без друга. Змей и человек. Маленький и мудрый потомок Мемембенга — и глупый, заносчивый боярич Чангаданг, тому-римбианг давно упраздненного второго ранга...

Общность лекарской судьбы

Общность лекарской судьбы — у тебя и твоей ученицы.

Речь не о том, что за полгода ты отвык думать о своей службе отдельно от Тагайчи. Ничего удивительного. Толковый человек рядом — кто же от такого откажется? Даже если всё это не надолго. Зачем заранее предвкушать возврат к худшему, если можно с пользой потратить время, вам с нею отпущенное?

Ты не настолько склонен поддаваться мечтам, чтобы вообразить сейчас: до чего славно вышло бы, останься такой коллега с тобою навсегда... Хотя бы еще на несколько лет... Впрочем, и сие, рассуждая здраво, не невозможно. Ибо чем лучшими способностями обладает человек, тем важнее дать ему наиболее основательную подготовку. Лабирранская ученая гильдия должна это понять. Ты напишешь им, постарайся объяснить, тебе поверят. Если нет — то подобных руководителей не жаль будет и лишить ожидаемого ими молодого лекаря. А в Ларбаре, в Четвертой лечебнице, врач-хирург нужен, давно уже нужен...

Главное — чтобы сама Тагайчи не поспешила покончить с вашими совместными трудами. Но тут ты веришь: твои доводы будут поняты и приняты. Если только ты сам не испортишь дела. А ты, благодарение Богу, во многом знаешь уже, как этого не допустить. В остальном же — нет таких житейских обстоятельств, с коими невозможно было бы совместными усилиями справиться, чтобы работе они не мешали, а помогали.

Но дело даже не в этом, а в другом. Можно долго толковать о разнице происхождения. О несходстве привычек, повадок, положения в жизни. Всё сие очевидно, и едва ли тебе теперь так уж необходимо слышать, как тебе укажут на это. Ты же и не заводишь с Тагайчи речей о своей особе, о доме, о Кэраэнге. В твоём поведении и без того достаточно от знатного арандийца. Но разве ты весь сводишься к этому?

— Ну, конечно, нет. Будь так, я бы с тобою давно уже извелся с тоски.

— Что скажешь о рыбе, Змеище?

— Ты ешь, Человек. И пей. Пей и думай. Благое размышление ценнее всего.

— Поучения Каратры, если не ошибаюсь?

— Ой! Кажется, да...

— Четыре-два!

Сегодня твой день рожденья. Впервые за много лет вы с Бенгом устроили себе по этому случаю праздничный ужин. В спальне, на постели, с закусками и сладостями из трактира «Приют ученого».

На подносе перед вами в основном восточные кушанья, возможные к приготовлению в здешних краях. «Морские сокровища» в белом уксусе, квашеные груши, толоконные колобки, обернутые в бумагу из зеленой водоросли: половина начинена щупальцами осьминога, другая — полосатыми креветками. Ко всему этому — зелье отличной выгонки из Лалаби. Поистине царская пирушка. Но посредине красуется нечто, никак не подходящее к подобному окружению: треска, запеченная в сосновых иглах. Некоторое время назад в Первой лечебнице мастер Лидалаи обсуждал с коллегами этот способ готовки, и Крапчатому захотелось попробовать. Ты и не подозревал у него любопытства к кухне Запада...

Без твоего посредства Змей не может отведать вкус еды и напитка. Мера Божьего самоограничения, принятого им ради уступки твоей смертной природе.

— Вот любопытно. В Аранде есть река Лалаби, в устье которой города Гаррун и Лалаби. А здесь, в Приморье — просто Лаби, на ней стоит город Лабирран.

— Не знаю, чем объяснить сие совпадение. Разве что имя здешней речке дано было в глубочайшей древности выходцами из деражавы Араамби. Они же и наши дальние пращурь.

— Наши пращурь не ящеры, наши пращурь мартышки.

— Что-что?

— К вопросу о происхождении видов живых существ.

Дожили! Крапчатый Бенг проникся выводами новейшей науки.

— А почему бы и нет? Опровергнуть творение мира Богом она не может: ровно так же, как и доказать...

— В таком случае, четыре-три.

За трапезой вы играете в игру, выдуманную Змеем для отучения тебя от дурной привычки: ссылаться без нужды на книги мудрецов и прочие старинные источники. Ибо учитель есть нечто другое, нежели сборник расхожих изречений. Тем более что Тагайчи этих

заморских книг не читала. Так что здесь нет радости узнавания зна-
комых сочетаний слов — той, ради которой имеет смысл изъясняться
цитатами. Значит, и тебе не годится прятаться за чужие речи, лиш-
ний раз указывать собеседнице на свою ученость.

Ты обещал воздерживаться. Получается с трудом. Правда, и у
самого Крапчатого тоже. Ты раз-другой поймал его на цитатах, и он
предложил подсчитывать, кто за день чаще собьется. Проигравший
исполняет какое-нибудь желание победителя. Исключение сделано
только для великих врачей прошлых веков: о них Тагайчи и
сама иногда спрашивает, а потому на их слова ссылаться можно.

Сегодня у тебя уже четыре очка убытка. Сейчас, в легком
хмелю, Бенг что-то слишком быстро теряет набранное преимущество.

— Такие стишки не считаются! Это же не древняя мудрость.

— Кстати, откуда ты их взял?

— В Политехническом прочел, на плакате.

— Где?

— В музее. А что? Я там часто бываю, пока ты занят.

— Но зачем?

— Мне там некоторые махины нравятся. Водный велосипед,
звукописный прибор... И еще кино. Там установка есть, ее по празд-
никам включают. Я однажды смотрел: как раз про мартышек.

— «Успехи современного естествознания»?

— Нет. То была картина из истории. «Царь Вингарский и Ца-
рица Обезьян».

— Будь по-твоему. А как насчет невозможности разумного до-
казательства создания либо не-создания мира Богом? Это из трактатов
мастера Вайантани. И у Париги-Старшего нечто подобное было...

— Так они когда жили? Один двести лет назад, другой еще
раньше! Они не про нынешнюю науку рассуждали, а про богословие.

— И что с того? Цитата есть цитата.

— Я не ее имел в виду.

— Благие намерения — не оправдание.

— А это, по-твоему, не цитата?

— Откуда?

— Из дневника Царского брата Каруибенга. Благие намеренья
не оправданье тому, кто на деле допустит просчет: пускай ты задумал
прекрасное зданье — перила в нем шатки, а крыша течет...

— И ты, конечно, помнишь, в которой из Палат служил сей муж?

— В Ученой... Тьфу, он же был лекарь!

— Вот именно. Тому-римбианг первого ранга. Не засчитывается.

— А это не его стихи! Он приводит выдержку из письма своего
приятеля, а тот был из Земельной палаты!

— Ну, хорошо. Будем считать, что разменялись. Вернемся к
прежним цифрам. Только не говори мне, что и это тоже цитата, из
учебника математики. Хотя, помнится, в исчислении непрерывных
что-то подобное звучало...

Бенг смеется. Давненько не видал он тебя в столь далеком от
суровости настроении.

Ты тоже не всегда предсказуем. Ибо полностью единообразное поведение исходило бы из уверенности в том, что мир вокруг также неизменен. Будто бы он тебе предлагает конечный и уже известный набор условий для действия. А это не так. Значит, и ты не можешь вести себя соразмерно обстоятельствам — и при этом оставаться вечно одинаковым. Чтобы быть равным себе, надобно всякий раз бывать чуточку больше себя...

— Госпожа Инари?

— Из речей ирианга Джангатэнауи, обращенных к ее свекрови. Сей почтенный музыкант склонен был к парадоксам.

— Пять-два!

Мир бывает разным, и вовсе не всегда это его разнообразие неприятно.

Например, вчера. Трое в операционной: ты, Ягондарра и барышня Ягукко. Толстокишечная непроходимость — один из наиболее нелюбимых тобою недугов, требующих хирургического вмешательства. И не потому, что операция эта как-то особенно сложна и трудоемка. Просто слишком часто при чревосечении выясняется, что процесс зашел уже слишком далеко. Опухоль, выросшая изначально в просвете кишки и перекрывшая его, уже дала отдаленные поражения — в печень, в лимфатические узлы. А значит, всё, что тебе остается, — лишь полумеры. Работа, может быть, занимательная для хирурга, но не дающая удовлетворения лекарю.

На этот раз было иначе. Сухопарый, но еще крепкий старичок жаловался на отсутствие стула и схваткообразные боли в течение пяти дней. Живот асимметричен и вздут. При исследовании на лучевой бочке — уровни жидкости в правых отделах брюшной полости, раздутые кишечные петли. Диагноз сомнений не вызывал. Опухоль действительно располагалась в толстой кишке, в селезеночном углу. Однако кишка растянута весьма умеренно, печень чистая, лимфатические узлы мягкие, не увеличены. Поистине, редкостная удача! Левосторонняя гемиколэктомия — вмешательство радикальное, могущее привести не только к разрешению непроходимости, но и избавить больного от опухоли. Хотя, безусловно, операция обширная, как правило, занимающая два с половиной — три часа.

Ты принимаешься выделять кишку, ассистенты — Ингаибенг и Тагайчи — споро включаются в работу. По ходу операции никаких задержек и помех. Сестра опытная: следя за ходом операции, вкладывает в протягиваемую тобой руку именно то, что требуется в данное мгновение. На всё, от начала разреза до ушивания раны, ушло час сорок минут. А ведь ты не желал уподобляться участникам парусных гонок. Скорее, наслаждался работой...

Крапчатый привык: от тебя не дождешься приятных мыслей, в обычном понимании подходящих для застолья. То ли дело — гемиколэктомия! У каждого свои радости. Простительно. Если бы не эта вчерашняя операция, ты, пожалуй, и не поддался бы на уговоры отметить день рожденья. Сам по себе твой возраст — давно уже не

повод для радужных надежд, но еще и не причина гордиться долголетием...

— Дни рождения приятны в юности или в старости, но не в зрелые года. Царевна Нингри, редкостно вздорная девица. Шесть-два, к твоему сведению.

— Это ты сказал. Я намеревался ограничиться косвенной отсылкой. Пять-три.

— Так нечестно!

— Ты рассчитывал, что при трех очках в твою пользу я не стану тебя поддавливать?

— Я надеялся, что уж раз ты запасся на сегодня угощениями и лалабинской водкой, то хотя бы не станешь ныть. Ибо никак иначе я назвать это не могу: откровенное нытьё. Слишком стар для молодого, слишком юн для старика... Можешь царевича Лимбаури мне зачислить за четвертое очко — только, пожалуйста, не заводи эту мерзость снова!

— Не буду.

— Ты начал говорить об общей судьбе. Что ты под этим понимаешь?

По сути, всего лишь совпадения. Но не зря же говорят, что врачи — одни из самых суеверных людей на свете. Вот и ты чем дальше, тем больше склонен верить приметам.

Первая полостная операция. Для тебя, как и для большинства, это было воспаление отростка. За всю жизнь ты сделал их около полутора тысяч. В памяти остались самые сложные случаи — и тот, бывший больше восемнадцати лет назад.

Рыжеватый парнишка первого года призыва, из семьи мэйанских моряков, осевших в Кэраэнге после Чаморрской войны и тогда же пожалованных во дворянство. Не совсем обычная картина: боли, отдающие в поясницу. Но то, что живот надо «открывать», сомнений не вызывало.

Недаром говорят, что у рыжих всё не так, как у прочих людей. Необычность того случая выяснилась уже на операции: отросток уходил за слепую кишку и далее за брюшину. Ты провозился не менее четверти часа, прежде чем понял, что не сможешь вывести его в рану. Мастер Дангенбуанг спокойно ожидал твоего решения.

— Ретроперитонеальное расположение, — вымолвил ты наконец.

— Да. Отнюдь не самый простой отросток. Желаете продолжить сами, коллега?

Ты пожелал, хотя и сомневался в своих силах. Будь ты не столь упрямым, а наставник твой не столь выдержан, покажи он лишь на минуту, что не верит в твой успех, — и память о первой операции навсегда связалась бы для тебя с горечью отступления. Этого не произошло. В тот раз Дангенбуанг не дал тебе ни одной словесной подсказки. Но действия его при ассистенции служили лучшим указанием и поддержкой. Первая твоя аппендэктомия оказалась ретроградной, ты потратил на нее чуть более часа. А выйдя из операционной, поймал одобрительный взгляд медсестры и понял, что

гордишься собой до чрезвычайности. Это было даже важнее похвалы наставника и шуточного поздравления приятелей. Первый твой случай, более сложный, нежели у других, — значит, и победа более значима...

Нынешнее лето, Четвертая ларбарская. Тагайчи с осторожностью погружает тупфер в рану, пытаюсь вывихнуть отросток. Она не раз видела, как легко делаешь это ты, — но за все время, что вы работаете вместе, подобных спаек вам еще не попадалось. Ты слегка отводишь купол, мысленно сравнивши себя с безмозглою каракатицей: не предусмотрел.

Поступила худощавая молодая женщина. Ранее ничем не болела. Правда, рыжая... Случай обещал быть «школярским», и ты решил доверить дитяти первый отросток. Предугадать было едва ли возможно. Но сейчас ты виноват в том, как страшно Тагайчи.

Нижняя половина лица твоей ученицы скрыта под маской. Ты не можешь видеть, но представляешь: она слегка прикусывает нижнюю губу, принимая решение. Голос почти уверенный:

— Я не смогу его вывести. Надо делать ретроградно.

Для большинства ее слова звучали бы, как утверждение. Но тебе известно, что это вопрос. Вопрос, обращенный к тебе: «Я права?».

— Вы — оперирующий хирург, — отвечаешь ты.

В переводе с твоего языка на общепринятый сие звучало бы: «Верно! Молодец!».

Впрочем, дитя и так всё понимает. Отросток пережат, перевязан и отсечен, культя погружена. Теперь остается выделить его до верхушки и прошить брыжейку.

— Ловко вы, барышня Ягукко, справились, — замечает после мастера Лакочи, операционная сестра. — Мастеру Чангадангу понравилось!

Чему больше радуется Тагайчи: собственному успеху или одобрению наставника? И чем так доволен ты сам?

— Ты хочешь быть хорошим учителем. Таким, какого она заслуживает. И отчаянно боишься, что не сумеешь. Оттого тебе опять стало так важно мнение ближних.

— Если сам я не могу выговорить тех добрых слов, которые нужны, то пусть их хотя бы скажет тот, у кого это получается.

— Тем паче что со стороны сие слышать еще приятнее.

А кроме того — сходство обстоятельств. Никому не пожелаешь в первый раз столкнуться с подобными сложностями. Скверно, что ты заранее не продумал, как быть, что ты должен сказать и что предпринять как наставник, если этот тагайчин первый случай окажется слишком трудным для школярки. Но после, когда работа была сделана, и сделана правильно, — чувство было такое, что иначе стать и не могло.

И надобно ли поминать об особой невезучести рыжих, если всё объясняется гораздо проще? Это же твоя ученица. У черепахи дитя — черепаха. Или, если угодно: ты же наставник барышни Тагайчи,

а не чей-нибудь. Соразмерно Закону и совсем не удивительно, что учитель ей попался ровно с таким лекарским опытом, какой предстоит ей самой.

— Ты еще скажи, что уверовал в предопределение. Будто где-то у Бога заранее было решено, какова будет первая операция в судьбе у Гайчи, и с учетом этого ей уготован был подобающий мастер...

— Не замечал за тобою страсти записывать замыслы на будущее.

— Вот именно. Глупости всё это.

Змей укладывается поудобнее. Ему не составляет труда быть равным себе — и при том занимать всякий раз именно столько места, сколько ему захочется. Поднос с едою при его движении даже не покачнется.

— Счастье еще, что ты вслух при Тагайчи не помянул это суеверие насчет рыжих.

— Почему?

— Она, если ты забыл, и сама — рыжая...

— И что?

— Принялась бы думать, что не так в ее собственном теле. Или подозревать, будто ее присутствие приносит неудачу. Или еще что-нибудь подобное.

— Ты полагаешь, она от меня впервые услышала бы об этом поверье?

— Я не исключаю, что да. Здесь, в Мэйане, рыжих гораздо больше, чем в Аранде. И вряд ли их считают за каких-то неправильных людей.

— Тем более странно было бы ей вдруг уверовать в правоту восточного предрассудка. Да и словом этим по-мэйански называют самый широкий выбор оттенков: от соломенного до темно-каштанового. Молодой Мумлачи — «рыжий», и Харрунга из ОТБ тоже «рыжий».

— Но она-то и вправду рыжая!

— Если бы мы с тобой распознали у нее признаки недуга — разумеется, я тотчас же сообщил бы ей.

— Да она не знает про твои чудеса!

— Ты уверен, что еще не знает?

— Уверен. Иначе бы она уже тебя расспросила.

Ты не весь сводишься к Царскому родству. По причине, что у тебя есть еще Змей. «Наши с тобою чудеса, Крапчатый», — хотел ты поправить его только что. К счастью, удержался. Хотел бы ты думать о себе: такой же врач, как другие, быть может, чуть более опытный, ибо раньше начал учиться. Такой же человек, как и все, просто издерганный собственной вьедливостью. Усталый, что и естественно для мужчины на пятом десятке лет. Чуть сильнее, в сравнении с остальными, сосредоточенный на своей работе. Причиною тому твои же ошибки — ибо ты много лет назад сам себя лишил прочих сторон жизни. Включая семью, дружеский круг, возможность обитать в родных местах...

И так далее. Богатейший набор поводов для нытья. Для самой постыдной жалости к собственной особе. Постыдной и вполне

предательской, если вспомнить, что Бог твой — вот он, тут, по другую сторону подноса с угощениями и водкой.

Нет, Лингарраи. Ты не отрекаешься от Бенга, пока молчишь о нем. И ты совсем не считаешь себя одиноким. Наоборот, ты слишком избалован своим Крапчатым Змеем, слишком «самодостаточен» — то есть слишком привык к этой внутренней беседе, где тебя принимают таким, каков ты есть. Отсюда и трудности в общении с внешним миром, даже с теми людьми, кто тебе дорог.

Но приходит время, и ты понимаешь, что можешь разделить с человеком, новым в твоей судьбе, все твои сокровища. Для тебя несомненно: они того заслуживают. И человек, и то, что есть у тебя. Вопрос лишь в сроках и средствах.

— Кажется, это еще одна отсылка к кому-то из мудрецов. Что отдал, то твое, чем не пожелал поделиться, то чужое. Отдать то, что на самом деле считаешь своим. Не из области мерзости, а то, за что ты держишься сам, чем гордишься. Сделать это постепенно, чтобы не напугать...

— Главным образом, чтобы не ошарашить дитя тем, насколько ты сам боишься раскрываться. Покажешь эту боязнь, не ровен час, еще заразишь ею, — и получишь по заслугам, когда от тебя тоже начнут прятаться. «Мастер Чангаданг не любит откровенностей...» И винить-то будет некого, кроме себя же.

— Нет, Бенг. Тут опасений за собственную трусость меньше уже, чем за... Я не знаю, как это назвать. Может быть, за слишком очевидный восторг. Это же такое счастье: делиться тем, что ты, оказывается, имеешь.

Раньше и не знал, что у тебя столько всего есть. «Работа», «опыт» — целая вселенная. Тело живой разумной твари: и то, что о нем известно, и загадки, еще ждущие ответа. И дальше... «Есть Змей, я могу видеть его и слышать...» — и могу сказать об этом? Могу! В тысяче и в тысяче тысяч слов могу рассказать...

— «Чудеса»... С тобою, Змей, каждое мгновение жизни — чудо. И всё это может стать совершенно по-новому моим, когда будет не только моим... Именно потому, что я сам боюсь силы этого счастья, я и стараюсь не торопиться.

— Знаю. У меня с тобою, Человече, было точно так же. Я тоже боялся. И боюсь.

— Ты и не спешил. И теперь не спешишь. Я тоже не буду.

— Я и не тороплю.

«Не отрекаешься, пока молчишь». Да точно ли — не отрекаешься?

Скоро, очень скоро твоей ученице предстояло обрести еще одну из составляющих опыта. Ты отлично знал: это будет. Не брался вообразить, как и когда именно. Прошло два с половиной месяца с начала вашей работы. Много, тебе уже стало казаться — опасно много, если речь идет об ожидании первого смертельного случая.

Лекарская школа в Кэраэнге неспроста помещается в одном здании с приютом для безнадежных недужных. Точнее, составляет с

ним единое целое. Дети осваивают приемы повседневного ухода за тяжелобольными, узнают, каковы на звук, на вид, на запах и на осязание бывают умирание и смерть. Вырабатывают навык трудиться, учиться и жить подле всего этого. Конечно, в детстве Тагайчи много времени проводила в Лабирранской больнице при родителях. В Университет пришла не с меньшими впечатлениями, чем ты в свое время. Правда, насколько ты можешь понять, попыток целенаправленно учить ее искусству врачевания тогда, в школьные ее годы, никто не предпринимал. Всё самое нужное для дитяти с лекарским даром она усвоила сама. И к лучшему: переучивать ее тебе почти ни в чем не приходится.

Но одно дело — привычка к тому, что люди недужат и умирают. И совсем другое — смерть больного у тебя на операционном столе.

В приемном покое Четвертой лечебницы всегда шумно. Гул и неразбериху создают не столько сами недужные — хотя и они ведут себя далеко не тихо — сколько многочисленные сопровождающие их родственники и товарищи. И все же ты очень быстро научился различать в общем гомоне мэяанских, орочьих, мохноножьих и прочих голосов, в топоте и суете, в хмельных выкриках и брани — тот особый голос отчаяния, который требует немедленного твоего вмешательства.

— Скорее лекаря! Она же дышит! Слава Семерым, успели!

Обескровленное, бледное, совсем молодое лицо. Левую щеку занимает ссадина со впечатанной в нее дорожной грязью. Тебе не нужно прибегать к дару Змеиного взора, чтобы понять: жизнь уже покидает это тело. То, что от него осталось. Правая нога на уровне верхней трети бедра отделена полностью, левая, еще выше, вывернута и смята. Когда-то серая юбка теперь багрова от крови.

Что это было? Поезд? Скорее, трамвай. Иначе не успели бы довести: железная дорога проходит далеко от Водорослевой улицы. Впрочем, велика ли разница — теперь? Носилки, на которые положили эту женщину, быстро наполняются кровью.

— Жгут немедленно!.. Ввести камфору!.. И в операционную! — распоряжаешься ты.

А твой холодный лекарский расчет уже готовит посмертный диагноз: «Ранения, несовместимые с жизнью. Травматическая ампутация правого бедра. Множественные переломы костей таза. Геморрагический и травматический шок четвертой степени».

Осознание бесполезности врачебных действий не отменяет таковых и не оправдывает бездействия. Ты постарайся сделать то, что успеешь. Тагайчи рядом. Не промедлила ни мгновения, не побоялась перепачкаться в крови. Затянула жгут на культе; быстро и ловко разрезает одежду. Она не сомневается в целесообразности твоих распоряжений.

«Мы не всемогущи», — мысленно произносишь ты. «И очень скоро Вы сами в этом убедитесь».

Как бы тебе сейчас хотелось, чтобы ее вера во всемогущество твоего искусства была чуть менее крепка. Легче было бы пережить разочарование.

Жестяные раструбы четырех подвесных ламп закрываются, зеленый чародейский свет меркнет. Неизбежное совершилось. Ты стягиваешь перчатки резче, чем обычно. Крапчатый жметса в углу. Он старался вместе с тобой — может быть, даже больше, чем ты. И значит, в ближайший час тебе не согреться без кружки-другой кипятка. Змей не виноват: он помогал тебе, он всё делал правильно. Это ты не сумел с должной выдержкой принять его помощь.

Но прежде надо спуститься на первый этаж. Там еще ждут те, кто доставил сюда эту женщину. Друзья? Родня? Сослуживцы? Для них она еще жива. До тех пор, пока ты не скажешь им...

Кто-то заплачет. А кто-то из вполне посторонних личностей запричитает:

— Может, и слава Семерым, коли так... Девушке этак остаться, калекой безногой: куда? Ни работать толком, ни замуж... Счастье еще, одна была: вроде, ни детей, ни парня... А то бы совсем худо!

Эти люди полагают, что им известна сравнительная цена чужой жизни. Кому лучше остаться в живых, а кому умереть. Пожалели — значит, отторгли от себя. Щедро вручили увечью, мукам и Смерти этого малоизвестного им человека.

Ты ненавидишь их. В такие мгновения — всем сердцем ненавидишь.

При тебе в Первой ларбарской Ягондарра однажды в ответ на подобные речи вслух благословил Господа за то, что в державе нашей закон не дает воли тем, кто взялся бы во имя общего блага отстреливать больных, уродов и слабых. А уж охотники нашлись бы, сомневаться не приходится...

Ты же ограничишься тем, что потребуешь:

— Посторонних — вон из помещения.

Мера запоздалой строгости? Нет, предосторожность. Иначе ты полез бы в драку. Один из самых быстрых способов восстановить теплоту крови... Быстрых, но Законом не поощряемых.

В ординаторской уже закипает чайник. Тагайчи привычно отсыпает в кофейник смолотые зерна. Ты возьмешь чашку, нальешь туда просто горячей воды. Дитя так старалось, готовя для тебя кофей...

Она хорошо держится. А ведь для нее это первая смерть «на столе».

Восемнадцать лет назад, когда у вас с Дангенбуангом умер под руками четвертьсотник Малачанга — ранение аорты, вы тоже ничего не успели, — ты бы желал принять сие так же, как Тагайчи сейчас. Желал бы с подобною выдержкой скрыть свою оглушенность, неверие в то, что случилось. Не показывать чувства вины перед наставником. Оно было еще сильнее страха и горя, оно заранее сделало бессмысленными все слова, какие ты пытался подобрать.

Синеватые стены, трещины на краске. В Валла-Марранге были полосы: серый с зеленым цвет Морской Палаты и дымчато-камедный — Палаты Наук и Чар.

Ты так стараешься не встретиться взглядом с Тагайчи: почему? Сомневаешься, не видны ли у тебя за очками змеиные веки? Твой счетчик Саунги показывает: 848.23. Кажется, в этот раз ты не дошел

до восьмисот пятидесяти — уровня излучения, начиная с которого твое состояние называлось бы «одержимостью».

Закрой глаза. Раз, два, три, четыре, пять, шесть. Открой. Раз, два, три. Закрой. Еще раз то же самое. И еще. Вспомни: не будь сие надобно смертной твари, последствия применения Бенговых даров не проявлялись бы вовсе. Дары нужны для всех, а трудности, связанные с ними, — для тебя самого. Ибо благодаря им у тебя есть на чем сосредоточиться в ближайшие мгновения. И это тоже дар.

Глотни воды. Теперь попробуй смотреть, не мигая. Одиннадцать, двенадцать, тринадцать, четырнадцать... Не получается? Непроизвольное движение век восстановлено. Хорошо. Глотни еще. И скажи. Сейчас ты должен сказать своей ученице что-то, что поможет очнуться ей.

Или спроси. Как учил тебя твой Бенг: часто вопрос намного важнее ответа.

Пусть диагноз назовет она, а ты запишешь? Или пускай это будет нечто, относящееся к другим вашим недужным? Нет, не годится.

— Тяжело? — только и выговоришь ты.

Теперь уже ее глаза ищут твоего взгляда.

— Мастер! Вы можете очень многое, но не всё. Этим человек и отличается от богов...

Девочка-школярка утешает тебя. А что ей остается, если сам ты никак не можешь подыскать подходящей цитаты?

— От Бога, — поправляется она, помолчав. — К сожалению, так еще не раз будет случаться. А большего никто бы не сделал.

— Мой учитель Дангенбуанг говорил: есть наихудший способ, каким хирург может возомнить себя подобным Богу. Дело не в чувстве всемогущества. И не в наслаждении властью над жизнью и смертью живого создания. Это скверно, но есть нечто более скверное: когда врач умирает вместе с каждым из умирающих у него недужных. Мастер имел в виду то, что по учению единобожного богословия Бог умирает в смерти каждой смертной твари...

Крапчатый сползает с кровати. Залезает на подоконник, наполовину прячется от тебя за занавеску.

— Я обидел тебя? Совсем неподходящие размышления для праздника...

— Ешь, Человече, ешь и пей. Тебе это нужно.

— А ты уже не хочешь?

Единому Богу не требуется поддерживать сил пищей, питьем, в том числе и крепкими зельями. Ему не надобны отдых и сон. Бессмертный и вечно юный царственный Змей.

Он всматривается в темноту за окном. В осеннее мутное небо. Ни звезд, ни туч. Ни ясной прохлады, ни дождя, ни раннего снега. Ни даже огоньков большого города, когда-то столь желанного ему. Только туман, и в тумане едва видны деревья на той стороне улицы.

— Как по-твоему, это правда, что существам, способным разумно разговаривать, Благой Закон явлен через строй их речи? — спрашивает Бенг.

— В том числе и через него. К чему твой вопрос?

— Если бы Бог и Змей были полностью одно и то же — зачем тогда нужны были бы два слова? Хватило бы и одного...

И сидя там, к тебе спиной, Крапчатый раскрывает твоему сознанию своё. В нем нет сейчас никакого иного чувства, никакой мысли, кроме страха. Живого страха Смерти. Бог умирает и воскресает. Так же и Змей? Или нет? Что станет со мною, когда ты умрешь? Что будет потом? Болью, ужасом этого одного-единственного вопроса творятся все чудеса, доступные тебе через Бенга. Или Бенгу через тебя. Смысл от перестановки слов не меняется.

Для твоего змееныша нет разницы между собственной смертью и чужой. И в этом он Бог. Для него нет ответа на вопрос, что страшнее — смерть или бессмертие. В этом он такое же живое создание, как и ты.

— Хотя бы это ты понимаешь, Человек.

— Иди ко мне.

Он сидит, не двигаясь.

— Про какую общность ты говорил в том втором случае? Что умерли у вас у обоих тяжело раненные люди, а не те, кого бы вы прежде долго и старательно лечили?

— Да. Пожалуй. Кто-то, вероятно, назвал бы это нашей «удачей».

Есть важный лекарский навык: не примерять на себя страданий, которые наблюдаешь. Лекарская школа, где ты учился, последовательно прививает его. Большая часть тамошних насмешек звучит и повторяется из года в год именно затем, чтобы отучить будущего врача подозревать или предчувствовать у себя один за другим разнообразные недуги, описанные в учебниках. То же касается и ранений...

Трамвай. Вы с Тагайчи всякий раз ездите на нем на Водорослевую улицу и обратно. Обычная здесь уличная суতোлка. Правила движения существуют где-то на бумаге, но не соблюдаются никем: ни водителями трамваев и самобеглых махин, ни возчиками конных повозок, ни пешеходами.

Да и не только в трамвае дело.

— А в чем?

Представить, что тебе сообщили: несчастный случай на улице, в общежитии, или где-то еще. Пострадала твоя ученица, спасти не удалось.

Или — что ей сообщили о твоей гибели.

— И что из этого ты, Лингарраи, предпочел бы, если бы мог выбирать?

Младшие должны хоронить старших. Ученики — учителей. По Божьему Закону должно быть так. Ты сознаешь это. Но решить, что страшнее: остаться одному, без нее? Или оставить ее одну?

Нет.

— Тут нет и не может быть выбора. Страх одинаков. Один и тот же. Наверное, он вообще всего один.

— А это — согласно Любви.

Через несколько мгновений Змей продолжает:

— Рискнуть своей жизнью для кого-то, для родного человека или незнакомого, тебе не сложно. Об этом ты даже не задумываешься. Такая у тебя служба. По сути, ничем не отличается от войсковой или от пожарничьей. Ты и так постоянно рискуешь: вероятность не прийти в себя после «чудес» всегда есть. И если твоему недужному понадобится Божьих даров больше, чем ты сможешь вынести, ты их всё равно применишь. Хотя бы твоя кровь и остыла окончательно. Делая это, ты не рассуждаешь. Ибо твое искусство есть искусство действия. Но броситься кому-то на помощь — это одно, и совершенно другое — думать о Смерти. Слишком многие из смертных созданий молятся: «О, пусть я умру раньше, пусть не придется мне хоронить того, кого люблю». Тайно или явно при этом имеется в виду: «Любимому мною человеку без меня будет легче, чем мне без него». Ты не таков. Следует ли отсюда, что ты не веришь в безответную любовь?

— В любовь без взаимности? Не верю. Двое могут чувствовать очень по-разному, но всякое чувство вызывает ответное чувство. И при том — в точности соразмерное. Если мою любовь отвергли, это значит только то, что она не была любовью. А была какой-то мерзостью, подлежащей отвержению и ничему иному. То же, что приемлемо, не может быть не принято.

— Хорошо. На этот раз — правда хорошо, Лингарраи.

Ты долго можешь рассуждать, как слабы твои надежды занять собою жизнь Тагайчи. Сколь отчаянным самомнением с твоей стороны было бы вознамериться сделать ее житье счастливее, чем оно будет без тебя. Насколько ты не годишься для нее — немолодой, неуживчивый, недобрый и далеко не спокойный человек. Вволю можешь сомневаться, не мерещится ли тебе ее влюбленность, обращенная на тебя. Да если это чувство и есть — как скоро оно пройдет, каким отвращением сменится...

— Но я знаю, что нужно мне.

— Что же?

— Быть ей нужным.

— Вот видишь, как всё просто. Нужно быть нужным. Полезно приносить пользу. Радостно радовать. Горько огорчать. И невыносимо даже думать о том, чтобы расстаться. Одним словом всё это называется: «любить».

— Ты как-то спрашивал, намерен ли я добиваться ее как женщины. Сейчас я ответил на тот твой вопрос?

— Ответил.

— А что до учительства... Многое еще мне предстоит сделать, прежде чем я смогу с чистою совестью принять мысль, что однажды я должен буду оставить Тагайчи работать и жить без меня. Этакое право уйти надобно еще заслужить.

Крапчатый вернется к тебе на постель.

— Рано или поздно ты, Человече, начинаешь что-то соображать. То единственное, что по-настоящему важно.

Змеинная голова над твоею на изголовье. Грива падает тебе на лицо. Холодно было возле окна: и волосы, и чешуя на шее у Бенга под ладонью у тебя холодны. Таким и следует быть металлу.

Три дня до Новомесячья Плясуньи. Скоро зима.

Почти неслышный шелест Змеевой речи:

— Хорошо. Спокойно и хорошо.

— Прости меня. Этими разговорами я тебя измучил.

— Ты любишь, Человече?

— Люблю.

— Люби. Мне ничего другого не надо. Только люби.

Сон протяженностью всего в несколько мгновений. Море, толща темно-серой воды, и ты в ней летишь, один на этой глубине, в шести сажнях от неба, от бесцветного солнечного света — и ты знаешь, куда лететь. Сновидение твоего Бенга, доступное и тебе.

Первым встряхнется Змей:

— Который час?

— Половина первого.

— Я выиграл?

— Еще бы. Четыре лишние цитаты за мной. Твое желание?

— Вот. Чтобы ты однажды мне наяву сказал так, как сейчас, пока ты спал: «Не бойся, я знаю, куда плыву». Хотя сии слова и не твои, а Великого Бенга. Это когда я в очередной раз попробую вмешаться в твои дела с Тагайчи. Идет?

— Хорошо.

Мягкий вкус лалабинской водки. Резкая и сладкая груша. Не в укор будь сие составителю закусок из «Приюта ученого» — но, похоже, ты пойдешь сейчас варить кофе. Те кушанья, что остались, снесешь на ледник. Оттуда завтра или послезавтра их заберет домо-владелец: отдать собаке. Благо животное это не чуждается ни восточной еды, ни западной.

Когда ты вернешься в спальню, то попросишь Змея:

— Напомни мне сегодня по дороге со службы зайти за чаем.

— За чем?

— В доме должен быть чай.

И объяснишь:

— Мы с тобою, помнится, согласились на том печальном выводе, что Тагайчи к нам сюда больше никогда не придет. Сама — наверное, да, не придет. А если я ее приглашу?

— В гости?

— Думаю, она не откажется. Должен же я хотя бы попытаться загладить постыдную неучтивость, допущенную мною в пьяном виде.

— Ученику вовсе не запретно бывать в доме у наставника.

— Наоборот. Это и по мэйанскому обычаю положено. Следовательно, нам нужен чай. Себе она в лечебнице заваривает чай. Днем посмотрим, как он называется.

— «Ату-Гири». Жестянка зеленая, рисунок — какой-то южный дворец, дама сидит на коврике, возле нее два оленя. Но это в больнице такой чай. А какой Гайчи сама предпочитает, я не знаю.

— Можно будет спросить.

— И что дальше? Пригласишь. Гайчи придет. О чем станешь говорить?

— Там видно будет.

— «В уставе Ларбарского Университета обязанности руководителя практики заданы неплохо. Но есть, о дитя, наставничество иного, более глубокого уровня! Такое, каким его мыслили Ланиатунг, Кангкангари, Каруибенг и другие лекари прошлых времен. Я считаю, Вам оно необходимо. Ибо дарования Ваши надо развивать, если уж они даны Вам от Бога. Не сделавши в этом направлении всего, что в моих силах, я считал бы долг мой не исполненным...» — как-то так?

— Отлично, Крапчатый. Столь возвышенного слога я, пожалуй, не воспроизведу, тем более по-мэйански, но суть примерно такая. Если уж учиться, то учиться по-настоящему.

— И дальше?

— А дальше — много разного.

— С чего начнешь?

— Посмотрю, как она воспримет мое предложение. Из этого и буду исходить.

— А чего, по-твоему, ей больше всего недостает? Про ее успехи я от тебя много слышал. Как с недостатками?

— Например, избыток усердия иногда тоже оборачивается недостатком. Тагайчи до сих пор проще самой сделать работу сестры или няни, чем отдать им распоряжение. А сие неправильно. Каждый должен заниматься своим делом. Возможно, в Лабирранской лечебнице и были приняты этакие семейные взаимоотношения: лишний раз не тревожить людей, без того усталых, если тебе не сложно подать недужному лекарство или вынести судно. Но вести себя подобным образом тут, в Ларбаре, в Первой городской — значит поощрять растяп и лентяев. Чего допускать нельзя.

— А еще?

— Не ее недостаток, а скорее, моя недоработка. Я тебе об этом уже тоже говорил. Пора учиться обсуждать то, что мы делаем.

— Прихотить Гайчи разбирать каждый свой поступок так же, как это делаешь ты?

— Как делаем мы с тобою. Понимать происходящее, а не просто запоминать. Внутренне опираться на то, что ты уже сделал. «Присваивать то, что отдал», — сие ведь тоже само собою не происходит. И не только копить опыт, но и тратить, причем делать это правильно. Знать, где у тебя хранятся именно те запасы, которые пригодны для данного случая.

— Содержать в порядке свою сокровищницу.

— Вот-вот. И всем этим имеет смысл начинать заниматься именно дома, в свободное время. Потому что в больнице обычно некогда. Недосуг выговаривать словами всё то, что Тагайчи уже ощущает чутьем. Живи мы по ту сторону моря и будь она юношей, я мог бы по ходу работы чаще возражать ей, отвергать ее выводы. Так, чтобы ей приходилось не просто заявлять, но и защищать свою точку зрения...

— А тут ты боишься, как бы она не усомнилась в своем чутье? Или не хочешь ронять свое достоинство наставника заведомо глупыми замечаниями?

— Очевидных нелепостей из уст наставника звучать не должно. Но ведь и со мною в Лекарской школе сначала разбирали диспуты старых лекарей, а потом уже стали самого вызывать на такие же диспуты.

— Хочешь пройти с ней все врачебательские книги, начиная с древних?

— Все не обязательно. Но хотя бы отчасти. Важно понять: сомнение, необходимое в нашем деле, тоже имеет своё устройство, свой внутренний Закон. «Какие вопросы ты должен задать себе, прежде чем решиться сделать то-то и то-то».

— А здесь совсем этому не учат?

— В том-то и дело, Бенг: я слишком смутно представляю себе, как именно учили Тагайчи до сих пор, до начала практики. Не «чему» учили, а «как». Я же и разрядных испытаний в Мэйане ни разу не проходил, не говоря уже об обучении. Поэтому, спрашивая ее о чем-то, я далеко не всегда уверен, понимает ли она мой вопрос. Термины в медицине, слава Богу, общие для всех наших языков. А построение связной речи? Частицы, падежи, наклонения глаголов? Скорее всего, Тагайчи приходится мои высказывания мысленно переводить на арандийский, а потом обратно на мэйанский. Столько лишних сложностей... И все их можно было бы преодолеть, если только уделить этому время.

— Но ведь ты сам говоришь: слова в вашем искусстве не главное.

— Вот тебе и разница между языками. По-мэйански оба арандийских отрицания, «внешнее» и «внутреннее», ан и ай, звучат одинаково: ме. Конечно, я имел в виду айлэви, «не главное для нас самих», в том смысле, что от хирурга требуются не слова, а действия. Но не исключаю, что большинство мэйан поняло бы меня так, как если бы я сказал анлэви, «не главное вообще». Как понял это газетчик Ниарран. Почему мне и пришлось ему потом отвечать: во врачевании таби анлэвии анири, «неглавных вещей нет и быть не может». Опять-таки, не знаю, не решил ли он, будто я подразумеваю здесь айири, «их нет — для меня, Лингарраи Чангаданга».

— Ты уже и рад, что беседу вашу не напечатали?

— И не напечатают. Сие ясно было с самого начала. Не стоило и ввязываться.

— Но Тагайчи хотела, чтобы ты согласился. И ты согласился. Жалеешь?

— Не слишком. Какая-то польза от того разговора была, при всей его бестолковости. Хотя бы та, что Тагайчи здесь у нас уже однажды побывала. И значит, ее будет проще пригласить зайти еще раз.

— А еще та, например, что теперь Гайчи и этот газетчик встречаются чуть ли не каждый день? Он на «Струг» ходит, потом провожает ее...

— И хорошо. Учитывая пристрастие лицедеев засиживаться в балагане допоздна.

— По-твоему, это подобающий провожатый?

— Видимо, так, если Тагайчи сие допускает.

— А по-моему, нет.

— Не знаю.

— Тебе ничуть не обидно?

— Я должен ревновать? Притязать на безраздельное внимание моей ученицы?

— А разве это так глупо? Разве твое внимание не принадлежит ей полностью?

— Мне следует потребовать за сие благодарности? Ответной преданности?

— Этот малый смотрит на Гайчи влюбленными глазами. Она ему улыбается. Когда они по улице идут, то чуть ли не за руки держатся...

— И что?

— Ничего. Только отчего-то вид у тебя сейчас такой, будто тебя под дых двинули.

— Бенг! Кого из нас должно больше радовать присутствие Любви в мире: меня или тебя? Если мастер Ниарран в самом деле влюбился — так то свидетельствует лишь об одном: у него хороший вкус. Во всяком случае, я его понимаю.

— Ох...

— Да что тут плохого, Змеище? Боишься, как бы у нас с тобою не увели нашу девочку?

— Боюсь.

— Бедный мой боязливый Бенг...

— Подвыпивший мой Человек. Весь до того благодушный, что аж противно.

Твоему Богу противно. Сколько усилий он потратил на то, чтобы развлечь тебя в твой день рожденья, — и какой бесславный итог.

— Значит, ты себе выбрал роль умудренного старого учителя. Который ничего не хочет для себя.

— Вот так «ничего»! Неужели, Крапчатый, ты не понял, насколько мне самому хочется всего того, о чем я только что говорил?

— Да понял, не беспокойся. Только сводятся ли к тому все твои желания?

— Еще надо бы съездить в Лабирран. Посмотреть тамошнюю лечебницу. Познакомиться с мастером Ягукко. По чести, мне давно уже следовало бы написать ему.

— О, разумеется: змейский учёный не может не состоять в переписке с родителями своих учеников.

— Не вижу, что тут смешного.

— Так напиши!

— Напишу. Узнаю адрес и напишу.

— И в самом деле поедешь в Лабирран?

— Если Тагайчи будет не против.

— Надеешься понравиться ее бабушке? Врач лучшей кэраэнгской выучки, истинно благозаконный боярич, чьим заботам дочку можно доверить, не опасаясь ничего неприличного?

— По крайней мере, лабирранцев должно порадовать то, что я явлюсь туда один, а не в сопровождении свиты из двух десятков учеников и челядинцев. Как то, кажется, свойственно арандийским ученым в мэйанском представлении.

— И в общежитие к Тагайчи сходишь? Взглянешь самолично, в каких условиях она здесь живет?

— Тоже нелишне. Но только в светлое время суток.

— Приличия прежде всего?

— Вокруг Тагайчи в Первой городской лечебнице ходит и так достаточно пересудов. Незачем сие усугублять. Кстати, вот еще одна задача: указать хотя бы некоторым из тамошних сплетников, что их болтовня неуместна.

— Наконец-то. Раньше ты не мог спохватиться?

— Выходит, не мог. Придется взяться за это теперь, хоть и с запозданием.

Выждав, он спрашивает:

— И это всё?

— А что еще?

— Насчет телесной тяги. Твоей — к ней как к женщине.

— Я не забыл. Но сейчас для меня важнее другое, Змей.

— А для нее? За нее ты уже также всё решил?

— Тут вот в чем дело, Крапчатый. Эта женщина, насколько я понимаю, из таких, кто вообще не испытывает к мужчинам телесного влечения как только телесного. Оно не успевает проявиться, не обрasta чувствами, мечтами, одним словом — не пройдя через душу. Будь иначе, всё было бы проще. Но здесь не так.

— А что будет, если однажды она сама объяснится тебе в любви?

— Всё зависит от того, как она это сделает.

— Так и скажет: «Мастер, я Вас люблю».

— Я скажу: «И я Вас люблю. До сих пор мы с Вами не дали друг другу оснований не любить друг друга, разве не так?».

— «...Так дадим же, пока не поздно»? Это ты имеешь в виду?

— Нет, конечно. О чем ты, Крапчатый?

— Если ты так ответишь, для нее это будет самая горькая обида.

— Почему?

— Потому что она поймет: ты ее не принимаешь всерьез. Считаешь за дитя. А если тебя и тянет к ней, то ты скорее готов погрешить против наставнического Закона, солгав своей ученице, чем признать правду.

— Нет. Я надеюсь, она в моих словах расслышала бы другое. Предупреждение: надо быть очень осторожными, чтобы не разрушить то, что уже есть между нами. Если уж мы встретились как наставник и ученица, если до сих пор у нас с Вами получалось понимать друг друга за работой, — то надо беречь это. И соблюдать

хотя бы здешний мэйанский обычай: для учителя особа ученика неприкосновенна. А для ученика — особа учителя.

— И по-дурацки же в Ларбарском университете толкуют сие правило!

— Но пока я не рассказал Тагайчи, как ту же самую святость наставничества понимаю я сам, до тех пор я не имею права отвечать на ее любовь моею любовью так, как мне хотелось бы. Иначе — слишком велика вероятность невольных обид и оскорблений.

— Ты что-то с ее стороны мог бы воспринять как оскорбление?

— Конечно. Всякое живое создание способно на многое, очень на многое. В том числе и на такое, чего другое создание перенести не может. Ты знаешь, чего я не прощаю никому и не простил бы даже ей. С ней же мы пока еще этого не обсуждали.

— А если она вместо всяких слов просто кинется тебе на шею?

— Я обниму ее. Не слишком тесно, но так, чтобы и вырваться сразу было не легко. И спрошу: «Вы всему уже научились у меня, чему хотели, Тагайчи?»

— Ох! И сие тебе тоже не представляется обидным?!

— Я объясню: быть любовником и учителем одновременно у меня не получится. Наставничество для меня ценнее, и всё же оно — не самое ценное. Важнее всего она сама: как врач, как женщина, как Тагайчи. Сделанный ею выбор я поддержу. Помогать буду, чем смогу, в каком бы то ни было качестве.

— Выбирать должна она?

— А разве нет?

— Но почему?

— Я старше. У меня больший опыт принятия жизненных обстоятельств, каковы бы они ни оказались. Мне проще будет подстроиться.

— Ты старше. Мудрее. Опытнее. Разве не тебе принадлежит долг выбора?

— Нет, Крапчатый. Разве что она сама мне доверит принять сие решение. Не в обиду будь сказано: она, а не ты.

Это она

Это она. Тагайчи.

Пятое число месяца Плясуньи. Без четверти одиннадцать вечера. Звонок. Ты услышал его, когда шел с кухни через прихожую, отворил сразу же. Наверное, слишком быстро, как показалось ей.

— Вы кого-то ждали, мастер?

Одна из ловушек, расставляемых мэйанскою речью, причем для обоих собеседников. Вопрос, на который невозможно ответить, не впадши в неучтивость. «Нет, не ждал»? Отсюда следует: «Никого, и Вас в том числе». Так что не соблаговолите ли удалиться... «Да, ждал»? Получается, «Вы явились некстати». «Ждал, и именно Вас»

— такой ответ, пожалуй, понравился бы твоему Бенгу, но для тебя он звучал бы: «Понимаете ли, дитя мое, я провидец. Заранее чую, кто и когда ко мне идет».

— Я предупреждал! — замечает Крапчатый Змей.

— Помнится, ты предсказывал обратное. «Не придет», «никогда»...

— Прособирался бы ты еще месяц-другой — я бы и не так заговорил.

Ты обещал Змею позвать в гости твою ученицу. Точнее, похвалился перед ним, что сделаешь это. Состоялся ваш уговор за два дня до прошедших выходных, ночью на двадцать восьмое Воителя.

Весь день ты тогда соображал, чего недостает в твоём жилище, чтобы принять у себя барышню-мэйанку. Чайной заваркой, конечно, ты запасешься. Но ведь и кружки особой, чтобы это заваривать, у тебя нет. А медный кофейник для чая не годится...

Следующей ночью, предпраздничной, ты дежурил в Первой Ларбарской. Ты и Тагайчи вместе с тобой.

Под вечер ее позвали спуститься в сени. Явился мастер Ниаран из газеты.

— Она его прогнала. И серьезно попросила больше в лечебницу за нею не заходить. «Не надо, Нэри: здесь нерабочие разговоры не к месту.» То есть если уж видеться, то непременно беседовать как следует. Значит, не здесь. Вот так! От иной женщины привет не так приятно звучит, как от Гайчи — отповедь. Газетчик ушел, а сам весь светился от удовольствия. Еще бы: «Нэри»...

— Но перед тем мы с тобою могли расслышать, как он договаривался с нею на ближайшие свободные вечера.

— «Тридцатого — действие на "Струге". Первого и второго мастер Калкон дает свое представление. Вам в который из этих дней удобнее?» И она отвечала: «Пойду тогда же, когда все наши. То есть, наверное, второго». Он несколько покривился, но расслышал ее намек. Сказал: «Хорошо. А я тогда со всеми нашими, первого».

— Ваши «наши» — не наши «наши»...

— Тебя это настолько порадовало, что ты прослушал главное: на первое число у нее ни действия, ни каких-то других срочных дел намечено не было. Иначе бы она не сказала «наверное». Самое время было ее позвать на тот день.

— Надо же человеку когда-то и отдыхать. То дежурства, то представления...

— Уж ты-то отдыхал. Все праздники сидел дома, как дурак.

— Как я это делаю уже многие годы.

— И я о том же. А с третьего на четвертое вы с Гайчи дежурили на Водорослянке. И опять ты промолчал.

— Было много работы. Благодетельные семибожники не простили бы себе, если бы не отметили новолуние Небесной Плясуньи всеми доступными им видами безумства. Вплоть до тяжких увечий и делирия, называемого у них «белую горячку». «Белой» — потому что небу по их мнению соразмерен именно этот цвет.

— Вот и доработался.

Остается надеяться, что ваши с Бенгом препирательства не занимают во внешнем времени того срока, какой ушел бы на них, если бы вы беседовали вслух.

— Проходите, — молвишь ты невпопад, не отвечая на заданный вопрос.

— Я не вовремя?

— Да нет же, ничего страшного.

Опять ты солгал. «Не страшно»? Кому?

Ей? Не похоже. Эта девочка настолько спокойно держится в операционной, с такой отвагой подступает к любой лекарской работе, а здесь — робеет, будто сама пожалела уже, что пришла.

Тебе? Тебе бы тоже сейчас не помешало получше скрывать волнение.

А больше всех перетрусил твой отважный Змей.

— Еще бы! Она! Здесь! Пришла! Хорошо хоть, ты на праздниках озаботился поиском тапочек.

Об этом вы тоже долго спорили. Домашние башмачки должны быть мягкие, удобные, маленькие, на девичью ножку, — требовал Бенг. Такие продают на Арандийском подворье: из козьей шерсти, сверху расшитые узорами. Нет, не годится, возражал ты. Их наличие в доме означало бы, что сюда к нам ходит какая-то женщина. Или женщины. Сие Тагайчи только смутило бы. И ты отыскал в кладовке безразмерные войлочные туфли мэйанского образца. Они хранились в квартире еще до вашего вселения. Видимо, припасены были в качестве любезности домохозяина к постояльцам.

Поддай их гостье. Возьми у нее из рук ее плащ. И отойди с дороги.

Пригласи в комнату. Там темновато: из трех зеленых светильников открыты два. Зато сразу видно, чем ты был занят в сегодняшний вечер: переставлял книги на полках. Деятельность по определению бесконечная, так что отвлечься возможно во всякое мгновение.

Когда полагается потчевать чаем? Сразу, как только человек вошел с улицы? Или чуть позже?

Предложи садиться. Рабочий стол загроможден книгами, но тебе и это отчасти выгодно. Пока переместишь их куда-нибудь, возможно, соберешься с мыслями.

Вид у Тагайчи не просто встревоженный: решительный.

— Что-то случилось?

Стоя рядом с тобой, Змей легонько щелкает тебя хвостом по ногам. Да ты и без того чувствуешь: он весь дрожит от напряжения.

— Ты бы еще спросил: «Откуда ходки на сей раз?». Будто считаешь уже, что ей для разговора с тобою у тебя дома надобен непременно какой-нибудь угрожающий повод. Или что она пришла над тобою пошутить.

— погоди, Змей. Что, если в самом деле у нее неладно дома, с родными? Или беда с кем-то в Университете? В балагане? В этакый час она, может быть, как раз оттуда.

Осень идет своим чередом. Обостряются многие хронические недуги. Один из таких случаев тебе уже известен. «Мастеру Чанэри худо, а он отказывается идти к врачу. Скажите Вы ему, а то меня он не слушает...»

— И ты пойдешь объяснять этому малому, что ему следует лечиться?

— Конечно. Если сие необходимо.

Ладно бы еще, если это, а не другое. «Та беседа все-таки напечатана в газете, в праздничном выпуске. Мастера Ниаррана из-за нее уже вызывали на площадь Ликомбо...» Тебе сие было известно, тебя счел нужным предупредить Ягондарра — еще полмесяца назад. Ниарран, как выяснилось, доводится этому твоему сослуживцу дальним родичем и собратом по храмовой общине. Ты тогда отвечал: газетчик не мог не знать о моих отношениях с Охранным Отделением, еще когда брался за беседу. Стало быть, понимал, на что шел. «Но теперь он и вовсе исчез. Пошел в Охранное опять и не вернулся. Вот уже несколько дней... И что в таких случаях полагается делать?»

Знал бы ты...

Гайчи остается стоять.

— Мастер!

— Что?

— Я хочу у Вас спросить...

И замолкает, не договорив.

— Да? — повторяешь ты, стараясь говорить как можно мягче. И кладешь ладонь на шею Крапчатому, под гриву. Не помогает. Успокоить его сейчас не смогла бы никакая ласка на свете.

Боится. Как ты — когдаходишь к операционному столу. Что ж, у Бога работа ничуть не проще твоей.

Гайчи все-таки продолжает:

— Почему Вы так ведете себя со мной?

Это и есть ее вопрос? Или объяснение, почему у нее не получается спросить то, что она хотела?

— Веду — как?

— Да, глупо было сказано. И сейчас я отвечу так же глупо: вот так, как ведете. И сейчас, и вообще.

— В чем именно сие проявляется?

— Да хотя бы в этом Вашем ответе.

Тяжело. И по голосу ее ты слышишь: на поддержку твою она нынче и не надеется. Знает твою слабость — затруднения при разговоре о внеслужебных делах?

— Ты, Змеище, разумеешь, о чем речь?

Он отзывается, не поворачивая головы.

— Возможно. Но тебе объяснять не стану. Сам подумай, как сказал князь Муллаваджи своему племяннику.

— ...посылая его на верную гибель, кажется? Тот спросил: «За что?», а дядюшка ему: «Подумай сам».

— Этот племянник в итоге не погиб, а бежал в Царство. Видно, что-то да понял.

Новая забота: раньше тебе никогда не составляло сложности слушать и Змея, и людей, говорящих с тобою. Сейчас ты не уверен, не прослушал ли каких-то тагайчиных слов.

— Простите. И, если можно, повторите еще раз.

— Не важно. Пустяки.

— Ради пустячного дела Вы бы не пришли, я знаю. Но как раз когда говоришь о важном, многие слова пропускаешь как самоочевидные. А я такие сокращенные речи понимаю с трудом: по-мэйански, да и по-арандийски тоже.

Она повторит. Или попробует высказать то же самое по-другому:

— Вы, мастер, выстраиваете вокруг себя стену. Отгораживаетесь ею от всех.

— Что верно, то верно.

— От всех, и от меня тоже. Но понимаете: я уже внутри. За Вашими стенами.

И сие тоже – истина пред Господом. И опять-таки, никому от того не легче.

— Что же Вы молчите?

Ты встанешь так, чтобы ей видеть тебя.

— Потому что, Гайчи, подобную тайну надобно хранить, как если бы укрывал в доме своем друга, обвиненного в государственной измене. Что я и делаю. И сам же громче всех сетую: где он, бедный мой товарищ? Схвачен ли уже? Всё — пушей скрытности ради.

— Только что же с самим Вашим другом? И чего Вы хотите от него?

— Да ведь не знаю я, какого ухода требуют Тайны. Чем кормятся, где спят... Отсюда вся неловкость и неуклюжесть.

— Неловкость и неуклюжесть можно преодолеть.

— Наверное, да. С Вашей помощью.

— Нет, это ты должен ей помочь! Ты же у нас взрослый и опытный. Она сделала решающий шаг: пришла, начала объяснение... Черед за тобою.

— «Уже внутри» — это значит, ей ведомы все секреты моего сердца? «Вы влюбились и зачем-то скрываете это. Пытаетесь таиться, да не слишком успешно. Хорошо же Вы, мастер Чангаданг, соблюдаете наставнический обычай...»

В Доме Печати тогда ты не разобрал, о чем Тагайчи перед твоею беседой с Ниарраном расспрашивала другого газетчика. Человека примерно твоих лет, приметной западной внешности. Но ты слышал, как в конце разговора она воскликнула, чуть громче, чем следовало бы при посторонних: «Так это Вы мастера Ниаррана имели в виду?». Прозвучало не удивленно, а скорее, сердито. И теперь тебе известно, что это значило.

В Первой ларбарской позавчера ты застал разговор тамошних главных болтунов: младшего Чамианга, Таморо и еще кого-то. «У молодой госпожи Мумлачи есть знакомый, некто Лилия. Родом,

ясное дело, из Гандаблуги, но не древлень, а какая-то гремучая смесь племен. Служит в Доме Печати, на тамошнем беспроводном телеграфе или в роде. Он нашептал ей, а она передала Робирчи: красotka наша, барышня Ягукко, отвадила Бирчи не по какой другой причине, а потому, что на нее теперь запал "некий знатный арандиец". Ясное дело, Бирчи решил, будто это наш местный Змий. Не стерпел, устроил девушке объяснение. Она ото всего отперлась. Теперь выходит: Змий не при чем, а таскается к ней, наоборот, тот малый из "Доброхота", который со Змием беседу вел. Писака тоже, будто бы, самого Мемембенга прямой потомок. И большой поэт, песенки пишет. Чанчибар наш однажды с ним на пару выступал на Дне Стихотворцев...»

Чамианг отозвался:

— Ну, и слава богам. Чем полюбиться Змию, лучше сразу повеситься.

Ты, вопреки обычному своему правилу, вмешался:

— Вешаться не стоит. А вот заткнуться не мешало бы.

Болтуны не ожидали такого. Слегка опешили.

— Нету нечистых уст, есть поганые уши — глубокомысленно отозвался все тот же Чамианг.

— Пока есть. Берегите их, коллега. Возможно, без ушей Вашей голове будет одиноко.

— Я вообще-то Ваши имел в виду.

— Щадя мои уши, Вы сохраните и свои.

— А иначе что? Драться будете? На поединок вызовете?

— Вы сами только что подсказали мне способ расправы. Нет, драться я не стану. Сделаю над собой усилие и проникнусь к Вам беспочвенным благорасположением.

— О, нет! Только не это!

Крапчатый замечает:

— Очень остроумно. Исполин был бы доволен: его школа красноречия! И после этой перебранки ты решил: полдела сделано. Ты собирался окоротить университетских сплетников — и свершил сей подвиг. Остальное, а именно, приглашение Гайчи к нам, может подождать...

Оказалось, не может.

Теперь уже она нарочно ждет, когда ты очнешься от своих размышлений. Дождавшись, вскидывает голову. Говорит:

— Подойдите поближе, мастер. И снимите очки.

Тяжкое дело — толковать с неразумными пожилыми заморскими учеными. Всё надобно объяснять словами.

В самом деле, подойди. Очки на стол. Руки — ей на плечи. Она обнимет тебя. «Кинуться на шею»? Название не подходит к действию. «Ухватить за бока» — вернее, хотя по-мэйански это, кажется, звучит грубо.

Ее щека возле твоей щеки. Совсем еще детская, мягкая кожа, не высушенная пудрами и прочими женскими снадобьями. Если бы еще ты не боялся оцарапать ее своей щетиной... Боярич в изгнании

не считает должным бриться дважды в день, как положено по обычаю Золотой Столицы.

Никого, никого ты не ждал. Великой дерзостью было бы тебе ждать этой женщины. А другие тебе не нужны.

Скажи это ей. Не можешь сказать? Ты можешь. Просто не осмеливаешься.

Объятие ее крепко, но не так тесно, чтобы ты не мог чуть отстраниться и погладить ее. Волосы, лоб, щеки, шею под воротничком полотняной рубашки. И опять — ладонями по плечам. Под рукавами рубашки и куртки ты чувствуешь ее мышцы. Еще бы: немалая сила нужна в вашем ремесле, хотя бы когда тянешь крючки. Был бы ты, как говорят мэйане, «скрытый страмец» — то-то тебе нравились бы такие руки у мальчишек... Тем желаннее, когда это руки женщины.

Губы ее открылись тебе, приняли твой поцелуй. Вот только храбрости начать было у нее явно больше, чем решимости продолжить. Ответ был — но ответ «да», не больше. Или нынче не принято целоваться так, как в Аранде в пору твоей юности? Или ты на вкус оказался не столь хорош, как ей представлялось?

— А сам ты?

— Что, Змей?

— Самому-то тебе — неужели тоже хотелось чего-то другого? Тебе самому...

Похоже на первый день в Войске. Ты ясно понял: порядки здесь устанавливаешь не ты. Остается в пределах правил, заданных тебе, действовать и держаться как можно лучше.

— Ты хотел быть мудрым учителем. Осадить сей натиск, взять руководство на себя. А теперь решил подчиниться?

— Не забывай: я давно уже так решил.

Она доверяет тебе как мужчине. Понимает: ты не обидишь ее. Не захочешь обидеть. Знать бы только, что тут обиднее: холодность или слишком скоропалительная страсть.

Или ей просто важно было осмелиться. Прийти к мастеру, прикоснуться к нему, поцеловаться. А уж как именно это получится и что будет дальше, на то она не загадывала. Собственно, как и ты не стал бы загадывать.

— Я хочу проверить.

Взглянуть внутрь ее тела. Едва ли ей надобен мужчина как мужчина. Но, может быть, тут потребность иного свойства. Нужно утешение после несчастливой любви. Что-то, что помогло бы восстановить веру в свои силы. Она знает: ты не откажешь ей в том, что ей необходимо. А что для мужчины радостнее такого доверия от женщины?

Человеку следует любить себя. Особенно свое тело. Иначе — дурное обращение, небрежение и многие недуги. Если для этой любви надобно, чтобы кто-то желал тебя, — значит, так надобно.

— Я против. Не хочу. Это нечестно. Может быть, для тебя она и «предмет наблюдения», но не для меня.

— Я посмотрю.

Ты глядишь на нее. Бенг не сразу, но все-таки позволяет тебе применить Змеево ясновидение.

— Ну, понял?

Нет. Ничего похожего на «болезненное желание» нет. Если эта женщина и чувствует тягу к кому-то — то именно к этому мужчине, к тебе.

— Хорошо, когда Вы так улыбаетесь, мастер. Как в лечебнице иногда при осмотре. Значит, Вы уже поставили диагноз?

— Не назвал бы положения угрожающим. Оперативное вмешательство не надобно.

— А что надобно? — спрашивает она. И теперь уже сама отстраняется.

Ты не отпустишь.

— Если у Вас и есть недостаток, Тагайчи, то один: недоверие к себе. Недооценка, и притом весьма легкомысленная, собственного совершенства. А ведь себя Вам нужно ценить высоко. Заботиться о себе бережно. Не дать никому разорить Ваши сокровища.

— Не бойся, она знает: ты змеец. Можешь лишний раз не напоминать.

— Не придирайся, Бенг. Говорю, как умею.

— «Ценить»! Кто бы говорил о верной самооценке!

— Уж какая есть. Выработанная долгими нашими с тобой совместными трудами.

— Конечно! Как смеет дитя не гордиться собою, если ее изволило отличить такое светило, как ты...

— Если даже такое чудовище, как я, склонилось перед нею.

— Ах, ты склонился? Покорился? И уверен, что не превысил еще смелости ее замысла?

— Не знаю. Но скоро превышу, не беспокойся.

— Ей работать с тобою: завтра, послезавтра, в ближайшие два года. Что, если ты окажешься мстительным влюбленным? Приходится тебе уступить, во избежание худшего...

— Еще спроси, не подозреваю ли я, будто она всё это делает, чтобы смягчить сердце злобного наставника.

— С тебя стасось бы вообразить и такое.

— Она же знает: по части работы сие ничего не изменило бы.

— Да. Ты — оплот Закона. Человек великой верности долгу. Принимай награду: тебя есть, за что полюбить.

— А я не вижу разницы, любят ли «за что-то» или просто так. Главное — чтобы любили.

— Да, ты же всех насквозь видишь. Исключительная личность!

— А что, Бенг, я могу ей предложить помимо собственной исключительности?

— Она всего на год старше твоего сына.

— Что поделаешь...

— Она едва ли знает...

— Помолчи.

Объятие теснее. Ты проводишь ладонью по ее груди. Легкое движение ее плеча вверх. Это ответ тебе: да, вот так. Снизу вверх и по кругу. Учись, запомни, как бывает, когда у женщины по-настоящему красивая грудь. Не маленькая и не большая, ровно такая, как тебе всегда мечталось. Только наяву ты таких женщин прежде не встречал.

А ведь сама Гайчи и не думала распорядиться тобою. Просто потянулась развязать узел кожаной ленточки у тебя на волосах. Нужно ли это делать? Будешь знать: нужно, хотя по-твоему и удобнее, когда волосы стянуты в хвост. Ты не возьмешься за гребни и заколки ее прически. Она вскинет руки, разберет это всё сама.

Смотри, любуйся. Ласкай и любуйся. Ты говорил: для тебя красиво любое человеческое тело, если оно способно жить и радоваться жизни. Поэтому ты почти никакую из женщин не счел бы безобразной. Но она прекрасна. От ее живой жизни радостно не ей одной, но и всем, кто что-нибудь понимает. И тебе.

Ее руки у тебя под тельняшкой. Осторожно, ловко она раздевает тебя. А ты раздеваешь ее. Не так уж сложен этот мэйанский девичий наряд.

Она смущается? Немного — и только до тех пор, пока ты обычными, человеческими глазами не оглядишь ее. Совершенные, соразмерные черты. Когда-то ты мог себя считать художником-любителем. Расскажешь ей когда-нибудь, как это было: работа по дереву, резьба в старинном стиле джарингау, особенно нравилась тебе тем, что ничего нельзя поправить. Одна неверная черточка — и всё, заготовка испорчена. В настоящем твоём ремесле ты в последнее время часто занят исправлением ошибок, допущенных другими. В искусстве резчика не так. И в любви. Здесь тоже ничего не поправишь.

А как она смотрит на тебя? Взором лицедея — насколько веришь ты сам в ту роль, что взялся сыграть? Роль опытного мужчины, выше любовных речей ценящего точные движения? Единство подхода к делам служебным и личным...

Ты остановишь ее, когда она возьмется за узел твоего аинга. Ты из Кэраэнга, для тебя это полотнище — не одежда, а дом, носимый на себе. С ним удобнее: не приходится заботиться о покрывале на любовном ложе. Все остальное — прочь.

Кресло достаточно широко для двоих. Сядь, притяни ее к себе. «Царское объятие»: женщина на коленях у мужчины, лицом к лицу, бедрами на бедрах. Непривычный для нее обычай любовной близости — оттого и негромкое «ах!», когда тыходишь к ней. И жаркий, мгновенный отклик твоим движениям. Она не просто принимает тебя, а помогает тебе, помогает разогнаться настолько, сколько ей надобно для наслаждения. Скоро, слишком скоро — но дай Бог тебе сдержаться!

Вот так. Счастье тела ее, лучший праздник, какой только может быть для тебя. Без обмана, без шумных заверений: ты сам

поймешь, ты всё сделал как надо. И после ты чуть приподнимешь ее бедра и выйдешь, и придет черед восторгу твоего тела.

Семя будет растерто по ее животу, по груди и вверх, до шеи и до ключиц. Кажется, это не показалось ей противным. Еще один прием змейской ласки. Древние верили, будто сие полезно: кожа у женщины становится белее, волосы блестят ярче...

Она почти твоего роста, но легче, ловчее многих. Ты сумеешь отнести ее в спальню. Руками она обнимает тебя за плечи, коленями — вокруг пояса, так носят сонных детишек. Уложишь ее, укроешь, и сам развяжешь все-таки аинг и заберешься под одеяло рядом с нею.

Чудесная женщина. И страстная, и нежная. Говорит «ах». И только это, а не иные три дюжины междометий из запаса женщин, считающих себя большими искусницами в любви.

— Вы не обижаетесь, мастер, что я молчу?

Змей пересказывает ей твои мысли? Или она сама уже их читает?

— Нет, конечно, нет. Только не нужно здесь этого «Вы» говорить.

— А как тогда?

— Выбор невелик. «Ты».

Ладонью — вскользь по твоей щеке.

— Ты... Странно...

— Я люблю тебя, Гайчи.

— Я тебя люблю.

Словно поправляет: «Не путайте, мастер: это я Вас люблю. Давно уже люблю, и я знаю, как сделать, чтобы эта любовь стала нашей с Вами. А Вы, то есть ты — ты лишь отвечаешь мне».

Повернется к тебе, обнимет так, чтобы ты улегся головой на ее плечо. Женщина, никого и никогда не способная числить старше, сильнее себя? Дороже мужской защиты и ласки — право самой защищать и ласкать того, кого она выбрала. Господи, да известно ли ей, насколько такая ее повадка может быть желанной для мужчины? Не для мальчишки, кому еще нужна нянька, чтоб донимать ее своими причудами, и в конце концов сбежать от нее на свободу. Нет: для того мужчины, кому выбор сильной и умной женщины — самое драгоценное признание его мужества. Она сочла тебя достаточно сильным и разумным, чтобы принять ее такой — гордой, ни от кого не желающей зависеть. Воистину, есть, чем гордиться и тебе!

Ты должен будешь доказать свои слова. Расскажи ей. Именно сейчас, пока тепло любви так жарко между вами. Тепло телесной любви. То, что ты должен рассказать, как нельзя больше к месту — сейчас. Иначе всё, что ты сотворил, обернется ложью, трусливой и подлой.

— Я должен кое-что рассказать тебе.

— Да, мастер?

— У меня было двое сыновей.

Похоже, ей известно, о чем пойдет речь. Она прижимается ближе, ладонь ее ложится тебе на волосы.

— Младший родился с тем, что в старину называли «Змеевой природой».

«Мой бедный мастер, ты сегодня и так напугался достаточно. Хватит с тебя»:

— Не надо. Не говори, раз тебе это тяжело.

— Врожденные волшебные свойства, оборотничество, наследуемый недуг — относиться можно по-разному, но это существует. Это опасно, но не смертельно опасно, если только зародыша и мать наблюдают священник, кудесник и врач. В нашем случае надобные меры приняты не были. Я почти не жил дома, а без меня жена и ее родичи заплатили взятку, чтобы соответствующие грамоты были составлены без обследования. В бумагах значилось: всё в пределах обычного. В царские времена за такое казнили — и справедливо. Мальчик родился, прожил двадцать два дня, жизнь его была одною непрерывной мукой. Потом он стал Змеем, а потом умер. У меня больше не будет детей, Гайчи. Нельзя исключить возможность, что дитя снова зачнется таким. А таких детей у меня не будет. Это значит, увы, что не будет никаких. Пожалуйста, Гайчи, пойми меня.

«Ибо что до меня, то я не доверяю теперь ни одной женщине. Зато твердо верю, что от меня, при моих-то мужественности и знатности, всякая пожелает зачать и родить. В искусности своей я тоже не имею сомнений, и то, что зовут телесной близостью, могу прерывать, когда пожелаю, если только мне не мешают. Если однажды попробуешь помешать, я возненавижу тебя. Все пустые людишки, на кого при тебе я огрызаюсь в Первой больнице, — слишком ничтожны, чтобы мне, потомку Царей, всерьез ненавидеть их. Какова настоящая моя ненависть, тебе лучше и не знать: чем меньше знаешь, тем сильнее боишься. Хорошенько запомни это.»

— Я понимаю. Я ни за что на свете не сделаю тебе больно. Пусть будет так.

«А вообще-то я очень хотел бы дитя от тебя. Теперь я это знаю: да, хотел бы. Но мне нельзя.»

— Мне очень жаль. Пожалуйста, пойми.

— Да.

Молчание. Потом слова — будто в утешение. Или в укор твоему унынию:

— Но у тебя есть старший сын...

— Есть. Его зовут Лииранда, ему двадцать один год.

— Почему он живет врозь с тобою?

— Скверно признаться, но я его почти не знаю. Пока он был маленький, я учился, потом служил в Войске по второму призыву. Да и после жил не дома, а при службе, в Валла-Марранге. Пятнадцать лет назад, когда по нашей родительской беспечности брат его погиб, Лииранду оставил при себе дед, мой отец. А скоро я уехал на Чегур.

— Сначала в Камбурран?

— Да, а потом сюда.

— Сын тебе пишет?

— Да, и я ему пишу, хотя реже, чем отцу. Сейчас Лииранда уже сам в Войске. С дедом они по-настоящему дружат, на побывку Ранда ездит только к нему.

— Ты скучаешь по ним?

— Едва ли. Я был у них два года назад...

— Два года! Так давно!

— По чести сказать, личное общение мало что прибавляет к письмам. Очень дурно с моей стороны, но это так.

— Тебе вообще тяжело с людьми?

— Нелегко. Но я хотя бы могу постараться жить так, чтобы ближним сие поменьше мешало.

Гайчи молчит.

«Вот только с тобою у меня не получится вести себя, как я привык с другими людьми: соблюдать определенное расстояние, чтобы не быть друг другу в тягость. Ты совершенно права: от тебя я если и смогу держаться на расстоянии — то только на таком, как сейчас. И даже оно слишком далеко для меня...».

Ты не вымолвишь этого. Просто обнимешь ее покрепче.

— Ты потому и уехал из Аранды? — спрашивает она.

— Пожалуй, так. Мой наставник скончался. Многие из его учеников и подчиненных тогда стали искать себе иные места службы. В Валла-Маррангское училище пришли новые люди... Я не считал, что от моей работы по ту сторону моря будет ощутимо больше проку, чем по эту.

— Но ведь известно: нигде нет врачей лучше, чем в Кэраэнге.

— Хотя и там их на самом деле все-таки не столько, сколько в Коине.

— В Коине? Разве?

— Есть такая побасенка. Диеррийский правитель однажды задумался: представители которого из ремесел составляют большинство среди жителей его столицы? Рыбаки это, солевары, воры или кто-то еще. Некий жрец сказал ему: у нас в городе больше всего врачей. И взявшись доказать это, вышел на площадь перед дворцом и согнулся, схватясь за поясницу. Тут же к нему подбежал человек и дал совет, как лечиться от радикулита. Потом еще двое. И еще четверо. И так далее. Все жители Коина, от мужей из государственного совета и до рыночных торговцев, предлагали свои диагнозы и свои рецепты. Правитель, увидав в окошко толпу у дворца, вышел спросить, что происходит. А когда люди расступились и пропустили его в середину, молвил, обращаясь к жрецу: «Бедняга, тебе бы следовало носить припарку из собачьей шерсти»... На что жрец ему ответил: «Вот видите, государь, в Вашем Коине больше всего врачей. Отрадно слышать, что и Вы едины со своим народом».

— Понятно. Таких знатоков медицины и в Ларбаре хватает. И всюду, наверное.

— Тем больше оснований у меня было отправиться туда, где меньше обученных врачей, и значит, они нужнее.

— А почему ты никогда не говорил, что при той самой первой холецистэктомии ты был ассистентом мастера Дангенбуанга?

Дотошное дитя. Услышав от тебя это имя, не поленилась пойти в книгохранилище, посмотреть в справочнике сведения о знаменитом лекаре. Тем паче, что и в беседе для газеты ты упоминал его открытие. Нашла подробное описание того случая, где приведены имена ассистентов.

— А почему об этом следовало говорить?

— Ну, все-таки: великая операция!

— Не думаю, что из меня получился бы сочинитель воспоминаний.

— А где было хуже: в Камбурране или тут?

— Хуже всего было в Кэраэнге.

Дома без окон на первых этажах, наверху — частые переплеты, непрозрачные подкрашенные стекла, реечные ставни. Неизбывная память о прародине на далеком юге, в Араамби, где надобно было прятать комнаты от слишком яркого солнца. К тому же, жилищу, как и лицу, надлежит быть непроницаемым для нескромного взора. Прохожие помнят: направляясь на службу или возвращаясь домой, негоже глазеть по сторонам. А гуляя с друзьями — отвлекаться от учтивой беседы с оными. Взгляду остается только золотой разбрызганный блеск, бесчисленные фонарики Столицы. Да еще отражение неба на жести, покрывающей крыши. И мостовая из гладких, поособому выпуклых камней: словно шагаешь по изгибам чешуйчатого змеиного тела. Попираешь ногами Бога и никогда не забываешь об этом. Город великой вины. Если для кого-то подобное ощущение и не основательно, то для тебя — уж точно.

Билиронг перебрался в Малую Царскую лечебницу, знакомую вам еще по практике в Университете. Звал и тебя туда же, хотя как новичок не имел никаких оснований заявлять, будто тебя там ждут. Ты едва не решился на другое: занять место в Лекарской школе, когда один из тамошних хирургов «сменил место службы на место проживания», слегши после мозгового удара. Ты побывал в Школе после долгого перерыва, посмотрел на новейшее поколение ребятишек. Старший наставник перед тем, как принять тебя, занят был обычной работой: наблюдал, как один его ученик, лет двенадцати, отмеряет и вводит зелье другому, не старше семи. Зелье быстрого согревания. Сделал укол и гордо отчитался, не столько учителю, сколько гостю, кивая на младшего: «Нингу нынче менял постель госпоже из Лиственничных покоев. Справился! А ведь она совсем не двигается и не слышит, только смотрит. Строгая госпожа!». «Мне следовало держаться лучше. Я боялся. Когда боюсь, всегда плохо справляюсь с собою» — молвил мальчик Нингу. И, как положено, вытер салфеткой слезы из-под очков. Темных очков: видимо, с его ящеринными глазами врачи и чародеи Школы отчаялись что-либо поделать. Просто прикрыли их затемненными стеклами, чтобы своим видом мальчик не смущал посторонних.

Когда ты ушел оттуда, твой Крапчатый тихонько напомнил: дома у тебя на столе несколько дней лежит уже непрочитанное письмо из-за моря, из Мардийской области.

Он не просился: «Давай уедем». Всего лишь намекнул.

«Там действительно не два учреждения, а одно. Приют для высокородных смертников. Часть из них болеет одной лишь Змеевой болезнью, а остальные еще и другими недугами. Подобным же образом в лепрозории одни прокаженные ухаживают за другими — теми, чье состояние тяжелее.» И ты соблазнился возможностью уйти. Как в старину: бродить по дорогам в балахоне с зашитыми рукавами и в белом колпаке, напоминать здоровым людям о том, как это их здоровье зыбко...

Конечно, сравнение неверное.

Из камбурранской жизни ты отчетливее всего помнишь зиму и начало весны. Крутые улочки, где почти ни одно из строений не имеет равного числа этажей по всей длине. Если спускаешься, то видишь: начинается дом как одноэтажный, а дальше, вниз по спуску, у него оказывается еще два уровня окон. Снег на уступах, на ступеньках лестниц, а при малейшей оттепели — лед. Кое-где съезжание по перилам из баловства превращается в самый безопасный способ передвижения. Аршинные сосульки, из-под крыши тамошней больницы они росли, как столбы. Ты гадал: дорастут ли до сугроба под окошком, или раньше сам он успеет осесть? Сбивать же их по каким-то причинам считалось неверным.

А потом — Ларбар. Пестрые вывески, дома из кирпича разного оттенка, а если под штукатуркой, то тоже многоцветной. Старые деревья посреди города, кое-где тщательно обойденные строителями зданий и прокладчиками мостовой. Самые ценные еще и обнесены решеткой и снабжены табличками: кто из великих деятелей прошлого связан с судьбою сего каштана или тополя. Уличная музыка, шум, трамвайный звон и гуденье машин, извозчицьи возки с колокольчиками. За четыре года не было еще, чтобы на твоём обычном пути с Коинской улицы в Университет или на Водорослевую где-нибудь чего-нибудь не копали, не чинили, не перестраивали. Грохот молотков, перебранки рабочих, свистки городского, поставленного управлять движением на сложном перекрестке. И еще много, много всяческого мельканья и суеты. Нигде больше ты не видал, чтобы жители города настолько усердно выставляли напоказ, кому что досталось: и заслуги, и труд, и посредственность, и убожество.

К счастью, это твоё жильё тебе удалось отстоять от настойчивых попыток домохозяина перекрасить стены и потолок, «перебрать» полы, и от прочих затей по улучшению быта. «Так не смотрится же!» — уговаривал он, почти просил. Главное — чтобы смотрелось. Ты заверил, что весьма доволен здешнею тишиной, спокойным окружением, и не думаешь никуда перебираться, так что осмотр квартиры новыми возможными жильцами едва ли предстоит в ближайшее время. А тебе удобно, как есть.

Опять ты задумался. Тагайчи отводит волосы у тебя со лба.

— Не обижайся, но здесь ты — настоящий. В больнице, и вообще на людях — это всё личина, притворство. На самом деле ты такой, как сейчас.

«Не совсем. На самом деле я сильнее прижимаюсь к тебе. И руку держу не на запястье у тебя, а на груди. Как надо: движение

снизу вверх и с "востока" к "западу", остановленное так, чтобы серединой ладони четче всего принять это прохладное, мягкое свечение. Свет, воспринимаемый кожей, а не глазами.

Никогда, никогда я этого не забуду. Можешь делать всё, что хочешь. Остаться или уйти, или совсем уйти, к кому тебе угодно — я оттого не стану меньше твоим. И всегда буду чувствовать в ладони твой свет. Всегда, Гайчи. Даже если однажды не смогу быть нужным тебе.»

— В операционной ты, стало быть, assistiруешь поддельной личине?

— Нет. Пожалуй, там ты тоже настоящий. Но в остальном...

— Так и есть. Мне так легче.

— Я понимаю.

— Тебе очень стыдно бывает за меня?

— Стыдно? За что?

— За мою исключительную любезность и доброту в общении с окружающими.

— Нет. Уж тогда, скорее, за них. Ты ведь почти никогда ни на кого не сердишься без причины.

«Почти»! За одно это словечко будь благословенна твоя женщина!

Ты смеешься, и поначалу ее это испугало. Будто ты счел ее слова нелепыми. Но она поняла. И тоже улыбнулась тебе.

— Спасибо, Гайчи. Хорошо ты сказала: «почти». Всё правильно. Буду стараться, чтобы такие исключения повторялись как можно реже.

Ты уже целых полчаса не целовал ее. Так чего же ты ждешь?

Неправда, будто ей незнакомо сие искусство. На этот раз — крепкий, глубокий поцелуй.

— Мне многому придется учиться.

— Тебе? Чему?

— Иначе вести себя.

— По мне, лучше всего так, как есть.

«Возьмешься ты, мастер, работать над своим поведением — неровен час, еще хуже выйдет. В самом деле, уж пусть всё останется, как есть.»

— У меня давно не было женщины. Должно быть, я сделал тебе больно.

Сказал и сам задумался: давно — это сколько? Три дня? Три месяца? Полгода? Шестнадцать лет? Или двадцать шесть с половиной, считая с тех пор, как ты осознал себя мужчиной?

— Нет, что ты, нет! Было очень хорошо. И сейчас хорошо.

— Ты, пожалуйста, говори, когда тебе будет неприятно, неловко, трудно.

— Скажу, если... Только вряд ли. Ты... Ты же всё чувствуешь.

«Ты же владеешь ясновидением. По слухам, ты боль другого человека можешь воспринимать без дополнительных подсказок...»

— Заморские привычки могут весьма раздражать.

— Да нет же! Ты и не можешь быть мэйанином... А я что делаю неправильно?

— Я скажу. Если будет случай, скажу.

— Арандийская женщина, наверное, должна быть совсем другой? Не такой... нахальной? И без веснушек?

— О, да. Набеленной и с киноварью на губах.

— Так киноварь — это же яд? В ней же ртуть?

— Да, яд. И в устах, в речах покорной служанки должна содержаться не меньшая доля яда.

— Не знаю, получится ли у меня. Но я попробую.

«Хотя бы этот твой ответ доказывает уже, что ты сие отлично умеешь.»

— А что ты имеешь против веснушек? Как я слышал, в Мэйане они ценятся как наследие древней Дибулы...

— Когда их умеренное количество и весной, это ничего. А если столько — и круглый год?

— Естественное явление для кожи, чувствительной к солнечному свету. Ничего нездорового в этом нет.

— Но некрасиво.

— Ничуть. Не вздумай их выводить: составы, которые для этого продаются, ртути все-таки не содержат, но оттого не менее вредны.

— Ладно, не буду.

— Дело не только в арандийских обычаях, но и в моих собственных.

— Которые это?

— Например, я и не подозревал, что когда-нибудь мне нравится будет вот так лежать: рядом с тобой, полностью раздевшись. Это стыдно, отчаянно стыдно, но и приятно тоже.

— Ты стесняешься меня?

— Не тебя, а перед тобой — своего тела, своих повадок.

— Как хочешь, но это напрасно. Ты очень хорош собою, мастер.

— Образец змийского благообразия.

— Не смейся.

— Я не смеюсь. Но таких неловкостей будет еще много.

— Ничего. Всё это преодолимо.

«Вот и начнем. Скажи: будет ли нарушением мэйанского понятия о приличиях, если я сейчас пойду приготовить чай?»

— Можно наглое предложение, мастер?

— Да?

— Что, если я сварю тебе кофе?

Крапчатый прав. Ты слишком долго собираешься.

— Хорошо.

Вот, оказывается, каков способ заслужить взгляд твоей любимой, полный самой живой благодарности. Она ждала ответа: «Нет, нельзя»? Должно быть, не без оснований...

— Только я тогда попрошу у тебя что-нибудь вроде простынки.

Ты достанешь из сундука аинг для себя. И еще один — для нее. Домашний, подходящий и для женщины. Поди в рабочую комнату, обуйся сам и принеси ей башмаки.

Аинг она повязала не на поясе, а поверх груди. Точно так, как делают это злоязычные женщины Аранды. Всё правильно.

По дороге на кухню покажи: тут ванная, тут уборная. Еще один признательный взгляд. Как просто угодить человеку, если заранее ты его хорошенько запугал. «У мастера Чангаданга свои порядки, в доме у него, пожалуй, ничего и тронуть нельзя...»

На кухне ты зажжешь огонь в горелке под чайником с водой. Гайчи придет. Поднимет крышку на глиняном, почти шарообразном чайничке, увидав его на столе. Такие емкости, как тебе объяснили в лавке, лучше всего годятся для травяного чая.

Заметит внутри соринку, соломинку: осталась от упаковки. И поглядит на тебя, и приведет ладонью по твоей руке. Ничего не скажет. Но: «Ты, оказывается, всё-таки ждал меня. Глупый-глупый мастер, да отчего же ты так боишься в этом сознаться?»

Или наоборот: «Ты нарочно всё так оставил, чтобы я видела, как серьезно ты готовился к моему приходу. Что же, зрелище поставлено убедительно. Мои поздравления!»

«Я просто боюсь сделать что-нибудь неправильно.»

«Это мы с тобой проходили: там, в больнице. Страх как важнейший навык лекаря. Я тоже боюсь, как видишь.»

«Значит, всё хорошо.»

«Вот именно.»

И чай будет заварен, и кофе с сахаром вскипячен в кофейнике. С чашками можно вернуться в спальню. Иди вперед, открой тамшний зеленый светильник. И поставь на одеяло поднос.

Вот так, друг против друга, сидя на постели. Ты и она.

— В лечебнице, боюсь, я не смогу держаться с тобою по-другому, не как старший коллега.

«Представь себе, я об этом тоже думала.»

— Конечно. Всё будет, как раньше.

— Ничто уже не будет так, как раньше, Тагайчи. И это хорошо.

— Очень хорошо, мастер!

— Сколько глупостей я успел тебе наговорить...

Ты тоже с успехом расставляешь словесные ловушки себе самому. Сродни известному противоречию: «Все жители Диерри — лжецы, сказал житель Диерри». К вопросу о том, кого больше всего в Коине. «Я наговорил глупостей, и это — одна из них...»

— О чем ты?

— Хотя бы о том, кому следует учиться на хирурга, а кому нет.

Улыбка: «Выходит, ты помнишь? Самый первый день нашей практики...»

«Еще бы мне не помнить! Я влюбился в тебя уже тогда. Только поначалу не сознавал этого. Оробел, как мальчишка, от твоей красоты, и начал нести невесть что...»

«Все уроженцы Кэраэнга — льстецы?»

— Но, кажется, за морем и вправду не принято, чтобы женщина работала лекарем?

— Не совсем так. Чаще всего арандийская женщина-врач в старину не имела ранга, как и сейчас не имеет ученого разряда, но

числится помощницей при ком-то из своей родни мужского пола. В остальном она может быть вполне самостоятельна. Среди хирургов женщин мало, да, но и такая служба для них не невозможна. Считается: если есть задатки, их надобно развивать, у мужчины ли, у женщины...

— Это хорошо.

— У тебя, Тагайчи, задатки есть. По самым строгим меркам — есть, и немалые. Лекарский дар. И как я могу видеть, развивается он сейчас очень неплохо.

— Потому что меня учишь ты.

— У меня, по сути, раньше никогда не было учеников. Ты и сама могла заметить: наставнического опыта очень мало. И главное, чего я боюсь, — испортить твой природный дар.

— Ты не испортишь. Как ты работаешь — достаточно видеть это, и никакие наставления с этим не сравнятся. Не обижайся, что я об этом говорю, но это очень красиво, очень... точно, и... не знаю, как назвать, но это прекрасно!

«Все жительницы мэйанского юга — мастерицы смущать мужчин чрезмерною похвалою?»

«Это тебе на будущее. Попробуй только не стать таким, каким я тебя вижу!»

«Сие желание взаимно.»

«Стану. Еще и не такую стану!»

«Постараюсь дожить, дожждаться.»

«Да уж, пожалуйста.»

Ты отнесешь чашки и поднос на кухню. Когда придешь, опустишь крышку на светильнике. Развяжешь аинг, ляжешь. Гайчи уже забралась под одеяло и аинг тоже сняла.

— Ты знала, что я тайком люблюсь тобою — там, в лечебнице? Как славно у тебя получают уже многие вещи, важные в нашем ремесле. Как ловко и как спокойно ты работаешь.

— Мне очень страшно было, что ты меня будешь ругать... Нет, даже не в этом дело. Просто страшно было сделать что-то не так. Ведь ты бы это заметил, и тогда...

— А если бы я не заметил, разве ты не старалась бы?

— Ты все равно бы узнал. И тогда — лучше сквозь землю провалиться.

— А еще я делал вид, будто сплю, а сам глядел на тебя. Это ты тоже знала?

— Иногда мне казалось: да. Но я не верила. Ты — и вдруг...

— Пожилой наставник из-за моря не способен понять женской красоты?

— Скажешь тоже...

— Как женщина ты совершенна. И не годится тебе не признавать этого. Горячая, ласковая. Не просто умный человек, а еще и умная женщина. С тем самым женским умом, о котором учат арандийские мудрецы.

— Это как?

— У мужчины ум один, в сердце. А у женщины есть еще и другой. Помещается он, по их расчету, вот тут: на ладонь повыше створочки.

— Что-то новое в анатомии.

— Скорее, древнее.

— Какое там «совершенство»! Для кого-то, может быть, да. Это не значит, что для всех и всегда. Да это и не важно.

— Для меня. Хотя и не во мне дело.

— Именно в тебе.

«Погоди. Когда ты так прикасаешься — хорошо, славно. Но понимаешь ли ты, что этим не согреваешь, а разжигаешь меня?»

«Конечно. Именно это я и делаю.»

«Еще не сейчас. Подожди.»

«Будь по-твоему.»

— Скажи: как ты узнала, что бывает в любви между женщиной и мужчиной?

«Ну и вопрос! Я это всегда знала. По крайней мере, несколько последних тысячелетий...»

— От папы. Лет в десять.

— В семье заведено, что о таких вещах говорится с бабушкой? А не с мамой, не с подругами?

— Да. Мне кажется, ему не хотелось, чтобы я это услышала в первый раз от ребятни на улице. Вот он и рассказал.

— В ученых врачебательских выражениях? Или как сказку?

— Нет, так бы я не поняла. Простыми, обычными словами. Но, конечно, по науке. Чтобы я не боялась, когда в первый раз девичьи дела начнутся.

— Это хорошо. Я с матерью о вещах, связанных с мужской телесной жизнью, говорить бы не мог. Никогда, не при каких условиях.

— А твоя матушка...

— Умерла, когда мне было одиннадцать.

— Прости.

— Расширение аорты.

— А ты тогда уже начал учиться врачеванию?

— Да. Ходил не в обычную школу, а в лекарскую.

— Ты понимал, что с матушкой?

— Понимал.

— Тяжело...

— В Кэраэнге, в детстве у меня было так: две половины дома, мужская и женская. С пяти лет я в комнаты женщин своего семейства приходил, только если позовут.

— И потом бабушка твой больше не женился?

— Да.

«Означает ли это, что быт без женщин тебе привычнее?»

«Да. Присутствие в доме хозяйки, госпожи — я это успел забыть.»

«Не стану я у тебя хозяйничать. Разве что ты сам очень этого захочешь.»

«Не надо.»

«Но ты и не ждал от меня жалости к бедному сироте... Ведь так?»

«Благослови тебя Господь, что ты этого не делаешь.»

— А тогда, в свое время, ты хотел жениться?

— В пятнадцать лет? Да, пожалуй. Думал, что у меня как у начинающего лекаря всё получится лучше, чем у многих моих ровесников: я больше знаю о телесной человеческой жизни, лучше владею собственным телом... К тому же, к свадьбе предполагались красивые наряды, много подарков, путешествие к морю. Сам Кэразнг, конечно, тоже стоит на море, но незастроенное побережье — это совсем другое...

— Понятно.

— А еще: когда ты маленькая была, тебя родители укладывали вместе с собою, в свою постель?

— Бывало. Только Ничи обижалась. Это моя старшая сестра. И они перестали. Только изредка, но тогда уж обеих сразу. Зимой, чтобы теплее было.

— А что у тебя было раньше: первый лунный срок — или опыт того, что у девичьего тела есть свой способ наслаждения?

— Нет: срок, конечно, раньше.

— Очень больно было?

— Ну, скажем так, ощутимо.

— А теперь?

— Пока девушкой была — да, бывало больно. В последнее время — нет.

— Хорошо... А то, что зовется лунным помрачением?

— А это что такое?

— Приступы беспричинной раздражительности и злости перед приходом срока.

— Злости? Едва ли. Но бывает: увидишь на улице какую-нибудь бездомную собаку или бродягу нищего — и в слёзы...

— В Четвертой лечебнице однажды такое было, верно? Осмотр...

— Да, тот усатый дядька, с ножевым. Позор — лекарю разревься!

— Ты сдержалась.

— Но ты... Ты всё, всё чувствуешь, мастер...

— Я догадался: дело не в недужном, а в твоём собственном состоянии.

— Тем хуже.

— Ничего. В какой-то мере он сам искал жалости особого свойства: «Вы, мастера, делайте, что надобно, за меня не переживайте: как-нибудь потерплю...»

— Может быть, тут всё дело в голосе. Этаким низким, рыхлым, сам со слезой.

— А для тебя голос мужчины много значит?

— Конечно! И не только мужчины, голос женщины тоже. А особенно мне нравятся такие голоса, как у тебя.

— Это какие?

«А ты не знал, как я в тебя влюбилась? Что было первым впечатлением? Или одним из первых?»

«Голос? Говорящий глупейшие мерзости?»

«Не думай, будто я при первой нашей встрече особенно пристально следила за содержанием твоих речей. Звук голоса был важнее. И по нему я поняла всё, что мне было нужно.»

— Такой... Твердый, временами жесткий. Всегда негромкий. Ровный, без тех переливов, которыми многие гордятся, будто они сильно украшают мужчину. Спокойный. И иногда такой, что идет из самой глубины, от всего тела. Лицедеев, певцов нарочно учат этому...

— Нет, певческих способностей у меня начисто нет. Возможно, это просто навык дыхания. В Школе его в самом деле отработывали

— Врачу тоже важно правильно дышать.

— Да. Хирургу особенно. И отчасти ты это уже умеешь.

— Что не значит, будто дальше можно не учиться.

— Да.

— А у тебя как было? Ты как узнал — про то, что у мужчины бывает с женщиной?

— Впервые — из книги.

— Ну, да. В Аранде же это всё написано в особых книгах — не в учебниках по естествознанию, а в старинных, по искусству любви?

— Ты что-то из этого читала?

— Нет. Только пересказы. Но они... В общем, не совсем на приумножение знаний были рассчитаны.

— Если хочешь, можем как-нибудь с тобой разобрать что-нибудь из подлинника.

«Только едва ли ты найдешь там что-то разительно новое для себя.»

«Всё равно любопытно. Но практика, по-моему, важнее и в этом тоже»

«Прости. Я, кажется, заболтался.»

«Ничего. Но я хочу к тебе.»

«Да.»

Ты перекатишься на спину и спросишь:

— Возьмешь меня?

Гайчи отзовется не сразу. Но ответит:

— Да!

И возьмет тебя. Бережно и крепко охватит твои бедра своими. Движения неспешные, точно в лад твоим. До самого края, по краю, но не через край твоего телесного счастья. И ясная, живая радость ее — будто вдох, когда из-под воды пробиваешься на воздух.

Можно долго, долго лежать вот так. Ты как опора для нее. Как дерево на волнах — для пловца, что выбрался отдохнуть.

— Тебе не тяжело?

— Нет. Не бойся. Очень хорошо.
«А то, что ты... Что мне удалось больше, чем тебе?»
«Всё правильно. Я и хотел, чтобы в этот раз было так. Так еще часто будет — если будет, конечно...»
«Будет! Если ты сам захочешь.»
«Захочу. Не обижайся.»
«Какая обида, что ты...»
— Пятое число месяца Плясуны тысяча сто восемнадцатого года Объединения. Самый счастливый день моей жизни.
— Ох, мастер... А для меня это еще и самый лучший день рождения.
— У тебя сегодня был день рождения?
— Да. То есть уже вчера. Двадцать два года.
— Напрасно гости ждали за столом?
— Нет. Я никого не приглашала.
— Останешься со мной до утра?
— Конечно. Если можно...
— Отчего же нет?
Она обнимет тебя крепко-крепко. Потом переберется, ляжет рядом.
— Мы могли бы жить вместе, Гайчи.
«Ты хотел бы?»
— Условие для этого одно, хотя и весьма дурацкое.
— Какое?
— Твой первый лекарский разряд. Независимость от меня как от наставника.
— Можно подумать, я когда-нибудь перестану учиться у тебя!
«И не воображаешь ли ты, будто я от тебя завишу? По-твоему, любовь что-то общее имеет с зависимостью? Если да, то ты ничего, ничего не понял из того, что здесь было между мной и тобой сегодня. И едва ли когда-нибудь поймешь.»
— Рано или поздно это произойдет. Иначе — позор мне как учителю. Но я говорю не об этом, а о более простой вещи: об университетских порядках. Работать с тобой я буду продолжать, как бы ни сложилось...
— И я очень этого хочу.
— Значит, те, кто мог бы нам помешать, не получают повода это сделать. Держаться с вызовом, открыто заявлять о своей любви — возможно, но не знаю, надобно ли. Сложностей это даст достаточно, а делу на пользу не послужит.
— Ну и не надо.
— Я не знаю еще, смогу ли я по действующим мэйанским законам получить развод. По Закону, перед Богом, мой брак давно утратил силу, но...
— А это обязательно?
— Что?
— Развод и прочие казенные штуки.
— Для меня — нет.
— Для меня тоже. Я люблю тебя. Всё остальное не важно.

— И я тебя люблю.

В Войске, в первый твой призыв, лежа без сна после самых трудных тогдашних дней, после ледяного ветра, работы и суеты, ты мечтал о Женщине. Не о супруге своей и не о ком-то из тех, кого тебе доводилось встречать, а вот об этой женщине. Именно такого роста и сложения, точно с такими волосами, руками, бедрами, коленями... Кто же знал, что тогда она еще не родилась? В более спокойные часы ты мог уговаривать себя, что на самом деле тянешься к томным и чопорным барышням во вкусе Царской Столицы. И только изредка признавался сам себе: тебе, Лингарраи, нужна вот такая женщина. «Мечта морского пехотинца»...

Да, это она. Твоя любимая женщина — Тагайчи.

Ее дыхание ровнее, глубже. Всего на несколько мгновений, потом она очнется.

— Засыпаешь?

— Нет. Немножко.

— Засыпай. Я разбужу тебя.

— «Разбужу тебя»... Как хорошо это звучит!

— Что же тут хорошего? Вставать рано. Утром уроки, работа...

— Ничего.

— Ты приходи сюда, когда захочешь. Вечерами, если не на дежурстве, я всегда здесь. И всегда буду ждать тебя.

— Мастер...

Она уснет, повернувшись на бок, к тебе спиной. Ты бы тоже уснул...

Шорох Змеевой чешуи по волокнам циновки.

— Ну, что? Доволен? Счастлив? Блаженствуешь?

— Именно так, Бенг. Доволен. Счастлив. Блаженствую.

— Все-таки ты не мог воздержаться от мерзостей. «Разряд»! Тоже мне, поборник женской образованности. «Польза дела прежде всего»... И еще: тебе непременно надо было предложить ей пожениться в таких выражениях, чтобы она отказалась?

— Я не могу сейчас предлагать ей это.

— Тогда уж лучше молчал бы.

— Развода сие не отменяет.

— И с днем рожденья ты ее не поздравил... Подарка не припас...

— Я не знал. Погожу до утра, придумаю что-нибудь.

— Это не должна быть вещь. Скорее, какое-то действие, событие.

— Операция посвящается тебе?

— Примерно. Но это выдумал не ты.

— Ладно. Сообразу.

Змей потягивается.

— А вообще, Человече, я готов согласиться с тобою. Хорошо!

Крапчатый свернется на циновке возле кровати. Ты уляжешься за спиной у Гайчи, обхватишь ее. И вы тоже уснете: ты и твой Бенг. Самый счастливый день.

Всё сие могло быть...

Всё сие могло быть по-своему увлекательно. Тайная любовь, как в повестях из жизни царских родичей.

Батюшка когда-то тебе говорил: когда скрываешься, то успех этого занятия на девять десятых зависит от твоей собственной веры в то, что тебя не поймают. А ее-то сейчас и нет. Но если не хочешь остаться подлецом, ты никому не должен показать, что случилось с тобою. Ни следа твоего нынешнего счастья. И в те же самые мгновения ты не можешь допустить, чтобы Гайчи, глядя на тебя, вдруг решила, будто ты «всё забыл». Змей уверял тебя: она умная женщина, она сама помнит, ей этого достаточно... Нет. Ты мог уже убедиться: не настолько совершенна оказалась твоя любовь, чтобы возможно было верить в нее просто так.

Велика и ненадежна. Неотступна, но не прочна. Не такое сокровище, чтобы довериться ему и не сомневаться.

Гайчи той ночью, кажется, понравились твои слова: «Разбужу тебя утром». Прозвучало уверенно. Как если бы будущее ваше житье было для тебя полностью ясно. Но проснувшись, ты только начал соображать: и как же именно будет выглядеть обещанная тобою четкая граница? Разница между жизнью вдвоем, настоящей твоей теперешней жизнью, и внешней видимостью «наставника и ученицы»?

Нужен приметный знак. Допустим, когда ты меняешь рабочие очки на уличные, это значит: вы больше не дома, вы посторонние люди на виду у посторонних людей. И наоборот, на службе ты надеваешь очки для работы — и притворство снова ни к чему, ибо здесь вы вместе. Остается пустяк: научиться менять очки подобно тому, как царевич Каджалуи взводил самострел. Одним сим деянием отпугивая врагов от границы твоего царства.

Враги...

Коллеги твои Лидалаи и Чилл утром шестого числа месяца Плясуньи явились на службу чуть заранее. Расставили в проходной зале на первом этаже расписные пустые глиняные горшки для цветов. Разного размера, но с одинаковым белым узором: ломаная черта наискось от края к днищу, как лестничные ступеньки. Ты смотрел, неведомо почему, зацепился взглядом за этот рисунок, и Чилл сказал:

— Извините.

Лидалаи повторил за ним, еще более сокрушенным голосом:

— Извините, пожалуйста.

Оба поспешно принялись убирать горшки. Оба обращались к тебе. Сочли, будто ты в чем-то их обвиняешь.

По коридору первого отделения навстречу тебе шел Никони. Остановился, пробормотал: «Я сейчас, только больного посмотреть...», и повернул в процедурную. Ты не подзывал его, ниоткуда

не следовало, будто он тебе надобен или ты ждешь от него каких-то определенных действий.

Дать волю печали, естественной после любовного свидания. Медлительность твоего ума причиной тому, что у тебя это состояние наступает не сразу и не наутро, а по прошествии полусуток. Если окружающие шарахаются от тебя, то тебе же лучше.

Гайчи была на уроках. Встретиться с нею ты должен был завтра, седьмого числа, на дежурстве в Четвертой лечебнице. Ты с похвальным усердием не думал ни о чем, кроме работы. Повторял про себя по порядку, как школьную считалочку: йод, скальпель, время-разрез, зажимы, вязать, еще-вязать, скальпель-поменять, обложиться, два-пинцета-ножницы, время-чревосечение... Белые ступеньки мелькали у тебя перед глазами там, где их вовсе нет: на оконном стекле, на стене, наискось по лицу мастера Арнери, твоего ассистента.

Ступеньки. Утром ты спускался, Тагайчи шла чуть впереди. Ты старался не смотреть на нее, считал ее шаги. Никто не попался вам по дороге: жители Коинской улицы так рано не выбирают на службу.

Вы еще не расстались, а ты уже начал тосковать. Оттого и не сумел попрощаться как следует.

Улыбка, одно из первых умений в жизни у людей. Ты разучился улыбаться — будто вернулся к самому-самому началу. Когда любишь, но не знаешь способа подать весть о том, кроме как молчанием.

Звери скалятся, кружат друг возле друга, меняют запах. Птицы склоняют головы, топорщат мелкие перышки. Холоднокровные твари перебирают чешую. И только ты не можешь улыбнуться. Любовь не оставила тебе ни речи, ни тела, только душу. И много времени пройдет еще, пока у души вырастут свои перья. Пока она приспособится жить внутри Любви.

Служебный день кончился, ты вышел за ворота Университета. Сосчитал часы и минуты, что остались до трех пополудни седьмого числа Плясуньина месяца. Иди домой и жди, как обещал. Скорее всего, нынче вечером Тагайчи к тебе не придет, и все-таки ты будешь ее ждать. Это не сложно. Вернешься, ляжешь, закроешь глаза и подождешь, пока можно станет снова ожить. Хотя нет: по дому следует сделать несколько дел, так что твоя задача еще проще. Надобные теперь поправки к твоему быту, мелкие, но в немалом числе.

Змей говорил про зеркало. Барышне нужно зеркало, большое, чтобы оглядеть свой наряд перед выходом. Если бы знать еще, к какому роду утвари нынче относятся зеркала. С чем вместе их продают: с мебелью? Со стеклянными изделиями?

Крапчатый огрызнулся:

— С предметами старины. Они же Царские Сокровища.

Еще он напомнил: из утвари для готовки у вас на кухне, кроме войскового котелка, миски, чайника и сковородки, есть только один судок, привезенный еще из Камбуррана. В последний раз вы в нем варили клей, когда пришлось отсылать по начальству рукопись

твоей разрядной работы. Отчего-то на почте готовых оберток подходящего размера не оказалось, и пришлось клеить самому. А барышне надобны условия, чтобы при желании заняться домашней стряпней! Только этого не хватало, — отозвался ты. Вести твое хозяйство? Этого ты никому не пожелал бы, а Тагайчи и подавно. И ты решил: по дому какие-то меры ты еще примешь, но в Гостиный двор точно не пойдешь. Ты же обещал быть вечерами на Коинской.

Змей замолчал. На ближайшие сутки вовсе перестал разговаривать с тобою.

Седьмое число, больница на Водорослевой улице. Рослая, худая женщина лет сорока с небольшим. Тупая травма, множественные повреждения. Якобы упала на улице, на деле очевидно — побои. Итоги семейной размолвки. Громче всех той ночью в приемном покое шумел мужчина, доставивший ее: отечный, небритый, в казенной куртке неизвестного тебе городского ведомства. То ли сынок из ранних детей, то ли младший брат, а может быть, моложавый муж. Он кричал на писаршу, раз от разу всё с большим надрывом:

— Лана — она одна у меня, понятно вам, нет? Одна, одна на свете!

Не иначе, сам же ее и отделал, — заметила одна из нянек. Тагайчи хмуро кивнула:

— Похоже на то.

Это прозвучало еще и для тебя. Не забывай, боярич из Кэраэнга: Гайчи за свои двадцать два года достаточно навидалась подобных семей. Больные в лабирранской лечебнице, соседи, подружки в школе... Да и вообще в Объединенном Королевстве сие составляет правило, а не исключение. Университет, будущая служба разрядного лекаря, ты, ученый коллега восточного происхождения, — как тонкая пленка на поверхности вот такого «житейского житья». Остается утешаться радужными, призрачными картинками, что иногда пробегают по ней. Однако глупейшей глупостью было бы на них полагаться.

Тагайчи делает прокол, заводит шарящий катетер. По нему поступает кровь. Показания к немедленной операции. Крови действительно много, еще до ревизии можно подозревать разрыв селезенки. Печень тоже пострадала: в третьем сегменте разрыв величиною в палец. «Начинать следует со спленэктомии.» Гайчи просит сестру приготовить изогнутый зажим на ножку селезенки. Худощавая недужная, острый грудной угол, Гайчи особенно трудно его оттянуть — не потому ли ты стараешься делать всё как можно быстрее? А для печени требуются кетгут и круглая игла. У сестры уже наготове и то, и другое. Осушить, промыть, еще раз осушить. Кажется, больше не течет. Кровопотеря до одного аруани, потребуются обширные заместительные вливания. Еще бы здесь, в Четвертой, нашлись растворы...

Разумеется, сообщать участковой страже о случае нанесения увечий никто не стал. По закону ты, врач, должен был сделать это, но здесь — нельзя. Один из устоев Водорослевой улицы: отсюда не

доносят. Недостойная, но увы, неизбежная мера. Иначе жители ларбарских рабочих кварталов и вовсе никогда не обращались бы за помощью к лекарям.

Больше всего тебе хотелось тогда отыскать родственника недужной Ланы и воздать ему по заслугам. «Отделать» если и не соразмерно тому, что он сотворил, то хотя бы чтобы запомнил.

Крапчатый Бенг окликнул тебя:

— Хорошо, Лингарраи. Только прежде вели ему предъявить кулаки для осмотра. Или как-то еще убедись, что бил именно он.

И добавил:

— Из того, что эта Лана у него «одна», не следует с необходимостью, что и он — тоже единственный мерзкий мужичонка в ее жизни.

— Если не единственный, то куда он смотрел, пока его женщину кто-то калечил?

— Всё равно виноват получается... Скажи: а тебя в твоих собственных «семейных ссорах», если бы дело дошло до драки — тебя остановили бы женский пол и телесная хилость твоего ненавистного врага?

В таком настроении, как сейчас? Пожалуй, нет. Для того в Кэразнге и существуют семейные молельни, и в худшие часы своей жизни царские родичи сходятся туда. Чтобы быть под присмотром знатоков обряда и чар, когда в ход пойдут уже не кулаки и не самострелы, а когти и чешуйчатые хвосты. Высокое вежество Столицы: для разнимания дерущихся змеев есть вековые правила. Правда, и они далеко не всегда спасают от увечий.

— Вот, видишь: глупости это насчет «всамделишной жизни» и тонкой прослойки учености пополам с добродетелью. Вовсе Гайчи не думала тебе указывать ни на что такое.

Через два дня, девятого, ты зашел в Четвертую лечебницу рано утром. На обратном пути тебе во дворе встретился тамошний твой начальник, мастер Луггани. Он спросил почти без сомнения в голосе:

— Совсем плоха тетка?

Этот человек и сотрудников своих, и недужных называет не по именам и прозваниям, а по степеням родства: «батюшка», «дядька», «браток»... Та же мысль, что заложена в выражении «медицинская сестра», продолженная чуть дальше. Когда-то в Валла-Марранге твоего наставника Дангенбуанга тоже все звали «дедом». Только вот для тебя Луггани места в своем многолюдном семействе не подобрал, а потому вовсе избегает личных обращений.

— Средней тяжести. Гемодинамика устойчива. Перистальтика появилась. По дренажам сухо. А откуда Ваш столь мрачный вывод?

— Нет, просто... Я смотрю, у Вас вид такой...

Молодец, Лингарраи. Блистательный успех в деле сокрытия твоего счастья. Скоро прохожие на улице будут подходить с изъяснением соболезнавания.

— Не надо судить о состоянии недужной по выражению лица ее врача.

Луггани усмехнулся. словно бы не нелепости очередного восточного мудрого изречения, а в ответ собственной твоей усмешке. Значит, ты еще способен шутить над собою вслух. И сие замечают даже тут, вдали от Золотой Столицы. Что хорошо, то хорошо.

Девятого вечером. У тебя на Коинской. У вас, потому что здесь вы вместе.

— Ничего, мастер, что я так рано?

— Хорошо, очень хорошо. Я сам хотел тебя попросить: приходи пораньше. Не в полночь...

Ты действительно собирался это сказать. Еще позавчера, днем седьмого числа. Гайчи подошла к тебе на трамвайной остановке возле Университета. Поглядела —спокойно: так, словно бы ничего меж вами и нет, и не было. Ничего, в чем бы следовало таиться. И так оставалось все дежурство. Только при прощании глаза ее ненадолго стали прежними. «Мастер, мастер, а ведь всё у нас с тобою могло бы стать совсем по-другому, по-настоящему...»

Ты не нашел слов. «Приходите пораньше, если...» То есть ты допускаешь, будто она могла уже для себя решить больше не появляться на Коинской улице? «...когда соберетесь»? «А откуда Ваша столь прочная уверенность, что я соберусь?» И так далее. Ты, как обычно, промолчал.

И вот, она здесь. Обнимает тебя — без страсти, доверчиво и тихо. Так прислоняются к стволу большого дерева, к столбу под галереей старого дома. А у тебя галереи нет, и дома тоже нет, не считая этого съемного мэйанского жилища.

Устала. Работа, уроки, бессонные ночи, балаган, подружки и приятели, в чьей жизни тоже важно мелькать. Они тем и хороши, что всерьез не верят в существование знакомой своей барышни Ягукко, а она — в их. Ты веришь. Наверное, в этом и есть твоя особенность.

Устала, и потому твои нежности не к месту.

На улице почти уже зима. Как это славно: живой, яркий холодок девичьей щеки у тебя на щеке. Ты смеешься? Или плачешь? Как в самом начале жизни, когда одно от другого еще не отличается.

— Ты ждал меня.

— Ждал!

«Но надо же было и отдохнуть друг от друга, правда? Успеть соскучиться...»

— Здесь теперь всюду ты. И на службе тоже. Будто время не движется.

«Слишком долго пришлось дожидаться?»

— А я боялась... Это глупо, глупее некуда, но...

— Боялась быть некстати?

— Да.

— Ничего. Не надо ничего такого бояться. Не обещаю ждать Вас безмерно долго, зато могу поручиться, что готов ждать сколь угодно кратко, как говорит друг мой Тиарарри Билиронг.

— Я догадалась, что он твой друг.
— Да, еще по школе. До его учтивости мне всегда было далеко.

«Так что не сердись, если я словами, без рук, не могу сказать тебе, как я тебя люблю.»

«Это хорошо, что у тебя где-то есть хотя бы один друг. Хотя бы за морем.»

«Даже и у чудовищ иногда бывают друзья.»

«А у меня вот — нет. Только ты. Приятели не в счет.»

— Я хочу, чтобы мы с тобой были вместе, Гайчи. Всегда, каждый день. Каждый час, насколько это получится.

— А разве мы не вместе, мастер?

— Да. Вместе. И это очень хорошо.

— Хорошо. И я никуда не денусь.

— Я и не отпущу, пока не выучу. А потом сам буду у тебя учиться.

— Ты у меня?

— В том и смысл наставничества: подготовить лучшего знатока, чем ты сам.

Гайчи вскидывает голову. Отвечает совсем по-мальчишески, в точности как твой Бенг во мгновения наивысшего довольства собою:

— А что? Не откажусь!

Чай и ужин. Холодное мясо, сыр, мелкая картошка на палочках, печеная над огнем. При некотором навыке можно чистить горячие клубни так, чтобы не обжигаться: другой такой же палочкой подхватывается слой кожуры, и дальше она разматывается, словно повязка.

Первый клубень сотрапезнику. Обычное в Лекарской школе поведение старшего с младшим. Слово бы не ты этого младшего гонял целый день с учебными заданиями и со своими собственными вздорными затеями.

— На Востоке так принято поступать с картошкой? — спрашивает Гайчи, следя за твоими руками.

— «Дурное обращение с растением»?

— Дай-ка я тоже попробую.

Получается, пусть и не сразу.

— Тонкости!

— Ну, еще бы. Однажды при мне с помощью этого приема Билиронг объяснял, как одни небесные светила вращаются вокруг других.

В Школе и наставники меж собою, и дети в своем кругу все делились на «старших братцев» и «младших братишек». Еще один пример родства по ремеслу. Юноше, которого опекал Тиарарри, начисто не давались отвлеченные науки — ни счет, ни грамматика, не говоря уже о законах механики. Если вещь нельзя потрогать руками, он над нею думать и не пытался. И отчасти даже гордился этим. Во-первых, приятно быть не способным ни к чему, кроме врачевания: все видят сие и уж точно тебя не выгонят. Во-вторых, Билиронг с ним вел себя гораздо бережнее, чем многие другие старшие со

своими подопечными. В этом случае, как и в тысяче прочих, Тиаррри доверено было самое трудное, что есть в Школе. А ты и завидовал, и радовался, что тебе самому не пришлось оказаться у него под началом. Тогда еще слава ужаснейшего из чудищ тебя не привлекала. А кроме того, нравилось, когда на тебя обращают внимание не по обязанности, а просто так.

— Собственно, в школьные годы мы с Билиронгом друзьями не были. Он на четыре года старше, я едва ли мог ему предложить что-то любопытное.

— В детстве при такой разнице вообще сложно подружиться. А потом?

— Хоть немного, но сравнялись. Он после первого войскового года остался на корабле, где служил. Проходил еще две навигации, вернулся в Училище, когда я уже тоже там учился. Потом я в войско ушел, потом у него почти сразу началась стажировка... По-настоящему встретились только на втором призыве, в Валла-Марранге.

— А что за странное слово билиронг: «колючий красный»?

— Так в Аранде зовут полевой репейник. Там он и вправду красный, а не фиолетовый, как здесь. И весь в шипах, от самого корня до головки цветка. Почему-то это прозвище дали одному из покоев Царского Дома, а потом и царевне, жившей в нем. Высокородный Тиаррри — потомок сей дамы. Иногда он и сам походил на свое семейное растение.

— Как это? Самый ершистый был?

— Высокий рост, волосы торчком, как бы он их ни приглаживал. Привычка на любые вопросы и требования отзываться первым. Умение возражать наставникам так, чтобы сие звучало по-взрослому. Так было в Школе и в Училище. Примерно того же я ждал, когда приехал к месту службы и услышал, что Билиронг тоже там.

— А оказалось?

— Подружились.

— Расскажи.

Твой, надеюсь, незабвенный друг. Так царский родич из дома Репейника подписывает свои послания к тебе. Давно, очень давно ты не вспоминал тех времен твоей жизни, когда человек из постороннего становится близким. Странно, что подобные чудеса вообще могли случаться с тобою.

— Здесь, на Чегуре, в Камбурране, я поначалу удивлялся: как часты у жителей Мэйана осложненные грыжи.

— Чаше, чем в Аранде?

— В десятки раз. Оказалось, все дело в послушании. Арандийцу, нажившему себе грыжу, и в голову не придет сомневаться в решении лекаря: надо оперировать — значит, надо. В плановом порядке — конечно, кроме случаев, когда общее телесное состояние слишком неблагополучно. Не удивительно, что за годы учебы я почти не видел ущемлений. Тем более, доведенных до некроза кишки...

— Непрохода, перитонита, флегмон...

Непроходимость кишечника, острое воспаление брюшины, гнойное воспаление грыжевого мешка. Дитя на своем «заморском»

арандийском повторяет всё то, что и ты, и каждый из твоих соучеников вспомнил бы, не задумавшись. Скороговорка из «Трактата о Слабых Местах», свиток шестой, часть вторая, «Тело живого создания».

При этом дитя не из Лекарской школы, даже не из Высшего училища. И не то чтобы ты при Тагайчи когда-нибудь рассуждал о грыжах с подобающими выдержками из древних книг. Общность судьбы...

— Да. И все-таки в первый раз я с этим столкнулся не тут, а как раз в Валла-Марранге. Пожилой недужный с выраженной медовой болезнью, момент ущемления, пропущенный по ряду причин.

Престарелому батюшке полутысячника Вангибанарри предписали воздержаться от операции: любая травма заживала у него много хуже, чем у прочих. Паховая грыжа, носимая смолоду, беспокоила старика не слишком сильно, лишь по временам проявлялась тянущими болями. Так бы и проходил он с нею до скончания дней — если бы не счастливый ход семейной жизни. Полутысячник стал дедом, родитель его не смог отказать себе в удовольствии понянчить правнука. Поднял раз-другой и занемог. В радостной суете его домашние не сразу обратили на это внимание. Да и сам старик не посчитал свое состояние серьезным, постыдился жаловаться на боль. Через день стало невмоготу.

Осмотрев недужного, твой наставник вернулся в ординаторскую и спросил: «Господин Чангаданг, желаете ли вы оперировать этот случай?». Конечно, ты желал: не так много операций было на твоём счету за три месяца службы на новом месте. Тиарарри восторженно встрепенулся было — и опустил обратно в кресло, не скрыв разочарования. «Господин Билиронг, не откажите в любезности ассистировать нашему коллеге». Сейчас ты можешь по достоинству оценить это решение. «Дед» выказал полное доверие к тебе, не усомнился в твоей способности справиться с задачей в отсутствии умудренного наставника. Но он еще и подчеркнул растущее мастерство Билиронга, поручая ему присмотр за действиями новичка. А ведь Билиронг сам еще недавно получил свой первый разряд. Впрочем, тогда, по собственным твоим ощущениям, Билиронг находился на высотах, пока не достигаемых для лекаря Чангаданга.

— Оперировал я, ассистировал мне Билиронг. Опыт работы у обоих примерно одинаков и невелик. Мастер Дангенбуанг считал: если не давать «младшим» действовать самостоятельно, так они никогда и не вырастут.

Видит Бог, вы справились почти без заминок. Почти. До того мгновения, как увидели синюшно-багровую, дряблую кишку. Гангрена? А значит, резекция. И почти наверняка — смертельный исход: слишком велик для этого недужного подобный объем операции. Ты застыл над столом, пытаешься уловить малейшие признаки жизне-способности кишки. Приметы, знакомые тебе лишь по учебникам.

— Андингем! Горячий физраствор!
Желал бы ты слышать большую твердость в собственном голосе.

Билиронг с другой стороны стола одобрительно кивнул. Возможно, тебе лишь привиделось некоторое облегчение в его движениях?

Обложенная теплыми салфетками кишка, вопреки вашим надеждам, не желала принимать естественный вид, только слегка побледнела. Вы оба дернулись, когда показалось, что она слабо шевельнулась при постукивании. Пульсация сосудов брыжейки? Да, похоже, есть. Или нет?

Взгляд, брошенный на Билиронга. Отражение твоей растерянности в его глазах.

— Что ты на меня смотришь?

И шепотом:

— Я сам не знаю. «Деда» позовем?

По голосу его ты понял: Билиронга отнюдь не радует такой бесславный итог вашей совместной работы. Как и тебя. Но победили в итоге не спесь, не уязвленное самолюбие двух юнцов. Скорее, осознание ответственности.

Не было старшего и младшего. Та легкость, с какой Билиронг смог это признать, сделала вашу дружбу по-настоящему неизбежной.

При очередном нажатии кишка — наконец-то! — слабо пошевелилась.

Мастер, проводивший обезболивание, спросил:

— Объем операции, господа? Резекция?

— Резекцию больной скорее всего не потянул бы. А я не был до конца уверен, что оставляю живую кишку. Билиронг тоже. Но решили ограничиться пластикой.

На следующий день, когда ты во второй раз забежал посмотреть господина Вангибанарри, тот подслеповато сощурился:

— Скверно, доктор? Вы не скрывайте от старика. В четвертый раз ко мне заходите. И другой еще был, постарше... Что там на самом деле?

Два раза ты, два — Билиронг. Стало быть, тебя с ним отныне числят за одного и того же человека. «Постарше» — должно быть, Дарамангари, палатный врач. Ты отвечал: всё в порядке, однако почтенные лета и медовая болезнь требуют особого внимания...

Когда ты уходил, недужный окликнул тебя:

— Насчет вишневки не забудьте!

Должно быть, тебе, то есть коллеге твоему, велено было на досуге откусать вишневой наливки в приятном обществе. За здоровье старика Вангибанарри, ибо ему подобные напитки не дозволены.

Еще через два дня, когда вы оказались одни в ординаторской, Тиаррари вымолвил:

— Обходится, слава Богу.

И ты понял, что впустил этого человека к себе в сердце. Однажды и навсегда, хотя сам и не надеялся ни на что подобное. Приятель, товарищ — другое дело. А это друг. Где кончаются твои дела и начинаются его, больше уже не разграничишь. И это хорошо.

Ты спросил: что за договор у тому-римбианга Билиронга с ба-тюшкой господина полутысячника по поводу вишневки? Тиарарри взглянул на тебя взором истинного светила лекарской науки. Совсем как Парига, изваянный в камне на галерее Высшего Училища. Нахмурился. Отчеканил строго:

— Впервые слышу!

Счел надобным соврать. Значит, тоже принял тебя.

— Рана, разумеется, разгноилась, но в главном всё обошлось. Так мы с Билиронгом и подружились. Общая беспомощность иногда сближает не хуже, чем общая победа.

«А как у нас с тобой? Не вздумал ли ты, будто несколько дней тому назад меня в твои объятия толкнуло чувство служебного товарищества?»

«Нет. Но пойми: нелегко мне приходится. Не будь ученик мой настолько красивой женщиной... Не имей моя любимая женщина столь явного дарования к хирургии...»

«Что тогда?»

«Было бы проще. Но хуже. Я же и не ищу легкого пути, ни в любви, ни в работе.»

«Нарочно создаешь себе наибольшие трудности, подстать собственному величию?»

— Просто мне никогда не нравилось с теми, у кого мне нечему было учиться. Смотреть и учиться. Хотя на явные назидания я обычно злюсь. Тем отвратительнее, когда самому мне не удастся воздержаться от непрошенных нравоучений.

— Я учту.

«Спишешь мои рассуждения на счет неудержного красноречия?»

«Просто буду знать, почему ты эти свои древние поговорки произносишь с таким кислым лицом.»

Сидеть у стола на кухне, смотреть друг на друга и молчать. Ты заберешь в ладони ее руку. Вполне самодостаточный способ ласки.

— Расскажешь еще?

— Конечно. О чем?

— О твоём учителе.

Важнейший вклад мастера Дангенбуанга в современную хирургию заключается в разработанной им методике холецистэктомии, которая... Сам ты всегда думал иначе.

— Кто-то из новоприбывшего начальства весной 1103 года попытался поставить мастеру Дангенбуангу в вину то, что он дает слишком много свободы начинающим лекарям. Позволяет оперировать людям, лишь недавно получившим первый разряд, хотя в Военном Училище Врачевания нет недостатка в намного более знающих

врачах... Мастер ответил: «Видите ли, я забочусь о своем и Вашем здоровье. Когда-нибудь и я, и Вы состаримся, занебудим всерьез. И обихаживать нас придется этим молодым господам. Мне бы хотелось, чтобы они были готовы к этому как можно лучше».

Наставник на операции. Четкая продуманность действий. Всё по правилам науки, но наука эта выстроена им самим. Никакой небрежности, даже в мелочах. Движения пальцев заворачивают своей ясностью, ощущением, что делать нужно и можно именно так, никак иначе. Мерные движения — как мерная речь, как стихи.

— Главное, что он создал, — это школа. Своя, отличная от прочих даже в Аранде. Дарамангари, нынешний начальник в Валла-Марранге, четвертьтысячник Тадарунга там же. Билиронг в Кэраэнге, я здесь. Еще несколько человек в Чаморре, в Коине — все в разных местах, и все-таки школа есть.

Когда кто-то признает твое мастерство, когда ты сам доволен своей работой — заслуга в том полностью принадлежит твоему наставнику. Посмертный дар от него тебе.

— Замечания и пожелания — всегда или до, или после операции. Во время нее — никогда. Чтобы не сбивать настрой у ученика, не унижать его перед другими. «Господин Чангаданг, я очень Вас прошу бережнее относиться к тканям. Вы все выполняете правильно, но... Постарайтесь, пожалуйста, делать это так, как себе».

Гайчи отзывается:

— Помнишь, поначалу у меня вязать не получалось? Узел распускался, я пыталась вторым дотянуть, с усилием, а нитки рвались...

«Как не помнить!»

«Это уже была я, мастер. Я, а не кто-то там. Ты это помнишь?»

«Да ведь тогда я только и делал, что смотрел на тебя. В нарушение всех правил...»

«А что, правила требуют указывать ученику его место? Уже не в хлеву, еще не в сених? Кажется, с тобою так не обходились, даже в войске...»

— А тебе что не давалось?

— Шить. Мне казалось: чем толще возьмешь, тем будет прочнее. Захватывал слишком большие слои. Получалось плохо.

— И что наставник?

— Стал поручать мне операции, где требовался шов по Немуаи.

— Кожный шов, когда самый краешек берется: красиво выходит...

— Да, когда научишься.

— А как с другими?

— «Господин Билиронг! К счастью, мы с Вами не царские скороходы. Будьте добры работать чуть медленнее, но отчетливее понимать, что именно Вы делаете в настоящее время». «Господин Тадарунга! Очень важно представлять себе весь ход операции, все последующие шаги, а не только то, чем Вы заняты сейчас. Прошу Вас

перечислить вероятные исходы предстоящего вмешательства и Ваши действия при каждом из них»...

Дангенбуангу удалось сделать то, чего не смогли достичь прежние твои наставники в лекарской школе. Никто и никогда не спрашивал тебя, хочешь ли ты, Линагрраи Чангаданг, заниматься врачеванием. Все было ясно: у ребенка открылось дарование — он должен посвятить себя тому, чего требует его природа. Хорошо ли тебе самому от этого, в расчет не бралось. Дангенбуанг показал, как можно любить то, чем занимаешься. Мудрость, красота, отвага, любовь, порядок, смятение — все оттенки жизни заключены в искусстве врачевания, томуан римбо. Бесконечность Божья в твоей душе. Как можно не любить Бога?

— Мастер прожил 56 лет, из них последние двадцать провел в Валла-Марранге. Летом 1105 года, как обычно, шел на службу пешком. Остановился на набережной, поглядеть на утреннее море. Оперся локтями о каменные перила и стоял так с четверть часа. Мимо проходил коллега, решил поздороваться. Дангенбуанг не откликнулся — его уже не было вне Господа. Остановка сердца. Всего несколько секунд.

После его смерти ты не смог остаться в Валла-Марранге. Спасибо Дарамангари — он нашел в себе силы принять дело жизни вашего наставника, Валла-Маррангскую войсковую лечебницу. Говорят, сумел отчасти сберечь дух тех последних лет, которые вам довелось застать. А ты уехал.

Гайчи тихонько стискивает пальцами твою ладонь. Ничего не говорит.

— По сути, всё, что я могу, — передать искусство моего мастера в хорошие руки.

Взгляд в сторону и вверх, резкий вдох. Этого ее движения ты еще не научился читать, хотя и видел его раньше. «Не согласна»? «Оставь при себе свои возвышенные обещания»?

— Это было бы так, если бы с тех пор ничего не поменялось. Если бы ты так и служил в войске, в Аранде. А теперь, кроме основ того искусства, прибавилось многое еще и от тебя.

— И сейчас понемногу начинает прибавляться от тебя тоже. Конечно: школа тогда и школа, когда развивается.

«Не надо так.»

«Как?»

«Хвалить на вырост. Я очень люблю, когда хвалят. Но только когда есть за что.»

«Да есть же! Я при чужих, кажется, сдерживаюсь. Но здесь-то...»

«Тем более не надо этого здесь.»

— И еще: «школа» должна начинаться на самом деле со школьных лет. С детства. Ты ведь тоже учиться начал... когда?

— В неполные шесть.

— Врачеванию раньше, чем грамоте?

— Примерно так, хотя я читать отчасти уже умел. Но были и такие дети, с кем в Лекарской школе учителя впервые взялись за книжки.

— А почему туда берут?

Она не спросила, почему в Лекарскую школу приняли именно тебя. Что ж, есть повод ответить не на тот вопрос, который ты услышал.

— Смыслом раннего обучения считается выработка привычки: находиться среди недужных. Лечебница как место, где проходит большая часть твоего времени, первое и главное, что существует после дома. Обычно первую смерть ученик видит, находясь там, а не среди своих домашних. Эта Лекарская школа устроена при больнице, внутри нее. Там не «водят посмотреть» на больных, а наоборот, от недужных отзывают на уроки. Навык ухода за тяжелыми, а еще то, что ты с самого начала, с первого дня учебы, можешь облегчить страдания какого-то человека. Даже если ты простоходишь в палату и объявляешь: господин такой-то, Ваш завтрак через четверть часа. Кормить будешь не ты, а твой «старший», ученик, кому поручили тебя опекать. Но и от тебя есть хоть какой-то толк. Потом работа усложняется: обязанности няньки, сиделки, году на третьем — то, чем в лечебницах обычно занимается палатная сестра.

— Это заметно, что тебе приходилось быть «нянькой».

— О, да. Разве что мохноножка Вики превосходит меня в искусстве подслушивать под дверьми.

— Должен же и хирург знать, чем живут его недужные... Но я о другом. Ты после операции из операционной никогда не уходишь, пока больного на каталку не переложишь. Не все доктора так делают. Часто — «всем спасибо», перчатки в таз и пошел.

— Привычка. Тебе она тоже свойственна. Наследие Лабирранской лечебницы?

— Я за папой и мамой повторяла. А там все так: хоть доктор, хоть фельдшер, а работа общая.

— На самом деле это правильно. Только врач отвечает за большее. В том числе за ошибки младших, то есть всех остальных. Приходится служить еще и надсмотрщиком, требовать, чтобы каждый делал то, для чего он сюда пришел.

— Иной раз проще самой...

— Проще, но нельзя.

— А как, если не допросишься?

— Если человека всякий раз приходится «просить» — пусть этот человек ищет себе другую службу.

— Это, конечно, повод для увольнения... А ты бы смог вот так кого-то выгнать, если бы был начальником?

— Однажды выгнал, хотя начальственных полномочий и не имел. В Камбурране. Утром иду по коридору, замечаю неладное. Сама знаешь, запах мелены ни с чем не спутаешь. Захожу в палату, уже понимаю: ночью поступило кровотечение. Скорее всего, тяжелое, возможно, потребуется операция. Больной и вправду бледен, но по зонду кровь уже не поступает. Полное судно прямо на кровати,

а на полу, на одеяле — следы рвоты с кровью. Больной говорит: «Вы простите, я бы всё прибрал, только мне давеча вставать не велели. А сестру я просил — она не стала... Не барин, дескать, сам отнесешь».

— Так же нельзя! Хорошо еще, дядька послушный попался. А другой бы и отнес...

— И упал бы по дороге. В Кэраэнге если бы кто-то из врачей или старших учеников увидел такое — пошел бы да и опрокинул это судно на голову тому, кто позволяет себе подобное обращение с недужным. Здесь так не делают, и может быть, напрасно.

— И что ты?

— Смолчал и занялся уборкой. А после нашел эту сестру и сказал ей: убирайтесь вон. И больше сюда не приходите.

Больше Сюда Не Приходите. Вот как это прозвучало на самом деле. Хотя сие и не касалось здоровья особы, к которой ты обращался. Но, как ни странно, внушение сработало — к великому неудовольствию больничного руководства. И без того рабочих рук явно недостаточно...

«Еще один шаг — и полная власть над миром», как выразилась мастерша Малуви, когда ей было рассказано об этом случае.

Имелось в виду: если ты, Лингарраи Чангаданг, станешь использовать Божий дар не по назначению, а ради власти над окружающими, то сие не будет скверно, не будет ужасно, а будет смешно. Ясновидение твое и внушение — для твоих больных это возможная помощь выздоровлению. Для тебя — повод общаться с твоим погибшим ребенком. Это намного больше любого мирового господства. Смешно было бы желать чего-то еще.

Бенг не только твой младший сын. Бенг — твои предки и ты сам. И твое будущее, еще не рожденные поколения твоей семьи — тоже он.

А теперь перед тобою вот эта девочка. Другое твое потерянное дитя.

Ты не относишься к ней, как к дочке, конечно, нет. Много можно поставить в вину потомкам Царей, но все-таки не склонность к кровосмешению.

Мерзостно и думать, будто фельдшер Ягукко из Лабиррана хоть когда-нибудь бывал похож на лекаря Чангаданга по части обращения со своими детьми. К счастью, этот твой не знакомый тебе коллега, кажется, совсем не таков. Гайчи повезло куда больше, чем десятнику Лииранде из Коронной Береговой Охраны.

Тут нечто иное. Эта девочка — она и есть твоя непрожитая жизнь. Твои потомки, те самые, которых не будет. Дом, которого ты не построишь. Больница, где ты не служить хотел бы, а умереть.

Или ты еще успеешь, Лингарраи? Или Гайчи права, и эта жизнь для тебя еще не потеряна? И дети появятся, путем школьного преемства: ученики учеников?

— Что до науки как таковой, то в Школе она в основном сводилась к чтению лекарственных трактатов и разучиванию их наизусть.

Начали с основ древнего врачевания и за двенадцать лет не слишком-то от них отделились. «Сто двадцать видов пульса и дыхания», «Тридцать шесть оттенков голосового дрожания»...

— Я и шести-то не различаю. Надо будет как-нибудь этим заняться, а то нам пропедевтику всего год читали.

— Хорошо. Радует уже хотя бы то, что мне не придется преподавать тебе «Чертог Златообильный».

— А что это?

— Поэма, где даются названия всех частей тела. По сути, описательная анатомия. Считается, что ее нужно выучить, прежде чем приступать к анатомии практической. Сложное дело! Я бы на словах не сумел понятно объяснить, например, что такое пристеночная и органная брюшина.

— А нам анатом на шапке показывал.

— Как это?

— Шапка из двух слоев, то есть подкладка кверху пришита: те же два листка. Находчивый господин.

— Хороший преподаватель?

— Да, неплохой. И себя «преподать» умеет. Сам под впечатлением от собственного обаяния.

— Когда путем самолюбования достигаешь ясного представления и о том деле, коим занята твоя драгоценная особа, это тоже — путь к мастерству. Улыбаясь своему отражению в зеркале, обращай внимание на количество и порядок расположения зубов...

— Это откуда столь тонкая мысль?

— Кажется, из «Записок Динанграри». Ибо их нехватка либо излишек равно пагубны; первая — для пищеварения, второй же — для внятной речи.

Кому — как, замечает Крапчатый. Вот уж кто величайший мастер подслушивания! Заглядывает в дверь, не заходя, скалится во всю свою змеиную пасть. Сорок восемь зубов, и для Змея это далеко не предел.

— Если бы еще господин этот лапы свои при себе держал. А то этими руками утром к мертвому телу, а вечером к супруге... Он в этот раз недавно женился, на одной девчонке с нашего потока.

— Анатом должен быть угрюм и целомудрен? А как же тогда с хирургом? На службе травмы, воспаления, опухоли и бывает, что тоже смерть. А дома...

Гайчи забирает руку у тебя из руки. Наливает из чайника в чашку оставшийся чай, совсем остывший. Говорит, будто не тебе, а просто размышляя вслух:

— Кто служит Целительнице, тому нет нужды делать выбор между Владыкой и Рогатым. А этот-то анатом и сам себя врачом не считает.

И берется за кофейный жерновок. Еще одна причина, почему женщине нужна разная кухонная утварь. Скрипучий, сердитый звук жерновка — как способ молча и даже не глядя на тебя высказать что-то не слишком приятное. Может быть, недовольство собственными словами.

— Вот так, Бенг. Слабо мы с тобой разбираемся в мэйанском Семибожии.

— Не мы, а ты.

— Владыка — это Смерть, а Рогатый — плотская страсть?

— Дом, Семья — это Старец, Рогатого породивший. Между прочим, супруг Владычицы Врачевания. И он же — вольный сожитель Плясуны, Матери Безумия: от нее у него и Рогатый сынок. Мэйане многое из того, что ты бы без долгих раздумий назвал Любовью, относят в область безумства. А в Семье у Старца от Владычицы родилась Премудрость.

— Ты, я вижу, освоил здешнее богословие. Где? Снова в Политехническом музее?

— Где же еще? Там диспут был, о суевериях и предрассудках. Ты радуйся, что по-гайчиному выходит, будто служение Врачеванию избавляет от выбора веры. Этих вер в Семибожии знаешь, сколько? Намного больше семи. Ты бы выбрать не смог.

— И не стал бы. У меня есть ты.

— Единый Бог, всегда готовый всё решить за Человека?

— Мой маленький и требовательный Бог, кому нетрудно добиться, чтобы человек принимал решения сам — в пределах своих человеческих возможностей.

— Не трудно, говоришь?

Ты согреешь еще воды, заваришь чаю. Заберешь смолотые зерна из жерновка, бросишь в кофейник. Вскипятишь кофей, а потом заглушишь огонь. Всё это не мешает разговаривать.

«Разве нет? Тоже, нашлась, мэйанская проповедница...»

«Это лишь ответ мне на мои отсылки к восточной единобожной жизни. Сие неизбежно будет: иначе нам не понять речей друг друга.»

— У меня в Высшем Училище анатом был совсем молодой, лет на семь старше самых юных школяров. А были на потоке и вовсе его ровесники — успели где-то послужить перед тем, как пошли учиться. К недорослям из Лекарской школы он относился ревниво: да, конечно, вам многое уже известно, и тела вы видели — так не угодно ли воспринять теперь анатомию не как поэму, а как науку? Как часть медицинской науки, где вообще нерешенных вопросов гораздо больше, чем готовых истин, несмотря на все труды старинных мудрецов. «Пока Вы, коллега, не рассмотрите печень под микроскопом, Вы будете знать о ней не больше, чем если бы созерцали ее нарисованной на картинке тушью из Сакараи, тонкой кисточкой из горностаевой шерсти». Сам этот малый был родом с севера, из горного Гарруна, над «столичными изысками» постоянно потешался. Врачом он был: днем вел уроки, а ночами дежурил в городской лечебнице.

— В Училище были ребята не только с такой подготовкой, как у тебя? После обычной школы тоже?

— Да, и таких было большинство. «Нерешенных вопросов» и вправду было предостаточно. Несколько раз на моей памяти кто-

нибудь из профессоров вбегал в лекционную залу и восклицал: «Коллеги, в науке свершился переворот! На самом деле причиной всему сопротивляемость живого тела! Будущее за иммунологией! Через несколько лет мы с помощью прививок победим не только заразу, но и опухоли, справимся с воспалениями... Точнее, тело с нашей помощью само сможет одолеть любые недуги!» И все с жалостью глядели на хирургов, коим в скором времени предстоит остаться без работы. Или: «Истоки всех страданий — во внутриутробном развитии! Склонность к каждой из болезней закладывается еще до рождения»...

— В общем, скучно не было?

— Да. Как в государстве, где каждые полгода меняется верховная власть. А тебе в Университете приходится скучать?

— Особенно на «гильдейском строе». Многие спят. И сам наставник тоже иногда задремывает. Да там и фразы такие... Трудовые отношения не суть отношения трудящихся к орудиям, способам, приемам и произведениям их труда, но суть отношения первых по поводу последних... У вас это было?

— Разумеется. Но наш гильдеец из всех преподавателей был, как ни странно, наиболее близок к старинным правилам обучения. Сразу сказал: уразуметь смысл Королевского гильдейского уложения невозможно. Остается одно — знать учебник наизусть. Так и спрашивал: по три странички за урок, независимо от того, где кончается одна статья и начинается следующая.

— Бред какой...

— А есть предметы, которые тебе нравятся?

— В первый год — биология. Славный там на кафедре народ подобрался. Кто работать пошел после первых испытаний лаборантами — все туда старались попасть.

— Я, каюсь, так и не разобрался: а ты в итоге где подработывала?

— Поначалу в «зверинце». Не в том, большом, где слоны, а у физиологов. Мышки-лягушки. А потом поменялась с девочкой одной — на патан. Работы больше, зато и веселее. Препараты ценные, ответственность денежная, но хоть не такая, как за мышек. Профессор Ятта, дядька веселый. «Подите, Гайчи, верните мне Ее!» Спрашиваю: «Кого?» — «Меланому. Она у меня одна! Одна на всё Приморье!».

— Лучше бы ей таковой и оставаться...

— Сам предмет он тоже интересно читал. Увлеченно. Но были наставники и просто отвратительные. Например, по арандийскому языку. Приходит, садится, по списку прозвание чье-то выбирает, вызывает отвечать. А сам по рядам глазами шарит: кто ж, мол, это такой? Один раз спрашивает, другой, третий — и всё так же ищет. И через месяц, и через два. Хотя народу на уроке — десяток, не больше. Можно было бы выучить, если не всё равно, кого и чему учишь. В школе у нас такого не было... Ладно бы язык — но потом то же самое на фармакологии началось. Я решила: ну, уж меня-то Вы запомните, как зовут!

— Кстати. Можно задать тебе один совершенно неприличный вопрос?

«Ну, разумеется. Вы и так невероятно долго крепились, мастер. Пространные учтивости кончены, пришло время гадостей?»

Всерьез она не испугалась. Просто пришло время показать тебе, насколько необычно ты нынче себя стал вести.

— Что именно?

— Мне следовало спросить об этом полгода назад. Это правильно, что я тебя называю «Гайчи»?

— А как же еще?

Например, так, как мастер Ниарран из Дома Печати: «Тагайчи». Подружки, чей разговор ты слышал тогда, летом, говорили «Гайчи». И ты почему-то последовал их примеру. Хотя очень редко кого-то в своей жизни ты называл по сокращенному имени. Значит, уже тогда...

— Полным именем или каким-то другим сокращением.

— «Челли», что ли? Вот еще!

— Хорошо. Стало быть, Гайчи.

«Не надо бояться. Гадости, изрекаемые мною, всегда предназначены только для одного человека: для меня самого.»

«И все они значат одно: оставьте меня в покое, ничтожные людишки? Я слишком занят распрями внутри собственной особы... Так?»

«Так. Но сейчас речь не обо мне. Если бы ты знала, какое это счастье: в кои-то веки раз речь не обо мне!»

— До Училища я очень плохо говорил по-мэйански. Но там словесник был хороший. Поставил себе задачу втолковать школярам: мэйане, орки и другие народы Запада — отнюдь не дикари, коль скоро создали свои стихи, повести и прочие книги не хуже арандийских. Поэтому было интересно. И все-таки во многих обиходных вещах я до сих пор путаюсь. В том числе и в именах.

— Ничего.

— Так как же тебе удалось добиться, чтобы наставники тебя запомнили?

— Стала ходить в книгохранилище, смотреть какие-то книжки помимо учебника. И цепляться к этому фармакологу с вопросами. Он поначалу удивлялся: какой продвинутый школяр пошел! А потом начал злиться. Это когда я добралась до «Ежегодника для провизоров». Стал заявлять: «А сейчас нам барышня Ягукко расскажет про то, как...». Ну, я и рассказывала — ему.

— И с другими преподавателями тоже так? Вцепиться и не отпускать, пока не выучит? И не научит тому, чему должен научить? Это правильно.

«В том числе и в тебя я — вот здесь, сейчас — вцепилась с той же целью? Чтобы несмотря на твою бестолковость у меня стажировка все-таки прошла как следует?»

«Просто всё то, что здесь, далеко, несоизмеримо далеко от любых наших с тобой казенных дел. Я с самого начала напрасно смешивал две вещи: твое обращение с руководителем стажировки, кем

бы он ни был, — и твое отношение ко мне. Четыре дня назад ты сюда пришла не к “мастеру”, а ко мне. И сегодня тоже. Именно поэтому получается рассказывать друг другу про то, как нас учили.»

...Этот же чайничек для заварки, жестянка с чаем, клеенка, похожая на ту, которой застелены столы в нерабочих помещениях Первой лечебницы. Напротив тебя за столом девочка лет двенадцати. Неправильные, резкие черты. Иногда именно такие девушки нравятся людям сильнее, чем писанные красавицы. Может быть, дело в том, что глаза у нее — как у Тагайчи? Настоящие женские глаза на лице подростка.

Будущая дочка Гайчи от мужа родом откуда-то с востока? Или ученица, нарочно выбранная кем-то для вас по сходству во внешности? Дело в том, что у девочки почти твое лицо. Длинный нос, жесткие скулы, и в тагайчиных, карих глазах — с детства привычная тебе, твоя собственная печаль.

Только что девочка спросила тебя о чем-то. Об очень важной вещи, хотя она и выражалась не в отвлеченных понятиях, как свойственно мужчинам и грамотеям, а по-простому. Слишком просто, чтобы ты мог ответить без раздумий. Или хотя бы правильно расслышать вопрос.

В дверях, прислоняясь к косяку, ваш разговор слушает другой подросток, постарше. Гибкий, тонкий, ростом уже выше тебя, несомненно арандийского и даже «столичного» вида. Ненавязчивое изящество во всем, вплоть до того, как ремешок часов охватывает запястье. Ты никогда так не умел, даже когда старался вести себя как следует. Правда, длинные волосы почтительного сына стянуты какой-то легкомысленной зеленой веревочкой. Должно быть, по моде тех неизвестных времен. А на носу и на щеках — гайчины веснушки. Чуть светлее, чем у нее, или так кажется из-за светлой кожи. Мальчишке известно: тебе не нравится, когда он вот так стоит, привалившись к не нужной ему опоре, наподобие подвыпившего матроса в портовом кабачке. Он нарочно так держится: «Мне тоже доводится ощущать усталость от дневных трудов. А особенно — от того, когда за мной постоянно и столь пристально наблюдают». Разумеется, ты наблюдаешь за ним. И он тоже прекрасен.

И тоже ученик? Приехал сюда из Кэраэнга, ибо «Ларбарская ветвь школы Дангенбуанга» обрела славу лучшей в Объединении? Или это Крапчатый Змей освоил искусство принимать человеческое обличие? Нет, Бенг и сам сидит там, в дверях, рядом с ним. Змеиный хвост захлестнут вокруг щиколоток мальчишки: проверить, споткнется тот или нет, когда соблаговолит распрямиться.

Ты скашиваешь взгляд на оправу своих очков, на счетчик Саунги. Нет, уровень излучения в пределах обычного. Когда подымаешь глаза, наваждение пропадает. Только Змей по-прежнему глядит на тебя из темной прихожей.

— Однажды тебя назовут «отцом», Лингарраи. Твоего учителя звали «дедом», а про тебя по-мэйански скажут: «папаша Чангаданг».

Не из-за Лиранды, ибо этого ты уже не заслуживаешь. А из-за чего — сам увидишь, когда время придет.

— Что ты? — спрашивает Гайчи вслух, уже без обиды, с тревогой.

— Школа будет. Наше с тобой ответвление Валла-Маррангской хирургической школы. И пусть те из нынешних твоих учителей, кто вовремя не догадался об этом, горько пожалеют о своей преподавательской слепоте.

— Смеешься?

— Ни в малейшей мере. Просто знаю: однажды так случится.

«Лет через сто?»

«Через пятнадцать, двадцать — самое большее.»

«Так это почти одно и то же.»

— Разве тебе уже сейчас нечего было бы рассказать кому-то, кто пришел бы у тебя учиться?

— Может быть. Но многого объяснить я бы еще не могла. Почему при таком-то случае надо было действовать так-то, или наоборот, почему чего-то никак нельзя было делать...

— Объяснения придут. Главное сейчас — чтобы сами случаи не забывались. Ты ведешь записи для себя?

— Нет. Да разве такое забудешь...

— Забудешь, и гораздо быстрее, чем хотелось бы. Собственные ошибки запоминаются, это верно. Удачи тоже. А то, что при тебе делали другие?

— А как пишешь ты?

— Я тебе покажу эти заметки. Только...

— Только не надо потом их перепевать, когда я сама возьмусь за письмо?

— Да, собственный язык нужен. Хотя бы затем, чтобы лет через пятнадцать понять, что хотела сказать. Но вот еще что: это явно моя большая глупость, только я тебя попрошу читать их здесь. Не уносить. Не потому, что боюсь, как бы они не потерялись или кому-то постороннему не попались на глаза. Просто кажется, что они — как карлы Дугубера: на воздухе и на свету скукожатся, станут ни на что не годны. Видимо, таковы страхи всех доморощенных сочинителей...

— Но это же и не поэма, не приключенческая повесть.

— К тому же... Будет лишний повод, чтобы ты сюда еще пришла.

В первый раз за весь этот вечер Гайчи взглядом позвала тебя к себе.

— Искать поводы — это, мастер, и вправду лишнее.

Ночь с девятого на десятое, третий час. До утра далеко, а ночь любви минула. Не то чтобы ты так и не решился подступить к своей женщине или не справился со старческой торопливостью. Нет, всё было хорошо. Только, наверное, давеча тебе слишком радостно было от разговора. И Гайчи поняла: вот чего ты на самом деле хотел от нее.

Сам-то ты всегда считал, будто для тебя речи умных женщин, беседа с ними — замена любви. Это гораздо лучше, чем так

называемые «связи», близость с кем-то, кто тебе не нужен, и всё-таки — всего лишь замена. Тебе казалось: когда ты был женат, и потом, когда имел дело с Ямори, то прятал за разговорами свой сердечный холод. А сердце всегда принадлежало кому-то, кого ты себе придумал. То есть вот этой женщине, Гайчи. Ты же не знал, что однажды встретишь ее наяву.

Оказалось, это неправда. Или правда, только не вся. Иногда и сердцу нужнее речи, а не страсти и ласки. Еще нужнее сердцу, чем разуму и наставничьей воле.

Таков еще один урок тебе от Гайчи. Четыре дня тому назад начала исполняться ее мечта, а сегодня — твоя.

— Здесь, на Коинской, почти как у нас.

Тагайчи чуть откидывает край коричневых занавесок на окне. Твоему Бенгу они давно не нравятся, он еще давеча велел тебе их сменить. «Тебе не должно быть всё равно, как выглядит твоя спальня, потому что она теперь не твоя, а ваша». Наша с тобою и с ней втроем, раз уж на то пошло, — так ты тогда отозвался. Змей обиделся. Ты спросил: почему бы Крапчатому самому не устроить тут каких-нибудь украшений чудесным путем? Однажды он нечто подобное предпринял под Новогодие: волшебные фонарики, будто в Царском городе. На сей раз не стал. «Сам Бог радуется твоей любви, боярич Лингарраи? Перебьешься.» В общем, правильно сделал, но оттого не успокоился.

Гайчи там, а ты здесь. Ушла от тебя из постели. Почему? Неприятно так долго быть так близко? Жарко, тесно, и надо же когда-то человеку хоть ненадолго остаться одному...

Она говорит с тобой. Значит, еще не сердится.

— Как?

— Так же тихо.

— В общежитии когда-нибудь бывает тихо?

— Что? Нет, у нас, в Лабирране.

Ты никогда не говоришь: «У нас в Кэраэнге». А дитя тоскует по дому. «Мы» для тебя — это ты, Тагайчи и Змей. Для нее — «мы с родителями, сестрой, девочками из школы». Университетские, балаганные и прочие новые знакомые в этот круг не входят. Радуйся: дело не в тебе, а в Ларбаре, взятом как целое.

— Иногда даже еще тише, — добавляет она, словно смутившись.

Мог бы попросить прощения. Извиниться перед дамой никогда не повредит, как выражаются любезники из Первой лечебницы. Если бы ты понимал, в чем твоя вина.

Мог бы подойти и обнять. Разве не этого тебе больше всего хотелось бы самому?

Но вопрос: как долго человек может следовать желаниям другого человека? Даже если любит и знает, что любим. Если бы ты был нужен ей сейчас там, рядом, возле окна, то она бы так и сказала.

Ты останешься лежать.

— Лабирран не так далеко от Ларбара...

Бывалый путешественник Лингарраи. Будто бы ты не прошедшим летом впервые от Тагайчи узнал о существовании этого городка. Она не оборачивается.

Что там, за окошком? Осенний сумрак, брусчатка мостовой блестит от воды и грязи. Ветки лиственницы. Лет сто назад, не меньше, кому-то пришла мысль высадить здесь это восточное дерево, чтобы было, как в Коине. Нингэрии эрнинга, «милостивая лиственница». Милость в том, что ее ветки подносили родне утонувших моряков и всех, кто погиб далеко от родины.

Дом напротив с зеленым светом в одном из окон. У мастерши Малуви среди ночи идут научные работы. А ведь когда-то ты брал с нее обещание не сидеть за чарами по ночам, если утром надобно являться на службу. Впрочем, ты не знаешь, каков сейчас предмет ее изысканий и не дали ли ей по этому случаю отпуск в Охранном.

— Не бойся, за тобою оттуда не наблюдают, — замечает Змей. — Мастерша нашла себе занятие куда более увлекательное. Изготовление поддельных алмазов. И ты знаешь, кто с нею нынче сотрудничает?

— Разумеется, понятия не имею.

— Сумасшедший, который к тебе заходил месяц тому назад. Ну, тот самый, кто за Гайчи увязался, когда она в первый раз к тебе приходила, после Дома Печати. Ты распорядился, чтобы Гайчи этого ходока отослала к тебе. «Пусть зайдет на днях, когда я не буду пьян». Он явился, ты его отослал к знатоку душевных болезней. И не вспомнил, конечно, что лекарь сей — не только твой знакомый, но и приятель Ямори. Ничего удивительного, если кудесник-самоучка в итоге прибил к ней. Она вообще пристрастие питает к помешанным.

Прекрасно. Когда ты задаешься целью срочно испортить себе настроение, Крапчатый неизменно готов помочь.

Тагайчи опускает занавеску.

— Четыре часа на поезде. Морем быстрее, только проезд дороже.

— Расскажи мне о Лабирране.

Помнится, сам ты на вопрос о Кэраэнге ответил коротко: это город, где мне было хуже всего. Как еще расскажешь о родных местах?

Гайчи не растеряется и не удивится, лишь задумается на миг.

— Это совсем маленький город, мастер. Всего-то и красот, что море. Пристань своя, только большие суда к нам не заходят. А еще вокзал. А от нашего дома и до станции, и до пристани далеко. Ну, по тамошним меркам, конечно, не по ларбарским.

Она смеется, а тебе слышится иное, невеселое: «Видишь, какое у нас захолустье».

— Зато лечебница близко, через улицу. Не из окна, но с крыши ее видать. Большое здание, таких в Лабирране немного. И море. Говорят: кто у моря живет, его и не замечает вовсе. Но это взрослые только. Ребяшня — наоборот, чуть время появится, на берегу торчит. Море — это всё: и забавы, и промысел, и лакомства.

Конечно, «всё». Оттого и почитается как одно из обличий Бога.

— Лекарская школа в Кэраэнге имеет выход к морю, как и другие тамошние больницы. К сети подземных труб с морской водой, а они связаны с гаванью и с каналами прежнего Царского дворца. Чтобы проще было проводить очищение перед въездом нового недужного в палату, где до него умирали другие люди. Вместо «очистительного сокровища» просто пишут на бумажном листке номинальные стихи и бросают в колодец, в трубу. Ночью слышно, как внизу под полом вода шумит. А мне нравилось настоящее Море.

— Не такое, как здесь?

— Здесь тоже настоящее, но другое.

— А в чем разница?

— Прежде всего, в силе удара. Не заливы, не речные устья, а океан. Как на Восточном побережье, в Марранге. Я там в детстве бывал иногда у матушкиной родни. Запомнил: самое высокое, что бывает на свете, это волны. Выше сосен, выше домов... И еще там кое-где остались совсем дикие берега. Не песок, не галька, а большие плоские камни. Здешнее море кажется гораздо старше. Будто в нем нет ни капли воды, не исхоженной кораблями, не возделанной людьми.

— Потому и называется: «Торговое».

Ты подойдешь. Встанешь за спиной у Гайчи, обнимешь.

— Только самое древнее Море могло выточить вот такую красоту. Из человека, как из камешка. Ты морское существо: это по походке, по осанке видно.

Жаль, что ты давно разучился ремеслу резчика. Изваяние твоей любимой женщины было бы вот таким. Домашний аинг, распущенные волосы. Плечи и локти, закаленные Морем, колени, ступни, привычные к крепкой волне. Спокойные черты — и все-таки чем-то похоже на ту старинную девушку, «Сборщицу жемчуга»: в полете, через водную толщу наверх, к воздуху и солнцу.

— А ты здесь, в Ларбаре, когда-нибудь выбирался купаться?

— Да, только не в городе, конечно.

— Грязно?

— Слишком много людей, даже ночью. В первое мое здешнее лето я как-то раз прошел по берегу, до окраины и дальше, за город. Но не к Лабиррану, а наоборот, на запад.

— Тебе плохо было?

— Начало казаться, будто с переездом сюда ничего не изменилось. Вплоть до случаев «ложной памяти». Оперирую и вдруг сознаю, что уже делал эту же самую операцию в Камбурране. И недужный похож... Повторное чревосечение, перитонит не разрешился, и видны те же неудачи первого вмешательства. Я испугался: «Всё, доктор Чангаданг, как лекарь ты дорос до своего предела. А ведь когда перебирался на юг, ты надеялся на лучшее...». Скверное чувство. В воде, в Море, это прошло.

Гайчи чуть повернется. Возьмется руками за твои запястья.

— Холодно?

— Нет, хорошо.

Вот тебе еще одна мысль насчет возможного подарка. У женщины должна быть шаль. Когда ночью зябко, не спится, лечь не хочется, а одеваться по-дневному еще не время — чтобы укрыться и спрятаться. Когда-то у матушки твоей была такая шаль, называлась лингаури-лэ-гундан, «с весны до осени». Одна сторона летняя, из льняного кружева, а другая потеплее, из тонкой шерсти. Может быть, и сейчас такие бывают?

— В лечебницу нас часто брали. С пяти лет, как бабушка умерла. И меня, и Таничи. Не с кем было оставить, а не работать мама не могла. Да мне нравилось там. Много людей, все к тебе то с разговором, то с делом каким-то или с гостинцами. Недужным-то тоже скучно бывало: не всё ж им на досуге салфетки крутить... Или кто-то по своим детишкам скучал — вот с нами и занимались. Человечков из капельниц научили плести, рыбок...

Детство кончилось. Не просто оборвалось где-то там, между старшей школой и университетом, но при желании всегда можно вернуться к нему, за каких-то четыре часа на поезде... Нет. Оно ни на карте Приморья, ни во времени, нигде больше не существует, кроме памяти. И никого, никого на свете в эту память нельзя уже будет впустить. Когда-то твой коллега из Камбуррана, мастер Майрани, долго рассказывал тебе про свои детские годы на дальнем севере, а потом сам же оборвал себя: «Сказки. Скоро я договорюсь до того, что и солнце при мне медведи ловили арканом». Область личных древностей и преданий.

Может быть, Тагайчи чувствует это уже не в первый раз. Но сейчас — снова. Именно это и ничто другое. Оттого ли, что с нею теперь взрослый, почти что старый мужчина? А приходится быть еще старше его, иначе она не умеет.

— Правда, и страшновато было иногда. Помню, дядечка один: у него кровотечение случилось, из пищеводных вен, наверное. Ну, это я сейчас, конечно, так решила. Рвота началась кровью — на весь коридор, да с такой натугой. Я перепугалась, не понимала, отчего он так рычит. А маме-то, ясное дело, не до меня. А потом, как постарше стала, сама начала бегать-помогать. Интересно, да и приятно было сознать, что как большая, родителям на подхват. А папа меня уж и в операционную стал брать: подать, убрать или принести что. И лекаря наши мне тогда много чего показывали и рассказывали. У нас там не так, как здесь, даже на Водорослянке. Дежурить один доктор остается: он и по хирургическим болезням, и по женским, и по детским. А днем еще двое приходят. Ну, а если что-то очень серьезное, — так всегда из дома можно кликнуть, близко ж все жили.

«Кликнуть». Не «позвать», не «вызвать», как любит выражаться господин профессор на утренних сборах. Будто начальника следует мыслить как создание сверхъестественное, «вызываемое» путем колдовства, подобно помощному духу.

Маленькая, сельского вида лечебница. Девочка лет семи или восьми с рыжими косичками сбегает с крыльца и звонко кричит в раскрытое окно соседнего дома: «Мастер Ча, Вас в операционную!». Очень гордится доверенным ей поручением. С важностью принимает

у пришедшего лекаря сюртук, сосредоточенно поливает ему на руки, становится на цыпочки, чтобы завязать на шее мастера халат. То, что у дитяти постарше вызвало бы страх, брезгливость или отвращение — раны, вид крови — пока еще не пугает ее. Со временем у каждого ребенка наступает осознание того, насколько уязвимо человеческое тело — а значит, и твое собственное. Но когда это придет, для нее больница делается уже привычкой, повседневностью, обычной работой. Хороший задел для будущего лекаря.

И всё-таки — девочка...

— Но ведь бывало и тяжело, и неприятно?

— Было. Не по себе. Особенно когда ногу в первый раз велели отнести.

— Что?

Впрочем, ты понимаешь, о чем речь.

— Ногу. Там ампутация шла, а ледник у нас во дворе, туда всё и носили. Сестра ее завернула в простынь и говорит мне: «Чего, мол, стоишь, помогай!». Мне почему-то казалось, что она легче должна быть, да и вообще — неправильно это как-то. Вот человек на ней ходил, а тут вдруг — она от него отдельно. Я с тех пор ампутации не люблю. Понимаю, что глупо, что надо, а все равно.

— Они в Лабирране совсем рехнулись?!

Это, к счастью, сказано не вслух и не тобой. Ты оглядываешься. Бенг возмущенно выгибает шею. Будто спрашивает твоего согласия. Чародейский свет за окном начинает мигать все чаще.

Согласия в чем? Что нельзя так обходиться с детьми, даже когда приобщаешь их к ремеслу врачевания? Разумеется, нельзя. Гайчи затем это и вспоминает. Родные места там, где каждому из нас было хуже всего.

Или Крапчатому нужно разрешение на то, чтобы слушать твой с Тагайчи разговор, забравшись на постель?

Так уже было четыре дня назад. Вы ушли, а Бенг, ночь проспавши на полу вроде верной собаки, отправился греться под одеяло. Греться теплом той женщины, кого он так любит. Будь ты на его месте, на месте влюбленного мальчишки четырнадцати лет, и приведишь тебе подобный случай, ты поступил бы ровно так же. Он, конечно, заметил, как тебе эта его проделка оказалась не по душе. И вот, нарочно улегся, зная, что пререкаться с ним ты сейчас не станешь.

Змей сердится, чародейский свет мигает.

— Осторожнее, Крапчатый. Как бы в тигле у мастерши Малуви не взорвался ценный алмаз!

— Это еще вопрос, кто из нас больше влияет на уровень чар.

Ты мог бы рассказать Тагайчи про Змея. После сегодняшнего разговора с нею — да, кажется, мог бы. Тогда и Бенг перестал бы вести себя настолько по-дурацки.

— Уже ухожу, — ворчит он, сползая с кровати.

— Никто тебя не гонит. Но ты же видишь: всё грустно, очень грустно.

— И ты видишь: я сейчас не могу подступиться к ней. Не потому, что ты не разрешил. Просто я сам еще не знаю, как. Хотел бы пожалеть, защитить, всё то же самое, чего хочешь и ты. Но не получается.

Ты говоришь:

— Я хочу быть там с тобою, Гайчи. В те годы и в тех краях, где тебе было тяжело и страшно. Не получится, я знаю, и все-таки очень хочу.

— Всего этого еще много будет, мастер.

— «Успеешь со своей жалостью»?

— Да тут не нажалеешься...

Она стоит рядом с тобою. И все-таки — так, будто бы свернулась, как звереныш, у тебя на груди.

— Ляжем? Может быть, уснешь.

— А ты?

— Я тоже попробую.

Но прежде легонько разотрешь ей мышцы. Лежа рядом, это вполне можно делать. Постараешься успокоить ее и сам успокоишься.

Сначала — полной ладонью, без усилий, просто чтобы тело снова привыкло к твоему касанию. Дальше — обычные составные части восточного массажа.

— Хорошо у тебя получается. Я так не умею.

— Научиться несложно. У меня это тоже со школьных лет. Считается, что массаж для расслабления лучше делают женщины или подростки, а мужчины — для разогрева перед работой. Предрассудок: якобы женскому полу и юности больше свойственно замедлять, а приводить в движение — дело мужчины и взрослого. Вообще в Аранде обученный врач нипочем не признается, что брался делать кому-то такое растирание. Большинство и не берется. «Презренное ремесло». Наверное, потому, что в старину им занимались в основном рабы или вольноотпущенники. Общее мнение гласит, что ума для этого не надо. Но в Лекарской школе массажу обучали. «Будет чем заработать на жизнь, ежели дарований твоих не хватит ни на что большее». А если серьезно, то этот навык — еще одно средство приучить ребенка не робеть перед телом другого человека. Живое тело как то, что по сути всегда приятно и никогда не бывает «чужим».

— Как золото для Змея, всегда «моё»?

Крапчатый хихикает откуда-то из темного угла. Ты тоже усмехаешься.

— Я что-то не то говорю? Прости.

— Нет. Просто вспомнил забавную вещь насчет «покоя и движения». Этим летом, в третий день Исполинов, я ждал своей ученицы-стажерки. Ты пришла — а я в первое мгновение повел себя в точности как все восточные учителя, хотя сам никогда по-настоящему никакой науки не преподавал. Дитя, подобно Сокровищу, косно и робко. Значит, ему надо не просто сказать «проходите», а еще и под локоть подтолкнуть, потянуть на себя. И тут увидел: а

ведь нет, эту девушку, пожалуй, подтолкнуть не надо! Она сама как Змей, и подвижности, и решимости ей хватает.

— А мне показалось, ты со мной за руку поздороваться соби-
рался, но не стал. Потому как «барышня».

— Прости, пожалуйста, если это было обидно.

— Ничего.

— А еще для массажа есть особые сказки.

— С детишками его как игру разучивают?

— Примерно так.

— А расскажи!

— Попробую вспомнить. Только не взыщи, если где-то я собь-
юсь. Практики-то давно уже нет...

— Ну и ладно.

— Вот, например: Лежит на дне морская звезда.

Ладонь расслаблена, пальцы раскинуты, как лучи у звезды.

— Лежит, лежит. Подползает к ней осьминог.

Согнутыми пальцами — круговые движения, как щупальцами.

— Спрашивает: ты что тут? Звезда: прячусь. А кого боишься?
Блюдечек. Они страшные, прыгают! А кто они такие? Сама не знаю...
Осьминог ползет дальше. Видит камбалу.

Сомкнутая ладонь скользит, тесно прижимаясь, как камбала по
дну.

— Знаешь, там морская звезда боится каких-то блюдечек. Кам-
бала: это мы разузнаем. Поплыла, поплыла, встречает...Как сия рыба
называется по-мэянски?

Ребром ладони и запястьем — по кривой линии, как извиваются
такие рыбы.

— Угорь?

— Да. Спасибо. Камбала ему: ты не знаешь, кто такие блю-
дечки? Угорь помчался, помчался, к самому верху. А там на камнях
— краб.

Быстрый перебор пальцами обеих рук вправо-влево, как бе-
гают крабы.

— Говорят, какие-то блюдечки появились! Краб: побегу, раз-
ведаю. Бежит, бежит, видит: на берегу сидит Гайчи. На волны смот-
рит...

Широкое движение вверх-вниз, медленно, как волны. Потом
легонько тыльной стороной пальцев:

— ...А на волнах солнце играет...Гайчи смотрит — и камешки
плоские кидает, чтобы они по воде скакали. Сначала одной рукой...

Скок-скок-скок, сжатым кулаком, не больно, но крепко.

— Потом другой...

А потом обоими кулаками сразу. Потом тоже обоими, но враз-
нобой.

— Эти камешки и есть «блюдечки».

— Понятно.

— Краб увидел, побежал...

Дальше все повторяется в обратном порядке, с ускорением:

— Рассказал угрю, тот поплыл, сказал камбале. Камбала осьминогу, осьминог — морской звезде. Знаешь, мол, там на берегу Гайчи сидит, «блюдечки» бросает, причем очень ловко. А она: ГДЕ БЛЮДЕЧКИ?!

Звезда подпрыгивает и падает с высоты обратно. Распластывается безвольно: всё, обмерла со страху.

И все вы смеетесь: Тагайчи, ты и Змей.

— Совсем как с маленькой, мастер...

Ты так и не понял, плохо это или хорошо.

Ранний снег

Ранний снег в мэйанском Приморье. Растает еще, говорят ларбарские жители.

У тебя есть кому поднести этот снег. Твоей женщине, госпоже твоего сердца. Обряд, творимый для юной государыни. Зимний праздник должен быть веселым и долгим — а иначе чем занять темные, холодные вечера?

Двенадцатое число месяца Плясуньи. Общее оживление в Первой лечебнице. Утренней одури на лицах меньше, чем обычно бывало осенью: легче просыпаться, когда на улице всё бело. Обсуждаются две новости: давешний осмотр больницы гостями с Варамунги, а также бал, назначенный на двадцать девятое число. Что напишет о нас иноземная печать и какие наряды в моде этой зимой. Один лишь Дангман Чамианг, кажется, поглощен работой.

Юное лицо нашей клиники сегодня осознало себя еще и хирургом. Пришлось, ибо ему об этом напомнили.

Вчера днем Исполин показывал лечебницу варамунганам. И не сразу подобрал слова для объяснения картины, увиденной гостями еще на лестнице. На подоконнике раскрытого окна второго этажа стоял доктор Чамианг-младший и что-то кричал на улицу. А в окно заметало метелью. «Не холодно?» — с опаской спросил кто-то из южан. Ему объяснили: мэйанский народ закален, после Великой Зимы ему ничто не страшно. В этот миг доктор сорвался вниз — по счастью, не наружу, а внутрь помещения. Побежал, не разбирая дороги, и угодил прямо в объятия профессора Мумлачи. «Что происходит?» — спросил тот. Дангман не отвечал. Сегодня объяснил: «А я Вас и не заметил...». Мог ли заметить, если был в тот час увлечен разговором с какой-то барышней? Сначала на расстоянии, в духе «беседы под балконом», только дама находилась во дворе, а кавалер в окошке. Опасаясь, что она собирается удалиться, Чамианг за нею погнался, не видя даже своего наставника.

— Да кабы еще меня одного! — восклицает Исполин на сборе. И при всех коллегах читает вслух запись из медицинской тетради одного из недужных, поступивших накануне:

— «Состояние средней тяжести»... Гм-м... «Жалобы... общий статус» и так далее... Ага, вот: «живот болез».

— Живот что?

— Куда полез?

— «Болез», коллеги. На этом рукопись обрывается. Не иначе, вместе с жизнью, подумал я, ибо диагноз Приемного отделения гласит: «Перитонит». И что я вижу в палате? О чудо! Больной не только живехонек, но и прооперирован. Кем и какого рода вмешательство было произведено, остается загадкой.

— Врачебная тайна, — замечает кто-то с места.

Сия острота предназначается не для профессора, а для Чабира Чанчибара: это он вчера на обходе отказался обсуждать с иностранцами дела своего недужного. Грубость, прощенная лишь потому, что вызвала одобрительную усмешку главной гостьи, жрицы двоебожного обряда Пардви.

— Кругом шпионы!

Господин Мумлачи продолжает:

— Стороною мне удалось узнать, что больного оперировал, а следовательно, и записи вел не кто иной, как наш милейший мастер Дангман. Всякий бы, думаю, на моем месте после этого задался вопросом: скажите, коллега, а страждущего с перитонитом вы тоже НЕ ПРИМЕТИЛИ? Равно как и своих собственных действий по устранению причины его страданий? Провели операцию в состоянии сомнамбулии?

— Но провел же! И кажется, успешно.

— Откуда это явствует?

— Да Вы же сами, вроде, больного видели... Шов-то там есть? — в голосе Чамианга уверенность сменяется сомнением.

— ТАМ есть. Здесь НЕТ! — кричит профессор, швыряя на стол тетрадку. — Ни предоперационной концепции, ни хода операции, ни состояния недужного после нее и наутро. Ничего!

Чамиангу было приказано, чтобы он не уходил домой, пока не приведет в соответствие дела свои и слова. И сейчас он деятельно занялся исполнением сей задачи. Ради того и задержался в ордinatorской на вашем этаже.

Мученическая, но при том любезная мина. «Право же, Вы не допустите, чтобы я умер во цвете лет...» Дангман с чашкой кофея в руке и с тетрадью в другой приближается к Тагайчи. К делу подступает издалека:

— Позвольте поздравить Вас, барышня! Вам-таки удалось пробудить Любовь в оледенелом сердце...

— Только в одном? — немедленно отзывается Гайчи.

— Еще в одном! Я и Таморо не в счет. Однако — каков капитан!

В твоей палате есть больной: капитан городского прогулочного кораблика, уже выздоравливает. Очень ему хотелось участия и доброты. Верно рассудив, что к тебе за этим обращаться бессмысленно, он разговорился с Тагайчи. Скоро ли он сможет приступить к работе?

Чем ему отныне питаться? И как бы помягче объяснить «его ребятам», чтобы не ломались проводы его сразу вдвадцатером... Собственно, на его ладье всего двое матросов, а в данном случае речь шла о товарищах по службе. Не мог же экипаж ларбарского увеселительного флота бросить в беде «своего».

Гайчи общалась с ним вполне дружелюбно. По-человечески, то есть по-лабиррански.

Чамианг доверительно понижает голос:

— Спрашивал меня о Вас! Где, мол, тут доктор... прозвания не знаю... Молодая такая...

Повествование требует повторить телодвижения капитана, которыми тот сопровождал свои слова. Для этого надобно передать кофейную чашку мастеру Таморо, стоящему рядом. А тетрадку — с учтивым полупоклоном вручить Тагайчи.

— Такая рыженькая...

При этом Чамианг словно бы охватывает руками в воздухе нечто округлое, нежное и соблазнительное. Разумеется, иная стать бывалого моряка и не прельстила бы.

Гайчи отвечает:

— Вот уж не думала, что Вы, мастер Дангман, замечаете подобные мелочи.

И соглашается «помочь» коллеге, доделать запись в тетради с его слов. Потакает чужой лени, тратит время, которое можно было бы занять чем-то более полезным.

Зато как хорошо держится. А ты... Оледенелое сердце. Ты услышал это и всерьез испугался: вот, сейчас эти люди станут говорить о Гайчи и о тебе. Готов был оборвать Чамианга: «Замолчите немедленно». Не то и вправду погибнете в расцвете Вашей юности и дурости... И никто не был бы виноват в раскрытии твоей тайны, кроме тебя самого.

Четырнадцатое число. Крапчатый и ты в лавке на Арандийском подворье.

Как обычно: двенадцать скляночек с перегонным зельем, они называются саманг, «птички-кулички». Каждая по одной трети аруани. Пусть будут десять белых и две сладких: настойка на желтой сливе. И еще нужно зеркало.

Лавочник быстро переводит глаза с зеркал на бутылки и с бутылок на тебя.

— А старое чинить изволите?

— Старое что?

— Ваше бесценное прежнее зеркало.

Конечно. Как еще достойный господин мог утратить свое зеркало, если не в ходе пьяного загула.

— Прежнее стало тесно для величия моей особы. Пусть будет большое, в человеческий рост. Еще нужны два горшочка масла для растирания: сосновое и из кадьярских яблок. Величие нуждается в заботе.

— Что-то еще, господин?

Надобно решиться.

— Существуют ли в здешних краях в наши дни такие шали, что называются «от весны до осени»?

Мечтательная улыбка на лице приказчика:

— О! Снизойдите немного подождать.

И убегает. Бенг толкает тебя под локоть:

— Гостинчик готовишь?

— Да, как видишь.

— Для Гайчи, на Плясуньино преполовенье? «Это наш день, душечка, потому что мы с тобой беззаконные любовники»?

— Сие действительно будет настолько обидно?

— Смотри что ты хочешь доказать. Какой ты щедрый и заботливый влюбленный? Или тебе нужен некий предмет, чтобы в доме с ним бегать за дамою, когда она опять станет сторониться тебя? «Ваш веер, жестокосердная!» — как-то так?

— Если это будет дома, то пусть сторонится.

— А если нет, то пусть у нее в общаге будет хоть какая-то арандийская штучка от тебя? Причем именно шаль, никак не меньше: чтобы твое величие туда уместилось?

— Не обязательно ее уносить из дому.

— Ну, да. «Я тебе вручу подарочек, только ты его не забирай». Будет лишний повод в гости зайти, когда барышня почувствует потребность нарядиться. Так, что ли?

— Лучше вовсе без гостинцев? Или у тебя есть другой замысел? Увы, дельных предложений у Змея нет.

Пятнадцатое число. Тебе хотелось, чтобы был настоящий праздник. Дома, вместе. Гайчи пришла, ты спросил: сможет ли она остаться у тебя на завтрашний день? Она отвечала: «Попробую». Стало быть, всё зависит от тебя и от нее.

За чаем почти все время молчала. Потом сама подошла к тебе, обеими руками оперлась на твое плечо. Ты так рад был этому движению, ты подхватил ее, унес... Как Змиям, кажется, свойственно: утащить сокровище к себе в пещеру. Если это не золото, а красавица, так тем более. В западных сказках не говорится же, что двигало Змием. Может быть, как раз такое чувство: будто он нужен этому человеку. Не одним же храбрым витязям из числа людей тешить себя подобными самообольщениями.

И вот, сейчас вы сидите в спальне. На постели, на покрывале, не раздеваясь. Гайчи по-прежнему словно бы на руках у тебя. Лбом прижимается к твоей шее, и ты слышишь частое-частое биение пульса, ее и своего. Частое и не в лад друг другу.

— Буно пропал.

— Кто это?

— Ну, Буно. Который «тово».

Сие словечко ты слышал. Не один ты в этом году ведешь стажировку у будущих хирургов. Твоему коллеге достался парень с гайчиного потока: родом откуда-то из деревни, больше похожий на

лесного разбойника. Это он говорит «тово» вместо почти всех имен и глаголов мэйанской речи, кроме некоторых лекарственных понятий.

— Ученик мастера Баланчи?

— Да. И уже давно, почти месяц его не видели: ни на уроках, ни в лечебнице.

— В Ларбаре он в общежитии живет, или где-то в городе?

— В общежитии. Только там его тоже нет.

— И никого не предупреждал, что домой уехал или еще куда-то?

— Уехать — денег надо, если самому. А за справкой о школярской льготе он не заходил: это мы у секретаря отделенческого спрашивали. Буно сам из Черных Раков, это в Приморье, но на самой границе с Приозерьем. Ехать надо до Билликена, а оттуда по реке.

— Он нигде еще не подрабатывает, и денег у него заведомо нет?

— Не похоже. Если можно по льготе поехать, он сам платить не стал бы. Он вообще парень прижимистый. А работать... «Я не затем приехал на доктора учиться, чтобы тут тово», то есть улицы в Ларбаре мести или еще какими глупостями заниматься.

— Но ведь у вас уже многие работают и при кафедрах, и в больницах?

— Опять-таки: учиться на врача — это значит выйти в «господа», в «ученые». Зазорно нянькой-то служить.

— Просто загулять он не мог?

— Расход! А его вряд ли кто стал бы угощать, ты же его видел. Тovo да тovo, не особенно увлекательный собеседник.

— Любовное приключение тоже исключается? Юноша по-своему выразительной внешности... Кажется, про таких говорят: «медведя заламает»?

— Или медведь сам испугается и убежит. Насчет зверей — это да: Буно, по рассказам, всех своих барышень, с кем пробует завести сердечные дела, для начала водит в зверинец. Обычно на том всё и кончается.

— Зачем в зверинец? Там же животные всё равно в клетках. Или для удалого молодца сие не помеха?

— Нет, не силушкой мериться, а просто посмотреть. Пристойное увеселение и не дорого, театр дороже. А вот если бы он в Марди рванул учиться... Наверное, для этого тоже пришлось бы брать какие-то бумаги из Университета?

— В Марди?

— Да, в Богословское училище. Про Буно же говорят: «чудотворец»...

— В каком смысле?

— Вроде, он руки налагать может. Я не знаю, но уж мастер Баланчи такого бы не проглядел...

Юноша с чудотворным даром к врачеванию. Или хотя бы подозревается в наличии такого дара. Не удивительно, если его отдали под начало мастеру Талгано Баланчи, ответственному за безопасность в Первой лечебнице.

В последние дни ты заставлял Баланчи на работе подавленным, вопреки общей веселой предзимней суете.

— Если у парня действительно проявились какие-то «особые способности», его могли забрать в соответствующее учреждение на учебу или просто для разъяснений. Это, скорее всего, не Мардийское училище, а здешнее Охранное отделение. Ты говоришь, его уже около месяца никто не видел?

— Или видели, но молчат. Сам мастер Баланчи тоже ничего не объясняет.

— Я попробую спросить у него. Или у того человека, кто отвечает в ларбарском Охранном за надзор за мной. Маловероятно, но может быть, они что-то скажут.

— Не надо.

— Почему?

— Лишний раз с Охранкой связываться...

— Мне так или иначе надобно будет скоро туда идти.

— Начнут любопытствовать, с какой стати ты расспрашиваешь об этом Буно. Если там что-то серьезное, может только хуже выйти. Ребята пробовали уже в нашу службу безопасности заявить, которая за Университет отвечает. Так, мол, и так, школяр пропал... Им сказали: не суйтесь, не ваше дело.

— Тогда, скорее всего, речь и вправду об Охранном.

— Он-то, Буно, разве виноват, что на него божья милость сошла?

— В таких вещах обычно никто не виноват. Но уметь с ними обходиться надо. Иначе наступает «одержимость», часто разрушительная и для самого чудотворца, и для окружающих.

— И что же ему теперь, сан придется принимать?

— Жреческий сан — это другое. Но не так уж мало людей, кто и дарами обладает, и даже обряды и молитвы творит, однако ни в каком приходе священником не числится. При должной подготовке от такого целителя в больнице может быть много пользы. Особенно если и в обычном врачевании он до какой-то степени сведущ.

— А тебе приходилось работать вместе со жрецом?

Ты сам подвел ее к этому вопросу. Да, сейчас. «В детстве, в пять лет у меня обнаружили божий дар: видеть сквозь тело больные органы. Потому и отдали учиться на врача. Позже, в двадцать семь лет, открылась еще одна способность, а именно, внушением воздействовать на больных, отдавать им приказы по поводу их поведения в ходе лечения. Так, чтобы они не могли ослушаться, если только не окажутся слишком стойки к чародейскому воздействию. Это, конечно, не волшебное исцеление, а нечто более частное...» Неужели так сложно выговорить всё это?

Ты боишься: вот, ты расскажешь, и Гайчи станет смотреть на тебя как на чудище? Да нет же! Она только что показала: ни страха, ни отвращения у нее «чудотворцы» не вызывают.

А для чего сочла нужным это показать? Узнала от кого-то про твои «дарования»? Поняла, что сам ты не решишься завести о них речь, и хочет тебе помочь?

Вопрос о целителях обсуждался в Первой Ларбарской, кто-то упомянул тебя?

Или еще вероятнее: из Охранного приходили сыщики и спрашивали: какие странности школяры замечали за своим товарищем Буно? Могли позвать для беседы и Тагайчи. «Вам, барышня, многое должно было скорее броситься в глаза, нежели другим Вашим коллегам, учитывая личность Вашего наставника. Как, Вы не знаете, что доктор Чангаданг тоже имеет сверхъестественные способности? Так вот: по причине змейского происхождения он...» Самое неприятное, что в подобной роли мог выступать не просто какой-то неизвестный тебе сыщик и даже не сотник Ливарра, опекающий твою особу, а другой сотник — мастерша Малуви.

Гайчи прячет от тебя лицо. Знает, подозревает: признание твое будет позорным. «Когда-то мы отлично работали вдвоем с одной женщиной, тогдашней моей беззаконной подругой: я за врача, она за кудесника, и общими усилиями мы оба — за чудотворца. И еще на нашей с нею ответственности был один маленький, но не слабый Змей. Ему, собственно, и полагалось бы творить чудеса. Только он слишком юн был и слишком неухожен, несчастен, а потому упрямылся»...

«Змей, допрежнее создание. Кто-то из богословов города Марди, наверное, назвал бы его особого рода призраком: душой умершего ребенка, способной вмешиваться в жизнь живых, если его о том как следует попросят. Дело осложнялось тем, что он был моим ребенком, этот Змей. Моим погибшим сыном. А у той мастерши с деторождением были большие сложности из-за ее чародейской работы. Похоже было на то, когда кормилицей к чьему-то младенцу нанимают женщину, недавно родившую нежизнеспособное дитя. Сие считается милосердным: пусть хотя бы бедняжка на чужого малыша порадует... В итоге я сказал этой своей напарнице: роди себе чудище сама и с ним балуйся дальше, а меня с моим Бенгом оставь в покое.»

«Как же ты живешь после всего этого, мастер?» — спросит Гайчи. И будет совершенно права.

Хорошо. Вопрос был задан о работе вместе с кем-то из жрецов. Не напрямую о твоих «чудесах».

— Был тот случай, о котором я рассказывал: пример самого отвратительного сотрудничества между врачами, ириангами и кудесниками города Кэраэнга. Когда они приняли взятку, поделили ее между собой и не стали ничего делать. В итоге...

— Не надо. Я понимаю.

— Ничего не сделали из того, что были должны. Но есть, конечно, и примеры успешных совместных действий. Скажем, нечто такое было в Камбурране, тринадцать лет назад.

Твоею первой мэянской зимой. Многое тогда случилось всего за год с небольшим: погиб твой сын, потом умер Дангенбуанг, ты ушел с военной службы, уехал из Аранды. И почти сразу, как только ты поселился в городе Камбурране, наступила зима.

Месяц Владыки 1105 года. Твое новое место службы. Середина дня, и ты мог бы уже отправляться восвояси: все дела переделаны, и нынче ты не дежуришь. Тут больница, а не «ночлежный дом», на что тебе уже было указано.

На улице — обычный для тех мест сухой мороз. Утром ты очечной дужкой опять ободрал кожу на виске. Не привык, чтобы золото так застывало... Непонятно: зачем было, идя на службу, нацеплять очки? Видимо, для поддержания образа восточного доктора. Все равно в городе по утрам полная темень — ни фонарей, ни света из окон. И так же темно станет в ближайший час. Пользуйся сумерками: ты успеешь пробраться через сугробы к своей избушке. И по пути завернуть в лавочку за зельем. Вчерашнее похмелье не отпускает, ты даже не пытаешься вспомнить, сколько выпивки дома осталось. Всё не в пропажу: купишь еще. На что другое тебе тратиться?

Именно так ты и живешь. Снежные улицы, все одинаковые — к чему заучивать их названия? Ты примерно знаешь, на сколько шагов вверх от здания больницы ты должен подняться, чтобы очутиться в своем квартале. Огороженные углы с бревенчатыми домами, из-за заборов не видно света. Все дворы в этой части города — треугольные. И такие же скошенные комнаты в домах. В твоём углу две трети жилого пространства отделено деревянной стенкой в аршин высотой. Всё, что за стенкой, именуется «кроватью»: полуаршинный слой трухи насыпан на нары, а сверху — положена перина. Ее ты убрал бы, да некуда. Даже стоямя не поставишь. Пополам она, при всей мягкости, не сгибается, а полная длина ее больше, чем расстояние от потолка до пола. Ширина тоже. И ни в окошко, ни в двери ее не протолкнешь. Наверное, ее шили прямо здесь и не рассчитывали выносить наружу.

Удивительно, как быстро ты позабыл казарменные привычки. Отбой происходит сразу же, как только ты возвращаешься с работы. По выходным вообще ни побудки, ни отбоя, только труха под периной да бессонница. Или сны. Видения с четкой границей внутри них между пьяным состоянием и похмельным. Пока зелье оказывает свое полезное действие, тебе мерещится, будто ты Царь Арандийский. Змей, заплывший по морю куда-то далеко на север и там вмерзший во льды: красивые, синие, подсвеченные изнутри. А потом — ты, не просыпаясь, возвращаешься к действительности: не насущной, но недавней, что еще хуже. «Вы произведены в чин четвертьсотника»... «Ваш наставник — мастер Тиринунг Дангенбуанг»... «Скоро у тебя будет второе дитя»...

Всюду и всегда крепко натоплено: в избе, в лечебнице, в местном Охранном отделении. Позор, но сам ты так и не научился управляться с дровяной печкой. Значит, ты ни ночью, ни днем не можешь запереться у себя в углу: угоришь, заснешь и спалишь вместе с собою множество народа. Вечно запотевшие стекла очков. Ты

приходишь на работу, долго ждешь, пока они согреются. Рассчитывать на тепло собственных ладоней или дыхания, кажется, бесполезно. Ты слишком много применяешь «чудес», и потому плохо различаешь тепло и холод. «Змеиная кровь»... Если в этом краю водятся гады, они давно впали в спячку. Ты не спиваешься, а просто стараешься следовать их примеру. Без водки трудно стало заснуть.

Зачем тебе бодрствовать, чего ты не видал — там, в ясном свете рассудка? Не так уж много дней, месяцев пройдет, и ты полностью растратишь то, чему тебя научили на Востоке. Исчерпаешь себя — и никому ничего не будешь должен. Это ведь даже не «ты»: твой наставник умер, ты можешь сделать еще несколько его операций, но в любом случае их число конечно. К счастью.

У тебя есть твой Бенг, он способен хотеть чего-то: из еды, из новостей, из внешних раздражителей. Ты спаиваешь его, после первой половинки стакана ему становится весело, а потом хорошо. Если ежедневную еду свести к соленым огурцам, зелье действует еще скорее. Он послушал бы сказку, стихи, но ты не умеешь рассказывать. Не идти же с такою просьбой к хозяйке вашей избы: у старухи без того много хлопот с тобою. По виду ты никак не похож на просвещенного господина, возымевшего тягу к народной словесности. Следовательно, «допился», и запросы твои не заслуживают уважения. Как никогда и не заслуживали — до пяти лет ты не просил, чтобы домашние тебя развлекали, а потом ты начал учиться. Пересказать Змею «Златообильный Чертог» или что-то еще из побасенок твоего детства? Ему не интересно: он Бог, без тебя знает, как устроена тварь живая.

На службе больничные барышни пробуют расспрашивать, скоро ли к тебе придет супруга. Что скрывать: тебе хочется жалости со стороны, как если бы собственных слез о судьбе твоей тебе было недостаточно. Ты отвечаешь: у госпожи Чангаданг имеются более важные занятия. Утешение с благодарностью принял бы в виде сказок. Или каких-нибудь книжек, что эти юные мэйанки проходили в школе, — чтобы тебе их рассказали, а Бенг послушал. Тебе казалось, до арандийских старинных повестей Змей еще не дорос, а только их сам ты кое-как смог бы пересказать по памяти.

Разумеется, тебя поняли превратно. Одна из барышень, а может быть, уже и замужняя дама, сочинила вполне складную сказку. Изложено сие было не тебе, но так, чтобы ты слышал: «Мастера Лингарраи бросила жена. Он не мэйанин, чтоб убить ее с любовником. Тьфу, мол, на вас — и уехал. Я скажу, девочки, он хоть и с виду — глянуть не на что, а сам — ого-го!». Будто бы и не выдумка вовсе, а изведено на опыте. Жаль только, что об этой женщине не шла слава как о ревнивой собственнице, чтобы подруги остереглись проверять ее слова. А ты воспользовался подсказкой. Примерно так и вел себя: тьфу на вас, девушки, и без вас тошно. Сомнительное удовольствие.

«А я Вас, доктор, любила бы... Ребеночка бы Вам родила. Ну, подумай — пьет мужчина? Кто ж нынче не пьет...». Звучало между делом, как этакий добродушный упрек тебе за твои злобные речи. Любила бы. Если бы — что? Если тебе сие было бы хоть немножко

нужно? Если бы ты взялся за ум и решил не помирать сразу, как только отслужишь свой траур по наставнику? Если бы исходил из своих желаний, а не из задачи воспитания Змея? Отец-одиночка...

Ты понятия не имел, кто он такой, твой Бенг. Но еще до приезда в Камбурран мастерши Малуви с ее науками для тебя этот главный вопрос начал понемногу проясняться после двух случаев.

Первый — когда Змей однажды попросил тебя: пойдём в гости к мастеру Майрани.

— Кажется, нас туда не звали.

— И что с того? Он старый орк, гораздо старше, чем ты думаешь. Он многие сказки знает.

По крайней мере, у тебя появилось еще одно занятие. Объяснил дитяти правила учтивости. Просто так, без повода, в гости ходить не полагается — значит, следует найти повод. И вы вместе стали изобретать его.

А второй случай был как раз тот, о котором ты начал вспоминать. В зимних сумерках, ближе к концу бездельного служебного дня, в больницу явился посетитель — проведать недужного приятеля.

— В горах недалеко от города местный житель сорвался со скалы. Перелом бедренной и большеберцовой костей, обморожения. Обычный случай для камбурранской зимы. Надо признать, тамошний народ в этом смысле ведет себя грамотно: доставили раненого быстро, при перевозке не покалечили. Молодой парень, крепкий, серьезной опасности для жизни не было. Даже сосудисто-нервный пучок не поврежден, так что провели спицу, подвесили груз. На следующий день к раненому пришел его знакомый — жрец из семибожного храма Старца. Похож был больше на торгового воротилу из прошлого столетия: кудрявая завитая борода, медвежья шуба нараспашку. И толстенная золотая цепь вокруг по брюху. На цепи, правда, не часы, а жреческий знак. Держался он тоже, словно купец среди своих приказчиков. Привез угощение лекарской братии и бочонок пива на всех. Пиво поставили подогреть, по тамошнему вкусу, и побежали созывать народ к обеду. Еще бы: не каждый день перепадает такие окорока и пироги.

— Благое дело — Старца-Кормильца почитать!

— Сам он отправился в палату к своему приятелю. Я шел мимо из перевязочной, когда услышал вскрик.

За мгновение до этого твой Бенг, чинно шагавший впереди тебя по коридору, вдруг метнулся в приоткрытую дверь той палаты. Будто бы от опасности, а на самом деле — к ней.

Твой малыш ходил с тобою на службу. Не оставлять же было его в Верхнем городе, в избе на попечение мэйанской старушке... Преданно дожидался тебя на пороге операционной. Во время перевязок сидел на твоём плече, как обезьянка капитана Джакаданги. Эту книжку, «Путешествие на Мóроке», ты ему все-таки рассказал. Вы оба делали вид, будто Бог, даровавший тебе лекарские чудеса, — это одно, а бедный малютка-Бенг — нечто другое. Ты тогда еще подумал: что, если семибожный жрец способен видеть незримое?

Ахнул, увидав Змея в больничной палате, хорошо, если не замахнулся на него...

Оказалось, Крапчатый лучше тебя следит за твоими недужными.

— Больной задыхается. Несмотря на переломы, силится приподняться на кровати. Кашляет, хватается за грудь, на шее набухают вены. Сердечный удар? Будь он старше лет хотя бы на двадцать, я бы так и решил.

— ОЗЛА?

— Как-как?

— ОЗЛА: острая закупорка легочных артерий. Сейчас так многие говорят, и в Университете, и в Первой.

— Сие пошло из ОТБ.

— Можно понять. У них там каждая минута на счету, куда уж так длинно выговаривать.

— Да, закупорка крупной ветви. К счастью, тот жрец оказался не из пугливых. И воздержался от поспешных действий по собственному разумению — вроде чудотворного изгнания яда или чего-нибудь вроде этого. Спросил: «Что происходит и чем я могу помочь?». Я объяснил. Он знал молитву о чуде — двигать предметы на расстоянии. Я сказал: следует искать капельку жира из сломанной кости, попавшую в кровеносное русло и перекрывшую сосуд. Он сосредоточился, нашел жировое тело, начал двигать его в обратном направлении, довел до бедренной вены. Я пояснял, куда именно надо вести. А дальше — обычная операция Канака.

— Это, получается, через сердце надо было пройти?

— Да, до нижней полой. Конечно, опасно. Но что оставалось?

— А если все-таки удар? Или расслаивающая аневризма?

— Я лишь предположил, а жрец «увидел». Можно сказать, повезло.

Он увидел, когда ты рассказал ему, где и что именно он должен найти. Врач-ясновидец и жрец, его помощник. Об этом ты промолчишь.

Тагайчи не высвобождается из твоих рук. Пока — нет. Просто поворачивается поудобнее. Говорит:

— Повезло еще и в том, что досточтимый служил Старцу Горному, как я поняла. Раз он предметы двигать может. Обычно тяжести приходится таскать, а тут наоборот... У меня зять тоже служит в Желтом храме, только — Полевого Старца. Они с сестрой сейчас в Муллибери. Это в Мардийской области, западнее Камбуррана.

— Прости.

— За что?

— Я не должен был непочтительно отзываться о том жреце.

— Разве? Мне показалось, он тебе скорее понравился...

Ты когда-то услышал слова «мастер Ягукко, фельдшер из Лабиррана» и вообразил себе грамотейскую семью из мэянского небольшого городка. Таких людей лет тридцать назад все еще звали «передовыми», что предполагало веру в науки и безбожие. А может

быть, на самом деле это набожное семейство? Иначе Старцев жрец не посватался бы к ним...

Кроме прочего, это значит: про Крапчатого Бенга тебе лучше молчать как можно дольше. Не то услышишь: Бог в образе Змия — это, мастер, ваше восточное иноверие. Или же: Змии суть допрежние существа, они на горах Дибулы сражались с Исполинами. Выходит, Ваш уцелел в той битве? Или он тогда еще покоился в яйце, а вылутился позже? В Камбурране при тебе такие окаменелости, «змеиные яйца», продавали на рынке особенно щедрым семибожным паломникам.

Гайчи добавляет:

— И все же, знаешь — редкое везение. Что, если тромб, а не жир? Или бы досточтимый тот в анатомии запутался...

Ты признался. Точнее, проговорился: ведь жировое тело видел ты, а не жрец.

— Конечно. Везение, помноженное на мою тогдашнюю самонадеянность.

Гайчи долго молчит. Повторяет про себя твой рассказ, ищет несоответствия? Соображает, где именно ты солгал?

Ложь наставника не вызывает страха. Потому ли, что в Мэйане сия мерзость привычна? Или потому, что тебе свойственно лгать. И сколько еще речей твоих было мысленно помечено твоей ученицей: «правда», «вранье», «частичное вранье»?

— Значит, вместе с чудотворцем работать всё-таки возможно. Ну, и оставили бы Буно нам. Нашлось бы применение его дару.

В ее словах — не столько страх, сколько досада. Кто мешает работать нам, лекарям: Ведомство безопасности, которое отвлекает от дела нашего коллегу Буно. Божий дар? Так что ж? С кем не бывает...

— Кстати насчет тово. Я, наверное, тоже говорю такие словечки, что раздражают? Или веду себя...

— Не знаю. Вот, разве что, способ одеваться: плащ нараспашку, шарфик для красоты, а не для тепла. Это не раздражает, просто мне смотреть холодно.

— Ничего. Мэйанский народ закален.

На лице — вдохновенная мина господина профессора. Ты смеешься:

— Не надо.

В первый раз за вечер Тагайчи поднимает глаза на тебя.

«Чего не надо? Легко одеваться зимою? Передразнивать высшее начальство при другом начальстве, пониже? Или перенимать у тебя твои неприязни, да еще чтобы это звучало вслух? Или вообще высокородный господин не любит лицедеев?»

— Не к ночи будь помянут Исполин, — отвечаешь ты.

Вполне серьезный взгляд:

— Тебе его не жалко?

— За что?

Гайчи объясняет как некую очевидную вещь:

— За то, что ты его не любишь.

Бенгу при его телосложении всё еще сложно изображать человечью повадку рукоплескания. Он садится, как белка, на задние лапы, передние сводит вместе, насколько позволяет его брюшко, а звук подает шелканьем хвоста. Скалится:

— Вот тебе!

Эта девушка с Запада лучше тебя понимает, что значит «любить». Насколько многообразны значения этого слова.

— Если жалеть каждого, кого я не люблю, понадобился бы ири-анг Мамбигуи. Со всеми его слезами, от коих поднялся уровень моря. Этот человек каждый год назначал себе «день стенаний» в память о древней стране Араамби. Настолько пристрастился к сему занятию, что потом плакал уже каждый день. В конце концов царь отстранил его от должности.

— И он умер?

— Нет. Даже заметно повеселел. Всё дело было в избытке рвения по службе. Это из «Записок Сантанги». Когда-то меня самого часто сравнивали с этим Мамбигуи — за скорбный вид.

— Не хватит слез оплакать всех...

Ты не узнаешь, что это за мэйанское стихотворение.

— Кого сгубил случайный грех, — продолжает Гайчи.

— Ты думаешь, в данном случае сие «случайно»?

«Заслуженная неприязнь — это в каком-то смысле тоже Любовь.»

— К счастью, погубить одною своей нелюбовью я не могу, я не Бог.

— Это не только у богов так. Если уж кто-то немил, неприятен и не нужен...Вы станете не нужны, мастер Видаджани, СОВСЕМ не нужны...

— А это что за цитата?

— «Повесть о Пяти Паломниках», «Главы вне действия», одиннадцатая глава. Беседа княжьего канцлера, господина Нальгинари, с поэтом Видаджани, которого канцлер вербует к себе в соглядатаи. Джани понял, что означает словечко «совсем» в устах боярина.

— Он не справится с заданием, станет не нужен, и его уничтожат?

— Именно так.

По голосу Гайчи можно понять: сочувствие читателя в этой повести должно быть на стороне соглядатая. Следовательно, канцлер, который его запугивает, — личность отрицательная. Радуйся, боярич Чангаданг: тебя, кажется, сравнили с великим злодеем.

— А что бы ты предпочел, Человече: великое злодейство или мелкую праведность?

Ты помнишь заглавие этой повести. Когда в Первой лечебнице обсуждалась твоя газетная беседа, коллеги спрашивали: «Так кто Змия нашего на всё это раскрутил?» — «А что, подписи нету?» — «Ларбарский Доброхот, видите ли» — «И чего боятся? Не такой уж крамолы Змий нагнал. И про Корону ни слова...» — «Зато про

Исполина куча гадостей» — «Ну, вестовщика-то мы знаем! Родственник Бенга Ягондарры. Он еще и сочинитель. Читали лет пять назад в том же «Доброхоте» повесть про «Пять Паломников»? Так вот, этот газетчик, Ниарран, — один из ее сочинителей.»

Отчего сейчас тебя так зацепило прозвучавшей цитатой? Совсем неприятно, нет. Просто ты, сам того не ожидая, узнал ответ на важный для тебя вопрос.

Допустим, мастер Ниарран пытался ухаживать за Гайчи, был влюблен. Тому имеются свидетельства. А что сама Гайчи думает обо всем этом? Ты не сумел бы ни спросить у нее, ни даже попробовать вызнаться сие стороною. И вот, она сама сказала. Возможно, в ответ на твое косвенное признание насчет «чудес».

— Хотел бы я, Крапчатый, по сути лишь одного: чтобы он, праведник оказался достаточно мелок пред лицом моего величия.

Во-первых, если бы Гайчи было что скрывать от тебя, она эту повесть не упоминала бы. Значит, скрывать нечего. В любовных своих поползновениях газетчик не преуспел. Во-вторых, не преуспела она сама — если предположить, будто ей от него тоже нужно было чего-то. Не ухаживаний, а дружбы, например. Он для нее остался книжкой, а не живым человеком, и цитировать его — способ общаться с ним. Может быть, единственный доступный способ.

Дурак он, конечно, если так. Или испугался. Тебе известно, чего именно он должен был испугаться. Разве не ты в самом начале разговора показал ему свою власть? И он подчинился. А после ты захотел, чтобы он отступился от твоей женщины. Он послушно отступился. Хотя с тех пор ты не видал его и не заявлял своей воли вслух, он почуял ее на расстоянии.

— Правитель — ветер, народ — трава. Разве надобно каждой травинке объяснять, куда ей клониться? Грозный государь Лингарраи.

— Пусть так.

— Ты уже забыл, насколько мерзко было, когда к тебе приходили радетели за возрождение Царства? «Господин сотник! Прошу Ваше ведомство оградить меня от подобных посетителей...» Или тебе уже не важно стало, что ты потомок бывших царей?

— Важно. Только и Ягондарра, и этот родич его, насколько я понимаю, происходят из семьи, которая омэйанилась очень давно. Не думаю, чтобы они чтили какого-то Государя как священную особу. Разве что подсознательно. Так что с их стороны послушание особенно приятно.

На радостях можно было бы даже и простить некоторые из неслучившихся для тебя черт твоего супостата-Исполина.

— Мне его жалко, но за другое. За то, что он вынужден заниматься не своим делом. Или думает, что вынужден, но поколебать господина Мумлачи в его решимости не способно ничто. Включая и мои увещевания, устные и печатные.

«Я помню того газетчика и не держу на него зла. Если я остался недоволен своим выступлением, то только потому, что мне самому следовало бы изъясняться понятнее. У меня, ты же знаешь, это есть: боязнь собственного косноязычия.»

«Это хорошо, мастер. Мне бы не хотелось, чтобы вы враждовали.»

Вот так. Вы. Ты и мастер Ниарран.

«Враждовал — именно с ним? Или с кем бы то ни было?»

«Разве любовь не лучше вражды?»

Конечно, лучше.

— Грешно мне порицать кого-то, если сам я столь часто благословляю Господа за то, что я не оказался на месте этого человека.

...Кабинет господина профессора. В двери входит не известный тебе лекарь. Восточная наружность, серьезный вид. «Доктор Чангаданг, разрешите?» — начинает он. Без подобострастия или робости, скорее, с глубоким сочувствием к начальству. И представляет людей, входящих вслед за ним: каких-то пардвян или вингарцев в красных облачениях.

Здороваешься с ними не ты. Слава Богу, не ты. А то уж ты было испугался — не стал ли кабинет Исполнина твоим. Отвечает Тагайчи.

Ей предстоит занять столь нежеланное для тебя место: место начальства в лечебнице. Но это для тебя оно нежеланно и ненавистно, а для нее — возможно, нет? Даже наверняка — нет.

Ее назвали «Доктор Чангаданг». Доктор Тагайчи Чангаданг. Значит, свадьба все-таки будет.

Ты не знаешь, откуда берутся эти видения. Змей может толковать их — но вызывает их не он.

— Это вообще счастье: быть на своем месте, — молвит Тагайчи.

«Здесь, со мной?»

«Да.»

— Останешься на завтрашний день?

— Конечно.

— Хорошо.

Она перебирается так, чтобы сесть рядом с тобой. Но и теперь не отстраняется. Проводит пальцами по твоей руке от плеча до запястья.

— А восемнадцатого мы дежурируем... В хорошей компании...

Звучит как начало сказки. «И взошли они на корабль, и поплыли далеко-далеко...» Все герои в этой сказке будут только хорошими.

— С кем именно?

— Мастерша Магго, мастер Харрунга и Никони.

— Магго, Никони, Харрунга. Да, не худший состав.

«Ну, этих-то людей ты хотя бы любишь? Уже неплохо.»

Ты подобное чувство не называешь «любовью». Наверное, ты не прав.

— Когда к кому-то хорошо относишься, хочется, чтобы эти люди тоже ладили между собой. Кажется мне или нет, будто Харрунга и Никони не слишком жалуют друг друга?

— Не без причины.

— Юноша из ученой семьи — и выходец из народа?

— А что, ученые — не часть народа?

— Да, часть. Противопоставление неуместно. Однако эти двое сами же и настаивают на сословных границах. Особенно Харрунга. При его лекарском опыте он давно мог бы перестать вести себя как парень от сохи.

Гайчи усмехается:

— Тогда уж от вил. В свинарнике вилами работают. А на том хуторе, откуда он, хозяйство свиноводческое.

В отличие от тебя, Гайчи и это знает.

— Зато он добрый, — добавляет она.

— А Никони злой? Точность картинок, которые он рисует, — свидетельство злости?

— А ты думаешь, правда всегда во благо?

Врите, врите, мастер Чангаданг. Станете изъясняться искренне — всё испортите.

Кажется, барышне Тагайчи Никони доверяет. Настолько, что она не зовет молодого, но все же старшего коллегу «мастером». А он ей показывает свои рисунки.

— Бурное море, на волнах цветочный горшок. Из земли торчит какая-то былинка, под ней махонький мастер Таюрре, поливает ее из лейки. А лицо счастливое-счастливое... Или мастер Кайран: в руках бедренная кость, вид такой, словно бы он сам ее только что обглодал. Ну, и другие — в том же духе.

— Например, ты, Лингарраи, с большим змеиным яйцом в охалке. К рисунку сочинили подпись: У нас их больше. Имелось в виду: как вы все, кэраэнгские бояре, кичитесь своим родством. Делались предположения, кто из яйца должен вылупиться. Неужто Исполин?

— Разумеется, кто же еще. Горька участь Бенгова дома.

— Или еще один такой же зануда, как ты. Сразу в очках. Или Скворушка Дарри.

— Кто?

— Это из детской книжки. Говорящая птичка князя Вонгобула-Законодателя, которая знала наизусть весь свод законов. И цитировала их по любому поводу, каждый раз не к месту.

Если бы Гайчи видела тот твой портрет, то поняла бы, насколько это была злая шутка. Тогда сейчас она говорила бы про Никони иначе. Хотя и не понятно, с какой стати этому художнику щадить тебя.

— Верно ли я понимаю, что «добрый» и «злой» — это не то же самое, что «хороший» и «дурной»?

— Конечно. Можно быть очень злым, но совсем не плохим человеком. Никони как раз такой.

— Потому что злость его проявляется через творчество. И рисунки его могут быть весьма жестоки, но по-своему они совершенны. А скажи: бывают «добрые и плохие» люди?

— Тоже бывают. Это наша мастерша Виндвелли. А еще — «хорошие, но плохие», «по-плохому хорошие». Такой, по-моему, мастер Ягондарра: к своим людям нужно относиться хорошо, а с теми, кого своими не считаешь, долг якобы велит обходиться по-скотски. Даже если для этого приходится прилагать отдельные лишние усилия.

— Что ты имеешь в виду?

— Одна из медсестер является на работу слишком ярко окрашенной. По мнению мастера Ягондарры, это говорит о вольности ее нрава. Ночью она приходит в ординаторскую: «Доктор, недужный такой-то жалуется на головную боль. Может быть, давление у него?» Мастер Ягондарра отвечает ласково, ободряюще: «Вы разве не знаете, что делать?». Спасибо еще, не добавил: «Дитя моё»... А утром не поленился подняться к мастерше Чилл: «Эта девица совсем ничего не умеет, даже давление измерять...»

— Понятно. Тогда остается «добрый и злой одновременно».

— Есть и такие.

— Кто же?

«Догадайся!»

— Мастер Чангаданг.

«Нечто подобное я подозревал.»

— Но где же тут доброта?

— Доброта в том, чтобы знать, где у кого самое больное место в самолюбии, и когда ругаешься и язвишь, этих мест не касаться. Никогда.

Возможно, именно этим объясняется виноватый вид многих твоих собеседников, когда они смотрят на тебя. «Мастер Чангаданг знает наши позорные тайны, но учтиво молчит о них...»

— Значит, за глаза злословить можно?

— Но ты ведь не только о других, о себе тоже злословишь.

— О, да. В чем отличие «грязных сплетен» от «чистых бесед», как говорят на Востоке. При «чистых беседах» их участники поливают грязью не только общих знакомых, но и себя самих, а также друг дружку.

— Тогда немного о себе. Ни добрая, ни злая. Равновесие! В меру хорошая, в меру дурная, одним словом: стерва. Любит, не любит, плюнет, поцелует, главное — проделать всё это подряд и с такой скоростью, чтобы не дать собеседнику опомниться.

— И что же ты делаешь дурного?

— В лечебнице, например: заполняю тетрадку — хорошо. Заполняю ее, хотя вообще-то это работа мастера Дангмана — плохо. Он радуется: хорошо. А ты сердисься: плохо.

— Зато господин Мумлачи будет доволен: бумаги приведены в соответственный вид.

— Всякая гадость кому-то в радость, как выражается мастер Харрунга.

— А будущий историк врачевания однажды просмотрит грамоты в архиве, обнаружит единство почерка и решит: мастерша Ягукко, по-видимому, служила Главным Писарем этой больницы.

Или: она одна здесь работала, тогда как остальные сотрудники суть личности умозрительные.

— Но оттого не менее подозрительные. И обратится к записям Охранки.

— Однако шутки Харрунги, по-твоему, добрее, чем рисунки Никони?

— Слово вылетит, не поймает. А над картинкой долго трудиться надо.

— Согласен, разница есть. Не похоже, чтобы Харрунга тщательно обдумывал свои остроты.

— Ты считаешь, он дурак, раз говорит, не подумавши?

— Я считаю его человеком коронной присяги. Ведомству безопасности тоже надобны врачи... Насколько я понимаю, в Ларбар его перевели с повышением, за боевые заслуги. Привычная быстрота отклика — во всём, в том числе и в речах.

— И чувство безнаказанности отсюда же?

— Наоборот. Желание карать себя самому. «Смотрите, коллеги: я не боюсь шутить, поскольку состою на негласной службе в Охранке. Презирайте меня и избегайте, насколько сможете, ибо я этого заслужил. Не потому, что переведен на мирную работу, а потому, что в целом следить за собственными согражданами — дело унижительное и грязное».

— А они, вредины такие, не презирают.

— И тем терзают его еще больше. А ему того и надо.

— Тебе такие извороты не нравятся?

— Очень нравятся. Что, в свою очередь, доказывает извращенность моего ума.

— Но есть же и более просто построенные пристрастия?

— Да, и это мастерша Магго.

— Терпение, приветливость, простота. Всё — проверенное временем. И этим человек исчерпывается?

— Нет. Мужество жить посреди сплошной бессмыслицы. Поддерживать репутацию не доктора, а «доброй няни»: это, якобы, единственный способ быть женщиной-врачом и при этом не чудовищем в глазах окружающих. Няня — она же сказочная старуха, помнящая эту больницу еще со времен Таррилани Ларбарского. Долгие годы оставаться неизвестно чьей вдовой, тоже какого-то героя из сказки, всемирного доброхота. И самое страшное, когда посреди этого баснословного мира вдруг погибает твое дитя — случайно, необъяснимо, поскольку басня не снисходит до объяснений. В моем случае я хотя бы знаю, кто виноват...

— Мастер Навачи, ее муж — он не выдумка. Он на самом деле был.

— Бог есть на самом деле: иначе кто приносит подарки на Новогодие? А такие люди, как Магго, уж позаботятся, чтобы подарки были в наличии: как основа их собственной веры в Бога.

— А у тебя что составляет такую основу?

— У меня? Вера в то, что иногда и я могу поднести Богу гостинец. И Бог не сочтет сие смешным.

— А защищать ты его не пробовал?

— Бога? Случалось и такое.

— Была в Онтале одна жрица — досточтимая Гамулли. Отец-Воитель являлся к ней не воеводой, не соратником, не боевым конем и не огненным тигром, а ребенком, замерзшим и обиженным.

— Хорошо. Только страшно.

— Что страшно?

— Страшно, когда Бог возлагает ответственность на тебя.

— Но разве ты не поэтому выбрал врачевание?

— Когда выбрал, то именно поэтому. Хотя к тому времени уже много лет занимался лекарским ремеслом. А почему его выбрала ты?

Она задумалась.

— Наверное, потому, что могу заниматься этим лучше всего. Не «лучше всех», но лучше всего. Оттого что мне это нравится.

— Что хочу — то и ворочу! — замечает Бенг.

— Теперь ты видишь, Змеище, чего я ждал.

— Чего?

— Например, того, когда ты не только будешь вздыхать, как томный влюбленный, но и посмеиваться над Гайчи. Большой шаг вперед.

— Так и она над нами посмеивается.

— Взаимность чувств постепенно возрастает.

— Насколько лучше было бы, если бы сейчас мы могли разговаривать все вместе, втроем! А то глупо получается: «Человече, можешь ей про меня ничего не рассказывать, просто скажи, что я ее люблю».

— Я тебя люблю, — говоришь ты вслух.

Шестнадцатое число. Часы у тебя в комнате звонят дважды в сутки: в семь утра и в семь вечера. Подарены главою дома Чангаданг тебе на окончание Училища. Не будучи тонким механиком, убрать звонок или перенастроить его невозможно. Вчера ты отнес их на кухню, чтобы не будили утром. И после весь день то и дело поглядывал: или на них, или на свои наручные часы, оставленные на столе в рабочей комнате. Сколько еще до вечера? Сколько — в часах и минутах — тебе осталось твоего праздника?

11.00. Просыпаешься, выходишь на кухню. Не «без пяти», не «пять минут двенадцатого»... До чего неприятны эти ровные цифры. Благой Закон велит точно следовать именно часовым отрезкам? Нужно умыться, побриться и причесаться, прежде чем станешь просить свою женщину о первом утре любви.

Она проснулась, улыбнулась тебе. Ты понял: если что и будет, то без ее деятельного участия. Госпожа твоей жизни милостиво допускает тебя к себе, но и только. Ты отступился.

Так тоже хорошо. Был ты когда-то молодым супругом, возвращался домой и ночью почти неизменно слышал: «Ах, не лучше ли утром?» — «Да, но ближайшее утро без уроков и службы будет через полмесяца, не раньше!» — «Я буду ждать...». Высокое вежество Царской Столицы.

А гостинец в виде Первого Снега ты Гайчи так и не вручил. Казалось бы, всё так просто: открыть окно, зачерпнуть пригоршню с оконного откоса... Но придется объяснять, что сие означает, а из тебя निकудышный богослов.

11.40. Ты ставишь на огонь чайник с водой. Заходишь в спальню спросить:

— Тебе чаю? Или, может быть, тоже кофею?

Царственно-ленивая улыбка:

— Кофею — это хорошо бы...

— Такого, как я себе варю, или по-человечески?

— Тогда уж по-кадьярски.

— Это как?

— Мелко-мелко смолотые зерна с добавлением некой травки. Или корня. Или коры. Не знаю точно, но какую-то пряность туда кладут. Пахнет сладко и горько одновременно. А после на дне — густой осадок.

— Я такой тоже не знаю, но какие-то пряности тут есть. Может быть, среди них и отыщется та самая.

— Ну что ж, попробуем определить по запаху.

Великое дело — пряности. В чем-то правы были капитан Джакаданга и его моряки, когда ради них терпели трудности долгого плавания. Из обычной картошки с имбирем или перцем получается кушанье, достойное высокородного господина. Поэтому посуды кухонной у тебя почти нет, а вот ящичек с пряностями — есть.

Ты приносишь его в спальню. Гайчи открывает первую коробочку, держит на отдалении, а другой ладонью легонько машет над нею в свою сторону — в точности как опытный химик. Нет, не то. И не это. Впрочем, одну она выбрала:

— Не то, конечно, про что я говорила, но должно подойти.

Добродетельная честность. Могла бы и солгать: «Да, тот самый запах». Но не стала.

А между тем, на часах уже, наверное, полдень. Нет: без пяти двенадцать. Хорошо.

13.10. После завтрака ты достаешь с полки письменного стола старые тетради с рабочими записями.

— Эти — из камбурранских времен. Прости за безобразный почерк: я не думал тогда, что кто-нибудь кроме меня будет их читать. Сокращения из заглавных букв с точками, «М.М.» и прочие — имена тех, с кем я работал.

Ты помнишь: кроме мастера Майрани и других коллег в записях там часто встречается еще одно имя. Если Гайчи сейчас обратит на него внимание, поймет, что участие сей особы в делах Камбурранской больницы было необычного, не естественного свойства — отлично. Тут-то ты во всём и признаешься.

Она читает. А ты тем временем записываешь в нынешнюю тетрадь недавние случаи.

14.17. Переворачивая страничку, Гайчи молвит, словно бы не обращаясь к тебе:

— К.Б. — большая умница.

Ты подойдешь к ней. Заглянешь в старую свою запись и прочтешь:

Мужчина, 62 г., жал. на схваткообраз. боли, рвоту. «Шум плеска», учащенный пульс, язык — щетка, асимметрия живота. Д-з: тонкокишечная непр-сть. Возм. заворот. Ты бы согласился, но — К.Б.: ЖКБ! Выяснить несложно — спроси. Были ли боли в прав. под-реберье незадолго до? — «Да» — Желтуха? — Недуж. живет один, в зеркале не разглядел. — А моча темнела? — «Да»... «ЖКБ, коллеги. Камень провалился в кишку, вызвав непроход.» На операции: закупорка желчным камнем просвета кишки в обл. слепо-подвздошного перехода.

Умница К.Б. Кариндеаи Бенг, твой Золотой Крапчатый Змей.

— Ну, что, Змеище? Сдаемся?

— Ты первый.

— Лучше ты. Представь, каково ей будет услышать: «Он сейчас здесь, в этой комнате. Присмотрись — и увидишь: перед тобой около стола на полу сидит Змей. Настоящий арандийский Змей, серый в желтую крапинку. Если заговоришь с ним, он тебе ответит»... Бред, да и только.

— Ничуть не бред.

— Погодим, пока она спросит, кто он такой, этот К.Б.?

— Считай, что уже спросила. Другого вопроса не будет. Она же не знает, как сказать: «кто такой», «кто такая»...

— Действительно. Еще и это. «Ваша тогдашняя подруга, мастер»?

— «Умница» может и к мужчине, и к женщине относиться.

— И что делать?

— Ладно. Я первый.

14.21. Ты чувствуешь, как Змей подступается к Тагайчи. Пробует заговорить с нею так же, как обращается к тебе: внутренней речью в сознании.

— Это я. Я здесь. Я люблю тебя.

Гайчи встает из-за стола. Подходит к тебе.

— Я тебя тоже. Очень-очень люблю.

«Мы оба любим тебя. Я и Крапчатый Змей. Это он тогда поставил диагноз: своим Божьим чудом ясновидения.»

— Нет.

— Почему, Змеище?

— Не надо. Молчи.

— Да почему?

— Потому что ей нужен ты. Ей совершенно все равно, ясновидец ты или просто Большая Умница. Змеи тут ни к чему. Я уйду.
И правда, поднялся и ушел.

16.28. Ты разжигаешь горелку, чтобы согреть воды для ванны. Было не утро, не ночь, а день. Середина дня твоей первой любви. Тебе некоторое время удалось не думать о том, как надолго удалился Крапчатый Бенг. По крайней мере, преданной собакой на кухне он сейчас не сидит.

Ты предложил искупаться вместе, Гайчи сказала: нет. Ванна — это очень хорошо, только лучше бы все-таки порознь.

18.13. То ли поздний обед, то ли ужин. В спальне, со сливовым желтым зельем и закусками с ледника. Разговор — снова об Университете. Ближайшие испытания назначены по предмету «Зараза».

— Трудно?

— Не очень. Особенно — если не бояться.

— Испытаний?

— Нет, заразы. У нас был смешной случай, еще летом. К счастью, серьезной заразы в Ларбаре нет, ею больше пугают. А тут — недужный с туляремией. Самое примечательное, что в ней есть — это бубоны. Похожие на те, как при чуме бывают. Школяров повели смотреть, а один парень опоздал. Когда мы вернулись, кое-кто из шутников подошел к нему, похлопал по плечу, якобы, по-дружески: «Ты знаешь, мы сейчас такие бубоны видели! Сами их пальпировали, вот этими руками!». А тот сам из Умбина, как подскочит: «Так что ж ты меня-то теперь трогаешь?». Глупая, конечно, шутка, но все равно смешно было. Только Буно один тогда и возмутился: «Вы тут не тово!..»

Ты рассказываешь, как однажды перепугался сам по похожему поводу, еще в Камбурране. Больная с самого начала была непонятной, даже Бенговы чудеса не могли прояснить картину. Крайняя степень истощения, кожа, словно пропитанная воском, множественные подкожные абсцессы. Следуя золотому правилу «Видишь гной — удали его», ты вскрыл их с десятков, назначил перевязки и поддерживающие вливания. Утром следующего дня кто-то из коллег встретил тебя словами: «Вы оперировали больную такую-то? Ночью она умерла. Пойдете на вскрытие?» — «Непременно» — «Тогда вам в чумной барак, она там».

Коллега, наверное, вовсе не хотел тебя пугать. Совладать с собственным лицом удалось лишь потому, что ты немедленно начал прислушиваться к себе: лихорадка? Головная боль? Озноб? — Кажется, пока нет. Значит, вчера, думая, что вскрываешь гнойник, ты рассек чумной бубон. Следовательно, непременно заразился сам. А после отправился домой, заходил в лавку, беседовал со старухой-хозяйкой. Зараза уже пошла по городу. Чума в Мэйане страшна не только телесным страданием и смертями. Вслед за нею начнутся погромы — нелюдей, пришлых, в том числе и арандийцев. И виноват в этом будешь ты. Не распознал вовремя, не изолировал, не известил,

заразил. «Избушку придется сжечь. И все вещи покойного, включая перину, дневники и часы со звоном...»

Вечно подвыпивший сторож морга, глянув на тебя, добродушно заметил: «Да не бойсь, дохтур, нету там Владыкина Гнева. Только... К другим покойничкам родня придет, а эта тетка уж больно воняет — нельзя ее со всеми держать. Чумы-то у нас уж двести лет, как не бывало».

Позже ты прочел во врачебном вестнике о редких случаях тотальной подкожной анаэробной флегмоны. Но тогда этого не знал.

22.30. Вы сидели, разговаривали о разных разностях, и Гайчи словно бы невзначай попросила: верни часы в спальню, завтра мне надо будет уйти пораньше. «Дела...»

Змей явился утром. Примерно через полчаса после ее ухода.

— Нельзя отнимать у человека праздник. Не стоят того мои радости.

Глупо рассчитывать, что твои оправдания будут приняты.

— Кому было скучно? Ей? Или тебе?

— Будь она моей ровесницей, или просто взрослой женщиной... Но ей двадцать два года. Тихое домашнее житьё — пока еще не для нее. Праздник там, где много людей, музыка, дружба, веселье.

Главной опасности вы с Бенгом обсуждать не стали. Сможете ли вы ужиться втроем? Или Крапчатому придется всякий раз вот так уходить из дому?

Восемнадцатое число. «Пришел на службу — соперируй больную Х.»

Речь идет о пожилой женщине по прозвищу Харвайнан. Ее уже шесть раз оперировали в Первой лечебнице: удалили желчный пузырь, после чего развилась спаечная болезнь. Наша постоянная пациентка, как величает ее господин Мумлачи. Будто есть, чем гордиться, как лавочнику — «постоянной покупательницей». Многие из молодых врачей с этой женщиной знакомы еще по школярским годам: она служит в книгохранилище Университета, отвечает за книги по естественным наукам. Кажется, не уволена до сих пор, несмотря на недуги.

В последний раз ее оперировал сам профессор в начале этого месяца. Выписал за день до преполовенья. Сегодня ночью она прибыла снова. Всё как прежде: боли, тошнота, рвота, задержка стула.

На сборе профессор объявляет:

— Мастерше Харвайнан — особое внимание! Всячески хотелось бы обойтись без операции.

Расходясь по рабочим местам, коллеги шепчутся:

— Конечно, ночью ее брать не стали.

— Курриби с похмелья был, а Рангаи побоялся.

— И правильно: дождался Исполина. Больная — не сахар...

Сразу после сбора господин Мумлачи созвал на совет Кайрана, Баланчи, Чилла и тебя. Требовалось общими усилиями принять решение, желательное для Исполина: вести недужную Х. консервативно.

Кайран и ты остались при мнении, что это — лишь отсрочка. Едва ли кишка расправится сама. Но ближайшее время разумно использовать для подготовки больной к операции: перелить необходимые растворы, восполнить потери жидкости и солей, поддержать сердечную деятельность.

— Ладно. Посмотрим, что будет завтра, — многозначительно заключил господин профессор.

Речь идет о нескольких часах, а не о сутках. Особое внимание Исполин толкует своеобразно. «Хотелось бы, чтобы всё разрешилось само собою. Под нашим неусыпным присмотром — так, чтобы ничего не упустить. Дабы к нам после не придирались. Ох, трудно работать, когда недужные — твои собраты по Ученой гильдии...»

Баланчи молча смотрит на тебя: «Понял?».

В пять часов пополудни, заступив на дежурство, ты снова осматриваешь больную. Как ты и предполагал, тактика выжидания успеха не принесла.

— Сообщите в операционную, чтобы накрывались на непроход.

— За начальством будешь посылать? — спрашивает Магго. Временами и этой женщине не чуждо ехидство.

— Не думаю. Господин Мумлачи ясно выразился: его занимает лишь завтра.

Кафельные стены, чародейский свет. С шести до десяти вечера ты не видишь их, не видишь лиц сестры и ассистентов — только их руки и свои, и операционную рану. Осторожно, точка за точкой, входишь в брюшную полость, отделяешь кишку, находишь «двустволку», расправляешь. Борозда от сдавления уже начала проступать, но кишка еще жива. Хорошо. Дождись вы завтрашнего дня — и все закончилось бы резекцией. Теперь осталось завести зонд, как можно дальше: эвакуировать застойное содержимое, возможно, воспрепятствовать дальнейшему образованию спаек. Зонд скручивается в желудке, не желает миновать дуоденальную связку, Харрунга выбирает его на себя, затем подает снова...

Вечером Магго и Тагайчи разговаривают в коридоре:

— Везет твоему мастеру, как утопленнику. Или как этой старушке. Будто он нарочно..

— Что нарочно-то? Нельзя было не оперировать!

— Профессор нарочно распорядился так. «Завтра», «завтра». Лишь бы самому не лезть.

Может быть, теперь всё и в самом деле обойдется. Хотя бы на время.

Девятнадцатого утром вы доложили об операции. Исполин похвалил: «Как вовремя!». И опять: «особое внимание», «окружить заботой»...

Утром двадцатого числа ты в ОТБ. Ждать какой-то резкой динамики еще рано. Однако, появившись ухудшения — это было бы заметно. Пусть по зонду до одного аруани застоя, но живот почти не вздут. Пока не перистальтирует, но и не «плещет». Зонд убирать

рано, но стимулировать уже пора. Назначения заносятся в тетрадь с особой тщательностью, чтобы мастерша Виндвелли, дежурящая сегодня в ОТБ, смогла их разобрать.

Днем перед уходом еще раз зайти в отделение для тяжелых. Больная жалуется:

— Все болит, зонд мешает... Может, лучше уж помереть?

Ей очень тяжело. И все же в словах ее слышна усмешка образованной дамы. «А и вправду, не лучше ли мне поскорее умереть — для вашего удобства, товарищи-гильдейцы?» Это называют стойкостью пред недугом: смертный страх не сломил чувства смешного. Ты знаешь, что отвечать в таких случаях. И Тагайчи знает, и Магго. Только после их речей недужные успокаиваются, а после твоих, бывает, остаются в слезах.

Живот по-прежнему «молчит», и язык стал суше, хотя вздутие не нарастает. Может быть, плохо стимулировали?

— Мастерша Виндвелли! Больной Харвайнан назначена стимуляция. Вы начали ее проводить?

— Угу! — отвечает та, не поднимая головы от тетради.

Следовательно, надо ждать.

Привычки грамотея. Здесь, конечно, не Кэраэнг, но и в Ларбаре встречаются люди, похожие на недужных из Малой Царской лечебницы. Самое простое и истинное на свете — Боль, Смерть, Любовь — считают надобным обставлять шуточками, издевками над собою и над окружающими. Будто пытаются доказать: я еще в сознании, я хотя бы мысленно могу распоряжаться собою...

Так же и ты ведешь себя с Тагайчи. Хочешь быть как можно ближе, а сам отталкиваешь ее. Объяснение между вами состоялось, а «стены» твои не рухнули.

Она больше не придет. Вот так, чтобы целый день провести с тобою, — не будет этого. На вечер, на ночь — возможно...

Когда ты теперь увидишь ее? Завтра вечером, на дежурстве?

Недужная Х. Самая долгая операция за полгода. Не менее важная, чем прочие, но не слишком-то увлекательная для ассистентов. И весьма утомительная. Два часа — тянуть крючки и сушить, а после — подавать кишку, собирать ее на зонде. Многие юные существа давно бы заскучали, начали вертеться, болтать, глазеть по сторонам... Гайчи не отвлекалась. Это к вопросу о «взрослой женщине». Ты тоже не отвлекался, но мог заметить, как она переступила несколько раз. Скинула башмачки: ноги устали. Осталась стоять босиком. Ты этого не понял, не обратил внимания, а Харрунга со своего места увидел. Поманил к себе одну из сестер, молвил тихонько: «Пеленку на пол киньте. Холодно.» — и указал на Тагайчи. Не оглянувшись на него, она сказала: «Спасибо».

— Как она там, Ваша голубушка?

Снизу вверх на тебя глядят участливые глаза Чилла. Он делает движение ладонью в твою сторону, не прикасаясь — и всё равно ты отшатываешься. Он произносит с мягкой уккоризной:

— Я Вам скажу: за всю мою жизнь не видал тут лекаря, кто бы сотворил нечто подобное.

Коллега всего лишь имел в виду твое мастерство хирурга. Кто только не оперировал недужную Х., в том числе и сам Чилл, но тебе, якобы, сопутствовал наибольший успех. Или, может быть, он хотел похвалить тебя за смелость: нарушив распоряжение начальства, ты тем самым исполнил тайное желание оного. А тебе послышалось: «За сто лет здесь никто не соблазнял свою ученицу».

Лучше бы ты дома шестнадцатого числа учинил буйство ревности. «Ты равняешь мою любовь к тебе и мои чувства к сослуживцам? И сама заботишься о том, как сделать что-то хорошее для коллеги Чамианга. Получается, услужить ему для тебя столь важно?» И так далее. Всё было бы честнее, чем видимость тихого семейного праздника...

Двадцать первое. Ты придешь пораньше, заглянешь в ОТБ. Чахбар Чура уже на работе. Налаживает капельницу для внутривенного вливания твоей недужной. Делает это сам, хотя мог бы поручить сестре. Значит, что-то не так.

Вчера у тебя были основания полагать: всё разрешится благополучно. Сегодня ты можешь убедиться, что ошибался. Живот недужной вздут, как у пойманной рыбы-шаробрюшки, боли усилились. По зонду отделяемого немного — но как определишь точное его количество, если какой-то умник, по-видимому, только что опорожнил бутылку?

— Сколько было по зонду, мастер Чура?

— М-м-м-м-м, — тянет он.

— Так сколько?

— Затрудняюсь ответить.

Расхожее мнение насчет орочьей вспыльчивости к Чуре не приложимо. Его спокойствия не может поколебать ничто.

— Плохо! — заключаешь ты, — Очень плохо!

— С чего бы вдруг быть хорошо?

Чура продолжает невозмутимо отсчитывать капли:

— ...Если стимулировать ее начали только сейчас? Сутки прошли, живот и вздуло.

— Начали — только сейчас?

— С утра, как пришел. Рвота была, пришлось ставить зонд.

Может быть, вы толкуете о разных недужных? Но недаром тебе показалось, будто зонд и вправду не тот, что был. Более широкий? Желудочный!

— Вчера вечером у больной стоял зонд!

Чура пожимает плечами. Подходит к рабочему столу, набирает в шприц новый раствор.

— А утром не стоял.

— Что произошло?

— Я здесь с восьми. Что при мне было, то Вы сами видите.

— А что же Ваша colega?

— Была здесь.

— А теперь?

— Отлучилась к подруге в детское отделение. К утреннему сбору вернется.

Проклятья твои здесь неуместны. Мастер Чура, во всяком случае, их не заслужил.

Сбор. По словам мудреца Каратры, гневаться на чужую глупость — значит приумножать свою собственную. Пусть так.

Чилл отчитывается за ночь, его сменяет Виндвелли. Щебечет бодреньким голоском:

— Состояние больной Харвайнан стабильное, средней тяжести...

Профессор с довольным видом кивает в лад ее словам.

— Неправда!

Азартное «Ага!» слышится в задних рядах. Сладкое предвкушение крупной свары. Разумеется, сейчас их ожидания оправдаются.

— Что Вы хотите сказать, мастер Чангаданг? — вопрошает господин Мумлачи. Кажется, прежде тебе не доводилось перебивать докладчиков. «Можете высказаться, только покороче. После давешней победы Вам позволительны некоторые вольности.»

Ты встаешь с места.

— Состояние больной Харвайнан тяжелое и продолжает ухудшаться. И ухудшение это связано с неправильным ведением недужной за последние сутки. Мастерша Виндвелли, вероятно, сможет объяснить, куда исчез кишечный зонд, установленный во время операции?

— Я его удалила. Бабушка жаловалась: он ей мешает.

— Добрая внученька! — раздается из зала.

— А уж послушная! — добавляет кто-то.

Докладчица не достаивает взглядом ни их, ни тебя.

— Вчера я спрашивал у Вас, мастерша Виндвелли, проводится ли этой больной стимуляция. Вы изволили отвечать утвердительно. Разрешите спросить: она действительно проводилась?

— Вы спросили, назначена ли. Я Вам ответила.

— Зачем мне спрашивать о назначениях, если эти назначения делаются мною? Тем более, спрашивать у Вас?

— Ну, мало ли... Может, Вы забыли!

Шепот в зале: «Как бишь звали ту кадьярку, от кого я без ума?» — «Деменция, старче!»

— Так Вы проводили стимуляцию, мастерша Мирра? — вмешивается профессор.

— Там написано.

Исполин листает тетрадь:

— Да, вижу... Прозин — в девять вечера... И все?

— А что? — перемигивает Виндвелли. Без малейшего испуга, но с обидой.

Ты объясняешь:

— Прозин, да будет Вам известно, полагается вводить через каждые два часа. Вы должны были начать делать это хотя бы с полудня.

На поиски оправдания уходит не более мгновения:

— Но у больной появилась перистальтика!

— Да?

— Я сама слышала. И посчитала, что продолжать нецелесообразно.

— Что Вы могли там услышать?

— Шум! Смутный шум.

— А ты не пробовала не поверить своим ушам? — окликает ее Таморо.

Происходящее все больше походит на балаган. Но ты продолжаешь:

— Существует ряд объективных признаков, свидетельствующих об истинном состоянии больного. Однако Вы отчего-то решили довериться «смутным ощущениям». В таком случае, лучше было бы и вовсе не братья за стетоскоп.

Исполин все еще пытается разобраться, что случилось:

— Когда Вы начали стимуляцию, Мирра? В девять?

— Там же написано.

— И тогда же слышали шум?

— Угу.

— А Вы когда спрашивали коллегу об этом, мастер Чангаданг?

— В четыре. А назначил еще с утра.

Ты обращаешься к Виндвелли:

— Мало того, что Вы не соблюдаете назначений и беретесь за то, в чем совершенно не смыслите, — так еще и врете, как последняя селедка.

Общий смех. И ты — главный балаганный шут, вышедший объявить зрителям о начавшемся пожаре. Все веселятся. Чамианг-младший, тихонько плача от хохота, виснет на плече у Таморо. И меж тем на забывает рукою сделать знак не то коллеге Виндвелли, не то профессору: не обижайтесь, я не со зла, просто уж очень это всё умерительно.

— Ну, знаете! — Исполин начинает гневаться. — Это никуда не годится! Мы с таким трудом спасали эту больную, и что же теперь? Вся работа насмарку?

Голос Виндвелли срывается на крик:

— Но она вчера сказала, что ей лучше!

— А скажет кто-нибудь: «Всё, доктор, подыхаю» — так Мирра и запишет: «Больной такой-то скончался в таком-то часу»...

— «Согласно собственному его заявлению, умер, не приходя в сознание...»

Профессор ударяет кулаком по столу:

— Тихо! Не вижу причин для веселья! Во что превратится наша клиника, если мы будем допускать столь грубые промахи? Мастерша Виндвелли! Настоятельно прошу принять к сведению: наша с Вами работа требует основательности! Простейшего внимания!

«А иначе придется с Вами расстаться, сколь бы ни было сие для нас тягостно.»

Вместо крика — запоздалый всхлип:

— Хорошо.

Виндвелли выбегает вон из зала.

Исполин переводит дух. Молвит всё еще сердито:

— Продолжим.

После сбора ты слышишь голос Айхади:

— Шутки шутками, а порядочные люди после такого стреляются.

Таморо возражает:

— Кому с кем стреляться-то? Исполину — с главою книгохранилища, откуда эта старушка?

— Я о другом, — мрачно отзывается тот. — А если и не стреляются, то хотя бы пишут прошение об увольнении.

Дангман Чамианг подхватывает:

— «Умри, презренная... селедка»? Кстати, почему «селедка»?

Ягондарра считает надобным пояснить:

— Очень крепкое восточное ругательство о женщине. Жирная, мол, и скользкая, а других достоинств нету.

И уже через полчаса по лечебнице передается новейшая побасенка:

— Знаете, как сегодня утром Змий обозвал Мирру Виндвелли? Односложное слово женского рода, кончается на «дь»... А вот и не угадали: СЕЛЬДЬ!

Днем по пути в Четвертую лечебницу ты пересказал всё это Тагайчи. Зрелище, достойное какого-нибудь новомодного балагана, где потеху совмещают с кровавой жутью. Особенно удачной находкой постановщика выступило сравнение из рыбной области.

Зачем было рассказывать? Хотелось извиниться? Мерзостно было вообразить, в каких красках сие опишут очевидцы? «Ну, твой наставник и выдал!»

Гайчи выслушала тебя. О подробностях не спрашивала. А после сказала:

— Если кто от всего этого расстроился, то не мастерша Виндвелли.

Я всё устроил

— Я всё устроил!

Восторг сияет на лице Дангмана Чамианга. Будто он, вслед за знаменитым безумцем Байджи Ларбарским, возомнил себя Творцом, Устроителем стихий мироздания.

— По старому расписанию двадцать восьмого должны были работать Вы, Курриби и Бенг, а двадцать девятого — Таюрре, я и Датта Минайчи. Но двадцать девятого у нас праздник, поэтому я Вас перенес. Вы и так «первый», но отдежурите двадцать девятого. Таюрре

подвинется на мое место, он против не будет. А я выйду двадцать восьмого, «вторым». Вместо мастера Курриби, который станет «первым». График уже перепечатали, утвердили. И все довольны.

Он и тебя приглашает восхититься итогами сего творчества. Ибо они совершенны. Ты ничего не понял.

— Да тут и понимать нечего! — как пристало божеству, Чамианг читает мысли смертной твари, — Вы выходите двадцать девятого, в праздник, как всегда.

— В Объединении сменился календарь? Помнится, двадцать девятое число до сих пор всегда было будним днем.

— При чем тут Объединение? У нас праздник! Гильдейское торжество. Куда Вы можете не ходить, потому что будете дежурить. Вы же и так на эти гулянки не ходите.

Не далее как позавчера ты переписывал себе расписание на следующий месяц. Успел порадоваться: ближайшее дежурство — 28. Плясуньи, а следующее — только 3. Премудрой. «Выходные свободны», — выговорил ты вслух. Гайчи тогда стояла рядом с тобой. Ты не посмел бы позвать ее в гости, тем более не стал бы говорить об этом на службе. Ваш договор остается в силе: никаких намеков на ту, другую жизнь, не должно звучать в здешней больничной жизни. Но ты слишком боялся: что, если Гайчи решит, будто это ты остался разочарован вашим с ней первым общим праздником? Поэтому и не сдержался. В конце концов, тот день, Преполовенье Плясуньи, содержал в себе нечто и от работы: например, чтение твоих лекарских дневников...

Гайчи и не приняла прозвучавшие слова как намек. Просто сказала: «Да, у нас на этих выходных на «Струге», кажется, ничего не будет. Только двадцать девятого — вечер в Университете».

Значит, ее пригласили туда. Видимо, как и всех стажеров. Ей следовало бы пойти. Первый случай пообщаться со здешними взрослыми коллегами вне рабочей обстановки. А теперь ей придется в этот вечер дежурить вместе с тобой.

Довольный вид Чамианга — свидетельством тому, что устроены все перестановки именно для тебя. По твоей просьбе, может быть, и молчаливой, но внятной для твоих доброжелателей. Иными словами: ты испортил гильдейский праздник Тагайчи. Да еще и проделал это исподтишка, чтобы самому остаться не виноватым.

— Боюсь, ничего не получится. Вечером двадцать девятого я занят.

— Вы?!

Чем ты можешь быть занят? Известно же: кроме службы у тебя нет иных увлечений и обязанностей.

Чамианг глядит на тебя серьезно-пресерьезно. Даже с состраданием:

— Вас что, опять в Дом Печати зазвали, для газеты выступить?

Сегодня двадцать пятое. Надо бы посоветоваться с Гайчи. Может быть, ты бы ее отпустил на бал? Ученица ведь не должна непременно каждый раз дежурить вместе с наставником. И тогда новое расписание тебе бы ничем не мешало. Но когда ты теперь увидишь

ее? Двадцать восьмого. Она придет и услышит от тебя: дежурство отменяется, переносится на завтра.

Может быть, она появится у тебя на Коинской — сегодня вечером или завтра...

— Исполин в третий раз график менять не будет! — заявляет Чамианг в качестве последнего сокрушительного довода.

«Профессор Мумлачи был моим учителем. Сия связь неразрывна! Он всё сделает, как я захочу.»

«А у меня есть свои ученики. И я исхожу из их пожеланий.»

«Так ведь для барышни Ягукко лучший праздник — здешняя работа. Вы в самом деле боитесь, будто она расстроится из-за какого-то бала?»

В итоге ты согласился.

Двадцать восьмое число. Гайчи после уроков приходит на дежурство. Как всегда — собранная, бодрая: человек настроился на работу. Дангман сталкивается с ней у дверей ординаторской. Учтивейше придерживает дверь, пропуская вперед. На лице твоей ученицы — добродушное удивление. Чаминга-младшего можно заподозрить в любых странностях кроме одной: проводить на службе время вне расписания.

— Мастер Дангман, что с Вами?

— Да вот, тружусь, знаете ли.

— Вы?!

— Да! А вот Вы сегодня — не «тово», как сказал бы бедняга Буно. Вас перенесли на завтра. Надобно усилить состав в предпраздничный вечер. Пока обормоты вроде меня будут танцевать...

— Но кажется, Вы твердо намеревались не смочь посетить это торжество?

— Увы! Она не снизойдет утешить меня в моей рабочей скорби. Ее, оказывается, позвали на нашу вечеринку. Вместе с мужем, — Чамианг делает рукою движение, словно бы треплет по макушке какое-то малорослое существо, гадкое на ощупь. — Разумеется, я должен быть там!

Гайчи посвящена в сердечные дела коллеги Чамианга. Сие не может не радовать тебя: любезности между этими двоими — знак дружбы, но не ухаживания.

Тагайчи замечает тебя. Ты подслушивал?

«Обидно?»

«Скорее, приятно.»

Тут бы и двинуться домой. Вдвоем, на Коинскую улицу. Но — нет. Завтра предстоит рабочая ночь. С прошлых выходных Гайчи не была у тебя, уже целых одиннадцать дней. И сегодня не придет.

Кто кого жалеет? Дитяти нужно соблюдать распорядок труда и отдыха. Пожилому человеку вредно перенапрягаться накануне дежурства. Забота о здоровье превыше всего. Врачи, олухи пред Господом...

Увиделись на минуту — и что, расстаться?

Вместе дойти хотя бы до университетских ворот. Можно было бы просто погулять по городу: не долго, не до ночи. А что, если вас увидит кто-то из знакомых? С другой стороны: почему бы наставнику с учеником не бродить по улицам, сочетая прогулку с ученой беседой?

— Мастер! Как та больная со спаечной?

Недужная Харвайнан пять дней назад переведена в палату. В твою палату, хотя поступала она не к тебе, а к Ягондарре. Исполин счел за лучшее оставить ее полностью на твое попечение. Кажется, Ягондарра был этому только рад. Сомнительное удовольствие: иметь повод лишний раз общаться с тобой.

— Стул был, температура субфебрильная, рана без особенностей. Скорее всего, обойдется. До следующего раза...

Снег в Ларбаре растаял, как и предсказывалось. Сыро, мелкий дождь. Прохожих в этот час немного. Вы сворачиваете не к школярским общежитиям и не в сторону Коинской, а к реке. Идете вдоль рельсов того трамвая, на котором обычно ездите в Четвертую лечебницу. На этой же улице ближе к набережной Юина будет Дом Печати. Новомодное стеклянно-чугунное сооружение посреди невысоких кирпичных домов. И еще — толпа продавцов газет возле входа. Самые ретивые из них пытаются предлагать свой товар даже трамвайным пассажирам — в окошко, пока вагон тормозит перед въездом на мост.

Гайчи шагает рядом. Руки в карманах, капюшон плаща поднят. Она не смотрит на тебя. Только у перекрестка чуть заметно кивает влево: «Свернем?».

Переулок со странным названием: «Последний». Через несколько десятков шагов от него ответвляется другой: «Мокрый». Основан в осенний денек, похожий на сегодняшний?

Вы с Тагайчи перебрались в Ларбар почти одновременно, четыре года назад. Она намного лучше тебя знает город. Больше доводилось гулять по нему? Если бы ты чаще выходил из дому в свободные дни, ты мог бы встретить ее. Два, три года уже мог бы мечтать о ней. Два или три года мечта твоей жизни могла быть не бесплотным образом, а живым человеком. Или тогда ты бы не заметил девушку-школярку? Прошел бы мимо?

— Эти хитросплетения вокруг расписания... Поломали все планы?

— Подумаешь — планы. Что я, танцев не видела... И действия в эти праздники точно не будет. У нас Хиоле рождает.

«Хиоле», имя героини старинного мэянского действия. Почему бы такое прозвище не носить одной из начинающих лицедеек?

— Твоя знакомая? Она из Университета? Нужна какая-то помощь?

У гайчиных подруг, и возможно, ровесниц уже родятся дети. А она тратит время на тебя, хотя и знает — ты же сам ей сказал — что в этом смысле тут ни на что рассчитывать не приходится.

Гайчи смеется:

— Насчет помощи — спасибо, хотя мы надеялись управиться сами. Да она, похоже, не в первый раз уже щенится.

Ты успел испугаться. «Сами». Опытные медики...

А в собаках ты не смыслишь.

— Какой она хотя бы породы?

— Самой лучшей: дворовой.

— А как выглядит?

— Серая, лохматая, морда валенком, ушки топориком. Она с месяц назад к нашему балагану прибилась. Добрая, не лает, не скулит, только вздыхает.

Переулок кончается чем-то вроде площади. Впереди серый дом: двухэтажный, длинный, с арочными окнами и единственной дверью посередине. Точно перед дверью, в нескольких вершках от нее из мостовой растет дерево. Непонятно, как жильцы протискиваются мимо ствола, когда выходят. Или у них имеются другие двери, во двор, а эта служит просто для красоты?

Между этим домом и соседним есть просвет. Только там мостовой нет вовсе, а на земле рассыпаны какие-то обломки. Ты подаешь Гайчи руку.

Она ни разу не сказала сегодня «Вы» или «ты». И сам ты тоже. Неизвестно: тут, на улице, должно быть как «дома» или как «на людях»? Тропинка через дворы, утоптанная земля и следующий мощный переулок. Глухие стены по обе стороны: слева обычный забор, а справа какая-то старинная кладка. Остатки крепостной стены? Здесь вас точно никто не увидит. И ты не отпускаешь гайчиной ладони. Но если ты сейчас сделаешь то, что хочешь, — остановишься, обнимешь, скажешь «люблю», «люблю тебя», — что будет? Гайчи дослушает и убежит. Потому что иначе ты в следующий раз ты позволишь себе подобную выходку где-нибудь в больничном дворе, ночью на дежурстве, и так далее. То есть нарушишь собственные страшные клятвы.

Или можно выпустить ее руку, и тогда — чинно прогуливаться дальше.

Рукопожатие: крепкое, но без слов, без взгляда в лицо. Ты разжимаешь пальцы. Вздыхаешь — возможно, не хуже той лицедейской собаки. Гайчи больше не прячет ладошку в карман.

Мокро и холодно. На редкость неудачное время ты выбрал для прогулки.

Двадцать девятое число. Канун праздника Премудрой — дня грамотеев и ткачей. Восьмой час, и пока ни одного поступления. Те недужные города Ларбара, кому, возможно, следовало бы к вам обратиться, сами приступили к торжественному застолью. Или не решаются отправляться в лечебницу, опасаясь встретить развеселую гулянку у врачей.

Труженики книгохранилища уже посетили с поздравлениями свою коллегу Харвайнан. Убедились: дело идет на поправку. Принесли цветы и гостинцы. Всю запретную еду — яблоки, сушеные смоквы — законопослушная старушка отдала больничным сестрам.

Примолвила: «Заберите у меня это. Соблазн!». В голосе слышится: «В свое время я знавала соблазны куда более разрушительные. Вам, о дети, сие еще предстоит...».

Девушки угощаются возле большого окна на лестничной площадке. Обсуждают соблазны, присущие их теперешнему возрасту.

— Бедненький Датта. Барышня Курриби с папашей на гулянку пришла. Самая красивая, в белом! К рыжине, да к дибульскому цвету лица белое — в самый раз.

Одна из сестер ходила в лабораторию. По пути не удержалась: заглянула в залу, где гости собрались на больничный бал.

— Тебе, Гайчи, такое бы тоже пошло, — молвит другая девушка.

— А мне всякое идет.

— Доктор Мирра, как всегда, учудила. К ее-то волосам — наряд лисьей масти! Поддельный шелк и вырез вот досюда. А на грудях в оборочку. И кавалера себе нашла как раз по это место.

— Это кого же?

— Дык-ить! Мужа Даниной зазнобы. Это, девочки, — вообще! Собою прыщ. Сюртук с мехом из какой-то драной кошки. Голова вся в мелких перышках. Зато на пальце перстень серебристый: здоровущий, с гербом.

— Лунный рыцарь?

— Ага! Как откроет крышечку с кольца, как всыпет кому-нибудь яду...

— Бедный, бедный Дани!

— Дани, между нами говоря, мог бы и получше себе бабу найти. А то: пока в балахоне, еще ничего. А в платье... Если грузчика из гавани в женское нарядить, примерно так будет смотреться. Ручищи — во! Кулачищи — во!

— А она кто? Лекарка?

— Нет, по химической части. Муж механикам лекции читает, а она при Естественном пристроилась. На разряд сдать или как еще... Ученая дама, короче.

— Если от нее убавить, а к мужу прибавить, самый раз будет. Соразмерная парочка.

— Насчет убавить-прибавить — это про мастера Харрунгу. От него отрезали несколько лоскуточков...

— Как это? Откуда?

— Без хирургов обошлось: от пиджака. И пришили на кофту его супруге. Ткань шерстяная, рисунком в болотные огни.

— Зато сразу видно, кто чей муж. Чтоб посторонние бабы зря не зарились.

— Это наоборот, для женщины еще обиднее. Я, мол, при этом мужике состою, как бесплатное приложение.

— Что же в этом плохого? Замужем. Значит «за мужем». — рассудительно замечает Тагайчи.

— Как за каменной стеной — пушечка чугунная... Ну а твой-то чего?

Гайчи откусывает от яблочка — сочного, с хрустом. Переспрашивает:

— Что — «чего»?

— Давно не заходит...

— Ему не велено.

— Что, начальство газетное запретило?

На последний вопрос Гайчи не отвечает. Только посмеивается: «Да нет, более высокая власть. А именно — я!».

По лестнице поднимается нянька. Запыхавшись, окидывает суровым взглядом компанию: «Я здесь одна работаю, остальные болтают.» Молвит басом:

— Девки! Где тут у вас старшой? Его женский доктор требует.

Тагайчи немедленно срывается с места. Направляется не в ординаторскую, а вверх по лестнице. Туда, где ты, собственно, сейчас и находишься. Знает, что ты опять подслушивал? Или просто видела, как ты прошел наверх часом раньше, но до сих пор не спустился? Видела, и потому сама ждет тебя у лестничного окна. Тебе ничего иного не остается, как начать спускаться навстречу.

— Ой! — скажет Тагайчи, — Мастер Чангаданг, Вас на консультацию вызывают. Гинеколог из приемного.

Ты заходишь в ординаторскую, берешь куртку. Гайчи ожидает у дверей. Лидалаи, стоя у окна, любуется то ли на свои цветы, то ли на снег за стеклом.

— Я в приемный покой, — сообщаем ты.

И зачем-то добавляешь:

— Наденьте плащ, барышня Ягукко. На улице зима.

Мастер Видачи встречает вас у входа в смотровую. Здоровается: с тобой подчеркнуто-учтиво, с Тагайчи запросто. Подмигивает ей:

— Не повезло, да? У всех праздник, а мы...

— Я Вас слушаю, — отвечаешь ты вместо приветствия.

— Ко мне недужная поступила. Семнадцать лет, а всё девица. Правда, с головой не в ладах... Боли в животе. Будь они справа, я бы Вас раньше позвал. А тут слева, но всё как-то не складывается у меня. И живот неважный. Лейкоцитоз, опять же: одиннадцать. Месячные, как я вызнал, только прошли. Хотя толковать с этой... с этим созданием... Вот уж подлинно: незамутненный разум! Вы своё «снимете» — я ее тогда со спокойной душой к себе заберу. А то — боязно.

Видачи протягивает тебе тетрадь с ее данными. «Тукки Адунго, племя — человек, пол женский, 1101 года рождения, Ларбарские ткацкие мастерские, ученица.»

Доктора по женским болезням не так боятся пропустить что-то «свое», как вы. Если речь, разумеется, не идет о родах или нарушенной внематочной беременности — но в этих случаях картина, как правило, очевидна. Это в хирургии отсрочка операции на несколько часов может грозить серьезными последствиями, а воспаление придатков и даже пельвиоперитонит допускают консервативное

ведение. Определить гинекологическую больную в хирургию не так опасно, как хирургическую — в женское отделение. Отсюда и привычная подстраховка: «Вы снимите свое, а мы заберем».

Девочка-подросток согнулась на краешке стула. На вид ей можно дать лет четырнадцать. Косится на вновь пришедших:

— Здрассте.

— Барышня Адунго! Что с Вами произошло?

— Сюда попала!

— Почему?

— Надуло. Не иначе, в цеху. Сквозняк... Вот тут, — ее рука указывает на левую подвздошную область.

— «Сквозняк» у нее вот тут, — бормочет Видачи. — А еще в мозгах.

— Расскажите подробнее: когда это случилось и как началось?

— Значит, так. Всё было хорошо. Потом зима пришла. Топят. От махин жарко, а еще и топят. У нас там женщины: им жарко. От пожара небезопасно, а они открывают. Ну, и пожалуйста...

— Когда у Вас появилось недомогание?

— Вчера. В общаге с проверкой ходили ночью. Каждый раз что-то ищут. То дурь, то гостей, то незнамо что. Вот как ушли, мне что-то плохо стало.

— Да, — не унимается Видачи, — Это ж надо: такую дурь проглядеть!

— Как именно «плохо»?

— Ну, затошнило сначала. И даже рвало. Но — один раз только. Я еще подумала: может, мы съели что? Но другие-то в порядке!

— Расстройства стула были?

— Чего?

— Понос был?

— Не-а, только болело.

— Внизу слева?

— Зачем «внизу»? Наверху, посередине.

— Та-ак! — грозно молвит мастер Видачи. Кажется, сие сообщение для него в новость. Он подступает, чтобы взглянуть на недужную поближе:

— Тукки! А сейчас точно внизу болит? Или там же, где и вчера?

— Не-а, сейчас внизу. Оно еще ночью там болеть стало.

— Больше рвоты не было? — спрашиваешь ты.

— Не-а. Но тошнило и болело всю ночь. Ой! А может, я — это самое...?

— Что «это самое»?

Девушка поясняет сердито:

— Беременна?!

— Семеро на помощь! — Видачи всплескивает руками, — Так ты ж девица!

По испуганным глазам ее видно: твой коллега не вызывает у больной ни малейшего доверия. В самом деле, смотрел ли он ее? Или ограничился расспросами?

— Половой жизнью Вы живете? — задаешь ты следующий вопрос.

— Да я вот думаю: а может, таки-да? У нас там один... В цеху... Говорят, многих уже перепортил... Мало ли...

Видачи кричит на нее:

— Я тебе говорю! Как врач! За свою девичью честь можешь не беспокоиться!

Должно быть, все же смотрел. Всякая беспечность имеет свои пределы, даже у лекарей Первой Ларбарской.

— А тогда с чего же? — огрызается девушка, глядя на него.

— Вот мы и выясняем!

Ты подводишь итог:

— Значит, появились боли «под ложечкой» и тошнота. Однократная рвота. Диареи не отмечалось. Сотрапезницы здоровы. Температура поднималась?

— Не знаю. Что я, мерила?

— Давал я ей градусник, — отвечает тебе Видачи. — Фебрильная.

— Когда были последние месячные?

— Я уже рассказывала. Вчера.

— То есть сейчас продолжают?

— Не-а, кончились вчера.

— А когда начались?

— Пять дней назад. Но говорят, так тоже бывает.

Коллега твой все еще не может успокоиться:

— Что «бывает»?!

— И месячные, и дитё, все сразу.

Таковы представления ларбарских горожанок о деторождении. Возможно, именно из-за этого в мэйанских областях Королевства настолько невелик прирост населения?

— Прилягте, барышня. Мне нужно Вас посмотреть.

Недужная укладывается на кушетку. Глядит в потолок так, будто именно оттуда ждет помощи. «Матушка Небесная, вразуми этих бестолковых мужиков-грамотеев!». Ждет, но уже начинает терять терпение.

— Откройте живот. Одной рукой покажите, где болит.

— Ох, да я десять раз уже показывала. Тут!

Ты кладешь ладонь на эпигастрий:

— А началось здесь?

— Да.

Твои пальцы осторожно перемещаются сначала вправо — в ту область, которая, по словам недужной, ее не беспокоит. Всё верно: там, где не болит, мышечной защиты нет. Теперь влево.

— Э-э, больно!

— Потерпите немного. Вот здесь?

— Да.

— А тут?

— Не очень.

Нажать слева. Резко отпустить.

— Ай!

Коллега Видачи был прав. Живот действительно «нехороший». Пациентка «держит» левую подвздошную область. Пик болезненности расположен выше, чем обычно при воспалении придатков или апоплексии. Не похоже на гинекологию. «Наш» живот.

Так что случилось? Воспаление дивертикула г-образной кишки? Очень может быть. И в то же время, нетипичное начало: перемещение болей из эпигастрия вниз. Если бы вправо, ты уже почти не сомневался бы: воспаление отростка.

— Мочились нормально?

— А как?

— Как всегда: не часто, без примесей, без болей?

— Ну, да.

Прибегать к Бенговым чудесам еще не время. Есть руки, глаза и уши. Попробовать обойтись ими. Выяснить предположительный диагноз. А потом можно проверить.

Итак: толчок справа налево отдается болью. Симптом «рубашки» тоже положительный. Но — слева.

— Повернитесь, пожалуйста, на левый бок... То есть, наоборот: на правый. Так удобно лежать?

— Тянет.

— А когда я трогаю, больно?

— Еще бы!

— А когда стучу по спине?

— Вроде, нет.

— Теперь лежите ровно, к стене повернуть только голову. Покашляйте, пожалуйста.

Девушка кашляет и хватается рукой за живот.

Тахикардии нет, но язык обложен.

— Доктор! Вы мне какой-нибудь укол сделайте, да отпустите. У меня никогда ничего не болело. Я вообще к врачам не ходила.

«И сейчас жалею, что пришла. Впредь буду умнее.»

— А в детстве? Родители Вас лекарям не показывали? Никаких особенностей те не отмечали?

— А чего показывать, коли всё хорошо? Да из нашего поселка и не наездишься...

Ты пришел к выводу. Подобные случаи редки, но как справедливо заметила сама недужная, «бывают».

Твои пальцы медленно погружаются под левую реберную дугу. Соскальзывают с плотного заостренного края. Правая доля печени. То есть, получается, левая. Или она так и считается «правой»? Та, которая начинается пятым сегментом.

А теперь можно и посмотреть.

Воздух этой комнаты — пустое пространство внутри яйца, где все полезные вещества уже усвоены тобою. Нет смысла дышать: дышать тут больше нечем. Поверхность человеческого тела — жесткая скорлупа. А за нею жизнь. Тебе нужно туда. Ты — новый Змей, ты решил явиться в мир, ибо мир нуждается в тебе. Законом и Любовью установлено так, что ты явишься именно в том месте, где сейчас

страдание сильнее всего. Скорлупа расступается, и ты видишь. Видишь.

Червеобразный отросток и слепая кишка, откуда он исходит, как ни в чем не бывало лежат в левой подвздошной ямке. Аппендикс увеличен, гиперемирован, с булавовидным утолщением на конце.

Самое удивительное в жизни этой девушки случилось чуть более семнадцати лет назад, в ходе внутриутробного развития. Не произошло обычного для всех поворота внутренних органов. Это не болезнь, не знак богоизбранности — просто порок развития.

— Мы ее забираем, мастер Видачи!

— Правда? — коллега скалится в улыбке с нарочитою радостью — А что с ней?

Ты пока не отвечаешь. Наставник должен дать ученице возможность самой провести дифференциальный диагноз.

— Барышня Ягукко! Посмотрите больную. Я хочу знать Ваше мнение.

Гайчи добросовестно принимается за дело. Девица Тукки только вздыхает.

— Что скажете, Тагайчи?

— Перфорация дивертикула? — сомнения в ее голосе больше, чем уверенности.

— Мастер Видачи! Здесь найдется раствор бриллиантового зеленого?

Порывшись в шкафу для лекарств, коллега извлекает нужную склянку.

— Попробуйте проперкутировать сердце, Тагайчи. И отметить его границы. Это должно Вам помочь.

Через несколько минут:

— Не может быть! Зеркальный поворот!

— Так каков Ваш диагноз?

— Аппендицит, мастер!

После операции ты возвращаешься в отделение. Один. Гайчи осталась заполнить операционный журнал. Редчайший случай в больничных хрониках будет описан ее рукой.

В кармане балахона ты нащупываешь ключи от ординаторской. Дверь должна быть заперта: на диковинку собрались посмотреть все дежурные доктора. Лидалаи все еще наверху, а Минайчи вызвали в приемное.

Ординаторская открыта. За твоим столом, подперев голову рукой, сидит мастер Харрунга. Праздничный его наряд в самом деле странного оттенка: как скальный мох с крапинками блестящего снега. Волосы взъерошены. Завидев тебя, он встает, поводя плечами. Слово примеряется, насколько новая одежда будет стеснять движения в драке.

— Добрый вечер.

Коллега почувствовал себя дурно на празднике? Решил зайти к тебе, не пугая остальных, но и не откладывая до утра? Или выбрал время, когда прочие сослуживцы заняты гулянкой, чтобы

посоветоваться по поводу какого-нибудь давнего недуга без лишних свидетелей? «Старые раны...» Или сейчас он скажет: «Собирайтесь, мастер Чангаданг! На дежурстве Вас заменят, а Вы поедете со мной». Пострадал кто-то из секретных служащих Охранного, нужна операция, но доставить сию особу сюда, в гражданскую лечебницу, никак нельзя. «Взрыв на Коинской улице. Попыты сотника Малуви имели печальный исход». Или: «Пока Вы тут трудитесь, Ваш так называемый Бенг занимается безобразиями?»

Где Змей?

— Тут я, Человече. Ты лучше о себе бы побеспокоился.

— Что случилось? — спросишь ты, подходя к своему столу с другой стороны.

— Да Вас я жду.

По голосу слышно: Харрунга успел выпить. Еще не пьян, но уже не настолько трезв, как самому ему бы сейчас хотелось.

— Я Вас слушаю.

Кажется, тебе удалось выговорить сие без обычной твоей едкости.

А что он слышит в твоей речи? Вдохновение после удачно проведенной редкой операции? «Представьте себе, коллега: зеркальный поворот!» Или желание, пусть и запоздалое, доказать, что ты к этому своему сослуживцу относишься лучше, чем ко многим другим? «Вы служите Короне Объединения на свой лад, не только как лекарь ОТБ, но и как сотрудник Ведомства безопасности. Однако, поверьте, меня сие нисколько не раздражает».

Он еще раз передергивает плечами. Выговаривает с расстановкой:

— Вы, мастер Чангаданг, конечно, большой знаток морских закусок. Все-то у Вас селедки и осьминоги поганые. Да только собственная Ваша дея тоже не всем по вкусу.

«Дея», арандийское дэйа. Осьминожки и кальмаровы чернила, выпускаемые в минуту опасности. А еще этим словом называется скверна в том смысле, как ее понимает единобожный обряд. То, что замутняет человеческую душу и мешает ей общаться с Богом.

Харрунга мэйанин. Восточное словечко перенял от ларбарских портовых жителей. Или по месту прежней своей жизни. По слухам, то было в городе Марбунгу. Он, разумеется, не имел в виду богословское значение этого понятия. Или наоборот? Припомнил, что в Аранде за подобные ругательства знатные господа вызывают на поединок?

«Селедка и другие закуски». Харрунга явился к тебе взыскать долг чести. Постоять за даму, которую ты обидел. Мастерша Виндвелли нынче танцует с заезжим Лунным рыцарем, а Харрунга, видя сие, решил утолить благородные побуждения собственного сердца в другом месте. Похоже, еще несколько мгновений назад он и вправду собирался драться. Сейчас ты не видишь в глазах его гнева. Только досадное осознание нелепости происходящего.

— Если бы я не считал свою мерзость именно мерзостью, я бы ею и не исходил.

Боярич Лингарраи не противник поединков как таковых. Но предпочитает сражаться на самострелах. Впрочем, кулачный бой тоже возможен. Только лучше не здесь. Отчего бы не помериться дурью с достойным противником?

— Ну, и какая Вам с того радость?

— Учитывая, что нравоучения мои не возымеют полезных последствий? Сам не знаю.

«Любой порок должен быть наказан?»

«Разумеется»

«А кто Вы такой, чтобы карать?»

«Подобная кара распространяется и на меня. Вы же здесь. Тогда на сборе я видел, как болезненны для Вас были мои слова, сказанные о Вашей коллеге. Вы понимали, что по существу я прав. А теперь пришли спросить с меня ответа за обидные выражения. И сейчас правы Вы. Что дальше?»

«А дальше... Не воображайте, будто после этих извинений я буду весь Ваш. Только таких друзей мне и не хватало».

Шаги в коридоре. Закрытая тобою дверь отворяется, в комнату входит Лидалаи. Мечтательно рассуждает сам с собою:

— С похожим случаем я сталкивался однажды в Гайанди. Младшему брату господина Коронного уполномоченного, благородному Карадарре, нанесли рану в правое подреберье. Мы уж думали — печень, а оказалось — селезенка. Такой же поворот. Местные разбойники утверждали: у людей нет сердца, и поэтому всегда били справа. А тут чуть было не попали в это самое сердце. Господин уполномоченный долго требовал потом ответа: можно ли добиться подобного поворота уже у взрослых, путем молитв или заклинаний?

Харрунга отходит от стола, направляется к двери. Молвит, обращаясь к Лидалаи:

— «Нет у сердца у людей!» Вы бы еще времена Сумаоро Юлая вспомнили. Очевидец, к умблам!

Позже Гайчи спросила у тебя: отчего это у мастера Лидалаи был такой потерянный вид? Ты рассказал: незадолго до ее возвращения в ординаторскую заходил Харрунга, и Лидалаи при нем вслух помянул некий случай, бывший около ста лет назад, во времена короля Галликко и его уполномоченного Карадарры. Харрунга посоветовал коллеге больше не допускать подобных высказываний.

— А что тут такого? Все знают, что мастер Таюрре — древлень. Вполне уже мог работать и сто лет назад.

— Да, древлень. Но по бумагам числится человеком.

Беспокойная праздничная ночь продолжалась. Под утро в ординаторскую ворвался Дангман Чамианг.

— Это был МОЙ отросток!

Очевидно, слух о редком случае уже дошел и до бальной залы.

— Почему Вы меня не вызвали? Я же был рядом!

Ты лежал на кушетке, Гайчи устроилась в кресле, придвинув к нему скамейку. Чтобы спать — не годится, но просто отдохнуть

вполне возможно. Впрочем, даже если бы вы и спали, Дангмана это бы не остановило.

Тагайчи торопливо садится. Ты же отвечаешь по-царски, не поднимаясь с ложа:

— Ваш отросток там, где ему положено находиться согласно Божьему Закону. А сами Вы еще не Исполин, чтобы вызывать Вас на операции. Мы дерзнули счесть, что справимся сами.

Чамианг не просто огорчен — расстроен:

— Аппендэктомия, конечно... Совсем несложная операция... Эка невидаль — отросток... Но все же знают, как я хотел однажды встретить его слева!

Когда он ушел, Тагайчи сказала тебе:

— Вот Вы смеетесь. А Дани ведь и вправду такое говорил: работаю тут, потому что надеюсь когда-нибудь обнаружить левосторонний отросток. Не просто «нечто этакое, необычное», а точно назвал. И вот, получается, крах всем мечтам...

— Стало быть, больше его ничто не держит в Первой ларбарской? Вероятность повторения подобного дива именно здесь в ближайшие лет сто — ничтожно мала.

— А как же Закон парных случаев?

— Разве что. Если бы я знал и верил, что после сей редкостной операции Чамианг навсегда покинет здешние стены, — пожалуй, я бы его позвал.

— С его уходом лечебница лишилась бы двух третей своего обаяния.

А еще в ту ночь балаганная собака Хиоле родила щенков. Об этом сообщил мохноног, прибежавший в лечебницу утром незадолго до сбора. Гайчи обрадовалась и заспешила ухаживать. Пока одевалась, расспрашивала:

— Шестеро? А мальчиков сколько?

— Четверо. И все разные, пегие. А одна девочка совсем белой масти.

— Ты себе уже выбрал?

— Посмотреть надо.

— А полностью черные есть?

— Один. Но с бровями будет.

— Вот прелесть-то! А какие брови?

— Еще не знаю. Но будут.

И так далее.

Она еще девчонка. Щенки, подружки, балаган... Или просто Гайчи добилась от тебя того, чего ей было надобно, и потому больше не считает нужным играть при тебе во взрослость?

Третье, восьмое, одиннадцатое Премудрой. Два дежурства в Университете и одно на Водорослевой. Особенно хлопотная ночь — третьего числа, после праздника. Шестого Гайчи у тебя. Сказала: я ненадолго.

— Испытания уже очень скоро. Нужно, в конце концов, и учебник почитать. Или... Это ничего, если я здесь, у тебя, буду готовиться?

Когда-нибудь, возможно, вы будете жить вот так. Вечером, дома, каждый занят своим делом, и все-таки вместе. Впрочем, ты не удержался от расспросов: как учат Гайчи? И сам читал ей вслух что-то из арандийского справочника по заразным болезням.

А еще она рассказывала тебе про детей собаки Хиоле.

— Смешные такие кубаречки. Одна девица у них — главная. Сама ест, остальных гоняет.

— Что вы с ними будете делать дальше? Так и поселите в театре?

— Может быть, раздадим, как подрастут. Я бы себе взяла, но — куда? Если ночами дома не бываешь... Да и не особо это разрешают в общаге.

— Однако кто-то в Школярском доме все-таки держит животных?

— Да. У тамошнего начальства это важная статья дохода. Один малый, пардвянин, даже тараканов разводит бойцовых. Про птичек-рыбок я и не говорю. Кошки есть. Но с собакой, конечно, сложнее.

— Я бы, может быть, завел у себя дома какую-то холоднокровную тварь. Ящерицу, змею или черепаху. Но их тоже надолго одних не оставишь.

— Собака, когда приходишь, хвостом виляет...

Гайчи не сказала: «Ящерицы, какая гадость». Тоже хорошо.

Утро пятнадцатого числа. Вы на Водорослевой после очередного дежурства, собираетесь уходить.

Ты знаешь: несмотря на выходной, сегодня у школяров-стажеров назначена лекция. Одна из трех в коротком обзорном курсе. Читает приглашенный наставник из Чаморры — тот самый Лунный рыцарь, чье появление на гильдейском гулянье столь потрясло воображение девушек из Первой ларбарской. Вообще свои уроки этот профессор давал естественникам и механикам, но господин Мумлачи решил приобщить к столичной науке и будущих врачей.

Кажется, Исполин ведет здесь тонкую игру. На балу он заметил: коллега из столицы был раздосадован тем, что супруга его, та самая рослая дама-химик, привлекла куда большее внимание, нежели он сам. Еще бы, если ею увлекся Дангман Чамианг! Все сослуживцы обоего пола только и следили, насколько он преуспеет в ухаживаниях. Рыцарь Лунного Круга именно сие счел обидным, о ревности речи не шло. И вот, Исполин решил в виде извинения устроить коллеге лекции в выходные дни. Всем школярам велено было прийти. «Наше юношество готово слушать Вас даже в праздник!» — исключительный почет.

— Только я туда не пойду, — молвит Гайчи.

— Почему?

Ты мог бы и не спрашивать. В последние дни она готовится к испытаниям, а ведь есть еще и дежурства. Праздники — редкая возможность выспаться, отдохнуть.

Как выясняется, дело не в этом.

— Мы договорились не ходить. Всем потоком. Лекции эти нам не обязательны, да и других дел хватает. И потом — что за низкопоклонство перед заезжей знаменитостью? Исполинский произвол.

— Я видел разработки к этим лекциям. Построено толково. И предмет, которого медикам на самом деле не хватает. «Живое тело как малая вселенная». Возможность обобщить всё, что вы изучали до сих пор, шаг к пониманию тела как целого.

— Все равно: глупо перед ним так угодничать!

— По-моему, еще глупее лишать себя чего-то полезного из чувства артельной сопричастности. Только потому, что «наши так решили».

— Мне надо быть со всеми. И так уже про меня слишком много говорят.

Ты не брался предугадывать, какую выйдет ваша с Тагайчи первая ссора. Кажется, время пришло.

— Школяры, как и любые другие люди, общим мнением толпы могут постановить нечто совсем несообразное. Например, дружно бросить Университет. И что же: непременно с ними соглашаться?

— Ну уж, до такого дело не дойдет. А слушать «общее мнение» необходимо. Мне ведь с ними вместе работать, с этой «толпой». Во всяком случае, состоять в одной гильдии.

Слишком много говорят. В том числе и о предосудительном поведении школярки Ягукко в отношении непосредственного руководителя ее практики?

— Простите. Я, наверное, требую лишнего.

«Всему виной — мой произвол как наставника.»

«Мы же договаривались — не обсуждать на работе наши личные дела!»

«Разве не ты начала этот разговор?»

«Нет! Я не имела в виду, что толкуют о нас с тобой. Только обо мне. Отличница, вечно-то ей больше всех надо. Выдвинуться стремится, ни с кем не посчитается...»

«И я тоже — одна из ступенек наверх?»

— Хорошо! Я пойду-таки на эту лекцию!

Вы разговариваете, стоя в ординаторской. Гайчи уже одета по-уличному, только сумка ее лежит на стуле. На том же стуле, на спинке, висит и твоя куртка. Гайчи резко поворачивается, хватается за ремешок сумки, сдергивает ее с сидения. Стул опрокидывается. За стуком его ты слышишь тихий хруст.

В кармане куртки были твои уличные очки. Стекло треснуло при падении. Через правую линзу идут две неровные трещины.

Тагайчи оборачивается. Решительно выхватывает очки у тебя из рук:

— Отдайте! Я все почию.

Теперь уже тебе стоит большого труда не рассмеяться:
— Для этого Вам понадобится мое личное присутствие, не так ли?

Она отвечает все еще сердито:

— Тогда пойдете.

И только на улице, по пути в мастерскую, ты вдруг понимаешь: а ведь Гайчи удалось настоять на своем! На лекцию она все-таки не пошла, пусть даже для этого пришлось разыграть небольшое представление. Даже жаль, что никто не видел!

Вы углубляетесь в восточную часть города. Там возле арандийского подворья есть мастерская по изготовлению очков. Помнится, она открыта и в выходные дни. Пострадавшие нынче очки ты когда-то заказывал в ней же же.

Утро праздничного дня в Ларбаре. На улицах никого. Пусто и в мастерской.

— Ай! — восклицает мастер, рассмотрев очки, — до чего неудачно! Давайте сделаем замеры. Если заказ срочный, извольте подождать, господин. Дело займет два или три часа. Или зайдите позже.

Отправляться домой, на Коинскую, смысла нет. Тут же придется возвращаться.

— Ступайте-ка спать, — не велишь, а просишь ты Тагайчи.

— Никуда я не пойду!

— А в кофейню? Здесь, поблизости.

Она задумалась.

— Да. Можно.

Арандийский кофе в лавочке на подворье. «Морские фонарики». В виде исключения, они одни из всех восточных сладостей к морю отношения не имеют, а делаются из теста и варенья. Просто похожи на старинные корабельные фонари.

— Как выражается Чамианг, «Истинный кавалер всегда рад просить прощения у дамы». Даже если для этого приходится провести сложную подготовительную работу...

— А истинная дама никогда не прощает сразу. Иное дело — после подготовки.

И снова мастерская. Все равно не понятно, как вести себя. Учебник по «Заразе» у Гайчи с собой. Но раскрыть его, взяться за чтение — значило бы, что вы не помирились. А говорить вслух о болезни Кве и других моровых поветриях нельзя даже здесь, в лавке оптика-арандийца. «Дурная примета», «Холера — к холере»...

— Есть такая игра, мастер: «Знаменитости». Один задумывает какое-то историческое лицо, другой отгадывает, задавая наводящие вопросы. Чтобы можно было отвечать «да» или «нет». Или «неизвестно». Может быть, сыграем?

— Давайте попробуем.

— Вот, загадайте кого-нибудь.

— Хорошо.

— Он давно жил?

— Около шестисот лет назад.

— Нет! Надо отвечать либо «да», либо «нет». Так Вы подсказываете.

— А что в таком случае означает «давно» или «недавно»?

— Недавно? Ну, скажем, лет сто назад.

— При Четвертом Объединении?

— Хорошо, будем считать по Объединениям. Так вот, около шестисот лет назад — это в Первом Объединении или уже во Втором?

— Не знаю. Возможно, и в том, и в другом. А может быть, эта личность скончалась и до 588 года. Точная дата смерти неизвестна.

— Он прославился на государственном поприще?

— Да.

— Был связан с храмами?

— В каком смысле «связан»?

— Ну, Предстоятеля тоже можно назвать государственным деятелем.

— Нет, это не жрец. Хотя определенное сотрудничество со жрецами отмечалось.

— Э-э, да кто же в шестом веке с храмами не сотрудничал! Хорошо. Этот человек относился к правящему сословию?

— Да.

— А еще чем-то занимался, кроме дел управления? Например, искусством?

— Искусством — пожалуй, нет.

— Но чем-то еще все-таки известен. Наука?

— Да, ближе к науке.

— Ремесло?

— Это занятие можно назвать и ремеслом. Впрочем, наверное, и искусством тоже.

— Что-то похожее на врачевание... Или на чародейство?

— Да, чародейство.

— Что-то я не припомню в тот век князей-кудесников.

— По-моему, Вы исходите из двух неосновательных допущений. Круг поиска значительно бы сузился, если бы были заданы два вопроса, самых простых. Из тех, что значатся в медицинской тетрадке.

— Это мужчина?

— Нет!

— Что там у нас еще... А! Это человек?

— Нет!

— Ага! Было ли у нее звериное прозвище?

— Разумеется.

— Боярыня Хиоле, Онтальская Лисица. Древленка, мастерица приворотных чар.

— За что и пострадала.

«Ты услышал имя "Хиоле" и посмотрел в словаре, кто она такая. Значит, ты помнишь все наши разговоры?»

«Конечно, помню.»

«Прочел, что судьбе ее посвящено известное балаганное "Действо о Погибели Земли Онтал"...»

«Просто мне не нравится, когда я не понимаю тебя.»

— Теперь загадывайте Вы, барышня.

— Загадала.

— Человек?

— Да. И догадываясь о следующем Вашем вопросе, сразу скажу: мужчина.

— Жил до Объединения?

— После. То есть уже при нем.

— При Первом?

— В том числе. Время примерно то же, шестой век. Давайте вообще им и ограничимся. И заграничных деятелей загадывать не будем.

— Хорошо. Ученый муж?

— Ну-у... Как уже было сказано, не без того.

— Жил в Ларбаре?

— Иногда и в Ларбаре. Особенно под старость.

— Не подсказывайте, Тагайчи. Лекарь?

— Да.

— Он любил змей? Содержал их в своем доме в несметном количестве?

— И искал полезное применение их ядам! В смысле, угодное Целительнице.

— Важное уточнение. Ибо иногда и отравители служат на пользу обществу. Но здесь иной случай. Таррилани Ларбарский.

«Слишком быстро удалось отгадать?»

— Изумительная проницательность! Теперь Ваша очередь.

— Человек. Мужчина. Время то же.

— Лекарь?

— Да.

— Состоял на храмовой службе?

— Для того времени этот признак, кажется, заменяет теперешнюю гильдейскую принадлежность. Нет, не состоял.

— То есть жрецом не был. Но работал при Красном храме?

— Нет. Ни при каком из храмов.

— По-моему, таких тогда вовсе не было.

— Он не нуждался в жреческом покровительстве. Ибо сам был достаточно близок к правящим кругам.

— Родич чей-то, что ли?

— Да, царский родич.

— Но мы же условились: за границу не загадывать.

— А Кэраэнг разве «заграница»?

— Это сейчас — нет, а тогда...

— Да, этого я не учел, считал по сегодняшним меркам. Впрочем, Царь Аранды и его семья были не единственными из высокопоставленных родичей этого врача.

— Ну, конечно: потомки царевны Джанганни, князя Диневана... Хотя был же еще этот... отец того царевича, которого женили на королевне Лэйгари. Он вроде бы возглавлял Научную Палату?

— Да. Тому-римбианг первого ранга Каруибенг.

— Так это тот самый Каруибенг, на чьи дневники Вы ссылаетесь? Странно... Никогда бы не подумала, что он — столь знатный вельможа.

— И что настолько разнообразные недуги, какие встречаются в его описаниях, были представлены всего лишь в пределах одного Царского Дворца? Хотя — три тысячи с лишним обитателей...

— Значит, все-таки можно быть одновременно врачом и большим начальником?

— Боюсь, по тем временам сановникам трех высших рангов в Аранде принадлежала слишком незначительная власть. За них правили их подчиненные. Загадывайте, Тагайчи.

— Хорошо. Мужчина. Человек. НЕ лекарь.

— Недужный?

— О, да! Он был тяжело болен.

— И ведь не спросишь, какие жалобы. Ладно, пойдем по порядку. Он страдал заболеваниями дыхательной системы?

— Нет, с этим, кажется, было все в порядке.

— Сердечно-сосудистой?

В светло-карих глазах мелькает нечто, похожее на лукавство:

— Да, в письменных источниках имеются сведения о страданиях этого сердца.

— Но, видимо, не только сердце. Пищеварение?

Гайчи задумывается.

— Вероятно, да. Вследствие недоедания.

— Великий постник?

— Исключительно силою обстоятельств.

Отчего бы это?

— Он сидел в тюрьме?

— Неоднократно.

— И при этом занимался особого рода наукой?

— Нет. Куда в большей степени — особого рода практикой.

— И считался безумным?

— Еще как считался!

Кажется, ты знаешь ответ:

— Однажды его сочинения сожгли в Ларбаре на площади Двенадцати Цветов?

Тагайчи смеется. Рада, что ты угадал?

— Тонкий вопрос. Отчасти. Но это — не Байджи Ларбарский.

Жаль. А ты уже собрался торжествовать.

— Тогда не знаю. Преступления, за которые он отбывал наказания в узилище, были должностными?

— Как сказать... Нет, едва ли. Хотя какое-то отношение к его службе они имели. В общем, наверное, так: он проявлял рвение, а начальство его не защищало.

— Рвение вплоть до смертоубийства, разбоя и так далее?

— Кровавые злодеяния? Нет, ни в коем случае!

Какие еще можно измыслить нарушения закона?

— Кражи, мошенничества?

— Это — да.

— Кто же у нас выдающиеся воры того времени, и притом тяжко больные люди... Один из подсудимых князя Вонгобула?

Гайчи качает головой. Говорит, словно пытаюсь навести на правильную мысль, но не слишком явно подсказывать:

— Он прославился не этим. Не воровством.

— Но и не недугами как таковыми? Какой-то своеобразной практикой...

— Да. Хотя и с недугами Вы до конца не выяснили.

— Зараза?

— Если верить источникам, да. Но, опять же, не она одна.

— Болезни обмена?

— Кажется, нет.

— Опорно-двигательного аппарата?

— Да! — говорится с таким видом, словно теперь-то уж ты непременно должен догадаться.

К сожалению, это не так.

— Тяжело безногому быть вором... Нет, не помню такого.

— Вы сдаетесь?

— Сдаюсь.

— Видаджани из Коина, поэт, служитель Плясуны Небесной.

«Что же ты, мастер? Ведь все так просто!»

— Да. О храме я не спросил. И напрасно. Какие-то его сочинения сохранилось?

— Сколько угодно. К тому же, все, что дошло от тех времен, в каком-то смысле — его. Он, понимаете, был одержим мыслью, что любые стихи написаны им. Даже песни Байджи Ларбарского.

— Это и был его способ воровства?

— По карманам лазать он, вроде бы, тоже умел. Только он не безногий был, а с покалеченными руками.

Видимо, Тагайчи неплохо изучила жизнеописание этого деятеля.

— А что-нибудь из собственных его стихов Вы помните?

— Так их вообще-то в школе проходят, мастер. По старомэйанской словесности. Песня про чуму в Марбунгу. Мне казалось, Вы ее помните...

— Казалось — почему?

— Не одной заразой сильна зараза, а толпой, огнем, топором, кайлом...

Твой рассказ о том, как ты испугался слова «чума» в Камбурране. Не столько самой болезни, сколько погромов. Случайно или нет, что действующее лицо из «Повести о пяти паломниках» тоже носит имя Видаджани? Или это и есть тот самый поэт? Он же — вор и соглядатай.

Еще около часа кряду Гайчи читала тебе стихи. Старинные, в переводе на новый мэйанский язык. Про беглого каторжника, вернувшегося в Коин. Про старого боярина Мичирину, влюбленного в юную девушку. Про дряхлого нищего, нашедшего хлебосольную подругу себе по возрасту. А также про любовь. Много-много строк о

любви — удачной, несчастной, естественной и не вполне. А еще о счастье быть сумасшедшим.

— Мне нравится, как Вы читаете, Тагайчи.

— А это легко читать.

Оптик появляется из своей рабочей комнаты:

— Ваш заказ, господин. Примерьте!

Очки оказались впору.

— Как по твоему, Человек: можно перенести чувства, которые испытываешь к какому-то старинному стихотворцу, на особу нынешнюю, лично знакомую?

Двадцать пятое число месяца Премудрой. Ты и Змей — дома, одни. Время перевести дух и подумать.

— Тебя раздражили песни Видаджани Коинского, и ты ищешь более насущный предмет для своего злобного чувства?

— Не я, а ты, Лингарраи. Не раздражение, а ревность. Не ищешь, потому как тут и искать нечего. Все ясно.

— «Слова чужой любви».

— Вот именно — чужой.

— Просто мне жаль, что сам я так не умею. Даже читать, не говоря уж о сочинении.

— Разумеется. У тебя же уговор: никаких любовных признаний в общественных местах. Значит, всё прозвучавшее обращено было не к тебе, а к другому. Хотя этого деятеля с вами тогда и не было, Гайчи на самом деле читала для него. Вот я и пробую понять: это твоя новая злобная выдумка? Или ты все-таки прав?

— У меня не настолько богатое воображение, чтобы измыслить нечто, вовсе не бывшее. Не известное из опыта.

— Значит, все твои подозрения и страхи — сплошная Божья истина?

— Ты у нас Бог, тебе виднее.

Сидя на подоконнике, Змей провожает взором снежинки. Тешит себя мыслью, будто это по его воле они укладываются столь ровными слоями — на откос окна, на мостовую, на козырек над крыльцом дома напротив.

— Ты думаешь, Тагайчи сегодня придет?

Не оглянувшись, он отвечает:

— Я не думаю. Я жду.

— Только не нынче, Крапчатый. У нее же завтра испытание.

Одно испытание, по «Заразе», уже миновало. Гайчи могла бы прийти после него — но как раз в тот вечер вы дежурили. Увидев тогда ее, ты спросил: «Ну, как?». «Всё превосходно», — последовал ответ. Итог не только положительный, но и закономерный. И твой вопрос был глуп. Прозвучал по-родительски. Скажи-ка, девочка, как твои успехи... Или как попытка сойти за собрата, школяра, пусть и бывшего. «Всемирное братство грамотеев»...

— Я просто смотрю, Человек. Пока ты ужинал, тут такое было!

— Какое?

— Подъезжает самобеглая махина. Дает гудок. С крыльца спускается мастерша Малуви. Фу-ты, ну-ты! Бархатное платье, башмачки с золотом на пряжках, на шее ожерелье из бриллиантов, на плечах норковая шуба. И под руку с пардвянином огромного роста, черным, как вакса, в моднящем пальто и с белым шарфиком. С виду в точности похож на высокоученого Табибаррама, изобретателя фотографии. Вышли, сели и покатили. Должно быть, на свой кудеснический бал. Не одним же лекарям развлекаться в городе Ларбаре... Из всего великолепия только мастерша, платье и махина — настоящие, а остальное — наваждение.

— Нужно же им было однажды вынести на суд коллег новейшие разработки в области выделки искусственных камней.

— Да, камней, но не мехов же! Раньше за мастершей не замечалось склонности к щегольству. Каблучки, махина, пардвянин...

— Ты предпочел бы белокурого обитателя островов Дзирра?

— Главное, чтоб не арандийского боярича.

— Ты и тут вздумал ревновать?

Змей грустно и тихо отвечает:

— Хорошо, если у нее с ее приятелем-ведуном всё это взаправду. Совместные научные занятия. И плохо — ежели сие зрелище устроено было нарочно для тебя.

— Для нас с тобою, по меньшей мере. Я в окошко обычно не глазею.

Крапчатый внял укору. Слез на пол, задернул за собой занавеску на окне. Всё ту же, отвратительного рыжего цвета. Перебрался к тебе на постель.

Теперь он уже не ехидничает, а просит:

— Прогони его!

— Кого?

— Ясно, не Табибаррама. Гайчиного газетчика.

«Прогони». То есть — сделай так, чтобы он больше не появлялся поблизости от твоей любимой женщины? Так он и не появляется. Во всяком случае, на глаза тебе ни разу не попадался. Чтобы он не мелькал в ее разговорах? А как этого добиться? Либо дать понять, что его упоминание тебе неприятно, — либо наоборот, вслух всякий раз навязчиво справляться о нем. Плохо и то, и другое.

Исключить его незримое присутствие из твоей жизни? Невозможно. Ибо оно есть не что иное как отсутствие Гайчи здесь у тебя. Думая об этом человеке, ты тоскуешь о ней.

— Сколь тонкое умозаключение, Человече.

— Этот мастер — часть ее жизни. Как я могу изгнать что-то, что принадлежит ей?

— Да зачем ей этакая «часть»? Всё наоборот: ровно настолько, насколько у нее есть он, у нее нет тебя. С тобой она о нем говорит. А с ним о тебе — по-моему, нет. И даже ни о чем, что к тебе относится: например, о работе.

— И очень хорошо, если так. Сие доказывает, что я ей намного ближе, чем он.

— Тогда зачем он ей?

— Со мной тяжело, с ним легко. Он пишет стихи. При желании, наверное, его можно подвигнуть на самые любезные ухаживания. Цветы, гостинцы, песни, выходы в свет...

— А ты старый и скучный, как известно.

— Гайчи — женщина загадочная. Я тоже не понимаю, как может нравиться он — и в то же время я. Но здесь Мэйан, Змеище. Разнообразие превыше всего.

— Мне он не нравится.

— Мне тоже. Хотя бы потому, что я не считаю, будто он столь уж выдающийся мастер своего дела. Насчет поэзии не знаю, но в газетном ремесле... Он вел беседу с лицом, прежде не замеченным в печатных выступлениях. Не с государственным мужем, не с кем-то, для кого разговоры на общие темы привычны и естественны. Нет: он выбрал именно знатока в одной, четко определенной области врачевания. И при этом задавал полностью отвлеченные вопросы. А потом изумлялся, почему ему не дают внятных ответов. Если уж ему вправду надобно было суждение хирурга, то он мог бы сам что-то предварительно почитать из доступных медицинских изданий. Выбрать, о каких операциях ему хочется узнать мое мнение. И так далее.

— И всё же ты от него чего-то ждешь.

— Пожалуй, да. Однажды он может оказаться необходим.

— Это как?

— Например, когда окажется, что Гайчи нужно дитя. Я не имею права требовать, чтобы она из-за меня отреклась от естественного хода своей женской жизни. Стало быть, когда-то о ребенке речь зайдет, и не так уж нескоро. А значит, и о муже.

— И почему именно этот малый?

— Потому что Гайчи его любит. И мы с тобой это знаем, Змей.

— А как же тогда мы?

— Как обычно: сделаем всё от нас зависящее. Может быть, в чем-то сумеем еще ей пригодиться.

Первый рабочий день после праздника Владыки.

Перед выходными, двадцать девятого числа, Исполин на утреннем сборе попросил задержаться тебя и Баланчи. Сделав большие глаза, молвил:

— Коллеги! Вы помните, что сегодня — последний день простановки оценок за стажировку нашим школярам?!

Словно бы именно вы затагнули с этим важным делом.

Впрочем, возможно, так оно и есть. Баланчи действительно мог просить благородного Мумлачи отложить это совещание. Ведь Буно так и не объявился. Да и сам господин профессор находится в не слишком удобном положении: надобно оценивать успехи собственного сына.

Исполин начинает по списку:

— Школярка Ягукко.

Кажется, подниматься с места не требуется. Ты отвечаешь кратко:

— Несомненно, «превосходно». Я должен обосновать свое мнение?

— Ах, да, вы же у нас новичок в этом деле... Нет, благодарю, Вашего решения достаточно.

Ни один из прежних твоих учеников не доучился до первой итоговой отметки за практику. Ты выгонял их раньше. Как тот средневековый наставник в стрельбе, который не брался научить, но превосходно умел отучать стрелять из самострела.

Теперь очередь профессора. Однако коллега Баланчи берет слово:

— Я также считаю возможным оценить успеваемость своего школяра, Валикко, на «превосходно». Хотя он не посещал лечебницу в последние два месяца, до этого Буно показал себя добросовестным и серьезным юношей.

Исполин пристально глядит на него. Должно быть, пробует разгадать по лицу Баланчи замыслы Охранного отделения относительно дальнейшей судьбы школяра Буно. Потом шумно вздыхает:

— Да что — «два месяца»! Один негодяй с этого же потока появился на практике во Второй лечебнице лишь единожды. И после этого у него достало наглости требовать себе положительную оценку!

Мумлачи делает очередную запись в бумагах. Продолжает, не отвлекаясь от этого занятия:

— Ну, и я также ставлю «превосходно». Распишитесь, коллеги.

Когда ты вернулся в ординаторскую, Тагайчи уже была там. Но вместо того чтобы просто забрать свою ведомость, переоделась в рабочую одежду. Сказала, обращаясь к тебе:

— Я останусь поработать. Отпуск, времени теперь много...

Ты спросил, собирается ли она после праздников съездить в Лабирран, к родителям. Почти готов был уже предложить: «Что, если я на выходных приеду к Вам туда? Познакомлюсь в Вашим ба-тюшкой...»

Гайчи ответила:

— Так я наоборот, сюда хотела походить — чтобы с утра, каждый день.

Этому ты тоже обрадовался. Каждый день вместе, хотя бы с утра и до раннего вечера. Может быть, получится вдвоем уходить домой. При ежедневной работе это выглядело бы естественно, лишних сплетен не вызвало бы...

И вот, третье число месяца Владыки. На выходных Гайчи не была у тебя. Месяц скорби и очищения? Верующим семибожникам запретны любовные утехы, и ей тоже?

Тагайчи пришла на работу заранее. Надобно обойти ваши палаты, осмотреть тех недужных, что поступили за праздники. Потом — послушать доклады на утреннем сборе.

— Доброе утро, мастер! — здороваются она хрипло. И тут же закашливается.

Ты смотришь на нее. Никаких Бенговых чудес не требуется, чтобы увидеть покрасневшие, слезящиеся глаза, опухший нос и румянец на щеках, нанесенный не морозом, а лихорадкой.

— Не следует являться на работу, если Вы больны, Тагайчи. Отправляйтесь домой.

— Со мною ничего серьезного! — отвечает она упрямо.

— Так незачем усугублять Ваше состояние. Придете, когда поправитесь.

— Но я могу работать!

«Хочу — и буду!» — написано у нее на лице.

— И тем самым подавать дурной пример недужным. Легкомыслие лекаря по отношению к своему здоровью ослабляет доверие больных к его наставлениям. Ступайте домой!

Она не стала больше спорить. Не прощаясь, развернулась к дверям и ушла. Ты немедленно пожалел о том, что сказал.

Сидя на сборе, ты не слушал ни докладчиков, ни Исполина. Характерный «легочный» румянец. А если это не просто простуда, а пневмония? Мог хотя бы послушать легкие. Или просветить на лучевой бочке. Дать противовоспалительное и жаропонижающее. Нет, отправил домой. Что, если она пришла к тебе за помощью, просто не высказала этого вслух? Хотела довериться именно тебе, а не дежурному терапевту. А ты — что сделал ты? Выгнал! «Прочь с глаз моих! Мало мне своих недужных, не хватает возиться еще и с Вами!» Ведь Гайчи могла подумать так.

— Можешь не сомневаться, тому-римбианг Лингарраи: так она и подумала.

Бенг сердито встряхивает растрепанной гривой:

— «Домой»! Это в полупустое общежитие, да? Когда все школяры разъехались на каникулы. Неизвестно, будет ли кому сходить за лекарством. Да просто — вскипятить чайник... А если ей станет совсем плохо — кто побежит за доктором?

Дальше все было еще хуже. После работы ты отправился на поиски общежития, где обитают школяры-медики. По дороге Змей продолжал:

— А если коклюш? Ты слышал, как она кашляла? А если дифтерия?

Вот, сейчас ты найдешь ее. Недуг — достаточный повод для нарушения приличий. Может быть, Тагайчи будет рада видеть тебя в своей комнате. Или рассердится, и тогда уже ты попросишь прощения сразу за всё: и за вторжение, и за давешние жесткие речи.

Ключник в общежитии, по счастью, оказался на месте. Ты узнал, где комната барышни Ягукко. Стучишься. Ответа нет. Возвращаешься к ключнику — но тот успел исчезнуть. Пробираешься отыскать кого-нибудь из соседок Гайчи. Сонная девушка в ночном балахоне отворяет на твой стук.

— Гайчи? На работе еще, наверное.

— Ушла утром и не возвращалась?

— Нет, вроде.

- «Нет» — то есть «не возвращалась»? Вы точно слышали?
- Не знаю. Наверное, я бы проснулась, если что.
- Что — «если что»?!

Школярка перемигивает всё с большим недоумением:

- А Вы... Вы, по сути дела, кто?
- По сути я как раз с ее работы.
- А что случилось?
- Это я и пытаюсь выяснить.
- Погодите... Может быть, Гайчи на «Струге»? Это школярский балаган.

Тебе долго рассказывалось, как найти сарай где-то позади отделения Механики. «Там еще надпись такая, с корабликом»...

— Сарай! Наверняка не отапливается. Или вместо печки неизвестно что. Щели, сплошные сквозняки...

Вывеска с изображением старинной ладьи на двери ветхого бревенчатого строения. Внутри подростки, в основном орочьего племени. Несмотря на холод, один из них бренчит на бандуре. Прочие сидят в кружок возле жестяной печурки на ножках. Многие курят. Как всё это заведение до сих пор не сгорело?

— Потерял чего, дядя, чего? — окликают тебя.

Ты не отзываешься.

Обратиться в участок стражи? Слишком недолгий срок безвестного отсутствия, розыск не объявят. В больницы? Где вернее всего может очутиться недужная девушка, школярка из Университета? В Первой лечебнице, в отделении Заразы или в Терапии.

— А если ей на улице плохо стало? В любую из больниц могли забрать.

— Вторая и Третья — далеко, на том берегу. Туда бы едва ли повезли. Четвертая тоже, но к ним Гайчи могла обратиться и сама.

— Вот-вот. Приехала и сказала: коллеги, в ближайший месяц я тут с вами поработаю. Каждый день. Мастер мой, правда, дежурить явится только девятого числа, но вы же меня и без него допустите, правда?

— И допустят, можно не сомневаться.

Ты попытался распределить задачи по порядку. Сейчас вернешься в Первую, спросишь там. Если ничего нового не узнаешь — поедешь на Водорослянку.

— Да, Человек. Вернешься на работу, осведомишься: «Тут у вас ученица моя, случайно, не лежит?».

— Я спрошу: не появлялась ли.

— А тебе: «Как же, положили! Вы, мастер Чангаданг, кого угодно доведете...»

К счастью или нет, но в Первой Ларбарской никто ничего подобного не сказал. Впрочем, на Водорослевой улице тоже.

Что остается: вокзал? Порт? Узнать, как часто корабли или поезда отходят на Лабирран. Могла ли Гайчи в таком состоянии уехать к родителям? Могла. Тем паче что ты недавно спрашивал, не собирается ли она их посетить этой зимой...

— Давай. Прямо к смотрителю гавани. Или железной дороги. «Не покидала ли сегодня город Ларбар самая прекрасная девушка на свете? Такую невозможно не заметить, Вы наверняка ее видели... Особые приметы: сильно простужена».

Еще есть площадь короля Ликомбо. С какой бы стати твоей ученицей заниматься Охранному отделению? А именно с той, что она — твоя ученица. Тебя, возможно, вызовут позже. Но сначала побеседуют с ней одной. После подобного разговора гайчин товарищ по учебе, Буно, бесследно исчез. Никто с тех пор ничего о нем не знает, включая, кажется, и его наставника. Даром что тот сам несет присягу в Ведомстве Безопасности.

Тут решение возможно только одно. Пойти к Ямори, попросить одного-единственного правдивого ответа. Ответа, нарушающего ее должностные правила? Да. Может сотник Малуви ради тебя поступиться ими? Могла бы, только с какой стати? Что ты предложишь взамен? «Вечную дружбу»? Пожизненные услуги лекаря для нее и ее товарища-колдуна? Будто бы она не знает, что эти обязательства перед нею ты несешь и так...

Змей говорит: яморины чародейские бриллианты, пардвянин и прочие наваждения делаются напоказ, нарочно для тебя. Он не уверен, но допускает это. Значит ли сие, что если бы ты расспрашивал о судьбе своего родича, друга, недужного, кого угодно — Ямори рассказала бы тебе правду, даже и пойдя на должностное преступление, но поскольку тут речь идет о твоей женщине, то ничего она не скажет? Вообще подобные страсти не в обычае мастерши Малуви. Но может быть, ты неправильно оцениваешь ее нрав? Или она успела измениться за те годы, что ты живешь с ней врозь?

Родственников в Ларбаре у Тагайчи, кажется, нет. А подруги? Барышни из того же балагана? Ты не знаешь ни имен, ни где они живут. Кто-то из знакомых с Водорослянки, к кому Гайчи могла бы прийти домой? Из Первой лечебницы — разве что к мастерше Магго. Но опять же, адреса тебе неизвестны.

— Почему, Лингарраи? Один адрес ты знаешь. Коинская улица, дом шесть. Может быть, Тагайчи ждет тебя там?

— С самого утра? На лестнице? Ключей-то у нее нет.

— А кто виноват, что у нее нет ключей? Вполне может быть так: она возвращалась в общежитие, побывала там, а под конец твоего рабочего дня отправилась к тебе. И вы просто разминулись, а соседка ее дура и ничего не слышала.

Трехэтажный серый дом. Окна второго этажа слева от арки, ведущей во двор. Свет в окнах. Ты всерьез надеялся, вопреки всем доводам рассудка: вот, ты придешь, а Гайчи там. Дома, ждет тебя. В конце концов, с Крапчатого Змея бы случилось — указать ей, где у тебя в квартире лежат запасные ключи. И подать мысль: надо бы их взять, сделать себе копии — так, на всякий случай. Странная выходка, конечно, но могла бы оказаться полезной. Например, если с тобой что-то скверное случилось бы однажды, и тебя долго не могли дождаться на работе. При всей твоей нелюдимости ты мог — ведь мог бы! — проявить благую предусмотрительность, и зная, что ученица твоя

человек ответственный, сам вручить ей ключи. В тот же раз, видимо, когда сообщил барышне Ягукко о своих «чудесах» и их возможных печальных последствиях.

Коинская улица. Серый дом, лиственница перед окнами. В окнах темно. И на лестнице никого. По словам квартирного хозяина, никто не заходил и о тебе не спрашивал.

— Крапчатый! Я не знаю, что дальше делать. Могу я тебя попросить?

— О чем, Человече?

— Найди ее.

— «Крапчатый, сидеть!», «Крапчатый, пошел вон!», «Крапчатый, ищи!»... Я, как ты знаешь, не проходил выучки на служебную собаку.

— Сейчас не до этого, Змей!

— О, да. Сейчас высокородный господин изволит беспокоиться.

— А ты — нет?

— Я злюсь. Потому что я знаю, где она.

И добавил:

— Посредственный газетный писатель может торжествовать: за помощью в недуге обращаются не к тебе, а к нему.

Ты предупредил домохозяина: «Если кто-то зайдет ко мне, заверьте, что я скоро вернусь, и попросите подождать. А лучше, откройте мою дверь: пусть ждут у меня».

— А кто придет-то? Чтоб я ненароком каких громил не впустил...

— Не важно. Громилы — так громилы. Тем лучше, если они расположатся у меня, а не в Вашей привратницкой.

Дело в том, что ты не поверил Змею. Он мог дать очередное подтверждение твоей ревности — и солгать. На самом деле произошло нечто совсем другое. Он мог даже вмешаться, помочь Гайчи сам, что бы с нею ни было, — но тебе ничего не сообщил. Божья кара. «Ты был занят своими сердечными терзаниями, я подкинул для них очередной повод, ты и обрадовался. И не почувял того, как...». Не почувял, что с Гайчи случилось что-то страшное. Слишком сурово, даже для Бога? Видимо, нет. Когда-то ты был сосредоточен на учебе, на лекарской службе, а в семье у тебя творилось худшее из всего, что только можно придумать. И тебя тоже могли бы предупредить. Но не предупредили. Ты обо всем узнал, когда поздно было что-то предпринимать.

Еще раз наведаться в общежитие. По новому кругу обойти две ваших с ней больницы. Ничего нового. И дома — никого и ничего.

Сейчас ты все-таки перейдешь улицу. Не станешь обращаться к Ямори как к сотнику Охранного, а попросишь ее как чародейку. Скажешь: пропала моя ученица, нигде не могу ее найти, нужна чара ясновидения.

Змей подал голос:

— Не ходи. Может быть, мастерше Малуви доставит некое злобное удовольствие то зрелище, что она увидит в хрустальном шаре.

«Любовь поэта, или Одураченный врачеватель.» И выражение твоего лица, когда ты сие увидишь. Мне — нет. Поверь: тебе тоже.

— Мне не до моих неудовольствий. Я хотя бы убежусь, что Гайчи жива и в безопасности. Или — что это не так, и тогда уже буду думать, что делать.

— А если Ямори тебе ответит: «Ясновидение невозможно»? Ты спросишь, почему. В том ли дело, что местонахождение Гайчи защищено от чародейского наблюдения?

— Это будет значить, что Гайчи вправду забрали в Охранное. Мастерше даже никаких присяг нарушать не придется.

— Или это будет значить, что мастерша не собирается заниматься решением твоих сложностей.

Впрочем, ты тоже не был уверен, сможешь ли ты поверить Ямори. Тебе нечего предложить ей — а вот Бенг с нею договориться мог бы. опередить тебя, благо его перемещения в пространстве не занимают времени. Взмолиться: «Сейчас к тебе придет Лингарраи. Будет просить о помощи. Не соглашайся, пожалуйста! Я сделаю всё, что хочешь, только не соглашайся!»

И все-таки ты пошел.

Ямори была дома. И ее коллега тоже. На сей раз — в мэянском обличи. Ты изложил цель своего прихода. Она ответила:

— Мы в последнее время слишком много занимаемся наваждениями. Это, как ты знаешь, направление чародейства, противоположное ясновидению.

— Высокоученая не берется за заказы, близко не связанные с насущным предметом изысканий?

— Дело не в этом. Я могла бы попробовать, но сначала — приведи сюда стороннего наблюдателя. Другого кудесника, который проследит за моими чарами и подтвердит тебе: да, в «хрустальном шаре» действительно явилась ясновидческая картинка, а не наваждение. Я сама такого ручательства дать не смогу, мастер Лунни тоже.

Коллега развел руками: верьте слову, не смогу.

— Кого я мог бы позвать для этого? У меня больше нет в Ларбаре знакомых-чародеев.

Ямори назвала тебе прозвание, должность и адрес какого-то мастера. По ее расчетам, он должен был быть дома, а не на службе.

— А потом станет надобен второй проверяльщик, проследить за первым... — задумчиво изрек ее напарник.

— Если ставить вопрос так, то любое исследование в любой области знаний сводилось бы к бессмыслице. И чародейство, и врачевание были бы пустой тратой сил. Но мы, кажется, исходим из допущения, что это не так? Я же не зову третьей стороны, чтобы он мне подтвердил, что вы существуете.

— А не мерещимся? Так мы и мерещиться можем.

— Я знаю. Но сейчас мне нужен ясновидец.

Ты ходил на ту улицу, которую тебе указали. Никого не застал. Вспомнил про арандийское подворье: там тоже работают чародеи. Только ночью туда почему-то не пускали.

Ты решил зайти завтра. Если только завтра Тагайчи сама не появится у тебя. Или дома. Или в Первой ларбарской. Почему-то тебе казалось: такое еще возможно.

И утром ты торопился на службу так, как давно уже не спешил. Ни здесь, в Ларбаре, ни в Камбурране. Разве что только в Валла-Марранге, очень давно.

Как выяснилось, напрасно. Гайчи не пришла ни до сбора, ни после. Ты подумал: не отпроситься ли уйти пораньше? Снова поискать того чародея, о ком говорила Ямори. Но ведь Тагайчи еще могла задержаться, объявиться позже...

Ближе к полудню ты спустился на второй этаж. Зашел в ординаторскую второй хирургии, молча сел за стол мастерши Магго. Стал дожидаться, когда она вернется из перевязочной. Сделал вид, будто не заметил тоскливо-удивленного взгляда Ягондарры, обращенного на тебя. Чуть позже сообразил: если Магго зайдет сейчас сюда, тебе придется спрашивать ее о Тагайчи при свидетелях. Или просить ее выйти вместе с тобою. Ты поднялся, медленно направился к перевязочной.

Магго — человек честный. Если твое предположение верно, она так и скажет: «Твоя ученица просила меня не говорить, где она. Но она у меня».

Магго появляется на пороге перевязочной. Немедленно попадает в объятия родственников кого-то из своих недужных, долго объясняет им, что же случилось с их кормильцем. Ты ждешь, пока закончится этот разговор. Не тут-то было. Мастершу немедленно зовет кто-то из сестер. Через четверть часа тебе все же удается окликнуть ее.

— Не знаю, — отвечает Магго. — Я Гайчи ни вчера, ни сегодня не видала. И знаешь, что, мастер? Оставил бы ты ее в покое. У детей — отпуск...

По окончании служебного дня — снова в общежитие. Гайчи не ночевала и не заходила. Оттуда — на Водорослевую. Там по-прежнему ничего не знают. Потом на подворье. Пусть ирианг даст тебе разъяснения насчет Божьей кары. И может быть, кудесник согласится помочь в ясновидении. Или сам поглядит в «хрустальный шар».

Ирианг в отъезде, на чьих-то похоронах. Помощник его посмотрел на тебя и заявил: проклятия нет, а насчет обряда очищения можем договориться. Потребуется предварительные беседы, две или три... Кудесник занят, его секретарь советует зайти завтра.

Ты отправился в семибожный храм Владычицы Врачевания.

— Я сам принадлежу к единобожной вере. Но моя ученица — будущий лекарь, семибожница. Она пропала: несколько дней уже не появлялась ни дома, ни на работе. Возможно, больна. Вы можете помочь мне найти ее?

Жрица взялась помолиться. Об итогах молитвы обещала сообщить тебе опять-таки завтра.

Назавтра Тагайчи объявилась. Просто пришла на работу. Уже не выглядит больной.

Что же всё-таки это было? Зачем было прятаться? Ребячество, желание тебе доказать свою волю? «Ты выгнал меня с работы, с моей любимой работы? Так убедись, что без меня ты сам очень скоро не сможешь работать!» Еще сутки, двое — и ты в самом деле стал бы ни на что не годен. Или попытка отделаться от тебя? «Видишь, мы не подходим друг другу. У меня своя жизнь, свои простуды. Ты, сам того не желая, признался: тебе до них дела нет. Вот и хорошо, на том и расстанемся.» Или что-то еще?

На всякий случай ты извинился перед нею за то, что позавчера, кажется, нагрубил ее соседке.

Вечером этого же дня Гайчи была у тебя, на Коинской. Объяснений, примирения не вышло. Ты промолчал. Только сказал — уже ночью, в то самое мгновение, которое называют «телесной близостью»:

— Не смей, слышишь ли, никогда не смей думать, будто я хоть когда-нибудь не думаю о тебе!

Год скоро кончится

Год скоро кончится. Не то чтобы в Ларбаре чуялось приближение весны — как раз наоборот, много дней уже стоит легкий мороз, снег лежит на улицах. Просто время побежало быстрее. Или это теперь всегда так будет — все быстрее и быстрее, по мере приближения твоей старости?

В Приморской столице снова ожидают торжества. На сей раз даже не областные, а общегосударственные. Отмечают четырехсотлетие той зимней бури, которая пригнала в Ларбар первые корабли из Пардвены. Целью их похода было изучение северной Вингары — а пришлось заняться берегами по ту сторону Торгового моря, совсем холодными землями.

Крапчатому хотелось поглядеть на большие корабли в гавани, на моряков пр полном параде. На празднование собрались адмиралы всех флотов Короны, зарубежные гости... Прибыл и высокородный Мугуи, наследник Короля: хотя он и не военный моряк, а исследователь морских животных, но и сам знаменит как первопроходец. Всех желающих в порту приглашают осмотреть новейшее достижение отечественных корабелов — управляемое устройство для глубоководных работ, созданное по заказу королевича и его коллег.

В городе заметно усиление светской жизни: заседания, парады и балы, шествия и прочее. На вашей лечебнице сие отразилось почти немедленно: полусотник королевского Почетного караула,

боярич Маррбери, в очередной раз ранен на поединке. Доставлен не в свою войсковую лечебницу, а в Первую городскую. Почему-то подобное решение считается более приличным — ибо поединки, как известно, запрещены воинским уставом и гражданским законом, однако правилами чести они настоятельно предписываются.

Странно. Шариковые самострелы позволяют определить победителя в честном бою. Дают правому утолить свой гнев унижением неправого, обойдясь при этом без ран и увечий. Но здесь они почему-то не в ходу. Правый, будто бы, обязан рисковать жизнью. Поэтому дерутся на саблях.

А к тебе приехал твой сын. Такова была воля его служебного начальства: десятник Лииранда придан в сопровождение одному из отставных военно-морских чинов Восточного флота, приглашенных на торжества. В один из вечеров Ранда получил увольнение на берег и явное указание: повидаться с родителем. Соблюсти семейные приличия, раз уж отец его сам не часто видится с ним.

Нет, сын явился к тебе на Коинскую не просто с изъяснением почтительности. И не сразу заспешил уходить. Сидел с тобою, пил кофей, говорил. Долго, напряженно. Заметил, конечно, что и тебе непросто толковать с ним, — но решимости сие ему не прибавило.

Ты бы не удивился, увидев в его глазах неприязнь. Или тихий гнев, или презрение. Редкостно дурной у человека оказался отец. Не отец — пустое место... Или скуку, желание поскорее покончить с этой ненужной беседой. Нет. Только неловкость. Во всем: и во взгляде, и в движениях.

Ты тоже на него смотрел. И обычными глазами, и с помощью Божьих чудес. Предположил: что, если скованность его происходит от дурного телесного самочувствия? Но нет, парень здоров. Выглядит совсем взрослым. Ты в его годы больше был похож на подростка, чем на отца семейства. Ранда по облику и поведению — уже не юноша, а молодой мужчина. Был бы по-настоящему красив, если бы сумел хоть немного расслабиться. Почему-то тебе показалось: он таков не только с тобою, здесь, в чужом городе, но и всегда. Может быть, кроме часов, проводимых с дедом.

По его словам, дед держится бодро. Трудится в меру сил. А сам Ранда хочет с тобою посоветоваться.

Парень излагал суть своих сомнений. Медленно и сбивчиво. Невнятица, недостойная командира, пусть еще и не слишком высокого по чину? Вероятнее всего, ты за этим и был ему нужен. Разумеется, он способен высказываться четко — на службе или при деде. Но на этом четком войсковом языке некоторых вопросов просто не задашь, нет запаса надобных слов. А гражданских собеседников у Ранды немного.

Рассказывал о том, что его заботит. Десятник Лииранда Чангданг к третьему году службы, обязательной для мужчины его сословия, осознал, на что Объединению нужна береговая оборона. Вторжения супостатов извне не будет. По крайней мере, последует оно явно не так скоро, как будет отдан другой приказ: защищать берега Объединения от внутреннего врага. В данном, рандином случае —

от рабочей и безработной молодежи города Марранга и ближней сельской округи. Причем не просто от толпы, а от бойцов незаконных гильдейских боевых отрядов. Созданием таких шаек в Аранде нынче гильдии занимаются едва ли не с большим усердием, чем своими прямыми производственными задачами. Иначе говоря, десятнику Ранде предстоит воевать против собственного народа. Имея под началом у себя родичей этих боевиков, их соседей, однокашников по школе...

Гражданская смута. Война гильдий с Королем или друг с дружкой. Или же, вероятнее всего — за Короля против дурных служителей Короны в лице Ведомства безопасности, включая и Войско, и Стражу, и Охранное отделение. Самое для Ранды отвратительное во всем этом — то, что Охранка поощряет гильдейские отряды. Якобы, сие позволяет занять хоть каким-то делом ребят, чьи рабочие руки не нужны на заводах. Избавить юношество от скуки, пьянства, хоть немного возвысить его «рабочую гордость»... В основном за счет постоянных драк с такими же безработными, если уж для поднятия гордости не имеется других способов — вроде расширения производства, создания рабочих мест, выплаты работникам жалованья, сколько-нибудь соразмерного условиям их быта... На самом деле эти отряды ведут к обращению молодых заводских парней в некое подобие слабоумного воинства трехсотлетней давности. Тех времен, когда Царство распадалось, и многие Палаты для забавы содержали боевиков-невольников. Стравливали их между собою, чтобы выжили сильнейшие, и потом их можно было использовать уже не на потешной, а на настоящей войне.

Нынешних ребят из семей крестьян и заводчан в несколько раз больше, чем всех военных, стражников и служащих Охранного вместе взятых. Пока еще они плохо вооружены, но кажется, сие — дело времени.

А отдельные ветви ведомства, призванного отвечать за безопасность, еще и разобщены между собою. Ранда и его товарищи взялись что-то против этого предпринять — даром что вековой обычай велит «войсковым» презирать «соглядатаев», насмехаться над стражниками, а тем, в их черед, ненавидеть военных... Именно от молодых командиров из Училища береговой обороны исходил замысел, исполненный этим летом в Марранге: совместные учения Войска и Охранного отделения. «Восстание в городе», бой за старые портовые склады. Сие не тайна, отец твой тебе присылал с письмом газетную статью об этих учениях.

— Ты тоже печатаешься, я читал. И тоже — о странностях гильдейской работы...

— Да, только о других. Ученая гильдия своих боевиков не держит. По крайней мере, здесь, в мэйанском Приморье.

— Зато к ее услугам школьники старших годов обучения. Не знаю, как в Ларбаре, а на Востоке во многих народных школах «гражданская оборона» — чуть ли не единственный изучаемый предмет. Объясняют это тем, что якобы ученикам всё остальное

скучно и непонятно, по скудости их умственных способностей. То ли дело — гранатами покидаться...

— Да, школьники в качестве главной наступательной силы. А также кудесники с боевыми заклинаниями и еще врачи — для помощи раненым... Нет, разумеется, межгильдейские побоища бывают и в Ларбаре. Но их жертвы лечатся в основном во Второй и Третьей больницах. Судостроители, печатники, моряки с торговых кораблей... Из заводских рабочих на долю университетской лечебницы остаются ткачи и портные — но здесь, в Мэйане, это большей частью женщины, обстановка в их среде более мирная.

— А в Четвертой больнице?

— Работники мелких гильдий, слишком бедных, чтобы держать, как ты говоришь, «рабов» для кровавой потехи. Нет, там мне обычно приходится сталкиваться с последствиями бытовых драк и уголовщины как таковой. Самодеятельной, а не наемной

Ты напомнил сыну историю вашего предка Ликарунии. Всё в той же земле Марранг двадцать столетий назад вспыхнуло восстание, горцы осадили прибрежную ставку местного боярина, а тот медлил, бездействовал. Тогда царевич Ликаруния, вопреки воле Царя, с двумя дюжинами своих челядинцев отправился в мятежную область. Так вышло, что вскоре он оказался во главе бунтовщиков, взял крепость, стал вершить суд. Покарал нескольких горцев и нескольких боярских людей, наградил доблестных воинов с обеих враждовавших сторон. За самоуправство выключен был из ближнего Царского рода, а за успехи свои как воеводы и судьи получил прозвание Джангаданг, Божья Мера.

По лицу Лииранды видно: эту повесть ему уже кто только не приводил в качестве средства избавления от сомнений. Не подействовало — ни тогда, ни сейчас. И все-таки ты продолжаешь:

— С древних времен мало что изменилось. Всегда приходится сражаться с частью своих сограждан против другой их части. Вопрос только в том, как каждый из нас проводит для себя границу между этими частями и которую сторону принимает. Где у кого «свои» и «чужие».

Ранда рассказывал тебе о своих товарищах по службе. О рядовых солдатах, за чью подготовку он отвечает. Говорится «десяток», на самом деле это тридцать шесть человек. Товарищи, соратники? На твой слух, Ранда о них отзывается скорее как о детях, чьею нянькой его назначили. Неухоженных, бедных детях, по-своему иногда весьма искренних и даже готовых самостоятельно думать, чувствовать... Но чужих.

О друзьях. Один из них — дальний родич, парень из рода Марранг, годами чуть старше Ранды. Другому около тридцати, он из семьи Мунгаи-Биан. В юности известен был как один из лучших гимнастов и акробатов Объединения, выиграл много состязаний. Сейчас исполняет в Береговом Училище должность наставника по гимнастике.

— Но с ним так: можно нынче толковать о важных вещах, прийти к полному согласию, а назавтра он все свои доводы разнесет в клочья, столь же последовательно, как вчера их обосновывал.

— Та же акробатика, только в области умственной?

— Вот-вот.

— А зачем это ему?

— Не понимаю. Наверное, чтобы доказать: ничто на свете нельзя принимать слишком близко к сердцу. Ибо всё относительно.

— Превосходная точка зрения для мудреца. Но для военного... Как возможно при этом нести присягу?

— В том-то и дело.

— А что высокородный Марранг?

— Тот говорит: ничего, даже если мы с тобой, Чангаданг, очутимся на войне по разные стороны фронта. Ты же знаешь: всё равно я всё для тебя сделаю, возможное и невозможное, а ты — для меня... И это даже лучше, ежели по разные стороны: если что, я тебя вытащу из плена или откуда уж там, — или ты меня...

— Дружба превыше воинского долга?

— Примерно так.

Этих двоих Ранда тоже любит — и тоже не считает «своими». Отвечает за них, как и за тех новобранцев, кого опекает. Однако опереться на них не получается.

Что же до работяг и недавних поселян, городской вооруженной бедноты... На всех меня одного не хватит, сказал он. Но, может быть, следует дослужить еще год и уйти из войска, хотя бы на время? Получить гражданское образование политехника, чтобы работать потом на заводе — войсковым представителем или старшим по безопасности...

— Если хочешь понять этих людей, рядовых гильдейцев из рабочих гильдий, то Политех тебе ничего не даст. Разве что некоторое знание о грамотеях. Имело бы смысл войти в самую рабочую среду. Потому что выучиться чему-то можно только на практике.

Кому ты это советуешь? Бояричу Чангадангу? «Идти в народ» — дело по-своему весьма достойное, только явно не для него. Билиронг, наверное, смог бы. Некоторые другие твои знакомые из бывшей Царской родни тоже могли и действительно занимались этим. Ранда не сумеет, даже если будет очень стараться. Как не сумели бы и ты, и твой отец.

Ты мог бы предложить сыну: переезжай в Ларбар. Поступай учиться здесь, в Политехнический или в Университет на отделение Механики. Здесь ты для всех будешь прежде всего арандийцем, а бояричем — во вторую или третью очередь. Проще будет сойтись с людьми не столичного и не военного круга.

Ранда не сможет так надолго оставить деда? Так пусть перебирается вместе с ним. Слишком чужой город для старика-боярина Лиратани Чангаданга? Иное течение времени, иная скорость жизни — опаснее непривычной погоды и еды, страшнее расставания с привычным окружением?

«Не на кого опереться»... Твой отец всегда искал опору только в самом себе. Искал и находил. Окружение? Друзей у него нет, только бывшие и нынешние сослуживцы. Двое самых верных людей из челяди — их бы он взял с собой, они тоже одиноки, с семьями давно живут врозь, если эти семьи и были. Быт, привычки? Но от этого отец никогда по-настоящему не зависел. Всё нужное — в собственном сердце.

Он гораздо лучше тебя ладит с людьми. Учтивее, мягче, занимательнее как собеседник. Всё затем, чтобы на внутреннюю его жизнь не посягали, вообще не касались ее. Ибо самодостаточность — великое сокровище, о коем не должны знать посторонние.

Любовь? Прежде всего человеку нужна любовь того существа, от общения с которым уклониться невозможно, то есть себя самого. Если такая любовь есть, то без прочего можно обойтись.

Женился в свое время, потому что так установлено Законом Бенгова дома. Собственной потребности в семье, в детях — не имел. Ты помнишь: когда он впервые столкнулся с твоими «чудесами», отец был рад. Очень рад. «У мальчишки будет чем себя занять». Значит, ребенку не придется посягать на отцовское сердце. «Только таким и мог быть мой сын, чтобы мы с ним могли не стать несчастьем друг для друга». Велика Божья милость... Отец самой глубокой любовью любит тебя именно за это: за то, что ты не вторгался и не вторгаешься в его жизнь.

Гибель второго внука, распад твоей семьи — всё это отец принял как Божий вызов. Сможет ли он, Лиратани, один вырастить мальчика, вот этого Ранду, не утратив своего сокровища, самодовлеющего сердца? И при этом — не сделав дитя ни несчастным, ни слабоумным, ни сумасшедшим? Он смог. Вот уже пятнадцать лет Ранда составляет главное содержание его жизни. И Ранда не мешает ему. Уже никогда не помешает, что бы с ними обоими ни случилось.

Обида на тебя — есть ли она у Ранды? По Божьему Закону должна быть. Ты бросил его, ты высказал его матери самое страшное обвинение, и тебе Ранда не нужен. Не потому, что никто не нужен, как деду, а потому что не нужен именно он. Или всё-таки не так? Может быть — потому, что тебе не надобен никто кроме Бенга, рандиноного меньшого братишки?

— Я мог бы ему объяснить... Всё это объяснить... Но Ранда совсем, совсем меня не слышит! Будто меня нету. Как ты думаешь, Лингарраи, почему так? Не отгораживается, не сопротивляется — просто не замечает.

— А что, если ему сие тоже не надобно? Чувство присутствия Змея рядом. Тебя или любого другого из Змеев Царского дома. Знает он о тебе наверняка, пусть и не от меня. Дед же тебя слышит?

— Слышит. Хотя ему нужды во мне уж точно нету.

— А если знает, то и Ранде рассказал о тебе.

— Конечно.

— Как по-твоему: он согласился бы перебраться сюда?

— Лиратани? Только если бы решил, что Ранда этого хочет и ты хочешь. Потому что и тебе, и Ранде важна любовь извне. В том числе и от него. Он сие признает.

— А я не хочу. Потому что не надеюсь на столь же мирное совместное существование, какое нам удастся поддерживать сейчас, пока мы живем порознь. Ясно, что в одном доме мы жить не стали бы и здесь. И всё же — когда это один город, когда в любой день можно зайти друг к другу в гости...

— Да уж. Не видется проще, когда расстояния больше.

— По-настоящему я понять отца никогда не мог, и сейчас не могу. Да, хорошо: всё найти в себе. Не нуждаться ни в людях, ни в Змиях, ни в любви, ни во вражде, ни в уважении, ни в отвращении. Но чем-то твое сердце должно же быть занято, чтобы возможно было жить только им, этим сердцем?

— Всё у него есть. Тебе нужны другие люди, хотя бы и немногие, да еще чтобы они сами добивались твоего благорасположения. А Лиратани... Вот представь: у тебя есть кто-то, кто тебе нравится. Просто нравится. Как, скажем, люди из больницы: Алила или Тава.

— Тава — это Харрунга?

— Ну, да. Так и у Лиратани такие люди тоже есть, и их гораздо больше. Но он, в отличие от тебя, ни за что им этих своих чувств излагать не стал бы. «Знаете, вы служите поводом для моих размышлений и сердечных переживаний...» Именно потому, что подобных признаний он не делает никому, он может с этими дорогими ему людьми общаться вполне по-хорошему. К их радости и к собственному спокойствию.

— А мне сие не всегда удается. Пример — недавняя отповедь от того же Харрунги.

— И от Алилы, когда она тебе посоветовала выйти из образа безумного ученого, одержимого страстью наставничества.

— О, да. А что Ранда? Ему тоже нужны люди, «свои» люди. И он уже знает даже, какими именно они будут. Но, по-моему, пока это лишь умозрительные создания, не живые. За живых можно тревожиться, отвечать за них, трудиться ради них, но любить — не получается?

— В этом он похож на тебя. Ты осуществления своей умозрительной мечты ждал, как я помню, больше двадцати лет.

— Так что, видимо, у Ранды всё еще впереди.

— Но ты не позовешь его жить с тобою?

— А ты этого хотел бы?

— Ты же знаешь: да. Если бы речь шла только о моем хотении — да. Но дело в тебе.

— Не позову. И предлагать не буду. Я не знаю, чем бы я мог помочь ему.

— И знать не хочешь.

— Может, и так. Не чувствую, что ему нужно от меня, кроме общей поддержки. А она возможна и при житье в разных городах.

— То есть тебя он на расстоянии слышит?

— Через почту, как и все, кто владеет грамотой. Для срочных нужд есть еще телеграф.

— Змии уже и ни к чему. Пережиток средневековья.

— О, нет. Гораздо более ранних, допрежних времен.

Крапчатый снова ревнует? На сей раз уж вовсе бестолково. «С братом моим толкуют уже целых два часа, а со мной — каких-то пятнадцать лет, да и то с перерывами...»

Что бы ты делал, как бы ты сейчас жил, если бы с тобою была твоя семья — супруга и двое сыновей? Если допустить, что обитали бы вы здесь, в Ларбаре? Вчера, когда Ранда написал тебе, что придет, вы с Бенгом обсуждали предстоящий разговор. И среди прочего Змей задал и этот вопрос.

— Или если бы Тагайчи приехала учиться в Кэраэнг, а мы все жили бы там?

Допустить, что свершилось великое чудо Божье. Бенг родился человеком. Выжил, вырос. Отменило бы это твой разрыв с Тэари? Нет. Ты не простил бы ей, что она могла погубить вашего с ней ребенка, всё сделала для этого. Но разъезда, развода могло и не быть. И семья уцелела бы. До поры, когда...

— Если бы Тагайчи была моей ученицей, здесь или там?

— Ага. Приходила бы к тебе в дом, как положено — к наставнику...

— Тогда, Змеище, я молился бы сразу о трех чудесах. Будучи главою достойного семейства, я ведь молился бы, совершая домашний обряд? Так вот, первое чудо: чтобы у барышни Ягукко не было предубеждения против подростков старшего школьного возраста. Второе: чтобы у моего мальчишки хватило храбрости влюбиться в нее. Не в духе обычной ребяческой дури, а всерьез. И третье — чтобы сам я решился попросить барышню составить счастье моего сына.

— Именно младшего? Не Ранды? С ним-то они почти сверстники...

— Твоё, Бенг.

— А она бы сказала: ну, и на что мне это маленькое самодовольное пресмыкающееся?

— И после этого уже от тебя зависело бы — добиться ее любви. Рано или поздно у тебя бы это получилось. Думаю, получилось бы.

— А сам ты ни о чем не жалел бы?

— О том, что мой младший сын жив и жизнеспособен?

— Прости, Человече. Я несу чушь.

Сейчас ты припоминаешь всё это, вместо того чтобы задать сыну подобающий отеческий вопрос. Намерен ли Ранда жениться, и если да, то кого бы хотел назвать невестой? Ты не спросишь. Хотя, если ты в ближайшие месяцы соберешься узаконивать свой развод, то Ранде лучше бы поторопиться со сватовством. Много в Кэраэнге таких невест, чья родня отвергнет жениха из «скандальной» семьи. Впрочем, о распаде брака рандиных родителей известно и так. Как и о «несчастье» с его братишкой много лет назад. Не слишком завидный жених — боярич Лииранда. Но если речь идет о девушке не

Царского рода, то всё намного проще. И лучше будет, если будущие свекор со свекровью будут уже разведены, а не разведутся сразу после свадьбы своего сына.

— И тебе не важно, кого из женщин любит сам Ранда?

— Важно, Змей. По-моему, пока никого.

— Влюбленный доктор чует чужие сердечные тайны насквозь?

Или ты полагаешь, что в этом вопросе сын тебе бы уж точно доверился?

— Не знаю. Ты за то, чтобы спросить его об этом?

— Не сейчас. Пусть я сколь угодно ревнивая каракатица, но не говори потом, что я еще и раззява. Гайчи идет сюда.

— К нам? Сейчас?

— А что, нынче какой-то особенный вечер? Ты ее не предупредил, что к тебе приедет сын. Мог бы, но не догадался.

— А ты?

— От твоего имени, да? Чтобы она спросила: «Мастер, неужели подобные сообщения обязательно передавать силою чар? Вам что, вслух выговорить стыдно?»

— И была бы права.

Звонок в дверь. Ранда глядит вопросительно:

— У тебя дела?

— Да, у меня дела: встреча с тобою. Надеюсь, на службе не стряслось чего-то серьезного. Если стряслось — не взыщи, мне придется уйти.

— Конечно.

Как складно ты врешь, когда приводится случай врать самым родным для тебя людям.

Тагайчи на пороге. Замечает всё сразу: яркое освещение в комнате, воинский плащ на вешалке в прихожей, незнакомые ботинки на полу.

— Ко мне приехал Лииранда. Прибыл на годовщину Пардвянского похода, зашел повидаться.

Обида? Страх? Понимание? Сочувствие?

— Есть хорошие новости, мастер. Буно объявился! Выпустили его: тоже к годовщине, наверное.

— В каком он состоянии?

— Оброс бородой и похудел сильно, а в общем, вроде бы, ничего. Собирается срочно приходить испытания: оказывается, его не отчислили.

— Хорошо.

— Ладно, я побегу.

Сказав это, Гайчи обнимает тебя за шею, крепко-крепко целует — и убегает.

Ты возвращаешься в комнату. Подходишь к окну.

Ранда мог решить: ты здесь, в Приморье, ведешь какие-то дела с местными крамольниками. Откровенно ты сыну рассказать об этом не можешь, ибо за тобою ведется слежка. Но вероятно, в беседе ты не раз на это намекал... К тебе поздним вечером заходят сообщить,

что кого-то откуда-то «отпустили». Из тюрьмы? Из Охранного отделения?

Лингарраи Чангаданг, мозг ларбарского подполья.

Между тем, чуть только Гайчи вышла из подъезда, как на улице ее перехватили. Тот самый Табибаррам из дома напротив. Широким взмахом руки пригласил зайти — туда, к ним, то есть к мастерше Ямори. Тагайчи согласилась.

— Однажды это должно было произойти.

— Да.

Беседуют они не в комнатах Ямори, а внизу, в гостевой зале рядом с привратницкой. Окна на улицу, шторы не задернуты, ты можешь видеть: Ямори сидит у стола, Гайчи стоит перед нею, Табибаррам ждет в дверях.

Проходит минуты две, не больше. Потом Тагайчи выходит. Одна. Яморин коллега-кудесник не следует за нею — ни открыто, ни в незримом облиции. Спокойным шагом Гайчи направляется в сторону реки.

— Ты и сейчас откажешься проводить ее, Крапчатый? Напомнишь мне, что ты не служебная собака?

Ответа нет. Только на повороте улицы на мгновение сверкнет золотой чешуею змеиная спина. В самом деле: если чародейку Ямори сопровождает в ее поездках по городу светило зарубежной науки, умершее лет двадцать тому назад в трех тысячах верст отсюда, — то почему следом за барышней Тагайчи не может ходить по улицам незримый арандийский Змей полуторасаженной длины? Кто увидит, тому же хуже.

Сыну ты скажешь:

— Возможно, имело бы смысл в ближайшие месяцы изучить, какие в Объединении есть наставники-политехники. Не учебные заведения, а люди. Если я верно понял, то тебе важно понимать именно людей, а махины и научные формулы — дело второстепенное. У вас в Марранге есть книгохранилище, какие-то книги можно выписать из Кэраэнга. Отчасти по печатным работам можно понять, как эти люди относятся к своим сотоварищам по ремеслу. Если кто-то тебе вчуже понравится, напишешь ему, посоветуешься лично. Разумеется, всё это может оказаться весьма обманчиво. Когда меня приглашали работать сюда, в Ларбар, мой будущий начальник показался мне едва ли не полным моим единомышленником. На деле оказалось совсем по-другому. Но сие говорит лишь о моем легковерии, и я бы не стал выводить отсюда обобщений. Время у тебя есть, попробуй. Может быть, подберешь себе кого-то в учителя. И тогда я сделаю, что надобно для твоего поступления на учебу: соберу грамоты о гильдейской льготе, об оплате и прочем.

Назавтра, одиннадцатого числа месяца Владыки. Ты понимаешь: объяснения не миновать. От Змея ты знаешь, что Гайчи благополучно добралась к себе в общежитие. Сегодня ты перед сбором спросил ее: «Все в порядке?». Она ответила: «По-моему, да. А у Вас?» — «По-моему, тоже». Тут кто-то тебя окликнул...

На сборе всё было относительно спокойно — пока в залу не ввалился один из недужных. Обычно, хотя двери там и не запирают, больные не стремятся послушать, о чем без них совещаются доктора. Полусотник Маррбери оказался чуть ли не первым подобным гостем на твоей памяти. Прошагал к председательскому столу, никем не остановленный.

Больничная одежда, колченогая походка конника. Всклощенные темные волосы, растрепанные усы. В глазах — выражение «праведного бешенства».

Он в упор уставился на профессора. Молвил:

— Ваш поступок низок!

Похоже, Исполин и сам не понял, о чем идет речь. Дальнейшие объяснения полусотник желал вести наедине со своим обидчиком. Профессор поспешил покончить с делами и распустить коллег по рабочим местам, а сам с недужным остался в зале.

Немедленно начались домыслы. Какое оскорбление мог нанести глава лечебницы этому своему благородному подопечному?

Оказалось, Чамианг-младший давеча на дежурстве застал полусотника в состоянии, близком уже не к бешенству, а к настоящему буйству.

— Нынче он еще поостыл...

— А в чем дело-то?

— Сверкал зубами, за отсутствием сабли. Требовал удовлетворения...

— От тебя?

— Как можно? Я же простолюдин... Дело в том, что некая знатная дама имела несчастье отдать свое сердце господину полусотнику.

— Прямо здесь?

— То-то и оно, что нет. Еще заранее. И теперь хотела проведать раненого. Ничего не вышло: явилась она сюда днем, ее, конечно, не пустили. А у нее то ли родители, то ли муж злой, вечером вырваться сложно.

— И что?

— Ушла в слезах. Но к пяти часам вернулась. Какое-никакое, а свидание получила. Маррбери от нее услышал, как днем ее отсюда выставили, и раскипятился.

Врачи университетской больницы весь день обсуждали, что же теперь будет. Станет ли Исполин рубиться с полусотником на саблях или стреляться. Кого господин Мумлачи выставит поединщиком, если сам по старости лет не решится драться. Сына своего Робирчи? Заместителя по безопасности? Айхади, как преданный ученик, сказал будто бы, что готов отстаивать честь учителя в любом бою — хоть пешем, хоть конном! Видимо, тогда уже на тяжелых копьях, как в Средние века.

Обсуждали, кого из жрецов города Ларбара позвать для освящения поединка. Собирались просить королевича Мугуи примирить супостатов, пусть даже он и не имеет права суда. Строили

предположения, кто возглавит больницу в случае, если Исполин падет жертвой... Подходили и к тебе:

— Господин Чангаданг, говорят, Вы в молодости дрались на дуэлях, знаете, как это делается...

— Могу изложить правила сражения на шариковых самострелах.

— Да что правила? Сами самострелы-то у Вас есть?

— Сие оружие имеет то преимущество, что им невозможно воспользоваться, не зная правил.

Ты почти всю прошедшую ночь настраивался на серьезный разговор с Тагайчи. И вот, ничего не получилось. К концу дня профессор примирился с полусотником. Принес свои извинения и распорядился, чтобы к господину Маррбери посетителей допускали в любое время суток, как к тяжелобольному.

После трех часов к Магго поступил недужный, она попросила Гайчи помочь ей на операции. Ты какое-то время ждал. Рабочий день кончился. Ты погодил еще немного, потом вышел из лечебницы. Решил, что менее нелепо будешь выглядеть, дожидаясь Гайчи на остановке трамвая. Прошло примерно полтора часа. Магго и Тагайчи вышли вместе, пошли пешком вдоль трамвайных рельсов. Ты не стал догонять.

Ты замерз. Завтра дежурство на Водорослевой, то есть Гайчи не придет к тебе сегодня вечером. Коллега Магго, судя по всему, намерилась потихоньку переманить у тебя твою ученицу. И Змея ты опять не представил, хотя совсем было собрался... Всё вместе складывается в один очевидный вывод: пойти домой и напиться.

Совместить все доступные удовольствия. Горячую ванну, зелье и торжественный смотр всем обидам. За каждую обиду по чарочке. Змей деятельно участвует:

— Тебя спросили про твою «молодость», будто ты уже ветхий старец. Это раз.

— И были в общем-то правы...

— Твоего возлюбленного начальника чуть не зарубили на поединке. Это два.

— И за что! Ладно бы еще за одну из его многочисленных глупостей. Но за то, что в подведомственном ему учреждении соблюдается хотя бы одно правило внутреннего распорядка...

— Всего один! А дальше?

— Я наивно полагал, будто могу надеяться на Ямори как на кудесницу. Она же, по сути, отказалась мне помочь. «Приведи чародея» — это я его должен искать? Уговаривать явиться? Могла бы хотя бы дать мне записку к этому своему знакомому. Это — три.

— Тебя никто не понимает. Ни коллеги по работе, ни родственники, ни любимая женщина. Возможно именно потому, что ты и не стремишься, чтобы тебя поняли. Это-то и обидно. Твое желание быть загадочным и непонятым.

Тебе не нравится, когда ты чего-то не понимаешь в словах или поступках Тагайчи. Ты расспрашиваешь ее, справляешься в словарях. Может быть, ей также досадно не понимать тебя. И в то же

время, угадав твое настроение, она не слишком любопытствует. Уважая твое право на таинственность. Но при этом проводит время с другими, с теми, чьи желания и дела ей понятны. Ведь это так приятно — давать нуждающимся то самое, что им нужно. Это — четыре.

— А бывают еще такие продажные души, кто готов пожелать всё равно чего, лишь бы этим можно было занять время и силы другого человека. Не просто: «Я болен и одинок, мне и супчика никто не сварит» — а еще и множество других потребностей, от любовных до театральных. Девушка может почувствовать себя редкостно разносторонней личностью: и то я умею, и это, да еще и вот это...

— Ладно, Человече, пусть ты будешь смешон. Но хотя бы однажды — пусть Гайчи узнает, как ты ждешь ее на улице, как ищешь по всему городу... В общем, про все твои глупости влюбленного.

— А если это окажется не смешно, а противно?

— Тогда зачем делать то, что ей противно, пусть даже и тайком от нее?

— А как же тогда наше с тобой поведение летом и в начале осени? Если бы Гайчи узнала про все наши глупости, ей было бы гадко. И мы это знали. Нас сие не остановило.

— Так было раньше. Но теперь-то... И потом, бывают гадости от страсти, они простительны. От несчастной любви. Но сейчас она разве «несчастливая»?

— Да, Крапчатый. Такая вот несчастная взаимная любовь. Это — пять.

Ямори вызвала Тагайчи к себе именно вчера — почему? Потому, что ты недавно просил ее найти тебе эту девушку. Ты вынудил сотника Малуви заставить тебя объясниться с Гайчи.

— И после этого ты говоришь, что Ямори тебе не настоящий друг?

— Настоящий. По принуждению. Я же не пошел и не попросил: слушай-ка, Ямори, уговори меня раскрыть мою тайну... Нет. Я именно что не оставил мастерше выбора.

— А у тебя со всеми друзьями так, Лингарраи.

Кроме, может быть, твоей троюродной сестры, она же супруга. Ее ты никогда ни к чему не мог приневолить. Из-за этого ты и ненавидел ее. Она свое, прежде всего — свое дитя решила вынашивать без помощи ученых и священников. Это был ее выбор. А ты попрекал ее твоим сыном.

— Да, если бы троюродный брат и супруг боярышни Тэари винил ее в гибели ее собственного дитяти, это была бы уж вовсе неопостижимая жестокость. Ты от этого воздержался. Так хотя бы она может жить.

Ну, вот и всё. Если считать поштучно, то не так уж и много у боярича Лингарраи причин для злости. Само по себе это повод для того, чтобы заснуть довольным.

Двенадцатое число. Ночь на Водорослевой улице.

— Я должен поговорить с Вами, Тагайчи.

Она кивает: «Да, сейчас — самое время». И поясняет:

— Позавчера я была в доме напротив. Эта женщина хотела обсудить со мною Ваши дела. Те, которые связаны с чудесами.

— Да, сотнику Малуви поручен надзор за мной.

— Я поняла. Но я хочу, чтобы об этом мне рассказали Вы, а не она. Поэтому разговор с нею пока отложен.

И воля эта была так крепка, что сломала планы Охранного отделения. Или дело в том, что женщина всегда поймет женщину?

— Чудеса заключаются в следующем. Во-первых, при должном сосредоточении я могу видеть сквозь ткани живого существа очаг поражения. Это считается особого рода «ясновидением». Видеть не причины, не развитие недуга и не его возможный исход, а только нынешнее состояние пораженного органа. А во-вторых, иногда мне удается давать недужным наставления относительно их собственных действий, надобных для выздоровления. Я могу произносить это таким образом, что слова мои воспринимаются как приказ, который невозможно нарушить. Требуется лишь мое сосредоточение и достаточная податливость воли того, с кем я говорю. Сие называется «внушением». Откуда это берется? На Востоке говорят, что из-за родства с Царским домом. Врожденные сверхъестественные способности. Разумеется, бесполезные, если не иметь при этом лекарской подготовки. Потому меня так рано и взяли на обучение. Хотя в семье среди ближайшей родни у нас и не было лекарей. У других потомков Мемембенга встречаются и другие особые свойства — пригодные для кудесничества как такового, или для стражничьей, воинской службы, занятий музыкой...

— Но Вы же хотели стать врачом?

— В пять лет не хотел. И вообще не задумывался ни о чем таком. Учиться мне нравилось. А по-настоящему «быть» лекарем захотел уже довольно поздно, после Университета, когда работал под началом Дангенбуанга.

— Чем они опасны, эти чудеса?

— Наверное, тем же, чем и все прочие проявления сверхъестественного: ими сложно управлять. И непросто вовремя остановиться. Наступает «одержимость». Считается, что чем меньше человек в этом состоянии осознает свои действия, тем больше прибывает сил. И чудесных, и обычных, волевых. Ненадолго. Но за это время чудотворец может наделать немало бед. Поэтому нужен присмотр извне и собственные навыки сдерживания.

— «Ненадолго». А что потом?

— А потом все плохо. В случае моем и моих родичей человек постепенно приобретает телесные свойства Змея. Понижается температура тела, урежается дыхание, замедляется сердцебиение. Пропадает слух, изменяется цветное зрение. Исчезает возможность мигать — это, как правило, и становится заметным в первую очередь. Если не принять нужных мер, подобные изменения становятся необратимыми. То есть оборотничество останавливается на промежуточной стадии между человеком и ящером. Прожить в таком состоянии можно несколько часов или суток.

— И если это вдруг начинается, что может сделать наблюдающий?

— Самое первое и простое — проверить счетчик Саунги. Когда его показания превышают 850, это — одержимость. Общепринятые меры безопасности для окружающих, срочный вызов кудесника, применение средств, снимающих чары, если такие средства имеются. У меня счетчик Саунги расположен в оправе очков, внутри с правой стороны. Вот, видите? Сейчас 803. Около 800 — мой обычный уровень излучения. Если до одержимости не доходит, но близко к ней, то может помочь очнуться резкий толчок, сильный шум, прикосновение к чему-то очень холодному или очень горячему.

— Понимаю...

— Для снижения уровня есть особые зелья и бытовые средства. Например, крепкий алкоголь или табак.

— И кофей?

— Нет, кофей, к сожалению, таким образом не действует. В качестве других способов понизить повседневный уровень чар еще советуют прогулки на свежем воздухе. И «не волноваться». Чего, кажется, невозможно достичь.

— А можно мне еще спросить?

— Да, конечно.

— То, что Вы видите, — это как? Как на лучевой бочке?

— Нет, скорее, как хирург на операции. Или как патологоанатом. Не очертания, а весь измененный орган или ткань. Не затемнение или разрежение, а все изъяны. Не черно-белым, а в цвете.

— Всегда, на кого ни посмотрите?

— Нет, если захочу и если смогу сосредоточиться.

Тагайчи задумывается на какое-то время. Потом говорит:

— Вы могли бы сказать всё и раньше... Для меня это ничего не меняет.

Тагайчи — верный человек. Уж если привелось полюбить вот такого — значит, будет с ним, что бы ни случилось. Подумаешь, оборотень... Беда не из редких, со всяким может статья.

Ни ужаса, ни отвращения, ни жалости. Растерянность? Да, конечно. Иного трудно было бы ожидать.

Нет смысла угадывать, какие выводы она сделает из услышанного. Придет время, ты сам всё узнаешь.

К утру время не пришло. Днем тринадцатого числа тоже. И вечером. И четырнадцатого. И следующим утром.

В три часа пополудни пятнадцатого числа Тагайчи — на крыльце дома 11 по улице Коинской. Беседа с мастершей Малуви на этот раз занимает час и десять минут, включая чай и плюшки. В четыре двадцать ты отворяешь дверь своей квартиры. Смотришь, как Гайчи поднимается по лестнице.

Неведомо который час. За шторами темно, но зимою темнеет рано..

— Я не должен был с тобой так...

— Как?

— Как с портовой девкой. Прости.

По крайней мере, ты вел себя, как человек. Как обычный человек, если ты хоть отчасти представляешь себе повадки сей породы существ. Какие уж там восточные любовные изыски... Грубо и просто, не отвлекаясь на подробности.

— Ничего, мастер. Наверное, каждой женщине нужно иногда почувствовать себя «портовой девкой».

На изголовье, там же, где твои наручные часы, лежит теперь серебряная монетка на шнурке. Изображение коронной ланги времен Второго Объединения. На одной стороне каштановый лист, на другой узор из дибульских букв, герб Королевства. Такие продают сейчас всюду в Ларбаре, для гостей Приморской столицы. Эта, гайчина денежка не простая: буквы при нажатии слегка вдавливаются. И тогда на все ближайшие караульные службы Охранного отделения идет тревожный сигнал. «Первому, кто услышит: срочно требуется помощь кудесника». Гостинец Гайчи от мастерши Малуви.

О беседе в доме напротив тебе рассказано не было. Ты знаешь только то, что подслушал Змей и счел надобным сообщить тебе.

— Когда Тагайчи уходила, она сказала так: «Я не должна Вас благодарить». Как по-твоему, что сие значило?

— «Я знаю, Вы делаете то, что делаете, не для меня, а ради него. Потому что Вы, мастерша, его любили. И еще любите, может быть.»

— Женщина всегда поймет другую женщину, так?

— Мастер! А это правда, что Исполина просили задержать в лечебнице господина Маррбери, пока «высокие гости» из города не разъедутся?

— Излишняя предосторожность. Полусотнику и так следует пробыть в больнице до полного выздоровления. Повторные ранения, как ты знаешь, заживают гораздо медленнее.

— Да, он же только на Старца от нас выписался... А как ты думаешь, хорошо будет смотреться сине-лиловое с «серебристыми льдинками»?

— О чем это ты?

— Мы с мастершей Алилой для ее дочки выбрали такую ткань на платье. Минору на Рогатого уже в Университет пойдет, так надо — в новом наряде.

— Минору, дочка мастерши Магго?

— Да, она на Естественное в этом году поступила.

— Молодец.

— Главное, что не на певицу пошла учиться. А то были такие опасения. Она хорошо поет. Особенно вместе с Чабиром.

— Так, стало быть, вы выбирали ткань как раз вечером того дня, когда случился переполох с Маррбери? Я видел, вы вместе с Магго направлялись куда-то. С весьма заговорщическим видом.

— Где это ты нас мог видеть?

- С трамвайной остановки.
- И что ты там делал в такое время? Мне сказали, ты давно ушел...
- Ушел. И в виде исключения даже не заходил в Терапию спросить про тебя.
- А в Заразу? В аптеку, на кухню?
- Нет. Просто ушел и ждал на остановке, когда ты выйдешь. Гайчи обнимет тебя. Легонько проведет рукой по голове, будто утешая. «Какой же ты болван у меня, мастер!»
- Минору и вправду молодец. У нас на «Струге» одна девочка в будущем году школу кончает. Так она наголо остриглась, ходит в черном и поступать собирается в Марди на богослова. Такой шум из-за этого... Батюшка ее решил, будто это в балагане ее обратили к семибожной Черной вере. Может быть, теперь и действия не будет совсем.
- Лицедеев в чем-то обвиняют? Грозятся закрыть театр?
- Нет, из обвинения ничего не вышло. Просто — скандал... И все перессорились. А скажи: когда твой сын уезжает?
- Сразу после праздников. Завтра вечером, если сумеет выбраться, зайдет попрощаться. Что, если я тебя с ним познакомлю?
- Не знаю. Это не будет ему неприятно?
- Не следует мерить всех восточных жителей по моей мерке. Если бы даже он огорчился, разозлился — юноша с кэраэнгским воспитанием ни за что бы этого не показал.
- Беда же не в том, проявит Лииранда свою неприязнь или нет, а в том, что он почувствует на самом деле. Пожалуй, еще не время...
- Вообще-то мы с ним уже, можно сказать, виделись. Позавчера он приходил к нам на «Струг».
- Лииранда? Зачем?
- Разыскивал мастера Ниаррана — поблагодарить за твою беседу с «Доброхотом». Сказал: «Мы с дедом прочли. Порадовались». Так это печально прозвучало... Понятно: порадовались не тому положению дел, какое ты описал, а тому, что это вышло в печати.
- И что же?
- В учтивости, наверное, тоже очень много от лицедейства. Столько всего суметь вложить в одну коротенькую фразу...
- Дедова выучка. Ему по службе постоянно приходилось говорить одно, чтобы выразить нечто совсем другое.
- Такое и у тебя часто встречается.
- Значит, вы беседовали втроем. Как и в прошлый раз...
- Да, как тогда в Доме Печати. И с той же долей неловкости. Да я еще и так одета была, что лучше бы...
- Одета — как?
- У меня там по действию роль кабацкой певицы.
- А о чем действие?
- О князе Гаямулли Миджирском. Только, скорее всего, оно уже не выйдет.
- Почему? Из-за скандала с той девушкой?

— Да. А жалко. Столько на него сил потратили...
— Получается, Ранда уже знает, что ты моя ученица?
— Нет. Кажется, я не называлась.
— Может быть, не сейчас, но когда-нибудь, позже, ты споешь для меня?
— Хорошо. Только это не будет песня из действия. Они все про войну или крамолу. Да, наверное, действительно — не сейчас.

Долгая ночь любви.

Не потомок Мемембенга, не оборотень, не человек, не животное. Ничто. Бывает и так: ни рассудка, ни тела, ни сердца не остается в Любви. Где-то на дальнем краю твоей воли ты помнишь, чего тебе нельзя, никак нельзя допустить. И так же смутно, но все-таки понимаешь, что не сдержишься. Ведь это больше не твое тело, не твоя воля, здесь только она, эта женщина, во всем Божьем мире — одна она, больше ничего. Ну и не страшно. Есть руки, губы и глаза. Есть голос, не важно чей, и чьи-то старые, старые слова:

— Государыня моя Царица... Свет Неба моего, тепло камней, дыхание нехоженого Моря... Жизнь моя, счастье моё, Тагайчи...

— Я знаю, Государю отвечают стихами... Я не смогу сейчас... Нет... Не то, совсем не то, конечно, но — вот...

И в самом деле, это были стихи. Мэйанские стихи о любви, написанные ею. Обращенные к тебе.

— Господи Единый! Вот сейчас бы и умереть!

— Зачем тебе умирать? Будешь любить, жить.

— Змей... Лучше, чем сейчас, не было и не будет, никогда и нигде.

— Много еще разного будет, Человек.

И всё как раньше. Зимний рассвет, твоя женщина рядом с тобой. Твоя ладонь у нее на груди.

— Странное ощущение. Прикасаюсь к тебе, а будто бы — ты ко мне, вот здесь. Осязательное наваждение.

— Никакое не наваждение, Человече. Так теперь будет. И не только когда ты с нею.

— Еще одна чудесная способность?

— Да, и такая, что потруднее прежних. Будешь чутать то, что чувствуют твои больные под твоими пальцами.

— И под ланцетом — тоже?

— Да, если захочешь. Правда, тебе наркоза никто давать не будет.

Пусть так. В чудесах волен Бог. У тебя будет еще время подумать, что с ними делать.

Гайчи отвечает тебе:

— Наверное, это значит, что я уже — немножко ты. А ты — немножко я.

Какое там «немножко»...

— Можно, я опять тебе сознаюсь во вранье? Точнее, в недоговорке?

— О чем?

— О чудесах. Они не только мои. Божьи, конечно, но и здесь, по эту сторону жизни, я сам бы с ними не мог управиться. Есть еще одно живое создание.

— Кто?

— Змей. Бенг из дома Божьей Меры.

— Кто это?

— Я, сколько ни думал, не знаю, как это объяснить словами. Если можно... И мне, и ему очень бы хотелось, чтобы ты его увидела. Если ты не против.

— Здесь и сейчас?

— Да.

— Если это зависит от меня... Да. Не против. Он-то меня видит?

— Видит и собирается заговорить. Только очень боится и смущается.

Гайчи ждет несколько мгновений.

— Я не знаю, как помочь. Если бы я хоть чуть-чуть понимала, что это, как это бывает...

— Вот так.

Змей сидит возле изголовья. Гайчи ближе дотянуться до него, чем тебе.

Она его слышит. Смотрит на тебя, потом туда, куда смотришь ты...

— Ой!

— Вот это я. Бенг.

— Я тебя помню. Ты уже пробовал...

— Несколько раз.

— Да. Пытался поговорить. Только я не понимала, что это ты.

— Зато теперь...

Он склонил было голову, выгнул шею — его обычная просьба погладить — и остановился, замер, не доведя движения до конца.

Тагайчи поднимает руку. Проводит ладонью по его гриве.

— Ты такой красивый...

— Ты! Ты самая-самая красивая!

— Оба вы учтивые кавалеры. Но ладно — человек, у людей порою странные вкусы. А ты? Как может Змею нравиться этакий вид?

Отвечаешь ты:

— Конечно, может. Потому что он тоже любит тебя. И тоже влюблен. Да у него и у самого веснушки — видишь, сколько? Так его и зовут: Крапчатый Бенг.

— На самом деле, Златопестрый, Кариндеаи. Это он на мэйанский так переводит. Ты веришь, что я есть?

— Конечно. Ты же улыбаешься? Значит, есть.

Стихи Тагайчи Ягукко
к мастеру Лингарраи Чангадангу

Лето 1118 г. Об.

Однажды
(очень и очень давно)
Ты сказал Ей:
«Я люблю тебя!»,
И мне не досталось Тех Слов,
Которые Произносят Единожды.

*Я знаю, что мне не услышать тех слов,
Но мне все равно моя жизнь не наскучит,
Я вижу, как врезавшись в стекла очков,
Стал солнечным зайчиком солнечный лучик,
И как с серебристой сражаясь рекой,
Над строгим виском он забьется отчаянно.
Еще я могу прикоснуться рукой
К твоей – и отпрянуть. Как будто случайно...*

*А после под редким осенним дождем
Бродить по Ларбару, не видя ненастья,
И думать, и думать с улыбкой о том,
Как завтра с утра я скажу тебе: «Здрассьте!».
Их будет так много, безоблачных дней,
Что я позабуду, как счастье зыбко,
И стану украдкой следить за твоей
Такой невеселой, нечастой улыбкой.*

*Я буду мечтать с наступленьем зари
О том, как с тобой мы, наверное, могли бы...
Спасибо за все, что ты мне подарил,
За то ж, чего не было – тоже спасибо.
И только слова – их так трудно сказать,
Что голос сорвется на шепот горячий, –
Тебе не нужны; и я буду молчать.
Как жалко! ведь мир от них стал бы богаче...*